ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

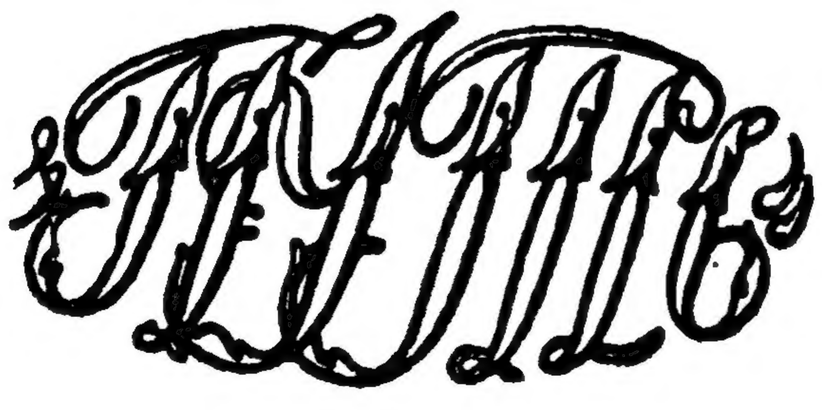
СОЧИНЕНІЙ

И. В. КИРѢЕВСКАГО

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. ГЕРШЕНЗОНА



Томъ II

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1911.

Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина.

(1828).

Отдавать себѣ отчетъ въ томъ наслажденіи, которое доставляютъ намъ произведенія изящныя,—есть необходимая потребность и вмѣстѣ одно изъ высочайшихъ удовольствій образованнаго ума. Отъ чего же до сихъ поръ такъ мало говорятъ о Пушкинѣ? Отъ чего лучшія его произведенія остаются неразобранными *), а вмѣсто разборовъ и сужденій слышимъ мы одни пустыя восклицанія: „Пушкинъ поэтъ! Пушкинъ истинный поэтъ! Онѣгинъ поэма превосходная! Цыганы мастерское произведеніе!“ и т. д.? Отъ чего никто до сихъ поръ не предпринялъ опредѣлить характеръ его поэзіи вообще, оцѣнить ея красоты и недостатки, показать мѣсто, которое поэтъ нашъ успѣлъ занять между первоклассными поэтами своего времени? Такое молчаніе тѣмъ непонятнѣе, что здѣсь публику всего менѣе можно упрекнуть въ равнодушіи.—Но, скажутъ мнѣ можетъ быть, кто имѣетъ право говорить о Пушкинѣ?—

Тамъ, гдѣ просвѣщенная публика нашла себѣ законныхъ представителей въ литературѣ, тамъ не многіе, законодательствуя общимъ мнѣніемъ, имѣютъ власть произносить окончательные приговоры необыкновеннымъ явленіямъ словеснаго міра. Но у насъ ничей голосъ не лишній; мнѣніе каждаго, если оно составлено по совѣсти и основано на чистомъ убѣжденіи, имѣетъ право на всеобщее вниманіе. Скажу болѣе: въ наше время каждый мыслящій человѣкъ не только можетъ, но еще обязанъ выражать свой образъ мыслей передъ лицомъ публи-

---

*) Все, что въ Сынѣ Отечества, Дамскомъ Журналѣ, Вѣстникѣ Европы и Московскомъ Телеграфѣ было сказано до сихъ поръ о Русланѣ и Людмилѣ, Кавказскомъ Плѣнникѣ, Бахчисарайскомъ Фонтанѣ и Онѣгинѣ, ограничивалось простымъ извѣщеніемъ о выходѣ упомянутыхъ поэмъ, или имѣло главнымъ предметомъ своимъ что либо постороннее, какъ напр. романтическую поэзію и т. п.; но собственно разборовъ поэмъ Пушкина мы еще не имѣемъ.

ки,—если, впрочемъ, не препятствуютъ тому постороннія обстоятельства; ибо только общимъ содѣйствіемъ можетъ у насъ составиться то, чего такъ давно желаютъ всѣ люди благомыслящіе, чего до сихъ поръ, однакоже, мы еще не имѣемъ, и что, бывъ результатомъ, служитъ вмѣстѣ и условіемъ народной образованности, а слѣдовательно, и народнаго благосостоянія: я говорю объ общемъ мнѣніи. Къ тому же все, сказанное передъ публикою, полезно уже потому, что сказано: справедливое—какъ справедливое; несправедливое—какъ вызовъ на возраженія.

Но говоря о Пушкинѣ, трудно высказать свое мнѣніе рѣшительно; трудно привесть къ единству все разнообразіе его произведеній и пріискать общее выраженіе для характера его поэзіи, принимавшей столько различныхъ видовъ. Ибо, выключая красоту и оригинальность стихотворнаго языка, какіе слѣды общаго происхожденія находимъ мы въ Русланѣ и Людмилѣ, въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, въ Онѣгинѣ, въ Цыганахъ и т. д.?—Не только каждая изъ сихъ поэмъ отличается особенностью хода и образа изложенія (**la manière**); но еще нѣкоторыя изъ нихъ различествуютъ и самымъ характеромъ поэзіи, отражая различное воззрѣніе поэта на вещи, такъ что въ переводѣ ихъ легко можно бы было почесть произведеніями не одного, но многихъ авторовъ. Эта легкая шутка, дитя веселости и остроумія, которая въ Русланѣ и Людмилѣ одѣваетъ всѣ предметы въ краски блестящія и свѣтлыя, уже не встрѣчается больше въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта; ея мѣсто въ Онѣгинѣ заступила уничтожающая насмѣшка, отголосокъ сердечнаго скептицизма, и добродушная веселость смѣнилась здѣсь на мрачную холодность, которая на всѣ предметы смотритъ сквозь темную завѣсу сомнѣній, свои наблюденія передаетъ въ каррикатурѣ, и созидаетъ какъ бы для того только, чтобы черезъ минуту насладиться разрушеніемъ созданнаго. Въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, напротивъ того, не находимъ мы ни той довѣрчивости къ судьбѣ, которая одушевляетъ Руслана, ни того презрѣнія къ человѣку, которое замѣчаемъ въ Онѣгинѣ. Здѣсь видимъ душу, огорченную измѣнами и утратами, но еще не измѣнившую самой себѣ, еще не утратившую свѣжести прежнихъ чувствованій, еще вѣрную завѣтному влеченію,—душу, растерзанную судьбою, но не побѣжденную: исходъ борьбы еще зависитъ отъ будущаго. Въ поэмѣ Цыганы харак-

теръ поэзіи также совершенно особенный, отличный отъ другихъ поэмъ Пушкина. Тоже можно сказать почти про каждое изъ важнѣйшихъ его твореній.

Но, разсматривая внимательно произведенія Пушкина, отъ Руслана и Людмилы до пятой главы Онѣгина, находимъ мы, что при всѣхъ измѣненіяхъ своего направленія, поэзія его имѣла три періода развитія, рѣзко отличающихся одинъ отъ другаго. Постараемся опредѣлить особенность и содержаніе каждаго изъ нихъ, и тогда уже выведемъ полное заключеніе о поэзіи Пушкина вообще.

Если по характеру, тону и отдѣлкѣ, сроднымъ духу искусственныхъ произведеній различныхъ націй, стихотворство, какъ живопись, можно дѣлить на школы, то первый періодъ поэзіи Пушкина, заключающій въ себѣ Руслана и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній, назвалъ бы я *періодомъ школы Итальянско-Французской*. Сладость Парни, непринужденное и легкое остроуміе, нѣжность, чистота отдѣлки, свойственныя характеру Французской поэзіи вообще, соединились здѣсь съ роскошью, съ изобиліемъ жизни и свободою Аріоста. Но остановимся нѣсколько времени на томъ произведеніи нашего поэта, которымъ совершилось первое знакомство Русской публики съ ея любимцемъ.

Если въ своихъ послѣдующихъ твореніяхъ, почти во всѣ созданія своей фантазіи вплетаетъ Пушкинъ индивидуальность своего характера и образа мыслей, то здѣсь является онъ чисто *творцомъ-поэтомъ*. Онъ не ищетъ передать намъ свое особенное воззрѣніе на міръ, судьбу, жизнь и человѣка; но просто созидаетъ намъ новую судьбу, новую жизнь, свой новый міръ, населяя его существами новыми, отличными, принадлежащими исключительно его творческому воображенію. Отъ того ни одна изъ его поэмъ не имѣетъ той полноты и оконченности, какую замѣчаемъ въ Русланѣ. Отъ того каждая пѣснь, каждая сцена, каждое отступленіе живетъ самобытно и полно; отъ того каждая часть такъ необходимо вплетается въ составъ цѣлаго созданія, что нельзя ничего прибавить или выбросить, не разрушивъ совершенно его гармоніи. Отъ того Черноморъ, Наина, Голова, Финнъ, Рогдай, Фарлафъ, Ратмиръ, Людмила, словомъ, каждое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ (выключая, можетъ быть, одного: самаго героя поэмы), получило характеръ особенный, рѣзко образованный и вмѣстѣ глубокій. Отъ того,

наблюдая соотвѣтственность частей къ цѣлому, авторъ тщательно избѣгаетъ всего патетическаго, могущаго сильно потрясти душу читателя; ибо сильное чувство несовмѣстно съ охотою къ чудесному-комическому, и уживается только съ величественно-чудеснымъ. Одно очаровательное можетъ завлечь насъ въ царство волшебствъ; и если посреди плѣнительной невозможности что нибудь тронетъ насъ не на шутку, заставя обратиться къ самимъ себѣ, то прости тогда вѣра въ невѣроятное! Чудесное, призраки разлетятся въ ничто, и цѣлый міръ небывалаго рушится, исчезнетъ, какъ прерывается пестрое сновидѣніе, когда что нибудь въ его созданіяхъ напомнитъ намъ о дѣйствительности. Разсказъ Финна, имѣя другой конецъ, уничтожилъ бы дѣйствіе цѣлой поэмы: какъ въ Виландовомъ Оберонѣ одинъ,—впрочемъ, одинъ изъ лучшихъ отрывковъ его,—описаніе несчастій главнаго героя, слишкомъ сильно потрясая душу, разрушаетъ очарованіе цѣлаго, и, такимъ образомъ, отнимаетъ у него главное его достоинство. Но неожиданность развязки, безобразіе старой колдуньи и смѣшное положеніе Финна разомъ превращаютъ въ каррикатуру всю прежнюю картину несчастной любви, и такъ мастерски связываютъ эпизодъ съ тономъ цѣлой поэмы, что онъ уже дѣлается одною изъ ея необходимыхъ составныхъ частей. Вообще можно сказать про Руслана и Людмилу, что если строгая критика и найдетъ въ ней иное слабымъ, невыдержаннымъ, то конечно не сыщетъ ничего лишняго, ничего неумѣстнаго. Рыцарство, любовь, чародѣйство, пиры, война, русалки, всѣ стихіи волшебнаго міра совокупились здѣсь въ одно созданіе и, не смотря на пестроту частей, въ немъ все стройно, согласно, *цѣло*. Самые приступы къ пѣснямъ, занятые у пѣвца Іоанны, сохраняя вездѣ одинъ тонъ, набрасываютъ и на все твореніе одинъ общій оттѣнокъ веселости и остроумія.

Замѣтимъ, между прочимъ, что та изъ поэмъ Пушкина, въ которой всего менѣе встрѣчаемъ мы сильныя потрясенія и глубокость чувствованій, есть однакоже самое совершенное изъ всѣхъ его произведеній по соразмѣрности частей, по гармоніи и полнотѣ изобрѣтенія, по богатству содержанія, по стройности переходовъ, по безпрерывности господствующаго тона, и, наконецъ, по вѣрности, разнообразію и оригинальности характеровъ. Напротивъ того Кавказскій Плѣнникъ, менѣе всѣхъ остальныхъ поэмъ удовлетворяющій справедливымъ требованіямъ

искусства, не смотря на то, богаче всѣхъ силою и глубокостію чувствованій.

Кавказскимъ Плѣнникомъ начинается *второй періодъ Пушкинской поэзіи*, который можно назвать *отголоскомъ лиры Байрона*.

Если въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкинъ былъ исключительно *поэтомъ*, передавая вѣрно и чисто внушенія своей фантазіи; то теперь является онъ *поэтомъ-философомъ*, который въ самой поэзіи хочетъ выразить сомнѣнія своего разума, который всѣмъ предметамъ даетъ общія краски своего особеннаго воззрѣнія и часто отвлекается отъ предметовъ, чтобы жить въ области мышленія. Уже не волшебниковъ съ ихъ чудесами, не героевъ непобѣдимыхъ, не очарованные сады представляетъ онъ въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, Онѣгинѣ и проч.—жизнь дѣйствительная и человѣкъ нашего времени съ ихъ пустотою, ничтожностію и прозою дѣлаются предметомъ его пѣсень. Но онъ не ищетъ, подобно Гете, возвысить предметъ свой, открывая поэзію въ жизни обыкновенной, а въ человѣкѣ нашего времени—полный отзывъ всего человѣчества; а, подобно Байрону, онъ въ цѣломъ мірѣ видитъ одно противорѣчіе, одну обманутую надежду, и почти каждому изъ его героевъ можно придать названіе *разочарованнаго*.

Не только своимъ воззрѣніемъ на жизнь и человѣка совпадается Пушкинъ съ пѣвцомъ Гяура; онъ сходствуетъ съ нимъ и въ остальныхъ частяхъ своей поэзіи: тотъ же способъ изложенія, тотъ же тонъ, та же форма поэмъ, такая же неопредѣленность въ цѣломъ и подробная отчетливость въ частяхъ, такое же расположеніе, и даже характеры лицъ по большей части столь сходные, что съ перваго взгляда ихъ почтешь за чужеземцевъ-эмигрантовъ, переселившихся изъ Байронова міра въ творенія Пушкина.

Однакоже, не смотря на такое сходство съ Британскимъ поэтомъ, мы находимъ въ Онѣгинѣ, въ Цыганахъ, въ Кавказскомъ Плѣнникѣ и проч. столько красотъ самобытныхъ, принадлежащихъ исключительно нашему поэту, такую неподдѣльную свѣжесть чувствъ, такую вѣрность описаній, такую тонкость въ замѣчаніяхъ и естественность въ ходѣ, такую оригинальность въ языкѣ, и, наконецъ, столько національнаго, чисто Русскаго, что даже въ этомъ періодѣ его поэзіи нельзя назвать его простымъ подражателемъ. Нельзя однакоже допустить и того, что

Пушкинъ случайно совпадается съ Байрономъ; что воспитанные однимъ вѣкомъ, и, можетъ быть, одинакими обстоятельствами, они должны были сойтись и въ образѣ мыслей и въ духѣ поэзіи, а слѣдовательно, и въ самыхъ формахъ ея; ибо у истинныхъ поэтовъ формы произведеній не бываютъ случаіины-ми, но также слиты съ духомъ цѣлаго, какъ тѣло съ душою въ произведеніяхъ Творца. Нельзя, говорю я, допустить сего мнѣнія потому, что Пушкинъ тамъ даже, гдѣ онъ всего болѣе приближается къ Байрону, все еще сохраняетъ столько своего особеннаго, обнаруживающаго природное его направленіе, что для вникавшихъ въ духъ обоихъ поэтовъ очевидно, что Пушкинъ не случайно встрѣтился съ Байрономъ, но заимствовалъ у него, или лучше сказать, невольно подчинялся его вліянію. Лира Байрона должна была отозваться въ своемъ вѣкѣ, бывъ сама голосомъ своего вѣка. Одно изъ двухъ противоположныхъ направленій нашего времени достигло въ ней своего выраженія. Мудрено ли, что и для Пушкина она звучала не даромъ? Хотя, можетъ быть, онъ уже слишкомъ много уступалъ ея вліянію, и—сохранивъ болѣе оригинальности, по крайней мѣрѣ въ наружной формѣ своихъ поэмъ, придалъ бы имъ еще большее достоинство.

Такое вліяніе обнаружилось прежде всего въ Кавказскомъ Плѣнникѣ. Здѣсь особенно видны тѣ черты сходства съ Баіі-рономъ, которыя мы выше замѣтили; но расположеніе поэмы доказываетъ, что она была первымъ опытомъ Пушкина въ произведеніяхъ такого рода; ибо всѣ описанія Черкесовъ, ихъ образа жизни, обычаевъ, игръ и т. д., которыми наполнена первая пѣснь, безполезно останавливаютъ дѣйствіе, разрываютъ нить интереса и не вяжутся съ тономъ цѣлой поэмы. Поэма вообще, кажется, имѣетъ не одно, но два содержанія, которыя не слиты вмѣстѣ, но являются каждое отдѣльно, развлекая вниманіе и чувства на двѣ различныя стороны. За то—какими достоинствами выкупается этотъ важный недостатокъ! Какая поэзія разлита на всѣ сцены! Какая свѣжесть, какая сила чувствъ! Какая вѣрность въ живыхъ описаніяхъ! Ни одно изъ произведеній Пушкина не представляетъ столько недостатковъ и столько красотъ.

Такое же, или, можетъ быть, еще большее сходство съ Баіі-рономъ является въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ; но здѣсь искуснѣйшее исполненіе доказываетъ уже большую зрѣлость поэта.

Жизнь гаремская также относится къ содержанію Бахчисарайскаго Фонтана, какъ Черкесскій бытъ къ содержанію Кавказскаго Плѣнника: оба составляютъ основу картины, и, не смотря на то, какъ различно ихъ значеніе! Все, что происходитъ между Гиреемъ, Маріею и Заремою, такъ тѣсно соединено съ окружающими предметами, что всю повѣсть можно назвать одною сценою изъ жизни гарема. Всѣ отступленія и перерывы связаны между собой однимъ общимъ чувствомъ; все стремится къ произведенію одного, главнаго впечатлѣнія. Вообще, видимый безпорядокъ изложенія есть неотмѣнная принадлежность Байроновскаго рода; но этотъ безпорядокъ есть только мнимый, и нестройное представленіе предметовъ отражается въ душѣ стройнымъ переходомъ ощущеній. Чтобы понять такого рода гармонію, надобно прислушиваться къ внутренней музыкѣ чувствованій, рождающейся изъ впечатлѣній отъ описываемыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ самые предметы служатъ здѣсь только орудіемъ, клавишами, ударяющими въ струны сердца.

Эта душевная мелодія составляетъ главное достоинство Бахчисарайскаго Фонтана. Какъ естественно, гармонически, восточная нѣга, восточное сладострастіе, слилися здѣсь съ самыми сильными порывами южныхъ страстей! Въ противоположности роскошнаго описанія гарема съ мрачностію главнаго происшествія виденъ творецъ Руслана, изъ безсмертнаго міра очарованій спустившійся на землю, гдѣ среди разногласія страстей и несчастій, онъ еще не позабылъ чувства упоительнаго сладострастія. Его поэзію въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ можно сравнить съ восточною Пери, которая, утративъ рай, еще сохранила красоту неземную; ея видъ задумчивъ и мраченъ; сквозь притворную холодность замѣтно сильное волненіе души; она быстро и неслышно, какъ духъ, какъ Зарема, пролетаетъ мимо насъ, одѣтая густымъ облакомъ, и мы плѣняемся тѣмъ, что видѣли, а еще болѣе тѣмъ, чѣмъ настроенное воображеніе невольно дополняетъ незримое. Тонъ всей поэмы болѣе всѣхъ другихъ приближается къ Байроновскому.

За то, далѣе всѣхъ отстоитъ отъ Байрона поэма Разбойники, не смотря на то, что содержаніе, сцены, описанія, все въ ней можно назвать сколкомъ съ Шильйонскаго Узника. Она больше каррикатура Байрона, нежели подражаніе ему. Боннивиръ страдаетъ для того, чтобы

Спасти души своей любовь;

и какъ ни жестоки его мученія, но въ нихъ есть какая-то поэзія, которая принуждаетъ насъ къ участію; между тѣмъ какъ подробное описаніе страданій пойманныхъ разбойниковъ поселяетъ въ душѣ одно отвращеніе, чувство, подобное тому, какое произвелъ бы видъ мученія преступника, осужденнаго къ заслуженной казни. Можно рѣшительно сказать, что въ этой поэмѣ нѣтъ ничего поэтическаго, выключая вступленія и красоту стиховъ, вездѣ и всегда свойственную Пушкину.

Сія красота стиховъ всего болѣе видна въ Цыганахъ, гдѣ мастерство стихосложенія достигло высшей степени своего совершенства и гдѣ искусство приняло видъ свободной небрежности. Здѣсь каждый звукъ, кажется, непринужденно вылился изъ души и, не смотря на то, каждый стихъ получилъ послѣднюю отработку, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ или трехъ изъ цѣлой поэмы: все чисто, округлено и вольно.

Но соотвѣтствуетъ ли содержаніе поэмы достоинству ея отдѣлки? — Мы видимъ народъ кочующій, полудикій, который не знаетъ законовъ, презираетъ роскошь и просвѣщеніе, и любитъ свободу болѣе всего; но народъ сей знакомъ съ чувствами, свойственными самому утонченному общежитію: воспоминаніе прежней любви и тоска по измѣнившей Маріулѣ наполняютъ всю жизнь стараго Цыгана. Но зная любовь исключительную, вѣчную, Цыганы не знаютъ ревности; имъ непонятны чувства Алеко. Подумаешь, авторъ хотѣлъ представить золотой вѣкъ, гдѣ люди справедливы, не зная законовъ; гдѣ страсти никогда не выходятъ изъ границъ должнаго; гдѣ все свободно, но ничто не нарушаетъ общей гармоніи, и внутреннее совершенство есть слѣдствіе не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природнаго. Такая мысль могла бы имѣть высокое поэтическое достоинство. Но здѣсь, къ несчастію, прекрасный полъ разрушаетъ все очарованіе, и между тѣмъ какъ бѣдные Цыганы любятъ *горестно и трудно*, ихъ жены, *какъ вольная луна, на всю природу мимоходомъ изливаютъ равное сіянье.* Совмѣстно ли такое несовершенство женщинъ съ такимъ совершенствомъ народа?—Либо Цыганы не знаютъ вѣчной, исключительной привязанности; либо они ревнуютъ непостоянныхъ женъ своихъ, и тогда месть и другія страсти также должны быть имъ не чужды; тогда Алеко не можетъ уже казаться имъ страннымъ и непонятнымъ; тогда весь бытъ Европейцевъ отличается отъ нихъ только выгодами образо-

ванности; тогда, вмѣсто золотаго вѣка, они представляютъ просто полудикій народъ, несвязанный законами, бѣдный, несчастный, какъ дѣйствительные Цыганы Бессарабіи; тогда вся поэма противорѣчитъ самой себѣ.

Но, можетъ быть, мы не должны судить о Цыганахъ вообще по одному отцу Земфиры; можетъ быть, его характеръ не есть характеръ его народа. Но если онъ существо необыкновенное, которое всегда и при всякихъ обстоятельствахъ образовалось бы одинаково, и, слѣдовательно, всегда составляетъ исключеніе изъ своего народа; то цѣль поэта все еще остается неразгаданною. Ибо, описывая Цыганъ, выбрать изъ среды ихъ именно того, который противорѣчитъ ихъ общему характеру, и его одного представить предъ читателемъ; оставляя другихъ въ неясномъ отдаленіи:—то же, что, описывая характеръ человѣка, приводить въ примѣръ именно тѣ изъ его дѣйствій, которыя находятся въ разногласіи съ описаніемъ.

Впрочемъ, характеръ Алеко, эпизоды и всѣ части, отдѣльно взятыя, такъ богаты поэтическими красотами, что если бы можно было, прочтя поэму, позабыть ея содержаніе и сохранить въ душѣ память одного наслажденія, доставленнаго ею; то ее можно бы было назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній Пушкина. Но въ томъ-то и заключается отличіе чувства изящнаго отъ простаго удовольствія, что оно дѣйствуетъ на насъ еще больше въ послѣдующія минуты воспоминанія и отчета, нежели въ самую минуту перваго наслажденія. Созданія, истинно-поэтическія, *живутъ* въ нашемъ воображеніи; мы забываемся въ нихъ, развиваемъ неразвитое, разсказываемъ недосказанное и, переселяясь такимъ образомъ въ новый міръ, созданный поэтомъ, живемъ просторнѣе, полнѣе и счастливѣе, нежели въ старомъ дѣйствительномъ. Такъ и Цыганскій бытъ завлекаетъ сначала нашу мечту; но при первомъ покушеніи присвоить его нашему воображенію, разлетается въ ничто, какъ туманы Ледовитаго моря, которые, принимая видъ твердой земли, заманиваютъ къ себѣ любопытнаго путешественника и при его же глазахъ, разогрѣтые лучами солнца, улетаютъ на небеса.

Но есть качество въ Цыганахъ, которое вознаграждаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ за нестройность содержанія. Качество сіе есть большая самобытность поэта. Справедливо сказалъ авторъ Обозрѣнія Словесности за 1827 годъ *), что въ сей поэмѣ за-

*) См. 1-й N Моск. Вѣстн. 1828 года.

мѣтна какая-то борьба между идеальностью Байрона и живописною народностью поэта Русскаго. Въ самомъ дѣлѣ: возьмите описанія Цыганской жизни отдѣльно; смотрите на отца Земфиры не какъ на Цыгана, но просто какъ на старика, не заботясь о томъ, къ какому народу онъ принадлежитъ; вникните въ эпизодъ объ Овидіѣ,—и полнота созданій, развитая до подробностей, одушевленная поэзіею оригинальною, докажетъ вамъ, что Пушкинъ уже почувствовалъ силу дарованія самостоятельнаго, свободнаго отъ постороннихъ вліяній.

Всѣ недостатки въ Цыганахъ зависятъ отъ противорѣчія двухъ разногласныхъ стремленій: одного самобытнаго, другаго Байроническаго; посему самое несовершенство поэмы есть для насъ залогъ усовершенствованія поэта.

Еще болѣе стремленіе къ самобытному роду поэзіи обнаруживается въ Онѣгинѣ, хотя не въ первыхъ главахъ его, гдѣ вліяніе Байрона очевидно; не въ образѣ изложенія, который принадлежитъ Донъ-Жуану и Беппо, и не въ характерѣ самаго Онѣгина, однородномъ съ характеромъ Чильдъ-Гарольда. Но чѣмъ болѣе поэтъ отдаляется отъ главнаго героя и забывается въ постороннихъ описаніяхъ, тѣмъ онъ самобытнѣе и національнѣе.

Время Чильдъ-Гарольдовъ, слава Богу, еще не настало для нашего отечества: молодая Россія не участвовала въ жизни западныхъ государствъ, и народъ, какъ человѣкъ, не старѣется чужими опытами. Блестящее поприще открыто еще для Русской дѣятельности; всѣ роды искусствъ, всѣ отрасли познаній еще остаются неусвоенными нашему отечеству; намъ дано еще: надѣяться — что же дѣлать у насъ разочарованному Чильдъ-Гарольду?

Посмотримъ, какія качества сохранилъ и утратилъ цвѣтъ Британіи, бывъ пересаженъ на Русскую почву.

Любимая мечта Британскаго поэта есть существо необыкновенное, высокое. Не бѣдность, но преизбытокъ внутреннихъ силъ дѣлаетъ его холоднымъ къ окружающему міру. Безсмертная мысль живетъ въ его сердцѣ и день и ночь, поглощаетъ въ себя все бытіе его и отравляетъ всѣ наслажденія. Но въ какомъ бы видѣ она ни являлась: какъ гордое презрѣніе къ человѣчеству, или какъ мучительное раскаяніе, или какъ мрачная безнадежность, или какъ неутолимая жажда забвенія,—эта мысль всеобъемлющая, вѣчная,—что она, если не неволь-

ное, постоянное стремленіе къ лучшему, тоска по недосягаемомъ совершенствѣ? Нѣтъ ничего общаго между Чильдъ-Гарольдомъ и толпою людей обыкновенныхъ: его страданія, его мечты, его наслажденія, непонятны для другихъ; только высокія горы да голые утесы говорятъ ему отвѣтныя тайны, ему одному слышныя. Но потому именно, что онъ отличенъ отъ обыкновенныхъ людей, можетъ онъ отражать въ себѣ духъ своего времени и служить границею съ будущимъ; ибо *только разногласіе связуетъ два различныя созвучія.*

Напротивъ того, Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. Онъ также равнодушенъ ко всему окружающему; но не ожесточеніе, а неспособность любить сдѣлали его холоднымъ. Его молодость также прошла въ вихрѣ забавъ и разсѣянія; но онъ не завлеченъ былъ кипѣніемъ страстной, ненасытной души, но на паркетѣ провелъ пустую, холодную жизнь моднаго франта. Онъ также бросилъ свѣтъ и людей; но не для того, чтобы въ уединеніи найдти просторъ взволнованнымъ думамъ, но для того, что ему было равно скучно вездѣ,

...что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Онъ не живетъ внутри себя жизнью особенною, отмѣнною отъ жизни другихъ людей, и презираетъ человѣчество потому только, что не умѣетъ уважать его. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей, и всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ.

Вотъ Чильдъ-Гарольдъ въ нашемъ отечествѣ,—и честь поэту, что онъ представилъ намъ не настоящаго; ибо, какъ мы уже сказали, это время еще не пришло для Россіи, и дай Богъ, чтобы никогда не приходило.

Самъ Пушкинъ, кажется, чувствовалъ пустоту своего героя, и потому нигдѣ не старался коротко познакомить съ нимъ своихъ читателей. Онъ не далъ ему опредѣленной физіогноміи, и не одного человѣка, но цѣлый классъ людей представилъ онъ въ его портретѣ: тысячѣ различныхъ характеровъ можетъ принадлежать описаніе Онѣгина.

Эта пустота главнаго героя была, можетъ быть, одною изъ причинъ пустоты содержанія первыхъ пяти главъ романа; но форма повѣствованія, вѣроятно, также къ тому содѣйствовала. Тѣ, которые оправдываютъ ее, ссылаясь на Байрона, забываютъ,

въ какомъ отношеніи находится форма Беппо и Донъ-Жуана къ ихъ содержанію и характерамъ главныхъ героевъ.

Что касается до поэмы Онѣгинъ вообще, то мы не имѣемъ права судить по началу о сюжетѣ дѣла, хотя съ трудомъ можемъ представить себѣ возможность чего либо стройнаго, полнаго и богатаго въ замыслѣ при такомъ началѣ. Впрочемъ, кто можетъ разгадать границы возможнаго для поэтовъ, каковъ Пушкинъ? — имъ суждено всегда удивлять своихъ критиковъ.

Недостатки Онѣгина суть, кажется, послѣдняя дань Пушкина Британскому поэту. Но всѣ неисчислимыя красоты поэмы: Ленскій, Татьяна, Ольга, Петербургъ, деревня, сонъ, зима, письмо и пр. и пр. — суть неотъемлемая собственность нашего поэта. Здѣсь-то обнаружилъ онъ ясно природное направленіе своего генія; и эти слѣды самобытнаго созиданія въ Цыганахъ и Онѣгинѣ, соединенные съ извѣстною сценою изъ Бориса Годунова *), составляютъ, не истощая, третій періодъ развитія его поэзіи, который можно назвать *періодомъ поэзіи Русско-Пушкинской*. Отличительныя черты его суть: живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость, и, наконецъ, что-то невыразимое, понятное лишь Русскому сердцу; ибо какъ назвать то чувство, которымъ дышатъ мелодіи Русскихъ пѣсень, къ которому чаще всего возвращается Русскій народъ, и которое можно назвать центромъ его сердечной жизни?

Въ этомъ періодѣ развитія поэзіи Пушкина особенно замѣтна способность забываться въ окружающихъ предметахъ и текущей минутѣ. Таже способность есть основаніе Русскаго характера: она служитъ началомъ всѣхъ добродѣтелей и недостатковъ Русскаго народа; изъ нея происходитъ смѣлость, безпечность, неукротимость минутныхъ желаній, великодушіе, неумѣренность, запальчивость, понятливость, добродушіе, и пр. и пр.

Не нужно, кажется, высчитывать всѣхъ красотъ Онѣгина, анатомировать характеры, положенія и вводныя описанія, чтобы доказать превосходство послѣднихъ произведеній Пушкина надъ прежними. Есть вещи, которыя можно чувствовать, но нельзя доказать иначе, какъ написавши нѣсколько томовъ комментарій на каждую страницу. Характеръ Татьяны есть одно изъ лучшихъ созданій нашего поэта; мы не будемъ говорить объ немъ, ибо онъ самъ себя выказываетъ вполнѣ.

---

*) Мы не говоримъ объ мелкихъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя обнаруживаютъ также три періода развитія его поэзіи.

Для чего хвалить прекрасное не также легко, какъ находить недостатки?—Съ какимъ бы восторгомъ высказали мы всю несравненность тѣхъ наслажденій, которыми мы одолжены поэту, и которыя, какъ самоцвѣтные камни въ простомъ ожерельѣ, блестятъ въ однообразной нити жизни Русскаго народа!

Въ упомянутой сценѣ изъ Бориса Годунова особенно обнаруживается зрѣлость Пушкина. Искусство, съ которымъ представленъ, въ столь тѣсной рамѣ, характеръ вѣка, монашеская жизнь, характеръ Пимена, положеніе дѣлъ и начало завязки; чувство особенное, трагически спокойное, которое внушаютъ намъ жизнь и присутствіе лѣтописца; новый и разительный способъ, посредствомъ котораго поэтъ знакомитъ насъ съ Гришкою; наконецъ, языкъ неподражаемый, поэтическій, вѣрный,—все это вмѣстѣ заставляетъ насъ ожидать отъ трагедіи, скажемъ смѣло, чего-то *великаго*.

Пушкинъ рожденъ для драматическаго рода. Онъ слишкомъ многостороненъ, слишкомъ объективенъ (*), чтобы быть лирикомъ; въ каждой изъ его поэмъ замѣтно невольное стремленіе дать особенную жизнь отдѣльнымъ частямъ, стремленіе, часто клонящееся ко вреду цѣлаго въ твореніяхъ эпическихъ, но необходимое, драгоцѣнное для драматика.

Утѣшительно въ постепенномъ развитіи поэта замѣчать безпрестанное усовершенствованіе; но еще утѣшительнѣе видѣть сильное вліяніе, которое поэтъ имѣетъ на своихъ соотечественниковъ. Не многимъ, избраннымъ судьбою, досталось въ удѣлъ еще при жизни наслаждаться ихъ любовью. Пушкинъ принадлежитъ къ ихъ числу, и это открываетъ намъ еще одно важное качество въ характерѣ его поэзіи: *соотвѣтственность съ своимъ временемъ*.

Мало быть поэтомъ, чтобы быть народнымъ; надобно еще быть воспитаннымъ, такъ сказать, въ средоточіи жизни своего народа, раздѣлять надежды своего отечества, его стремленіе, его утраты, — словомъ, жить его жизнію и выражать его невольно, выражая себя. Пусть случай такое счастіе; но не также ли мало зависятъ отъ насъ красота, умъ, прозорливость, всѣ тѣ качества, которыми человѣкъ плѣняетъ человѣка? И уже ли качества сіи существеннѣе достоинства: отражать въ себѣ жизнь своего народа?

(*) Мы принуждены употреблять это выраженіе, покуда не имѣемъ однозначительнаго на нашемъ языкѣ.

Обозрѣніе Русской словесности

за 1829 годъ.

(1830).

Прежде нежели мы приступимъ къ обозрѣнію словесности прошедшаго года, я прошу просвѣщенныхъ читателей обратить вниманіе на сочиненіе, которое, хотя вышло ранѣе 29 года, но имѣло вліяніе на его текущую словесность; которое должно имѣть еще большее дѣйствіе на будущую жизнь нашей литературы; которое успѣшнѣе всѣхъ другихъ произведеній Русскаго пера должно очистить намъ дорогу къ просвѣщенію Европейскому; которымъ мы можемъ гордиться передъ всѣми государствами, гдѣ только выходятъ сочиненія такого рода; котораго изданіе (выключая, можетъ быть, учрежденіе Ланкастерскихъ школъ) было самымъ важнымъ событіемъ для блага Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ, и важнѣе нашихъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ и Араратомъ, важнѣе взятія Эрзерума, и той славной тѣни, которую бросили Русскія знамена на стѣны Царьградскія. Эта книга, — читатель уже назвалъ *Цензурный уставъ*.

Вліяніе его на текущую словесность прошедшаго года, хотя мало примѣтное, было тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Наши журналы заимствовали болѣе изъ журналовъ иностранныхъ; переводы, хотя по большей части дурные, передавали намъ болѣе слѣдовъ умственной жизни нашихъ сосѣдей, и отъ того вся литература наша неприметно приближалась болѣе къ жизни обще-Европейской. Самыя перебранки нашихъ журналовъ, ихъ неприличныя критики, ихъ дикій тонъ, ихъ странныя личности, ихъ вѣжливости негородскія,—все это было похоже на нестройныя движенія распеленатаго ребенка, движенія необходимыя для развитія силы, для будущей красоты и здоровья.

Но, чтобы вѣрнѣе опредѣлить особенность нашей литературы прошедшаго года, открыть въ ней признаки господствующаго направленія нашей словесности вообще и ея отношеніе къ цѣлостному просвѣщенію Европы, бросимъ бѣглый взглядъ на характеръ всей литературы нашей девятьнадцатаго столѣтія; ибо одно прошедшее даетъ цѣну и указываетъ мѣсто настоящему, опредѣляя дорогу для будущаго.

Литературу нашу девятьнадцатаго столѣтія можно раздѣлить на три эпохи, различныя особенностью направленія каждой изъ нихъ, но связанныя единствомъ ихъ развитія. Характеръ первой эпохи опредѣляется вліяніемъ Карамзина; средоточіемъ второй была Муза Жуковскаго; Пушкинъ можетъ быть представителемъ третьей.

Начало девятьнадцатаго столѣтія въ литературномъ отношеніи представляетъ рѣзкую противоположность съ концомъ восемнадцатаго. Въ теченіе немногихъ лѣтъ просвѣщеніе сдѣлало столь быстрые успѣхи, что съ перваго взгляда они являются неимовѣрными. Кажется, кто-то разбудилъ полусонную Россію. Изъ лѣниваго равнодушія она вдругъ переходитъ къ жаждѣ образованія, ищетъ ученія, книгъ, стыдится своего прежняго невѣжества и спѣшитъ породниться съ иноземными мнѣніями. Когда явился Карамзинъ, уже читатели для него были готовы; а его удивительные успѣхи доказываютъ не столько силу его дарованій, сколько повсюду распространившуюся любовь къ просвѣщенію.

Но остановимся здѣсь, и подивимся страннostямъ судьбы человѣческой. Тотъ, кому просвѣщеніе наше обязано столь быстрыми успѣхами, кто подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа, кто всю жизнь употребилъ во благо отечества и уже видѣлъ плоды своего вліянія на всѣхъ концахъ Русскаго царства, человѣкъ, которому Россія обязана столькимъ, — онъ умеръ недавно, почти всѣми забытый, близъ той Москвы, которая была свидѣтельницею и средоточіемъ его блестящей дѣятельности. Имя его едва извѣстно теперь бо́льшей части нашихъ современниковъ; и еслибы Карамзинъ не говорилъ объ немъ, то можетъ быть многіе, читая эту статью, въ первый разъ услышали бы о дѣлахъ Новикова и его товарищей, и усомнились бы въ достовѣрности столь близкихъ къ намъ событій. Память объ немъ почти исчезла; участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности;

многихъ уже нѣтъ; но дѣло, ими совершенное, осталось: оно живетъ, оно приноситъ плоды и ищетъ благодарности потомства.

Новиковъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10 тысячь рублей; черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было уже 20, и книгъ продавалось на 200 тысячь. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; распускалъ почти даромъ тѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными; заставлялъ переводить книги полезныя, повсюду распространялъ участниковъ своей дѣятельности, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидѣтелемъ событія, почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: рожденія *общаго мнѣнія*.

Такъ дѣйствовалъ типографщикъ Новиковъ. Замѣчательно, что почти въ то же время, другой типографщикъ, болѣе славный, болѣе счастливый, типографщикъ Франклинъ, дѣйствовалъ почти такимъ же образомъ на противоположномъ концѣ земнаго шара; но послѣдствія ихъ дѣятельности были столь же различны, сколько Россія отлична отъ Соединенныхъ Штатовъ.

Можетъ быть, самъ Карамзинъ обязанъ своею первою образованностью Новикову и его друзьямъ-единомышленникамъ. По крайней мѣрѣ въ ихъ кругу началось первое развитіе его блестящихъ дарованій, и онъ оставилъ намъ трогательное описаніе своей дружбы съ однимъ изъ нихъ, съ Г-мъ П. *). Говорить ли о другомъ товарищѣ Новикова, объ этомъ славномъ Ленцѣ, объ надеждѣ и удивленіи просвѣщенной Европы, который у насъ, въ нищетѣ и крайности, замерзъ на большой дорогѣ **)! —

Карамзинъ засталъ свою публику подъ вліяніемъ мистицизма, странно перемѣшаннаго съ мнѣніями Французскими изъ середины восьмнадцатаго столѣтія. Этимъ двумъ направленіямъ надлежало сосредоточиться, и они естественно соединились въ томъ филантропическомъ образѣ мыслей, которымъ дышатъ всѣ первыя сочиненія Карамзина. Кажется, онъ воспитанъ былъ для

---

*) Смотри: Соч. Кар., статью: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона.*

**) Объ сочиненіяхъ Ленца смотри прекрасную статью Экштейна въ его журналѣ *le Catholique* 1829 года.

своей публики и публика для него. Каждое слово его расходилось по всей Россіи; прозу его учили наизусть и восхищались его стихами, не смотря на ихъ непоэтическую отдѣлку,—такъ согласовался онъ съ умонаклонностью своего времени. Между тѣмъ всеобщность его вліянія доказываетъ намъ, что уже при первомъ рожденіи нашей литературы мы въ самой поэзіи искали преимущественно философіи, и за образомъ мнѣнія забывали образъ выраженія. До сихъ поръ еще мы не знаемъ, что такое вымыслъ и фантазія; какая-то правдивость мечты составляетъ оригинальность Русскаго воображенія; и то, что мы называемъ *чувствомъ*, есть высшее, что мы можемъ постигнуть въ произведеніяхъ стихотворныхъ.

Направленіе, данное Карамзинымъ, еще болѣе открыло нашу словесность вліянію словесности Французской. Но именно потому, что мы въ литературѣ искали философіи, искали полнаго выраженія человѣка, образъ мыслей Карамзина долженъ былъ и плѣнить насъ сначала, и въ послѣдствіи сдѣлаться для насъ неудовлетворительнымъ. Человѣкъ не весь утопаетъ въ жизни дѣйствительной, особенно среди народа недѣятельнаго. Лучшая сторона нашего бытія, сторона идеальная, мечтательная, та, которую не жизнь намъ даетъ, но мы придаемъ нашей жизни; которую преимущественно развиваетъ поэзія Нѣмецкая,—оставалась у насъ еще невыраженною. Французско-Карамзинское направленіе не обнимало ее. Люди, для которыхъ образъ мыслей Карамзина былъ довершеніемъ, вѣнцомъ развитія собственнаго, оставались спокойными; но тѣ, которые начали воспитаніе мнѣніями Карамзинскими, съ развитіемъ жизни увидѣли неполноту ихъ и чувствовали потребность новаго. Старая Россія отдыхала; для молодой нуженъ былъ *Жуковскій*.

Идеальность, чистота и глубокость чувствъ; святость прошедшаго; вѣра въ прекрасное, въ неизмѣняемость дружбы, въ вѣчность любви, въ достоинство человѣка и благость Провидѣнія; стремленіе къ неземному; равнодушіе ко всему обыкновенному, ко всему, что не *душа*, что не *любовь*,—однимъ словомъ, вся *поэзія* жизни, все *сердце души*, если можно такъ сказать, явилось намъ въ одномъ существѣ, и облеклось въ плѣнительный образъ Музы Жуковскаго. Въ ея задумчивыхъ чертахъ прочли мы отвѣтъ на неясное стремленіе къ лучшему и сказали: „вотъ чего не доставало намъ!“—Еще большею прелестью украсили ее любовь къ отечеству, ужасъ и слава народной войны.

Но поэзія Жуковскаго, хотя совершенно оригинальная въ средоточіи своего бытія (въ любви къ прошедшему, которую можно назвать господствующимъ тономъ его лиры) *), была однакоже воспитана на пѣсняхъ Германіи. Она передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ Нѣмецкой жизни, поэзіи и философіи; и такимъ образомъ въ составъ нашей литературы входили двѣ стихіи: умонаклонность Французская и Германская.

Между тѣмъ лира Жуковскаго замолчала. Изрѣдка только отрывистые звуки знакомыми переливами напоминали намъ о ея прежнихъ пѣсняхъ. Но развитіе духа народнаго не могло остановиться. Какъ мысль зоветъ звукъ, такъ народъ ищетъ поэта. Ему необходимъ наперсникъ, который бы сердцемъ отгадывалъ его внутреннюю жизнь, а въ восторженныхъ пѣсняхъ велъ дневникъ развитію господствующаго направленія. Поэтъ для настоящаго, что историкъ для прошедшаго: проводникъ народнаго самопознанія.

Литература наша, какъ мы уже сказали, представляла два борящіяся начала; но и филантропизмъ Французскій и Нѣмецкій идеализмъ совпадались въ одномъ стремленіи: въ стремленіи къ *лучшей дѣйствительности*. Пушкинъ выразилъ его сначала подъ свѣтлою краскою довѣрчивой надежды, потомъ подъ мрачнымъ покровомъ Байроновскаго негодованія къ существующему.

Но ни то, ни другое не могло быть продолжительнымъ: это двѣ крайности колебанія маятника, ищущаго равновѣсія. Между безотчетностью надежды и Байроновскимъ скептицизмомъ есть середина: это довѣренность въ судьбу и мысль, что сѣмена *желаннаго будущаго* заключены *въ дѣйствительности настоящаго*; что въ необходимости есть Провидѣніе; что если прихотливое созданіе мечты гибнетъ, какъ мечта, за то изъ *совокупности существующаго* должно образоваться лучшее прочное. Оттуда *уваженіе къ дѣйствительности*, составляющее средоточіе той степени умственнаго развитія, на которой теперь остановилось просвѣщеніе Европы и которая обнаруживается исторі-

---

(*) Авторъ отъ того не распространяется здѣсь о характерѣ произведеній Жуковскаго, что въ этомъ же альманахѣ (т. е. *въ Денницѣ*) предполагалъ онъ напечатать особенной разборъ его стихотвореній, который однакожъ, по нѣкоторымъ причинамъ остался неоконченнымъ.

ческимъ направленіемъ всѣхъ отраслей человѣческаго бытія и духа.

Исторія въ наше время есть центръ всѣхъ познаній, наука наукъ, единственное условіе всякаго развитія; направленіе историческое обнимаетъ *все*. Политическія мнѣнія, для пріобрѣтенія своей достовѣрности должны обратиться къ событіямъ, слѣдовательно, къ Исторіи: такъ Тьерри, чтобы защитить нѣкоторыя положенія въ парламентѣ, написалъ Исторію Франціи. Философія, сомкнувши кругъ своего развитія сознаніемъ тожества ума и бытія, устремила всю дѣятельность на примѣненіе умозрѣній къ дѣйствительности, къ событіямъ, къ исторіи природы и человѣка. Математика остановилась въ открытіи общихъ законовъ и обратилась къ частнымъ приложеніямъ, къ сведенію теоріи на существенность дѣйствительности. Поэзія, выраженіе всеобщности человѣческаго духа, должна была также перейти въ дѣйствительность и сосредоточиться въ родѣ историческомъ.

Вѣкъ не могъ не имѣть вліянія и на Пушкина: мы увидимъ это, говоря о Полтавѣ. Но обратимся теперь къ прошедшему году; теперь, съ высоты общей мысли, намъ будетъ легче обнять весь горизонтъ нашей словесности и указать настоящее мѣсто ея частнымъ явленіямъ.

Послѣ всего будемъ мы говорить объ нашихъ журналахъ и альманахахъ. О другихъ изданіяхъ временныхъ, хотя и неперіодическихъ, упомянемъ только въ отношеніи къ важнѣйшимъ сочиненіямъ, или въ примѣръ и доказательство нѣкоторыхъ оттѣнковъ характера нашей литературы; но преимущественно обратимся къ тѣмъ первокласснымъ произведеніямъ нашей словесности, которыя блеснули на литературномъ небѣ прошедшаго года такъ ярко, какъ близкія кометы, и утвердились на немъ такъ прочно, какъ неподвижныя звѣзды, чтобы навсегда свѣтить и указывать путь.

Первое, что привлекаетъ здѣсь наше вниманіе, это XII томъ Исторіи Русскаго Государства, послѣдній плодъ трудовъ великихъ, послѣдній подвигъ жизни полезной, священной для каждаго Русскаго. XII томъ Исторіи Россійскаго Государства, кажется, еще превзошелъ прежніе силою краснорѣчія, обширностью объема, вѣрностью изображеній, ясностью, стройностью картинъ, и этимъ ровнымъ блескомъ, этою чистотою, твердостью брилліантовою Карамзинскаго слога. Вообще достоинство его Исторіи ростетъ вмѣстѣ съ жизнію протекшихъ временъ. Чѣмъ

ближе къ настоящему, тѣмъ полнѣе раскрывается передъ нимъ судьба нашего отечества; чѣмъ сложнѣе картина событій, тѣмъ она стройнѣе отражается въ зеркалѣ его воображенія, въ этой чистой совѣсти нашего народа. — Не мѣсто здѣсь входить въ подробный разборъ Карамзина и не по силамъ намъ оцѣнить его достоинство. Въ молчаніи почтимъ память безсмертнаго, и съ благоговѣніемъ принесемъ дань благодарности и удивленія на его свѣжую могилу.

Но какъ умолчать о его критикахъ, дѣлавшихъ столько шуму въ нашей литературѣ? — Почти каждое произведеніе Карамзина было яблокомъ раздора для нашей полупросвѣщенной словесности. Это тѣмъ удивительнѣе, что Карамзинъ ни разу не отвѣчалъ ни на одну критику и не оскорбилъ ни одного самолюбія; что возвышенность и до конца неизмѣнившаяся чистота его души и жизни не оставили никакого оправданія для личной вражды; что, наконецъ, слава его, казалось, не могла не заглушить внушеній низкой зависти. Не смотря на то, сколь немногіе изъ критиковъ сохранили въ глазахъ публики характеръ безпристрастія! — Но если Карамзинъ имѣлъ враговъ, за то истинными друзьями никто не былъ счастливѣе Карамзина, и никто не имѣлъ столькихъ почитателей, столькихъ поклонниковъ, столькихъ горячихъ защитниковъ своей славы. Отъ того первый шагъ его въ область словесности уже былъ ознаменованъ рожденіемъ партій. Онѣ раздѣляли почти всю просвѣщенную Россію на двѣ неравныя стороны, не засыпали въ продолженіе всей жизни Карамзина и пережили его земное существованіе. — Чѣмъ выше звѣзда, тѣмъ гуще толпа родныхъ звѣздъ вокругъ нея, тѣмъ больше мѣста для темныхъ тучь подъ нею.

Всѣхъ критиковъ Исторіи Россійскаго Государства можно раздѣлить на два класса: къ первому принадлежатъ критики, нападающіе на частныя ошибки, неизбѣжныя въ трудѣ столь огромномъ, столь несоразмѣрномъ съ силами одного человѣка. Долго еще не извѣдать намъ вполнѣ бездоннаго моря народной жизни, затемненнаго его отдаленностью и мутностью источниковъ! — Признательности просвѣщенныхъ заслуживаютъ люди, посвятившіе себя изученію древности, когда съ достаточными силами, съ простотою, съ должнымъ уваженіемъ къ безсмертному историку, они исправляютъ погрѣшности, которыя естественно должны были вкрасться въ его Исторію. Но такъ ли

поступаетъ большая часть нашихъ критиковъ? — Въ темныхъ подвалахъ архивскихъ они теряютъ всякое чувство приличія, и выходятъ оттуда съ червями самолюбія и зависти, съ пылью мелкихъ придирокъ и въ грязи неуваженія къ достоинству. Сюда принадлежатъ нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ Московскомъ Вѣстникѣ 28 и 29 годовъ, и заслужившія справедливое негодованіе всѣхъ друзей Русской исторіи и покойнаго историографа. — Но все справедливое справедливо только въ границахъ, и тѣ, которые, за помѣщеніе сихъ статей поставили издателя въ одинъ разрядъ съ сочинителемъ и включили его въ число противниковъ Карамзина, столько же неправы, сколько самъ издатель, помѣстившій сіи статьи. Если послѣдній нашелъ въ нихъ замѣчанія, казавшіяся ему истинными, то, по моему мнѣнію, онъ долженъ былъ требовать отъ автора исключенія всего неприличнаго, и въ случаѣ отказа, совсѣмъ не печатать его рецензій, съ потерею которыхъ публика потеряла бы весьма немного. Но если Г. Погодинъ поступилъ иначе, то онъ заслуживаетъ упрекъ, какъ журналистъ, а не какъ человѣкъ и писатель, неимѣющій должнаго уваженія къ Карамзину. Собственныя сочиненія Г. Погодина служатъ тому лучшимъ доказательствомъ.

Второй разрядъ критиковъ нападаетъ на систему и планъ цѣлаго, на понятія историографа объ исторіи вообще. Они обвиняютъ Карамзина въ томъ, что онъ не обнимаетъ *всѣхъ* сторонъ и оттѣнковъ нашей прошедшей жизни. Но критики не чувствуютъ, что если упреки ихъ справедливы, то они служатъ не порицаніемъ, а похвалою Исторіи Россійскаго Государства. Ибо невозможно обнять народной жизни во всѣхъ ея подробностяхъ, покуда частныя отрасли ея развитія не обработаны въ отдѣльныхъ твореніяхъ и не сведены къ послѣднимъ выкладкамъ. Отъ того, изъ столькихъ историковъ, признанныхъ за образцовыхъ, критики не назовутъ намъ двухъ, писавшихъ по одному плану. Напротивъ того каждый бытописатель избиралъ и преслѣдовалъ преимущественно одну сторону жизни описываемаго имъ государства, оставляя прочія въ тѣни и въ отдаленіи. Если Карамзинъ, слѣдуя ихъ примѣру, ограничился преимущественнымъ изложеніемъ политическихъ событій и недосказалъ многаго въ другихъ отношеніяхъ, то это ограниченье было единственнымъ условіемъ возможности его успѣха; и намъ кажется весьма страннымъ упрекать Карамзина за неполноту

ея картины тогда, когда и съ этой неполной картины мы еще до сихъ поръ не можемъ снять даже легкаго очерка, чтобы оцѣнить ее какъ должно.—Пусть люди съ талантомъ пишутъ другія исторіи; пусть изберутъ они средоточіемъ своихъ изысканій частную жизнь нашего народа, или измѣненіе нашихъ гражданскихъ постановленій, или воспитаніе нашего просвѣщенія, или ходъ и успѣхи торговли, или монеты и медали:—трудъ ихъ можетъ быть полезенъ и достиженіе цѣли возможно, ибо они пойдутъ по дорогѣ, уже прочищенной.

Кромѣ сихъ двухъ разрядовъ есть еще третій родъ критиковъ, которымъ самая ничтожность ихъ даетъ право на особенный классъ: это *критики невѣжды*. Равно бѣдные познаніями историческими и литературными, лишенные даже поверхностнаго понятія объ общихъ положеніяхъ науки, и совершенно безчувственные къ приличіямъ нравственнымъ, они слабыми руками силятся пошатнуть твореніе вѣковое, переворачиваютъ смыслъ въ словахъ писателя великаго, смѣютъ приписывать ему собственное неразуміе, и хотятъ учить дѣтскимъ истинамъ мужа безсмертнаго, гордость Россіи. Даже достоинство учености думаютъ они отнять у Исторіи Карамзина, и утверждаютъ, что она писана для однихъ свѣтскихъ невѣждъ, они, невѣжи несвѣтскіе!—Все безполезно, что они говорятъ; все ничтожно, все ложь, — даже самая истина; и если случайно она вырвется изъ устъ ихъ, то, краснѣя, спѣшитъ снова спрятаться въ свой колодезь, чтобы омыться отъ ихъ осквернительнаго прикосновенія.—Я не называю никого: читатель самъ легко отличитъ этотъ разрядъ судей непризванныхъ по той печати отверженія, которою украсило ихъ литературное и нравственное невѣжество, положивъ клеймо своей таможни на ихъ контрабандное лицо.

Оставимъ ихъ.

Но съ удовольствіемъ укажемъ на критику, въ которой дѣльность и безпристрастіе розысканій соединяются съ приличностью тона: это статья, напечатанная въ 3 № Моск. Вѣстн. *О участіи Годунова въ убіеніи Димитрія.*

Кромѣ XII тома Россійской Исторіи, въ прошедшемъ году вышло у насъ, если вѣрить журналамъ, еще одно сочиненіе историческое, замѣчательное по достоинству литературному: это Полтава Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, изъ двадцати критикъ, вышедшихъ на эту поэму, болѣе половины разсуждало о томъ,

дѣйствительно ли согласны съ исторіей описанныя въ ней лица и происшествія. Критики не могли сдѣлать большей похвалы Пушкину.

Мы видѣли, что одно стремленіе *воплотить поэзію въ дѣйствительность* уже доказываетъ и бо́льшую зрѣлость мечты поэта, и его сближеніе съ господствующимъ характеромъ вѣка. Но всегда ли поэтъ былъ вѣренъ своему направленію? и, переселивъ воображеніе въ область существенности, нашелъ ли онъ въ ней полный отвѣтъ на всѣ требованія поэзіи? или выступалъ иногда изъ круга дѣйствительности, какъ бы видя въ немъ арфу, у которой недостаетъ еще нѣсколькихъ струнъ, чтобы выразить всѣ движенія души?

Кромѣ голой существенности и *дополнительной* думы поэта (которая также существенность), мы еще находимъ въ Полтавѣ иногда думу, *противорѣчащую* дѣйствительности, иногда порывъ чувства, несогласный съ тѣмъ Шекспировскимъ состояніемъ духа, въ которомъ долженъ находиться творецъ, чтобы смотрѣть на внѣшній міръ, какъ на полное отраженіе внутренняго. Въ доказательство укажемъ на два мѣста Полтавы: на софизмъ о любви стариковъ и на романическую чувствительность Мазепы, когда онъ узнаетъ хуторъ Кочубея. И то, и другое противорѣчитъ истинѣ; но и то, и другое дѣлаетъ минутный эффектъ. Это сцена изъ Корнеля, вплетенная въ трагедію Шекспира.

Такое бореніе двухъ началъ: мечтательности и существенности, должно необходимо предшествовать ихъ примиренію. Это переходъ съ одной степени на другую; и въ наше время не одинъ Пушкинъ можетъ служить примѣромъ такого разногласія. Имъ дышетъ большая часть трагедій Шиллера, всѣ трагедіи Раупаха, Фр. Шлегеля *), Грильпарцера и почти всѣ произведенія новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей; Французская мелодрама обязана ему своимъ происхожденіемъ; иногда мы находимъ его даже у Вальтера Скотта, когда для возбужденія бо́льшаго любопытства онъ вводитъ своихъ героевъ въ положенія неестественныя; самъ Гете, великій Гете, даже въ Эгмонтѣ наклонился одинъ разъ передъ своимъ вѣкомъ, олицетворивъ свободу Фландріи.

---

*) Недостатки трагедій Ф. Шлегеля имѣютъ еще другой главнѣйшій источникъ: неравновѣсіе геніальности съ системою.

Но та зрѣлость таланта, которую доказываетъ господствующій, хотя и не вездѣ выдержанный характеръ Полтавы, замѣтна также и въ отдѣльныхъ частяхъ сей поэмы. Объ ней свидѣтельствуютъ и мастерская обработка стиховъ, и сжатая полнота разсказа, и стройность переходовъ, особливо въ первой пѣсни, и ясная выразительность картинъ, и даже нѣкоторыя небрежности въ языкѣ и въ описаніяхъ. Вообще, если мы будемъ смотрѣть на Полтаву, какъ на зеркало дарованія, то увидимъ, что она даетъ намъ право на бо́льшую надежду въ будущемъ, нежели всѣ прежнія поэмы Пушкина. Но за то, если мы будемъ разсматривать ее въ отношеніи къ ней самой, то найдемъ въ ней такія несовершенства, которыя хотя нѣсколько объясняютъ намъ, почему публика приняла ее не съ такимъ восторгомъ, какой обыкновенно возбуждаютъ въ ней произведенія Пушкина. Главное изъ сихъ несовершенствъ есть недостатокъ единства интереса, единственнаго изъ всѣхъ единствъ, котораго несоблюденіе не прощается законами либеральной піитики. Еслибы поэтъ сначала возбудилъ въ насъ участіе любви или ненависти къ политическимъ замысламъ Мазепы, тогда и Петръ, и Карлъ, и Полтавская битва были бы для насъ развязкою любопытнаго происшествія. Но посвятивъ первыя двѣ пѣсни преимущественно исторіи любви Мазепы и Маріи, Пушкинъ окончилъ свою повѣсть вмѣстѣ съ концомъ второй пѣсни, и въ отношеніи къ главному интересу поэмы всю третью пѣснь можно назвать почти лишнею.

По этой ли причинѣ, или потому, что словесность наша еще не доросла до господствующаго направленія Полтавы, поэма сія не имѣла видимаго вліянія на нашу литературу, и ни одинъ изъ подражателей Пушкина не избралъ ее въ образцы для своихъ мозаиковъ.

Но сколько однолѣтнихъ литературныхъ цвѣтковъ вышло въ прошедшемъ году изъ сѣмянъ, брошенныхъ Пушкинымъ на поле нашей словесности еще во время его Байроновскаго направленія! — Замѣчательнѣйшій изъ подражателей Пушкина есть Г. Подолинскій. Но его поэма, *Борскій*, по бѣдности мыслей, по несоотвѣтственности языка съ чувствами и чувствъ съ предметами, и по еще важнѣйшимъ несообразностямъ въ планѣ,—замѣчательна только одною звучностью стиховъ.

Жуковскій напечаталъ въ прошедшемъ году свое *Море*, *Пѣснь побѣдителей* изъ Шиллера и связанные отрывки изъ Иліады.

Здѣсь въ первый разъ увидѣли мы въ Гомерѣ такое качество, котораго не находили въ другихъ переводахъ: что у другихъ напыщенно и низко, то здѣсь просто и благородно; что у другихъ бездушно и вяло, здѣсь сильно, мужественно и трогательно; здѣсь все тепло, все возвышенно, каждое слово отъ души; можетъ быть это-то и ошибка, если прекрасное можетъ быть ошибкою.

Море Жуковскаго живо напоминаетъ всю прежнюю его поэзію: тѣ же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, всѣ струны его прежней лиры отозвались здѣсь въ одномъ душевномъ звукѣ. Есть однако отличіе: что-то больше задумчивое, нежели въ прежней его поэзіи.

Торжество побѣдителей во многихъ мѣстахъ превосходитъ подлинникъ изящностью отдѣлки и поэтическими оттѣнками языка. Такова участь большей части переводовъ Жуковскаго. Изъ подражателей Жуковскаго, писавшихъ въ прошедшемъ году, замѣчательнѣйшіе: И. И. Козловъ и Ѳ. Н. Глинка. Первый издалъ собраніе своихъ стихотвореній.

Любовь къ литературѣ Германской, которой мы обязаны Жуковскому, все болѣе и болѣе распространяясь въ нашей словесности, была весьма замѣтна и въ произведеніяхъ прошедшаго года. Между поэтами Нѣмецкой школы отличаются имена Шевырева, Хомякова и Тютчева. Послѣдній, однакоже, напечаталъ въ прошедшемъ году только одно стихотвореніе. Хомяковъ, котораго стихи всегда дышатъ мыслію и чувствомъ, а иногда блестятъ докончанностью отдѣлки, отдалъ на театръ своего Ермака; но чтобы судить объ этой трагедіи, подождемъ ея явленія въ большой печатный свѣтъ; давно уже сказано, что типографскій станокъ есть единственно вѣрный пробный камень для звонкой монеты стиховъ. Шевыревъ помѣщалъ въ журналахъ нѣкоторыя мелкія стихотворенія, и кромѣ того отрывки изъ перевода Вильгельма Теля. Имѣя дарованія отличныя, обладая рѣдкимъ познаніемъ Русскаго языка, удивительною легкостью въ трудѣ и болѣе всего душею пламенною, сосредоточенною въ любви къ *высокому*, Шевыревъ однакожъ имѣетъ важный недостатокъ: недостатокъ отдѣлки, и не только въ частяхъ, но и въ планѣ; не только въ важныхъ, но даже и въ мелкихъ стихотвореніяхъ. Часто вмѣщаетъ онъ двѣ разнородныя, господствующія мысли въ одну піесу и тѣмъ мѣшаетъ чувству сосредоточиться. Но это богатство мыслей, часто излишнее, (какъ бы желали мы

упрекнуть въ этомъ качествѣ бо̀льшую часть нашихъ писателей!), это богатство мыслей, особенно замѣтное въ прозѣ Шевырева, не есть ли залогъ его будущихъ успѣховъ?—Теперь онъ только выступаетъ на поприще; когда же жизнь и опытъ положатъ послѣдній вѣнецъ вкуса на его счастливыя дарованія, тогда, конечно, онъ займетъ значительное мѣсто въ нашей литературной аристократіи.

Говоря о той части словесности, которая преимущественно обнаруживаетъ вліяніе Нѣмецкое, нельзя не упомянуть объ *Ижорскомъ*, соч. неизвѣстнаго. Нѣкоторыя сцены изъ этой драматической фантазіи были напечатаны въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ прошедшаго года и замѣчательны по рѣдкому у насъ соединенію глубокости чувства съ игривостью воображенія. Мы причисляемъ это произведеніе къ Нѣмецкой школѣ, не смотря на нѣкоторое подражаніе Шекспиру, потому, что Шекспиръ здѣсь болѣе Шекспиръ Тиковскій, огерманившійся, нежели Шекспиръ настоящій, Шекспиръ Англичанинъ. Къ тому же и духъ цѣлаго сочиненія, сколько можно судить по отрывкамъ, кажется намъ преимущественно Нѣмецкій.

Но среди молодыхъ поэтовъ, напитанныхъ великими писателями Германіи, болѣе всѣхъ блестѣлъ и отличался покойный Д. В. Веневитиновъ, котораго стихотворенія вышли въ прошедшемъ году. Его желаніе исполнилось: прочтя не многое, что осталось намъ послѣ него, кто не скажетъ съ чувствомъ восторга и печали:

Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышетъ жаромъ красоты,
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ! *).

Веневитиновъ созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его поэзіи и, можетъ быть, создателемъ его философіи. Кто вдумается съ любовью въ сочиненія Веневитинова (ибо одна любовь даетъ намъ полное разумѣніе); кто въ этихъ разорванныхъ отрывкахъ найдетъ слѣды общаго имъ происхожденія, единство одушевлявшаго ихъ существа; кто постигнетъ глубину его мыслей, связанныхъ стройною жизнью души поэтической, — тотъ узнаетъ

---

*) Послѣдніе стихи покойнаго Веневитинова.

философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка; тотъ узнаетъ поэта глубокаго, самобытнаго, котораго каждое чувство освѣщено мыслію, каждая мысль согрѣта сердцемъ; котораго мечта не украшается искусствомъ, но сама собою родится прекрасная; котораго лучшая пѣснь — есть собственное бытіе, свободное развитіе его полной, гармонической души. Ибо щедро природа надѣлила его своими дарами и ихъ разнообразіе согласила равновѣсіемъ. Отъ того все прекрасное было ему родное; отъ того въ познаніи самого себя находилъ онъ разрѣшеніе всѣхъ тайнъ искусства, и въ собственной душѣ прочелъ начертаніе высшихъ законовъ, и созерцалъ красоту созданія. Отъ того природа была ему доступною для ума и для сердца; онъ могъ

Въ ея таинственную грудь
Какъ въ сердце друга заглянуть.

Созвучіе ума и сердца было отличительнымъ характеромъ его духа, и самая фантазія его была болѣе музыкою мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія. Это доказываетъ, что онъ былъ рожденъ еще болѣе для философіи, нежели для поэзіи. Прозаическія сочиненія его, которыя печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ, еще подтвердятъ все сказанное нами.

Но что долженъ былъ совершить Веневитиновъ, чему помѣшала его ранняя кончина, то совершится само собою, хотя, можетъ быть, уже не такъ скоро, не такъ полно, не такъ прекрасно. Намъ *необходима* философія: все развитіе нашего ума требуетъ ее. Ею одною живетъ и дышетъ наша поэзія; она одна можетъ дать душу и цѣлость нашимъ младенствующимъ наукамъ, и самая жизнь наша, можетъ быть, займетъ отъ нея изящество стройности. Но откуда придетъ она? Гдѣ искать ее?

Конечно, первый шагъ нашъ къ ней долженъ быть присвоеніемъ умственныхъ богатствъ той страны, которая въ умозрѣніи опередила всѣ другіе народы. Но чужія мысли полезны только для развитія собственныхъ. Философія Нѣмецкая вкорениться у насъ не можетъ. *Наша* философія должна развиться изъ *нашей* жизни, создаться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ *нашего* народнаго и частнаго быта. Когда? и какъ? — скажетъ время; но стремленіе къ философіи Нѣмецкой, которое начинаетъ у насъ распространяться, есть уже важный шагъ къ этой цѣли.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ пользѣ вліянія Нѣмецкихъ мыслителей, взглянемъ на многочисленную толпу тѣхъ изъ нашихъ писателей, которые, не отличаясь личнымъ дарованіемъ, тѣмъ яснѣе показываютъ достоинство пріобрѣтеннаго ими чужаго. Здѣсь господствуютъ два рода литераторовъ: одни слѣдуютъ направленію Французскому, другіе Нѣмецкому. Что встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ первыхъ? *Мыслей* мы не встрѣчаемъ у нихъ (ибо мысли, собственно Французскія, уже стары; слѣд. не мысли, а общія мѣста: сами Французы заимствуютъ ихъ у Нѣмцевъ и Англичанъ) *). Но мы находимъ у нихъ *игру словъ* рѣдко, весьма рѣдко, и то случайно соединенную съ остроуміемъ, и *шутки*, почти всегда лишенныя вкуса, часто лишенныя всякаго смысла. И можетъ ли быть иначе?—Остроуміе и вкусъ воспитываются только въ кругу лучшаго общества; а многіе ли изъ нашихъ писателей имѣютъ счастіе принадлежать къ нему?

Напротивъ того въ произведеніяхъ писателей, которые напитаны чтеніемъ Нѣмецкихъ умствователей, почти всегда найдемъ мы что нибудь достойное уваженія, хотя тѣнь мысли, хотя стремленіе къ этой тѣни.

Но я говорю о писателяхъ безъ дарованій; талантъ равно блеститъ вездѣ; онъ, какъ красота, даетъ прелесть всѣмъ движеніямъ; какъ чувство, даетъ душу всѣмъ словамъ; какъ умъ, даетъ умѣстностью цѣну всѣмъ мыслямъ. Князь Вяземскій можетъ быть тому прекраснымъ доказательствомъ. Слѣдуя преимущественно направленію Французскому, онъ умѣетъ острыя

---

*) Что французская литература девятнадцатаго вѣка, утративъ свою прежнюю самобытность, живетъ единственно чужимъ вдохновеніемъ, о томъ свидѣтельствуютъ всѣ ея лучшія произведенія. Но еще новымъ подтвержденіемъ сей истины можетъ служить славный тріумвиратъ законодателей Французскаго мышленія въ наше время. Есть ли хотя одна плодоносная мысль въ лекціяхъ Cousin, которую бы онъ не занялъ у Нѣмцевъ?—Не Англичанамъ ли и Нѣмцамъ принадлежатъ всѣ основныя положенія Villemain, столь блестящаго въ своихъ примѣненіяхъ, столь искусно умѣющаго скрыть строгую стройность системы подъ наружнымъ безпорядкомъ отдѣльныхъ замѣчаній? Литературно-критическія сочиненія Гизо обнаруживаютъ еще непримиренную борьбу новаго Германскаго ученія съ прежними мнѣніями Французовъ; но историческія его лекціи дышатъ системою связною, полною, глубокою и занятою совершенно у новѣйшихъ Нѣмецкихъ философовъ, хотя новое развитіе сей системы, ея полнѣйшее и часто геніальное примѣненіе къ жизни среднихъ вѣковъ дѣлаютъ Гизо однимъ и изъ оригинальнѣйшихъ Французскихъ мыслителей.—Есть однако въ литературѣ Французской такое качество, которое отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ, обѣщаетъ много для будущаго, и самимъ подражаніямъ даетъ цвѣтъ оригинальности: это тѣсная связь литературы съ жизнію; но именно этого-то качества не могутъ перенять наши Русскіе подражатели. (*Сп. Иностр. Журналы*).

стрѣлы насмѣшки закалять въ оригинальныхъ мысляхъ и согрѣвать чувствомъ всегда умную, всегда счастливую, блестящую *игру ума*. Но и Князь Вяземскій, не смотря на всѣ свои дарованія, не смотря на то, что мы можемъ назвать его остроумнѣйшимъ изъ нашихъ писателей, еще выше тамъ, гдѣ, какъ въ *Унынiи*, голосъ сердца слышнѣе ума.

Многіе утверждаютъ, что Французское направленіе господствуетъ также и въ произведеніяхъ Баратынскаго; но по нашему мнѣнію, онъ столько же принадлежитъ къ школѣ Французскоій, сколько Ламартинъ, сколько сочинитель Сен-Марса, сочинитель заговора Малета, сколько нашъ Пушкинъ и всѣ тѣ писатели, которые, начавъ свое развитіе мнѣніями Французскими, довершили его направленіемъ Европейскимъ, сохранивъ Французскаго одну доконченность внѣшней отдѣлки.

Поэзія собственно Французская, какъ утреннее солнце, золотитъ однѣ вершины. Только тѣ минуты жизни, которыя *выдаются* изъ жизни вседневной, которыя и толпа раздѣляетъ съ поэтомъ, имѣютъ право входить въ заколдованный кругъ ихъ мечтаній, и, можетъ быть, одинъ Шенье дѣлаетъ исключеніе,—если можно направленіе Шенье назвать Французскимъ. Но Муза Баратынскаго, обнявъ всю жизнь поэтическимъ взоромъ, льетъ равный свѣтъ вдохновенія на всѣ ея минуты, и самое обыкновенное возводитъ въ поэзію, посредствомъ освѣтительнаго прикосновенія съ *цѣлою* жизнію, съ господствующею мечтою. Отъ того, чтобы дослышать всѣ оттѣнки лиры Баратынскаго, надобно имѣть и тоньше слухъ, и больше вниманія, нежели для другихъ поэтовъ. Чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новаго, незамѣченнаго съ перваго взгляда,—вѣрный признакъ поэзіи, сомкнутоій въ собственномъ бытіи, но доступной не для всякаго. Даже въ художественномъ отношеніи, многіе ли способны оцѣнить вполнѣ достоинство его стиховъ, эту точность въ выраженіяхъ и оборотахъ, эту мѣрность изящную, эту благородную щеголеватость?—Но если-бы идеалъ лучшаго общества явился вдругъ въ какоій нибудь неизвѣстноій намъ столицѣ, то въ его избранномъ кругу не знали бы другаго языка.

Между тѣмъ, красота жизни поэтическоій, съ лица котороій Муза Баратынскаго сняла покрывало до половины, доказываетъ намъ, что поэтъ еще не весь выразился въ стихахъ своихъ; что мы должны ожидать еще несравненно болѣе того, что онъ

совершилъ; что ему еще предназначено столько превзойти наши ожиданія, сколько разоблаченіе красоты можетъ удивить воображеніе.

Но въ его *Бальномъ вечерѣ*, напечатанномъ въ прошедшемъ году, есть недостатокъ, котораго нѣтъ въ его *Эдѣ*, ни въ *Переселеніи душъ*, въ этомъ миломъ, остроумно-мечтательномъ капризѣ поэтическаго воображенія: въ Бальномъ вечерѣ Баратынскаго нѣтъ средоточія для чувства и (если можно о поэзіи говорить языкомъ механики) въ немъ нѣтъ одной *составной силы*, въ которой бы соединились и уравновѣсились всѣ душевныя движенія. Не смотря на то, однакоже, эта поэма превосходитъ всѣ прежнія сочиненія Баратынскаго изящностью частей, наружною связью цѣлаго и совершенствомъ отдѣлки. Въ самомъ дѣлѣ: кто, прочтя ее, не скажетъ, что поэтъ сдѣлалъ успѣхи; что самые недостатки его доказываютъ, что онъ требовалъ отъ себя больше, чѣмъ прежде; что смѣшеніе тѣни и свѣта здѣсь не сумерки, а разсвѣтъ, заря новой эпохи для его таланта; однимъ словомъ, что на его *Бальномъ вечерѣ*, какъ и на другихъ бальныхъ вечерахъ непоэтическихъ, сквозь тонкій, прозрачный занавѣсъ виденъ утренній свѣтъ наступающаго дня?

Баронъ Дельвигъ издалъ *Собраніе* своихъ *стихотвореній*. Также, какъ Баратынскій, онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ новѣйшихъ школъ, и даже подражанія его древнимъ носятъ печать оригинальности.

Всякое подраженіе по системѣ должно быть холодно и бездушно. Только подражаніе изъ любви можетъ быть поэтическимъ и даже творческимъ. Но въ послѣднемъ случаѣ можемъ ли мы совершенно забыть самихъ себя? и не отъ того ли мы и любимъ образецъ нашъ, что находимъ въ немъ черты, соотвѣтствующія требованіямъ нашего духа? Вотъ отъ чего новѣйшіе всегда остаются новѣйшими во всѣхъ удачныхъ подражаніяхъ древнимъ *); скажу болѣе: нѣтъ ни одного истинно изящнаго перевода древнихъ классиковъ, гдѣ бы не легли слѣды такого

---

*) Великій Гете представляетъ тому убѣдительный примѣръ. Все, что есть прекраснаго въ его плѣнительной Ифигеніи, эти поэтическіе переливы сердечныхъ оттѣнковъ, выраженные душевно-музыкальными стихами, принадлежатъ исключительно поэзіи новѣйшей. И чѣмъ обязана Ифигенія систематическому усилію подражанія? — Неподвижностью дѣйствія и безличностью характеровъ, которые дѣлаютъ ее неспособною къ театральному представленію и совершенно несносною въ немного посредственномъ переводѣ. То же можно сказать и о Шиллеровой Мессинской невѣстѣ.

состоянія души, котораго не знали наши праотцы по уму. Чувство религіозное, коимъ мы обязаны христіанству; романическая любовь—подарокъ Арабовъ и варваровъ; уныніе—дитя Сѣвера и зависимости; всякаго рода фанатизмъ—необходимый плодъ борьбы вѣковыхъ неустройствъ Европы съ порывами къ улучшенію; наконецъ, перевѣсъ мысленности надъ чувствами, и отъ-

туда стремленіе къ единству и сосредоточенью, — вотъ новыя струны, которыя жизнь новѣйшихъ народовъ натянула на сердце человѣка. Напрасно думаетъ онъ заглушить ихъ стонъ, ударяя въ лиру Греціи: онѣ невольно отзываются на его пѣсню, и, вмѣсто простаго звука, является аккордъ,

Таковы подражанія Дельвига. Его Муза была въ Греціи; она воспиталась подъ теплымъ небомъ Аттики; она наслушалась тамъ простыхъ и полныхъ, естественныхъ, свѣтлыхъ и правильныхъ звуковъ лиры Греческой; но ея нѣжная краса не вынесла бы холода мрачнаго Сѣвера, еслибы поэтъ не прикрылъ ее нашею народною одеждою; еслибы на ея классическія формы онъ не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія:—и не къ лицу ли Гречанкѣ нашъ сѣверный нарядъ?

Тоже господствующее чувство замѣтно и въ другихъ произведеніяхъ Дельвига, и тоже качество, которое даетъ отливъ новѣйшаго его подражаніямъ древнимъ, было причиною, что поэтъ выше всего является въ своихъ Русскихъ пѣсняхъ.

Но говоря о писателяхъ образцовыхъ, коихъ имена блестѣли въ литературѣ прошедшаго года, можно ли не упомянуть объ одной изъ лучшихъ надеждъ нашихъ? — Не многіе получили въ удѣлъ такую силу и мужество, коими красуются произведенія Языкова. Каждый стихъ его живетъ огнемъ, какъ саламандра.

Если мы будемъ разсматривать литературу нашу въ отношеніи къ другимъ Европейскимъ, то найдемъ въ ней соединенное вліяніе почти всѣхъ словесностей. Мы сказали уже, что направленіе Нѣмецкое и Французское у насъ господствующія. Вліяніе поэзіи Англійской, особенно Байроновской и Оссіановской, замѣтно въ произведеніяхъ многихъ изъ нашихъ литераторовъ. Подражанія древнимъ, хотя немногочисленныя, не могли не имѣть вліянія на общій характеръ нашей литературы. Словесность Италіянская, отражаясь въ произведеніяхъ Нелединскаго и Батюшкова, также бросила свою краску на многоцвѣтную радугу нашей поэзіи. Все это живетъ вмѣстѣ, мѣ-

шается, роднится, ссорится и обѣщаетъ литературѣ нашей характеръ многосторонній, когда добрый геній спасетъ ее отъ безхарактерности.

Но вліяніе Итальянское, или лучше сказать, Батюшковское, замѣтно у немногихъ изъ нашихъ стихотворцевъ. *Туманскій* отличается между ними нѣжностью чувства и музыкальностью стиховъ. Въ прошедшемъ году онъ печаталъ не много. Къ той же школѣ принадлежатъ Г-да Раичь и Ознобишинъ.

Предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ распространяться обо всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ прошедшаго года. Упомянемъ о нѣкоторыхъ. Василій Львовичь Пушкинъ напечаталъ три главы изъ своей романтической поэмы Храбровъ, гдѣ Муза его не измѣнила своей обыкновенной любезности.—Г-жа Лисицына издала собраніе своихъ стихотвореній, гдѣ чувство и простота выраженій ручаются за неподложность таланта. Баронъ Розенъ издалъ Дѣву семи Ангеловъ.

Кромѣ того здѣсь и тамъ мелькаютъ имена господъ: Илличевскаго, Корсака, Трилуннаго, Павлова, Григорьева, Вельтмана, Вердеревскаго, Лихонина, Мих. Дмитріева, Маркевича, Крюкова, Сіянова, Краинскаго, Якубовича, Степанова, Левшина, Каховскаго, Петрова, Тростина, Олина, Межакова, Масальскаго, Зайцевскаго, Каркунова, Башилова и другихъ. Но что сказать объ этихъ писателяхъ? — Многіе изъ нихъ знакомы уже нашей публикѣ, другіе вышли еще съ бѣлыми щитами на опасное поприще стихотворной дѣятельности. Во многихъ, можетъ быть, таится талантъ, и для развитія силы ищетъ только времени, случая и труда — по крайней мѣрѣ будемъ хранить уваженіе къ надеждѣ, подлѣ любви къ воспоминанію.

Драматическая литература наша — но можно ли назвать литературою сборъ нашихъ драматическихъ произведеній?— Въ этой отрасли словесности мы бѣднѣе всего. Трагедіи въ прошедшемъ году не вышло ни одной. Изъ комедій ни одна не превышаетъ посредственнаго. Замѣчательнѣе другихъ: *Свѣтскій случай* Г-на Хмѣльницкаго; его же отрывки изъ *Арзамазскихъ гусей*; отрывки изъ *Колумба*, недокончанной комедіи покойнаго А. И. Писарева, и *Дворянскіе выборы*, соч. неизвѣстнаго.

Вообще нашъ театръ представляетъ странное противорѣчіе съ самимъ собою: почти весь репертуаръ нашихъ комедій состоитъ изъ подражаній Французамъ, и, не смотря на то, именно тѣ качества, которыя отличаютъ комедію Французскую отъ всѣхъ

другихъ: вкусъ, приличность, остроуміе, чистота языка, и все, что принадлежитъ къ необходимостямъ хорошаго общества,— все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена вмѣсто того, чтобы быть зеркаломъ нашей жизни, служитъ увеличительнымъ зеркаломъ для однѣхъ лакейскихъ нашихъ, далѣе которыхъ не проникаетъ наша комическая Муза. Въ лакейской она *дома*, тамъ ея и гостиная, и кабинетъ, и зала, и уборная; тамъ проводитъ она весь день, когда не ѣздитъ на запяткахъ дѣлать визиты Музамъ сосѣднихъ государствъ; и чтобы Русскую Талію изобразить похоже, надобно представить ее въ ливреѣ и въ сапогахъ.

Таковъ общій характеръ нашихъ оригинальныхъ комедій, еще неизмѣненный немногими, рѣдкими исключеніями. Причина этого характера заключается отчасти въ томъ, что отъ Фонъ-Визина до Грибоѣдова мы не имѣли ни одного комическаго таланта; а извѣстно, что необыкновенный человѣкъ, какъ и необыкновенная мысль, всегда даютъ одностороннее направленіе уму; что перевѣсъ силы уравновѣшивается только другою силою; что вредъ генія исправляется явленіемъ другаго, противодѣйствующаго.

Между тѣмъ можно бы замѣтить нашимъ комическимъ писателямъ, что они поступаютъ неразсчетливо, избирая *такое* направленіе. За простымъ народомъ имъ не угнаться; и какъ ни низокъ языкъ ихъ, какъ ни богаты неприличностями ихъ удалыя шутки, какъ ни грубы ихъ фарсы, которымъ хохочетъ раекъ; но они никогда не достигнутъ до своего настоящаго идеала, и всѣ комедіи ихъ — любой извощикъ убьетъ однимъ словомъ.

Почти на каждомъ изъ нашихъ писателей замѣтно вліяніе, болѣе или менѣе смѣшанное, какой нибудь изъ иностранныхъ литературъ, или котораго нибудь изъ нашихъ первоклассныхъ писателей. Есть однакоже у насъ особенная школа, оригинальная, самобытная, имѣющая свои качества, свое направленіе, своихъ многочисленныхъ приверженцевъ, совершенно отличная отъ всѣхъ другихъ, хотя многіе изъ нашихъ писателей заимствуютъ у нея красоты свои. Школа сія началась вмѣстѣ съ вѣкомъ, и основателемъ ея былъ графъ Дмитрій Ивановичь Хвостовъ, а послѣдователи его: Гг-да Борисъ Ѳедоровъ, Телепневъ, Свѣчинъ, Волковъ, Бестужевъ-Рюминъ, А. Орловъ и другіе. Почти всѣ сіи писатели суть поэты эпическіе, и почти каждый изъ нихъ создалъ особенную поэму въ классическомъ

духѣ, и только не многіе, напр. Г. Рюминъ, позволяютъ себѣ вступать въ область романтики; но Г. Ѳедоровъ дѣлаетъ исключеніе изъ всѣхъ: болѣе другихъ приближаясь къ основателю школы, онъ писалъ почти во всѣхъ родахъ.

Этою школою мы заключимъ обозрѣніе оригинальныхъ произведеній нашихъ стихотворцевъ. Переводами прошедшій годъ былъ богаче всѣхъ предшествовавшихъ. Назовемъ замѣчательнѣйшіе. Г. *Ротчевъ* перевелъ Вильгельма Теля и Мессинскую Невѣсту Шиллера, и печаталъ нѣкоторые отрывки изъ Макбета Шекспирова. Стихъ Г. Ротчева силенъ и звученъ; но онъ иногда теменъ, часто невѣренъ подлиннику и рѣдко передаетъ всѣ оттѣнки оригинала. Г. *Шевыревъ* напечаталъ одно дѣйствіе Вильгельма Теля. Его переводъ ближе къ подлиннику и изящнѣе перевода Г-на Ротчева. Г. *Вронченко* перевелъ Гамлета, отрывки изъ Дзядовъ Мицкевича, отрывки изъ Юнга и нѣсколько Ирландскихъ мелодій Мура. Вообще переводы его весьма близки и языкъ правиленъ, хотя не довольно изященъ и тяжелъ въ оборотахъ. Г. *Познанскій* перевелъ Альпугару изъ Мицкевича; она принадлежитъ еще не къ лучшимъ произведеніемъ Г-на Познанскаго, который вообще отличается вѣрнымъ чувствомъ поэтическихъ красотъ подлинника, изящною простотою языка и точностью выраженій.

Кромѣ того переводили и печатали отрывки въ разныхъ журналахъ и альманахахъ: изъ Ромео и Юліи Шекспира Г....; изъ Донъ-Карлоса Шиллерова и Ифигеніи Гете Г. *Лихонинъ*; изъ Донъ-Карлоса же Г. *Колачевскій* и Г. *Ободовскій*; изъ Байронова Донъ-Жуана и Паризины, изъ Парни и Мура Г. *Маркевичъ*; Паризину перевелъ также Г. *Карцевъ*; Г. *Щастный* перевелъ Фариса Мицкевича; Лару Байрона перевелъ Г. *Носковъ*. Г. *Трилунный* переводилъ изъ Гяура Байрона, и нѣсколько сценъ изъ Мольерова Амфитріона. Г. *Козловъ* перевелъ Крымскіе сонеты Мицкевича. Его же Субботній вечеръ, подражаніе Борнсу, замѣчателенъ по приложеннымъ въ началѣ стихамъ на смерть А. А. Воейковой, гдѣ видно трогательное чувство души, умѣющей любить прекрасное.

Сіи переводы, хотя весьма различнаго достоинства, всѣ однакоже доказываютъ успѣхи нашего просвѣщенія и усовершенствованіе нашего языка. Двадцать лѣтъ назадъ каждый изъ нихъ возбудилъ-бы особенное вниманіе. Замѣтимъ, что шесть иностранныхъ поэтовъ раздѣляютъ преимущественно любовь на-

шихъ литераторовъ: Гете, Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Муръ и Мицкевичь. Добрый знакъ для будущаго! — Знакомствомъ съ Гете, Шиллеромъ и Шекспиромъ обязаны мы распространившемуся вліянію словесности Нѣмецкой и Жуковскому; знакомствомъ съ Байрономъ обязаны мы Пушкину; любовь къ Муру принадлежитъ къ тѣмъ же странностямъ нашего литературнаго вкуса, которыя прежде были причиною безусловнаго обожанія Ламартина. Съ Мицкевичемъ прежде всѣхъ познакомилъ насъ князь Вяземскій: это счастливое начало дружественнаго сближенія двухъ родныхъ словесностей, которыя до сихъ поръ чуждались другъ друга.

Польская литература, также какъ Русская, до сихъ поръ была не только отраженіемъ литературы Французско-Нѣмецкой, но и существовала единственно силою чуждаго вліянія. Какъ могла она дѣйствовать на Россію?—Чтобы обѣ словесности вступили въ сношенія непосредственныя и заключили союзъ прочный, нужно было хотя одной изъ нихъ имѣть своего уполномоченнаго на сеймѣ первоклассныхъ правителей Европейскихъ умовъ; ибо одно господствующее въ Европѣ можетъ имѣть вліяніе на подвластныя ей литературы. Мицкевичь, сосредоточивъ въ себѣ духъ своего народа, первый далъ Польской поэзіи право имѣть свой голосъ среди умственныхъ депутатовъ Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ей возможность дѣйствовать и на нашу поэзію.

Болѣе или менѣе сложное вліяніе сихъ шести чужеземныхъ поэтовъ, соединенное съ вліяніемъ нашей собственной литературы, образуетъ теперь общій характеръ всѣхъ первоклассныхъ стихотворцевъ нашихъ, и слѣдовательно, характеръ нашей текущей словесности вообще. Но прежде, нежели мы получимъ право говорить о семъ общемъ характерѣ, должны мы докончить картину литературы прошедшаго года обозрѣніемъ прозаическихъ сочиненій и журналовъ.

Мы не будемъ здѣсь говорить ни объ Исторіи 4 Хановъ, ни объ Описаніи Пекина, изданныхъ Отцемъ Іакинѳомъ; ни о картинѣ войны съ Турціей, сочиненной Г-мъ Бутурлинымъ; ни о другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ, не входящихъ въ область чистой литературы. Но замѣтимъ, что прошедшій годъ былъ особенно богатъ произведеніями въ родѣ повѣствовательномъ. Назовемъ лучшія: Мѣшокъ съ золотомъ, Г-на *Полевого*; Черная курица, сказка для дѣтей, Г-на

Погорѣльскаго; Черная немочь, Г-на *Погодина*; Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ, *Тита Космократова*; Русалка, Г-на *Байскаго*, и другія. — *Черный годъ или Горскіе Князья* имѣетъ всѣ тѣ же качества, какія публика находила въ прежнихъ романахъ покойнаго Г. Нарѣжнаго: *возможность* таланта, которому для перехода въ *дѣйствительность* еще недоставало большей образованности и вкуса.

Менѣе таланта, но болѣе литературной опытности, языкъ болѣе гладкій, хотя безцвѣтный и вялый, находимъ мы въ *Выжигинѣ*, нравственно-сатирическомъ романѣ Г-на Булгарина. Пустота, безвкусіе, бездушность, нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, — вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катихизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и, слѣдовательно, съ пользою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня. Мы не видимъ ихъ точно также, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются *Сонникомъ* и книгою *О клопахъ*; но они есть, ибо и *Сонникъ*, и *Выжигинъ*, и *О клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ.

Замѣчательно, что въ прошедшемъ году вышло около 100,000 экземпляровъ Азбуки Русской, около 60,000 Азбуки Славянской, 60,000 экземп. Катихизиса, около 15,000 Азбуки Французской, и вообще учебныя книги расходились въ этомъ году почти цѣлою третью болѣе, нежели въ прежнемъ. Вотъ что намъ нужно, чего недостаетъ намъ, чего по справедливости требуетъ публика.

Изъ переводныхъ книгъ назовемъ двѣ: *Вертера*, соч. Гете, переводъ Г-на Р., и Исторію Литературы Фр. Шлегеля, переводъ неизвѣстнаго. Первый можно назвать самымъ близкимъ, самымъ изящнымъ изъ всѣхъ прозаическихъ переводовъ, вышедшихъ у насъ въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Странная неприличность полемики составляла отличительный характеръ нашихъ журналовъ прошедшаго года. Мы надѣемся, однако, что это скоро утомитъ нашу публику и что она скоро захочетъ видѣть въ нашихъ литераторахъ кой-что кромѣ двуногихъ животныхъ съ перьями.

Обозрѣніе особенныхъ качествъ каждаго изъ нашихъ журналовъ не входитъ въ планъ этой статьи. Замѣтимъ однако, что

Телеграфъ былъ богаче другихъ хорошими, дѣльными статьями, и болѣе другихъ передавалъ намъ любопытнаго изъ журналовъ иностранныхъ; *Сѣверная Пчела* была свѣжѣе другихъ политическими новостями; *Атеней* менѣе другихъ участвовалъ въ неприличныхъ полемикахъ; *Славянинъ* неприличность брани усилилъ до поэзіи.

Замѣтимъ еще одно качество, общее почти всѣмъ журналамъ нашимъ: странный слогъ, которымъ пишутся многія оригинальныя и большая часть переводныхъ статей, слогъ неточный, шершавый, и часто хуже того, которымъ писали у насъ прежде Карамзина и Дмитріева. Можетъ быть, это одна изъ главныхъ причинъ, почему люди со вкусомъ почти не читаютъ нашихъ журналовъ; ибо для образованнаго слуха нѣтъ ничего тяжелѣе фальшивыхъ тоновъ.

Сѣверные цвѣты были безъ сравненія лучшимъ изъ всѣхъ альманаховъ. *Въ Невскомъ альманахѣ* замѣтимъ прозаическую статью *Ливонія*, соч. неизвѣстнаго: если бы наше обозрѣніе было писано тѣмъ-же перомъ, которое начертало Ливонію, то мы печатали-бы его безъ боязни неуспѣха.

Другіе альманахи — но что пользы намъ знать, что тѣ или другія статьи печатались въ томъ, а не въ другомъ періодическомъ изданіи? Объяснитъ ли это сколько нибудь характеръ нашей литературы?

До сихъ поръ разсматривали мы словесность нашу въ отношеніи къ ней самой, и потому съ любопытствомъ останавливались на каждомъ произведеніи, которое открываетъ намъ новую сторону нашего литературнаго характера, или подаетъ новую надежду въ будущемъ. Здѣсь все казалось намъ важнымъ, все достойнымъ вниманія, какъ сѣмена, изъ коихъ со временемъ созрѣетъ плодъ.

Но если мы будемъ разсматривать нашу словесность въ отношеніи къ словесностямъ другихъ государствъ; если просвѣщенный Европеецъ, развернувъ передъ нами всѣ умственныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: „Гдѣ литература ваша? Какими произведеніями можете вы гордиться передъ Европою?“ — Что будемъ отвѣчать ему?

Мы укажемъ ему на Исторію Россійскаго Государства; мы представимъ ему нѣсколько одъ Державина, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и Пушкина, нѣсколько басень Крылова,

нѣсколько сценъ изъ Фонъ-Визина и Грибоѣдова, и—гдѣ еще найдемъ мы произведеніе достоинства Европейскаго?

Будемъ безпристрастны, и сознáемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы. Но утѣшимся: у насъ есть благо, залогъ всѣхъ другихъ: у насъ есть надежда и мысль о великомъ назначеніи нашего отечества! —

Вѣнецъ просвѣщенія Европейскаго служилъ колыбелью для нашей образованности; она рождалась, когда другія государства уже доканчивали кругъ своего умственнаго развитія, и гдѣ они остановились, тамъ мы начинаемъ. Какъ младшая сестра въ большой, дружной семьѣ, Россія прежде вступленія въ свѣтъ богата опытностью старшихъ.

Взгляните теперь на всѣ Европейскіе народы: каждый изъ нихъ уже совершилъ свое назначеніе, каждый выразилъ свой характеръ, пережилъ особенность своего направленія, и уже ни одинъ не живетъ отдѣльною жизнію: жизнь *цѣлой* Европы поглотила самостоятельность всѣхъ *частныхъ* государствъ.

Но для того, чтобы *цѣлое* Европы образовалось въ стройное, органическое тѣло, нужно ей особенное средоточіе, нуженъ народъ, который бы господствовалъ надъ другими своимъ политическимъ и умственнымъ перевѣсомъ. Вся исторія новѣйшаго просвѣщенія представляетъ необходимость такого господства: всегда одно государство было, такъ сказать, *столицею* другихъ, было *сердцемъ*, изъ котораго выходитъ и куда возвращается вся кровь, всѣ жизненныя силы просвѣщенныхъ народовъ.

Италія, Испанія, Германія (во время реформаціи), Англія и Франція, поперемѣнно управляли судьбою Европейской образованности. Развитіе внутренней силы было причиною такого господства, а упадокъ силы причиною его упадка.

Англія и Германія находятся теперь на вершинѣ Европейскаго просвѣщенія; но вліяніе ихъ не можетъ быть живительное, ибо ихъ внутренняя жизнь уже окончила свое развитіе, состарѣлась и получила ту односторонность зрѣлости, которая дѣлаетъ ихъ образованность исключительно имъ однѣмъ приличною.

Вотъ отъ чего Европа представляетъ теперь видъ какого-то оцѣпенѣнія; политическое и нравственное усовершенія равно остановились въ ней; запоздалыя мнѣнія, обветшалыя формы, какъ запруженная рѣка, плодоносную страну превратили въ

болота, гдѣ цвѣтутъ однѣ незабудки, да изрѣдка блеститъ холодный, блуждающій огонекъ.

Изо всего просвѣщеннаго человѣчества два народа не участвуютъ во всеобщемъ усыпленіи; два народа, молодые, свѣжіе, цвѣтутъ надеждою: это Соединенные Американскіе Штаты и наше отечество.

Но отдаленность мѣстная и политическая, а болѣе всего односторонность Англійской образованности Соединенныхъ Штатовъ, —всю надежду Европы переносятъ на Россію.

Совмѣстное дѣйствіе важнѣйшихъ государствъ Европы участвовало въ образованіи начала нашего просвѣщенія, приготовило ему характеръ обще-Европейскій и вмѣстѣ дало возможность будущаго вліянія на всю Европу.

Къ той же цѣли ведутъ насъ гибкость и переимчивость характера нашего народа, его политическіе интересы и самое географическое положеніе нашей земли.

Судьба каждаго изъ государствъ Европейскихъ зависитъ отъ совокупности всѣхъ другихъ; — судьба Россіи зависитъ отъ одной Россіи.

Но судьба Россіи заключается въ ея просвѣщеніи: оно есть условіе и источникъ *всѣхъ* благъ. Когда же эти *всѣ* блага будутъ *нашими*, — мы ими подѣлимся съ остальною Европою и весь долгъ нашъ заплатимъ ей сторицею.

Обозрѣніе русской словесности

за 1831 годъ.

(1832).

Наша литература—ребенокъ, который только начинаетъ чисто выговаривать.

Не смотря на то, ни въ какой землѣ текущая словесность не имѣетъ такой значительности, какъ въ Россіи; и между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ литература есть одно изъ второстепенныхъ выраженій образованности, у насъ она главнѣйшее, если не единственное.

Быстрота и важность государственныхъ переломовъ; дѣятельное участіе, которое обязаны принимать въ нихъ люди частные; повсемѣстная борьба политическихъ и къ нимъ примкнувшихся религіозныхъ партій; ихъ противоположныя выгоды и разногласныя требованія; успѣхи и распространенность промышленности, связавшіе ея перевороты съ цѣлымъ составомъ народнаго бытія; все, даже самыя первыя стихіи частной жизни, почти во всѣхъ странахъ Европы, сосредоточиваютъ дѣятельность умовъ на *дѣла государственныя*, которыя потому могутъ одни служить полнымъ представителемъ общественной образованности, указателемъ господствующаго направленія и зеркаломъ текущей минуты.

Самыя науки, при такомъ расположеніи умовъ, не могутъ занимать въ нихъ перваго мѣста. Къ тому же, созрѣвшія вѣковымъ развитіемъ, онѣ уже сами собою склоняются къ жизни дѣйствительной, являясь предъ обществомъ, то какъ сила, то какъ орудіе политической дѣятельности.

Только относительная значительность остается для литературы. Но та часть ея, которая не задавлена вліяніемъ политики,—литература *чистая*, самоцѣнная, едва замѣтна посреди всеобщаго стремленія къ дѣламъ болѣе существеннымъ: она цвѣ-

тетъ блѣдно и болѣзненно, какъ цвѣтокъ осенній, благоухающій для охотниковъ, но не возбуждающій въ умѣ ни надежды на плодъ, ни довѣренности къ плодовитости дерева.

Въ Россіи напротивъ. Литература наша въ первой веснѣ: каждый цвѣтъ ея пророчитъ новый плодъ и обнаруживаетъ новое развитіе. Между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ дѣла государственныя, поглощая всѣ умы, служатъ главнымъ мѣриломъ ихъ просвѣщенія, у насъ неусыпныя попеченія прозорливаго Правительства избавляютъ частныхъ людей отъ необходимости заниматься политикой, и такимъ образомъ единственнымъ указателемъ нашего умственнаго развитія остается литература. Вотъ почему въ Россіи слѣдовать за ходомъ словесности необходимо не только для литераторовъ, но и для каждаго гражданина, желающаго имѣть какое нибудь понятіе о нравственномъ состояніи своего отечества.

Замѣтимъ ли мы усовершеніе вкуса въ произведеніяхъ литературныхъ? мы въ правѣ заключить, что есть публика образованная, слѣдовательно, мыслящая и въ своихъ мнѣніяхъ не отстающая отъ вѣка. Увидимъ ли мы счастливый успѣхъ произведенія невѣжественнаго, бездарнаго? мы порадуемся ему, предполагая, что самая необразованная часть Русскихъ читателей начинаетъ быть публикою и, слѣдовательно, просыпается отъ своего умственнаго бездѣйствія. Услышимъ ли мы жалобы на то, что книги безъ достоинства расходятся не только успѣшно, но еще успѣшнѣе книгъ съ достоинствомъ? мы порадуемся вдвое, видя, что намъ готовится въ будущемъ еще больше людей просвѣщенныхъ, нежели сколько мы имѣемъ теперь.

Такъ, если самая бездарность въ нашей литературѣ можетъ доставить намъ любопытныя свѣдѣнія о нашей первоначальной образованности — сколько же *данныхъ* о нашемъ просвѣщеніи вообще, сколько новыхъ показаній объ отношеніяхъ нашей литературы къ обществу и къ чужеземнымъ вліяніямъ; сколько предзнаменованій о характерѣ нашихъ будущихъ успѣховъ открывается внимательному наблюдателю въ изученіи нашихъ писателей первоклассныхъ, которыхъ каждое слово служитъ образцомъ для всего строя рядовыхъ литераторовъ, и каждое произведеніе отзывается участіемъ отборнѣйшаго круга читателей.

Такимъ образомъ, разсматривая замѣчательныя литературныя событія прошедшаго года, мы будемъ стараться опредѣлить

настоящую степень нашего литературнаго развитія и вмѣстѣ открыть отношеніе нашей образованности вообще къ успѣхамъ нашей словесности въ особенности. Прежде всего разсмотримъ три важнѣйшія явленія нашей поэзіи, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они выходили въ свѣтъ: Бориса Годунова Пушкина, Наложницу Баратынскаго и собраніе Балладъ и Повѣстей Жуковскаго. Потомъ скажемъ нѣсколько словъ о другихъ произведеніяхъ нашей словесности, замѣчательныхъ либо по внутреннему достоинству, либо по постороннимъ отношеніямъ. Что же касается до тѣхъ произведеній литературы, которыя, не обнаруживая развитія, свидѣтельствуютъ только о распространеніи словесности въ кругахъ полуобразованныхъ или едва начинающихъ образовываться, то врядъ ли нужно объ нихъ много распространяться. Довольно намъ знать для нашего утѣшенія, что теперь, также какъ и прежде, мы не бѣдны ни дурными сочиненіями, ни бездарными писателями, которые воспитываютъ неопытныхъ читателей, и также необходимы для будущаго просвѣщенія, какъ необходимо удобреніе земли для будущаго урожая.

Борисъ Годуновъ.

Каждый народъ, имѣющій свою трагедію, имѣетъ и свое понятіе о трагическомъ совершенствѣ. У насъ еще нѣтъ ни того, ни другаго. Правда, что когда Французская школа у насъ господствовала, мы думали имѣть образца въ Озеровѣ; но съ тѣхъ поръ вкусъ нашей публики такъ измѣнился, что трагедіи Озерова не только не почитаются образцовыми, но врядъ ли изъ десяти читателей одинъ отдастъ ему половину той справедливости, которую онъ заслуживаетъ; ибо оцѣнить красоту, начинающую увядать, еще труднѣе, чѣмъ отдать справедливость совершеннсй древности или восхищаться посредственностію новою; и я увѣренъ, что большая часть нашихъ самозванцевъ-романтиковъ готова промѣнять всѣ лучшія созданія Расина на любую Морлакскую пѣсню.

Чего же требуемъ мы теперь и чего должны мы требовать отъ трагедіи Русской? Нужна ли намъ трагедія Испанская? или Нѣмецкая? или Англійская? или Французская? или чисто Греческая? или составная изъ всѣхъ сихъ родовъ? и какого рода долженъ быть сей составъ? Сколько какихъ элементовъ

должно входить въ нее? И нѣтъ ли элемента намъ исключительно свойственнаго?

Вотъ вопросы, на которые критикъ и публика могутъ отвѣчать только отрицательно; прямой отвѣтъ на нихъ принадлежитъ одному поэту; ибо ни въ какой литературѣ правила вкуса не предшествовали образцамъ. Не чужіе уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны научить насъ мыслить и судить. Покуда мы довольствуемся общими истинами, не примѣненными къ особенности нашего просвѣщенія, не извлеченными изъ коренныхъ потребностей нашего быта, до тѣхъ поръ мы еще не имѣемъ своего мнѣнія, либо имѣемъ ошибочное; не цѣнимъ хорошаго-приличнаго потому, что ищемъ невозможнаго-совершеннаго, либо слишкомъ цѣнимъ недостаточное потому, что смотримъ на него издали общей мысли, и вообще мѣряемъ себя на чужой аршинъ и твердимъ чужія правила, не понимая ихъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній.

Это особенно ясно въ исторіи новѣйшей литературы; ибо мы видимъ, что въ каждомъ народѣ рожденію собственной словесности предшествовало поклоненіе чужой, уже развившейся. Но если первые поэты были вездѣ подражателями, то естественно, что первые судьи ихъ держались всегда чужаго кодекса и повторяли наизусть чужія правила, не спрашиваясь ни съ особенностями своего народа, ни съ его вкусомъ, ни съ его потребностями, ни съ его участіемъ. Не менѣе естественно и то, что для такихъ судей лучшими произведеніями казались всегда произведенія посредственныя; что лучшая часть публики никогда не была на ихъ сторонѣ, и что явленіе истиннаго генія не столько поражало ихъ воображеніе, сколько удивляло ихъ умъ, смѣшивая всѣ разсчеты ихъ прежнихъ теорій.

Только тогда, когда новыя поколѣнія, воспитанныя на образцахъ отечественныхъ, получатъ самобытность вкуса и твердость мнѣнія независимаго отъ чужеземныхъ вліяній, только тогда можетъ критика утвердиться на законахъ вѣрныхъ, строгихъ, общепринятыхъ, благодѣтельныхъ для послѣдователей и страшныхъ для нарушителей. Но до тѣхъ поръ приговоръ литературнымъ произведеніямъ зависитъ почти исключительно отъ особеннаго вкуса особенныхъ судей, и только случайно сходится съ мнѣніемъ образованнаго большинства.

Вотъ одна изъ причинъ, почему у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ критики. Да, я не знаю ни одного литературнаго сужденія, которое бы можно было принять за образецъ истиннаго воззрѣнія на нашу словесность. Не говоря уже о критикахъ, внушенныхъ пристрастіемъ, не говоря о безотчетныхъ похвалахъ или порицаніяхъ друзей и недруговъ,—возмемъ тѣ сужденія объ литературѣ нашей, которыя составлены съ самою большею отчетливостью и съ самымъ меньшимъ пристрастіемъ: и мы вездѣ найдемъ зависимость мнѣнія отъ вліяній словесностей иностранныхъ. Тотъ судитъ насъ по законамъ, принятымъ въ литературѣ Французской, тотъ образцомъ своимъ беретъ литературу Нѣмецкую, тотъ Англійскую, и хвалитъ все, что сходно съ его идеаломъ, и порицаетъ все, что не сходно съ нимъ. Однимъ словомъ, нѣтъ ни одного критическаго сочиненія, которое бы не обнаруживало пристрастія автора къ той или другой иностранной словесности, пристрастія по большей части безотчетнаго; ибо тотъ же критикъ, который судитъ писателей нашихъ по законамъ чужимъ, обыкновенно самъ требуетъ отъ нихъ національности и укоряетъ за подражательность.

Самымъ лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами могутъ служить вышедшіе до сихъ поръ разборы Бориса Годунова. Иной критикъ, помня Лагарпа, хвалитъ особенно тѣ сцены, которыя болѣе напоминаютъ трагедію Французскую, и порицаетъ тѣ, которымъ не видитъ примѣра у Французскихъ классиковъ. Другой, въ честь Шлегелю, требуетъ отъ Пушкина сходства съ Шекспиромъ, и упрекаетъ за все, чѣмъ поэтъ нашъ отличается отъ Англійскаго трагика, и восхищается только тѣмъ, что находитъ между обоими общаго. Каждый, по видимому, приноситъ свою систему, свой взглядъ на вещи, и ни одинъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣетъ своего взгляда; ибо каждый занялъ его у писателей иностранныхъ, иногда прямо, но чаще по наслышкѣ. И эта привычка смотрѣть на Русскую литературу сквозь чужіе очки иностранныхъ системъ до того ослѣпила нашихъ критиковъ, что они въ трагедіи Пушкина не только не замѣтили, въ чемъ состоятъ ея главныя красоты и недостатки; но даже не поняли, въ чемъ состоитъ ея содержаніе.

Въ ней нѣтъ единства,—говорятъ нѣкоторые изъ критиковъ,—нѣтъ поэтической гармоніи, ибо главное лицо: Борисъ, *заслонено* лицомъ второстепеннымъ, Отрепьевымъ.

Нѣтъ,—говорятъ другіе,—главное лицо не Борисъ, а Самозванецъ; жаль только, что онъ не довольно развитъ, и что не весь интересъ сосредоточивается на немъ; ибо гдѣ нѣтъ единства интереса, тамъ нѣтъ стройности.

Вы ошибаетесь,—говоритъ третій,—интересъ *не долженъ* сосредоточиваться ни на Борисѣ, ни на Самозванцѣ. Трагедія Пушкина есть трагедія *историческая*, слѣдовательно, не страсть, не характеръ, не лицо должны быть главнымъ ея предметомъ, но цѣлое время, *вѣкъ*. Пушкинъ то и сдѣлалъ: онъ представилъ въ трагедіи своей вѣрный очеркъ вѣка, сохранилъ всѣ его краски, всѣ особенности его цвѣта. Жаль только, что эта картина начертана поверхностно и не полно; ибо въ ней забыто многое характеристическое, и развито многое лишнее, напримѣръ, характеръ Марины и т. п. Еслибы Пушкинъ понялъ глубже время Бориса, онъ бы представилъ его полнѣе и ощутительнѣе, то есть, другими словами: подражая болѣе Шекспиру, Пушкинъ болѣе удовлетворилъ бы требованіямъ Шлегеля. Но забудемъ на время нашихъ критиковъ и Шекспира и Шлегеля и всѣ теоріи трагедій; посмотримъ на Бориса Годунова глазами не предубѣжденными системою, и не заботясь о томъ, что̀ *должно* быть средоточіемъ трагедіи, — спросимъ самихъ себя: что̀ составляетъ главный предметъ созданія Пушкина?

Очевидно, что и Борисъ, и Самозванецъ, и Россія, и Польша, и народъ, и царедворцы, и монашеская келья, и государственный совѣтъ — всѣ лица и всѣ сцены трагедіи развиты только въ *одномъ отношеніи*: въ отношеніи къ послѣдствіямъ цареубійства. Тѣнь умерщвленнаго Димитрія царствуетъ въ трагедіи отъ начала до конца, управляетъ ходомъ всѣхъ событій, служитъ связью всѣмъ лицамъ и сценамъ, разставляетъ въ одну перспективу всѣ отдѣльныя группы, и различнымъ краскамъ даетъ одинъ общій тонъ, одинъ кровавый оттѣнокъ. Доказывать это, значило бы переписать всю трагедію.

Но если убіеніе Димитрія съ его государственными послѣдствіями составляетъ главную нить и главный узелъ созданія Пушкина, если критики не смотря на то искали средоточія трагедіи въ Борисѣ, или въ Самозванцѣ, или въ жизни народа, и т. п., то очевидно, что они по *совѣсти* не могли быть довольны поэтомъ и должны были находить въ немъ и нестройность, и неполноту, и мелкость, и незрѣлость; ибо при такомъ отношеніи судей къ художнику, чѣмъ болѣе гармоніи въ твореніи послѣдняго, тѣмъ оно кажется разногласнѣе для первыхъ,

какъ вѣрно разсчитанная перспектива для избравшаго ложный фокусъ.

Но если бы, вмѣсто *фактическихъ* послѣдствій цареубійства, Пушкинъ развилъ намъ болѣе его *психологическое* вліяніе на Бориса, какъ Шекспиръ въ Макбетѣ; если бы вмѣсто Русскаго монаха, который въ темной кельѣ произноситъ надъ Годуновымъ приговоръ судьбы и потомства, поэтъ представилъ намъ Шекспировскихъ вѣдьмъ, или Мюльнерову волшебницу-цыганку, или пророческій сонъ

Pendant l'horreur d'une profonde nuit,

тогда, конечно, онъ былъ бы скорѣе понятъ и принятъ съ бо́льшимъ восторгомъ. Но чтобы оцѣнить Годунова, какъ его создалъ Пушкинъ, надобно было отказаться отъ многихъ ученыхъ и школьныхъ предразсудковъ, которые не уступаютъ никакимъ другимъ ни въ упорности, ни въ односторонности.

Большая часть трагедій, особенно новѣйшихъ, имѣетъ предметомъ дѣло совершающееся, или долженствующее совершиться. Трагедія Пушкина развиваетъ послѣдствія дѣла уже совершеннаго, и преступленіе Бориса является не какъ *дѣйствіе*, но какъ сила, какъ мысль, которая обнаруживается мало по малу, то въ шопотѣ царедворца, то въ тихихъ воспоминаніяхъ отшельника, то въ одинокихъ мечтахъ Григорія, то въ силѣ и успѣхахъ Самозванца, то въ ропотѣ придворномъ, то въ волненіяхъ народа, то, наконецъ, въ громкомъ ниспроверженіи неправедно царствовавшаго дома. Это постепенное возрастаніе коренной мысли въ событіяхъ разнородныхъ, но связанныхъ между собою однимъ источникомъ, даетъ ей характеръ сильно-трагическій, и такимъ образомъ позволяетъ ей заступить мѣсто господствующаго лица, или страсти, или поступка.

Такое трагическое воплощеніе мысли болѣе свойственно древнимъ, чѣмъ новѣйшимъ. Однако мы могли бы найти его и въ новѣйшихъ трагедіяхъ, на примѣръ, въ Мессинской Невѣстѣ, въ Фаустѣ, въ Манфредѣ; но мы боимся сравненій: гдѣ дѣло идетъ о созиданіи новомъ, примѣръ легче можетъ сбить, чѣмъ навести на истинное воззрѣніе.

Согласимся однако, что такого рода трагедія, гдѣ главная пружина не страсть, а мысль, по сущности своей не можетъ быть понята большинствомъ нашей публики; ибо большинство

у насъ не толпа, не народъ, наслаждающійся безотчетно, а гг. читатели, почитающіе себя образованными: они, *наслаждаясь*, хотятъ вмѣстѣ *судить*, и боятся прекраснаго-непонятнаго, какъ злаго искусителя, заставляющаго чувствовать противъ совѣсти. Если бы Пушкинъ, вмѣсто Годунова, написалъ Эсхиловскаго Промеѳея, гдѣ также развивается воплощеніе мысли, и гдѣ еще менѣе *ощутительной* связи между сценами, то, вѣроятно, трагедія его имѣла бы еще меньше успѣха, и ей не только бы отказали въ правѣ называться *трагедіей*, но врядъ ли бы признали въ ней какое нибудь достоинство, ибо она написана ясно противъ всѣхъ правилъ новѣйшей драмы. Я не говорю уже объ насъ, бѣдныхъ критикахъ; наше положеніе было бы тогда еще жалче: напрасно ученическимъ помазкомъ старались бы мы расписывать красоты великаго мастера, — намъ отвѣчали бы одно: Промеѳеей не трагедія, это стихотвореніе безпримѣрное, какого нѣтъ ни у Нѣмцевъ, ни у Англичанъ, ни у Французовъ, ни даже у Испанцевъ, — какъ же вы хотите, чтобы мы судили объ ней? на чье мнѣніе можемъ мы сослаться? ибо извѣстно, что намъ самимъ

Не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Таково состояніе нашей литературной образованности. Я говорю это не какъ упрекъ публикѣ, но какъ *фактъ*, и болѣе какъ упрекъ поэту, который не понялъ своихъ читателей. Конечно, въ Годуновѣ Пушкинъ выше своей публики; но онъ былъ бы еще выше, еслибъ былъ общепонятнѣе. Своевременность столько же достоинство, сколько красота, и Промеѳеей Эсхила въ наше время былъ бы анахронизмомъ, слѣдовательно, ошибкою.

Мы еще воротимся къ трагедіи Пушкина, когда будемъ говорить о Русской литературѣ вообще.

Наложница.

Поэма Баратынскаго имѣла въ литературѣ нашей ту же участь, какую и трагедія Пушкина: ее также не оцѣнили, также не поняли, также несправедливо обвиняли автора за недостатки небывалые, также хвалили его изъ снисхожденія къ прежнимъ заслугамъ и съ такимъ тономъ покровительства, который Гёте, изъ деликатности, не могъ бы принять, говоря о писателяхъ едва извѣстныхъ. И подъ этими протекторскими

обозрѣніями, подъ этими учительскими порицаньями и совѣтами, большая часть критиковъ не удостоила даже подписать своего имени.

Такого рода литературное самоуправство нельзя не назвать по крайней мѣрѣ страннымъ. Но оно покажется еще страннѣе, когда мы вспомнимъ, что тѣ же самые критики, которые поступали такимъ образомъ съ Баратынскимъ, большую половину статей своихъ о его поэмѣ наполнили разсужденіями о нравственныхъ и литературныхъ приличіяхъ.

Мы припомнимъ это обстоятельство, говоря о характерѣ литературы нашей вообще: теперь обратимся къ самой поэмѣ *).

По моему мнѣнію, *Наложница* отличается отъ другихъ поэмъ Баратынскаго большею зрѣлостью въ художественномъ исполненіи. Объяснимся.

Читая *Эду*, мы проникнуты однимъ чувствомъ, глубокимъ, грустнымъ, поэтически-молодымъ, но за то и молодо-неопредѣленнымъ. Воображеніе играетъ согласно съ сердцемъ; въ душѣ остаются яркіе звуки; но въ цѣломъ созданіи чего-то недостаетъ, и есть что-то недосказанное, что-то неконченное, какъ въ первомъ порывѣ чувства, еще необъясненнаго воспоминаньями. Наружная отдѣлка Эды имѣетъ недостатки такого же рода: поэтъ часто увлекается однимъ чувствомъ, однимъ описаніемъ, прекраснымъ *отдѣльно*, но не всегда необходимымъ въ отношеніи къ цѣлому созданью. Однимъ словомъ, въ поэмѣ не всѣ средства клонятся къ одной цѣли, хотя главное чувство развито въ ней сильно и увлекательно.

Въ *Бальномъ Вечерѣ*, напротивъ того, стройность и гармонія частей не оставляютъ ничего желать въ художественномъ отношеніи. Все соразмѣрено, все на мѣстѣ; каждая картина имѣетъ надлежащій объемъ; каждому описанію показаны свои границы. Но, не смотря на эту мѣрность частей, господствующее чувство проистекаетъ изъ нихъ недовольно ясно и звучно; и если въ Эдѣ недостаетъ пластической опредѣленности и симметріи, то въ Бальномъ Вечерѣ мы хотѣли бы видѣть болѣе лирическаго единства и увлекательности.

---

*) Большая часть критиковъ Наложницы опровергали сами себя и другъ друга; но самый полный разборъ поэмы, самыя благовидныя обвиненія, самое отчетливое опроверженіе присовокупленнаго къ ней предисловія, находятся въ разборѣ Наложницы, напечатанномъ въ 10 нумерѣ Телескопа. Въ концѣ этой книжки Европейца, читатели найдутъ отвѣтъ на этотъ разборъ, и онъ же можетъ служить отвѣтомъ и на остальныя критики Баратынскаго поэмы.

То и другое соединено въ *Наложницѣ*, гдѣ главной мысли соотвѣтствуетъ одно чувство, выраженное ясно и сильно, развитое въ событіяхъ, соотвѣтственныхъ ему и стройно соразмѣренныхъ.

Но эта художественная зрѣлость, которою отличается послѣдняя поэма Баратынскаго отъ прежнихъ, не составляетъ еще главнаго достоинства изящныхъ произведеній. Художественное совершенство, какъ образованность, есть качество второстепенное и относительное; иногда оно, какъ маска на скелетѣ, только прикрываетъ внутреннюю безжизненность; иногда, какъ лицо благорожденной души, оно служитъ ея зеркаломъ и выраженіемъ; но во всякомъ случаѣ его достоинство не самобытное и зависитъ отъ внутренней, его одушевляющей поэзіи. Потому чтобы оцѣнить, какъ должно, поэму Баратынскаго, постараемся опредѣлить общій характеръ его поэзіи, и посмотримъ, какъ она выразилась въ его послѣднемъ произведеніи.

Музу Баратынскаго можно сравнить съ красавицею, одаренною душею глубокою и поэтическою, красавицею скромною, воспитанной и столь приличной въ своихъ поступкахъ, рѣчахъ, нарядахъ и движеніяхъ, что съ перваго взгляда она покажется обыкновенною; толпа можетъ пройти подлѣ нея, не замѣтивъ ея достоинства; ибо въ ней все просто, все соразмѣрено, и ничто не бросается въ глаза яркимъ отличіемъ; но человѣкъ съ душевною проницательностью будетъ пораженъ въ ней именно тѣми качествами, которыхъ не замѣчаетъ толпа.

Вотъ отъ чего нерѣдко случается намъ встрѣчать людей образованныхъ, которые не понимаютъ всей красоты поэзіи Баратынскаго и которые, вѣроятно, нашли бы его болѣе по сердцу, если бы въ его стихахъ было менѣе простоты и обдуманности, больше шуму, больше оперныхъ возгласовъ и балетныхъ движеній, точно также, какъ въ половинѣ прошедшаго вѣка Англійская публика не могла сочувствовать съ Заирою, видя, что при упрекахъ Орозмана она только плачетъ; и актриса, играшая ея роль, желая произвести больше эфекта, должна была кричать и кататься по полу *).

---

*) Le sultan, говоритъ Волтеръ, n'est point ému de la voir dans cette posture ridicule et de désespoir, et le moment après il est tout étonné que Zaïre pleure. Il lui dit cet hémistiche:

Zaïre, vous pleurez!

Il auroit dù lui dire auparavant:

Zaïre, vous vous roulez par terre!

Но эта обдуманность и мѣрность, эта благородная простота и художественная докончанность, которыми отличаются произведенія Баратынскаго, не составляютъ случайнаго украшенія стиховъ его; онѣ происходятъ изъ самой сущности его поэзіи, которая, также какъ поэзія Батюшкова, дышетъ единственно любовью къ соразмѣрностямъ и къ гармоніи. Вся правда жизни представляется намъ въ картинахъ Баратынскаго въ перспективѣ поэтической и стройной; самыя разногласія являются въ ней не разстройствомъ, но музыкальнымъ диссонансомъ, который разрѣшается въ гармонію. Отъ того, чтобы дать просторъ сердцу, ему не нужно выдумывать себѣ небывалый міръ, волшебницъ, привидѣній и животнаго магнетизма; въ самой дѣйствительности открылъ онъ возможность поэзіи; ибо глубокимъ воззрѣніемъ на жизнь понялъ онъ необходимость и порядокъ тамъ, гдѣ другіе видятъ разногласіе и прозу. Оттуда утвержденіе его, что все истинное, вполнѣ представленное, не можетъ быть ненравственное; отъ того самыя обыкновенныя событія, самыя мелкія подробности жизни, являются поэтическими, когда мы смотримъ на нихъ сквозь гармоническія струны его лиры. Балъ, маскерадъ, непринятое письмо, пированье друзей, неодинокая прогулка, чтенье альбомныхъ стиховъ, поэтическое имя, однимъ словомъ, всѣ случайности и всѣ обыкновенности жизни, принимаютъ подъ его перомъ характеръ значительности поэтической,—ибо тѣсно связываются съ самыми рѣшительными опытами души, съ самыми возвышенными минутами бытія, и съ самыми глубокими, самыми свѣжими мечтами, мыслями и воспоминаньями о любви и дружбѣ, о жизни и смерти, о добрѣ и злѣ, о Богѣ и вѣчности, о счастьи и страданіяхъ, о ихъ цѣли, слѣдахъ и поэзіи.

Эти возвышенныя, сердечныя созерцанія, слитыя въ одну картину съ ежедневными случайностями жизни, принимаютъ отъ нихъ ясную форму, живую опредѣленность и граціозную ощутительность, между тѣмъ какъ самыя обыкновенныя событія жизни получаютъ отъ такого сліянія глубокость и музыкальность поэтическаго созданія. Такъ, часто не унося воображенія за тридевять земель, но оставляя его посреди обыкновеннаго быта, поэтъ умѣетъ согрѣть его такою сердечною поэзіею, такою идеальною грустію, что не отрываясь отъ гладкаго, вощенаго паркета, мы переносимся въ атмосферу музыкальную и мечтательно просторную.

Это направленіе поэзіи Баратынскаго яснѣе, чѣмъ въ другихъ поэмахъ, выразилось въ его Наложницѣ. Я не стану повторять здѣсь ея содержанія, давно уже извѣстнаго каждому изъ моихъ читателей. Замѣчу только, что въ этой поэмѣ нѣтъ ни одной сцены, которая бы не привела къ чувству поэтическому, и нѣтъ ни одного чувства, которое бы не сливалось неразрывно съ картиною изъ жизни дѣйствительной, — и эти картины говорятъ гораздо яснѣе всѣхъ возможныхъ толкованій. Вмѣсто того, чтобы описывать словами то тяжелое чувство смутной грусти, которое угнетало душу Елецкаго посреди безпорядочной, развратной его жизни; вмѣсто того, чтобы разсказывать, какъ эта грязная жизнь не могла наполнить его благороднаго сердца и должна была возбудить въ немъ необходимость любви чистой и возвышенной; какъ эта новая любовь, освѣжая его душу, должна была противорѣчить его обыкновенному быту; вмѣсто всѣхъ этихъ психологическихъ объясненій, поэтъ рисуетъ намъ сцены живыя, которыя говорятъ воображенію и взяты изъ вѣрнаго описанія дѣйствительности: картину ночнаго пированья; его безобразные слѣды въ комнатѣ Елецкаго; окно, открытое на златоглавый Кремль, поутру, при восхожденіи солнца; гулянье подъ Новинскимъ и встрѣчу съ Вѣрою, маскерадъ, разговоръ съ Сарою и пр. и пр. Иногда одинъ стихъ вмѣщаетъ цѣлую исторію внутренней жизни. Такъ, чтобы выразить любовь Елецкаго, поэтъ описываетъ наружность Вѣры, и прибавляетъ только:

Своими чистыми очами,
Своей спокойной красотой,
Столь благороднымъ выраженьемъ
Сей драгоцѣнной тишины, —
Она сходна была съ видѣньемъ
Его разборчивой весны.
. . . . . .

Онъ встрѣчается съ Вѣрою въ театрѣ:

Елецкій, сцену забывая,
Съ той ложи не сводилъ очей,
Въ которой Вѣра Волховская
Сидѣла, изрѣдка встрѣчая
Взоръ, остановленный на ней.—
Вкусивъ неполное свиданье,
Елецкій приходилъ домой
Исполненъ мукою двойной;
Но полюбивъ свое страданье,
Такой же встрѣчи съ новымъ днемъ
Искалъ въ безуміи своемъ.

Какъ нѣсколько словъ представляютъ весь характеръ Вѣры, и начало ея любви, и ея будущую участь:

Природа Вѣру сотворила
Съ живою, нѣжною душой;
Она ей чувствовать судила
Съ опасной въ жизни полнотой.
Недавно дѣва молодая,
Красою свѣжею блистая,
Вступила въ вихорь городской.
Она еще не разсудила,
Не поняла души своей;
Но темною мечтою въ ней
Она уже проговорила.
Странна ей суетность была;
Она плѣниться не могла
Ея несвязною судьбиной;
Хотѣло бъ сердце у нее
Себѣ избрать кумиръ единой,
И тѣмъ осмыслить бытіе.
Тутъ романическія встрѣчи
Съ героемъ повѣсти моей
.....

Но судьба обманула сердце бѣдной Вѣры: женихъ ея погибъ, всѣ мечты счастья разрушены навсегда,—и весь ужасный переворотъ въ душѣ ея поэтъ рисуетъ одною картиною, ощутительно ясною, глубоко обдуманною и вмѣстѣ поразительно простою и обыкновенною:

Въ ту жъ зиму съ дядей старикомъ
Покинувъ городъ, возвратилась
Она лишь два года потомъ.
Лицомъ своимъ не измѣнилась;
Блистаетъ тою же красой;
Но строже смотритъ за собой.
Въ знакомство тѣсное не входитъ
Она ни съ кѣмъ. Всегда отводитъ
Чуть-чуть короткій разговоръ.
Подчинены ея движенья
Холодной мѣрѣ. Вѣринъ взоръ,
Не измѣняя выраженья,
Не выражаетъ ничего.
Блестящій юноша его
Не оживитъ, и нетерпѣнья
Въ немъ не замѣтитъ старый шутъ.
Ее смѣшливыя подруги
Въ нескромный смѣхъ не вовлекутъ;
Раздѣлены ея досуги
Между роялемъ и канвой;
Въ раздумьи праздномъ не видали,
И никогда не заставали
Съ романомъ Вѣры Волховской;
Дѣвицей самой совершенной
Въ устахъ у всѣхъ она слыветъ.
Чтожъ эту скромность ей даетъ?
Увы! тоскою потаенной

Еще-ль душа ея полна?
Еще ли носитъ въ ней она
О прошломъ вѣрное мечтанье,
И равнодушна ко всему,
Что не относится къ нему,—
Что не его воспоминанье?
Или, созрѣвъ умомъ своимъ,
Уже теперь постигла имъ
Она безумство увлеченья?
Уразумѣла, какъ смѣшно
И легкомысленно оно,
Какъ правы принятыя мнѣнья
О романическихъ мечтахъ?
Или теперь въ ея глазахъ,
За общій очеркъ, въ мигъ забвенья
Полусвершенный ею шагъ,
Сталъ дѣтской шалостью одною,
И съ утонченностью такою,
Осмотру свѣтскому вѣрна,
Его сама передъ собою
Желаетъ искупить она?
Одно-ль, другое-ль въ ней виною
Страстей безвременной тиши:
Утраченъ Вѣрой молодою
Иль жизни цвѣтъ, иль цвѣтъ души.

Это описаніе Вѣры служитъ однимъ изъ лучшихъ примѣровъ того, какъ самыя обыкновенныя явленія въ жизни дѣйствительной получаютъ характеръ глубоко поэтическій подъ перомъ Баратынскаго. Я не говорю уже объ изображеніи Сары, лучшаго, можетъ быть, созданія въ цѣлой поэмѣ.

Однако, не смотря на всѣ достоинства Наложницы, нельзя не признаться, что въ этомъ родѣ поэмъ, какъ въ картинахъ Міериса, есть что-то безполезно стѣсняющее, что-то условно ненужное, что-то мелкое, не позволяющее художнику развить вполнѣ поэтическую мысль свою. Уже самый объемъ поэмы противорѣчитъ возможности свободнаго изліянія души; и для наружной стройности, для гармоніи переходовъ, для соразмѣрности частей, поэтъ часто долженъ жертвовать другими, болѣе существенными качествами. Такъ, самая любовь къ прекрасной стройности и соразмѣрности вредитъ поэзіи, когда поэтъ дѣйствуетъ въ кругу, слишкомъ ограниченномъ. Паганини, играя концерты на одной струнѣ, имѣетъ по крайней мѣрѣ то самолюбивое утѣшеніе, что публика удивляется искусству, съ которымъ онъ побѣждаетъ заданныя себѣ трудности. Но многіе ли способны оцѣнить тѣ трудности, съ которыми долженъ бороться Баратынскій?—

Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что публика наша до тѣхъ поръ не пойметъ всей глубокости и всей поэзіи

оригинальнаго взгляда на жизнь, которымъ отличается Муза Баратынскаго, покуда онъ не представитъ его въ произведеніи, болѣе соотвѣтственномъ господствующему направленію его воображенія. Баратынскій, больше чѣмъ кто либо изъ нашихъ поэтовъ, могъ бы создать намъ поэтическую комедію, состоящую не изъ холодныхъ каррикатуръ, не изъ печальныхъ остротъ и каламбуровъ, но изъ вѣрнаго и вмѣстѣ поэтическаго представленія жизни дѣйствительной, какъ она отражается въ ясномъ зеркалѣ поэтической души, какъ она представляется наблюдательности тонкой и проницательной, передъ судомъ вкуса разборчиваго, нѣжнаго и счастливо образованнаго.

Русскіе альманахи

на 1832 годъ.

(*1832*).

До сихъ поръ вышло болѣе десяти альманаховъ на 1832 годъ. Между ними *Альціона*, изданная Барономъ Розеномъ, замѣчательна превосходными стихами Жуковскаго, стихами Пушкина, Кн. Вяземскаго и прозою Марлинскаго и Сомова. Но безъ сравненія отличаются отъ всѣхъ другихъ альманаховъ *Сѣверные Цвѣты*, блестящіе именами Дмитріева (И. И.), Жуковскаго, Пушкина, Кн. Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, и даже Батюшкова и покойнаго Дельвига. Вотъ уже годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ Дельвига не стало, съ тѣхъ поръ, какъ преждевременная смерть ненавистною рукою вырвала его изъ круга друзей и тихой, поэтической дѣятельности.

Онъ былъ Поэтъ: безпечными глазами (*)
Смотрѣлъ на міръ,—и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьми;
Онъ красоту боготворилъ душой;
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой.
. . . . . .
Любовь онъ пѣлъ, его напѣвы (**)
Блистали стройностью живой,
Какъ рѣзвый станъ и перси дѣвы,
Олимпа чашницы младой.
Онъ пѣлъ вино: простой и ясной
Стихи восторгъ одушевлялъ;
Они звенѣли сладкогласно,
Какъ въ шумѣ вольницы прекрасной
Фіялъ, цѣлующій фіялъ.
И дѣвы Русскія пристрастно
Ихъ повторяютъ. . . . . .
. . . . . .

---

*) Стихи сіи взяты изъ пѣсни Н. М. Языкова, напечатанной въ Сѣв. Цвѣтахъ 1832.

**) Изъ Посланья Языкова къ Дельвигу, напечатаннаго тамъ же.

Таковъ онъ былъ, хранимый Фебомъ,
Душой и лирой древній Грекъ.
. . . . . .
Его ужъ нѣтъ. Главой безпечной
Отъ шума жизни скоротечной,
Изъ міра, гдѣ все прахъ и дымъ,
Въ міръ лучшій, въ лоно жизни вѣчной
Онъ перелегъ. Но лиры звонъ
Намъ навсегда оставилъ онъ.

Дельвигъ писалъ немного и печаталъ еще менѣе; но каждое произведеніе его дышетъ зрѣлостью поэтической мечты и доконченностью классической отдѣлки. Его подражанія древнимъ, болѣе чѣмъ всѣ Русскіе переводы и подражанія, проникнуты духомъ древней простоты, Греческою чувствительностью къ пластической красотѣ, и древнею, дѣтскою любовью къ чистымъ идеаламъ чувственнаго совершенства. Но та поэзія, которою исполнены Русскія пѣсни Дельвига, ближе къ Русскому сердцу; въ этихъ пѣсняхъ отзывается гармоническимъ отголоскомъ задумчивая грусть и поэтическая простота нашихъ Русскихъ мелодій. Выписываемъ, въ доказательство, одну изъ пѣсенъ Дельвига, напечатанныхъ въ послѣднихъ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, которая принадлежитъ къ числу лучшихъ его пѣсенъ:

Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ;
По слободкѣ той дороженька бѣжитъ;
Путь-дорожка широка, да не длинна;
Разбѣгается въ двѣ стороны она:
Какъ на лѣво—на кладбище къ мертвецамъ;
А на право—къ Закавказскимъ молодцамъ.
Грустно было провожать мнѣ, молодой,
Двухъ родимыхъ и по той и по другой!
Обручальника по лѣвой проводя,
Съ плачемъ матерью-землей покрыла я;
А налетный другъ уѣхалъ по другой,
На прощанье мнѣ кивнувши головой.

Оцѣнить безпристрастно и подробно стихотворенія Дельвига, — была бы не маловажная услуга Русской литературѣ, и это одна изъ лучшихъ задачъ, предстоящихъ нашимъ критикамъ.

Повѣсть Батюшкова, напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, отличается его обыкновенною звучностью и чистотою языка. Стихи Дмитріева также напомнили намъ живо его прежнюю поэзію; прочтя ихъ, кто не повторитъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ:

Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчно юный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,—
И звуки насъ плѣнили тѣ-жъ.

Этотъ *Отвѣтъ* Жуковскаго исполненъ самыхъ свѣжихъ красотъ, самаго поэтическаго чувства и самаго трогательнаго воспоминанія.

Къ названному нами присовокупимъ еще: *Сраженіе съ Змѣемъ*, переводъ Жуковскаго изъ Шиллера; *А. А. Дельвигу*, Языкова; *Моцартъ* и *Сальери*, Пушкина; *До свиданія*, Кн. Вяземскаго;—и вотъ лучшія украшенія Сѣверныхъ Цвѣтовъ нынѣшняго года, богатыхъ еще многими прекрасными стихами и прозою. Вообще, появленіе ихъ можно поставить въ число самыхъ замѣчательныхъ событій текущей литературы.

Горе отъ ума—на Московскомъ театрѣ.

(*1832*).

Въ концѣ прошедшаго года поставлена на Московскій театръ извѣстная комедія покойнаго А. С. Грибоѣдова: Горе отъ ума, и не смотря на то, что актеры играли дурно и ни одинъ изъ нихъ, не исключая даже г. Щепкина, не понялъ своей роли; не смотря на то, что комедія была уже давно знакома большей части зрителей, ибо нѣтъ уѣзда въ Европейской Россіи, нѣтъ армейскаго полка, гдѣ бы ее не знали наизусть; не смотря на то, что она не имѣетъ собственно драматическихъ и театральныхъ достоинствъ, и лучше въ простомъ чтеніи, чѣмъ на сценѣ; не смотря на то, наконецъ, что Московская публика видѣла въ ней собственную свою каррикатуру, — театръ былъ почти полонъ въ продолженіе трехъ или четырехъ разъ ея представленія. Доказываетъ ли это безпристрастіе Московской публики? Или наша насмѣшливость сильнѣе нашего самолюбія? Или, можетъ быть, мы смотрѣли на сцену съ такимъ же добрымъ простодушіемъ, съ какимъ извѣстная обезьяна, глядясь въ зеркало, говорила медвѣдю:

Смотри-ка, Мишенька: что это тамъ за рожа?

Правда, оригиналы тѣхъ портретовъ, которые начерталъ Грибоѣдовъ, уже давно не составляютъ большинства Московскаго общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама Москва смотритъ на нихъ, какъ на рѣдкость, какъ на любопытныя развалины другаго міра. Но главный характеръ Московскаго общества вообще — не перемѣнился. Философія Фамусова и теперь еще кружитъ намъ головы (*); мы и теперь, также какъ въ его время, хлопочемъ и суетимся изъ ничего; кланяемся и унижаемся безкорыстно и только изъ удовольствія кланяться; ведемъ жизнь безъ цѣли, безъ смысла; сходимся съ людьми безъ участія, расходимся безъ сожалѣнія; ищемъ наслажденій минутныхъ, и не умѣемъ наслаждаться.

---

*) Пофилософствуй, умъ вскружится:
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!

И теперь, также какъ при Фамусовѣ, домы наши равно открыты для всѣхъ: для зва́ныхъ и незваныхъ, для честныхъ и для подлецовъ. Связи наши составляются не сходствомъ мнѣній, не сообразностью характеровъ, не одинакою цѣлью въ жизни, и даже не сходствомъ нравственныхъ правилъ; ко всему этому мы совершенно равнодушны. Случай насъ сводитъ, случай разводитъ, и снова сближаетъ, безъ всякихъ послѣдствій, безъ всякаго значенія.

Эта пустота жизни, это равнодушіе ко всему нравственному, это отсутствіе всякаго мнѣнія и вмѣстѣ боязнь пересудовъ, эти ничтожныя отношенія, которыя истощаютъ человѣка по мелочамъ и дѣлаютъ его неспособнымъ ко всему стройно дѣльному, ко всему возвышенному и достойному труда: *жить*,— все это даетъ Московскому обществу совершенно особенный характеръ, составляющій середину между уѣзднымъ кумовствомъ и безвкусіемъ, и столичною искательностью и роскошью. Конечно, есть исключенія, и, можетъ быть, ихъ больше, чѣмъ сколько могутъ замѣтить проходящіе: есть общества счастливо отборныя, заботливо охраняющія себя отъ ихъ окружающей смѣшенности и душнаго ничтожества; есть люди, которые въ кругу тихихъ семейныхъ отношеній, посреди безкорыстныхъ гражданскихъ обязанностей, развиваютъ чувства возвышенныя вмѣстѣ съ правилами твердыми и благородными; есть люди, постигшіе возможность цѣли высокой посреди всеобщей пустоты и плоскости; люди, умѣющіе создавать себѣ наслажденія просвѣщенныя и роскошествовать съ утонченностью и вкусомъ; но эти люди, эти общества далеко не составляютъ большинства; и если бы они захотѣли принять на себя безполезную и молодо - странную откровенность *Чацкаго*, то, также какъ онъ, явились бы пугалищемъ собраній, существомъ несноснымъ, неприличнымъ и сумасшедшимъ.

Однако и самыя исключенія, находящіяся въ безпрестанной борьбѣ съ большинствомъ, не могутъ совершенно охраниться отъ его заразительности, и невольно, болѣе или менѣе, раздѣляютъ его недостатки. Такъ почти нѣтъ дома въ Москвѣ, который бы чѣмъ нибудь не обнаружилъ просвѣщенному иностранцу нашей недообразованности, и если не въ гостиной, не въ кабинетѣ, то хотя въ прихожей найдетъ онъ какое нибудь разногласіе съ Европейскимъ бытомъ и согласіе съ бытомъ Московскимъ.

Естественно, что это имѣетъ вліяніе и на самого хозяина; и потому совершенно справедливо, что

На всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ главная мысль комедіи Грибоѣдова, мысль, выраженная сильно, живо и съ прелестью поразительной истины. Каждое слово остается въ памяти неизгладимо; каждый портретъ приростаетъ къ лицу оригинала неотъемлемо; каждый стихъ носитъ клеймо правды и кипитъ огнемъ негодованія, знакомаго одному таланту.

Но есть въ той же комедіи другая мысль, которая, по моему мнѣнію, если не противорѣчитъ господствующей, то по крайней мѣрѣ доказываетъ, что авторъ судилъ о Москвѣ болѣе какъ *свидѣтель*, страстно взволнованный, нежели какъ *судья*, равнодушно мыслящій, и умѣющій, даже осуждая, отличать хорошее отъ дурнаго. Можетъ быть, это не вредитъ произведенію искусства, не вредитъ истинѣ художественной; но вредитъ истинѣ практической и нравственной. Мысль, о которой я говорю, заключается въ негодованіи автора на нашу любовь къ иностранному. Правда, эта любовь часто доходитъ до смѣшнаго и безсмысленнаго; дурно направленная, она часто мѣшаетъ нашему собственному развитію; но злоупотребленія вещи не уничтожаютъ ея достоинства. Правда, мы смѣшны, подражая иностранцамъ,—но только потому, что подражаемъ неловко и невполнѣ; что изъ-подъ Европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ Русскаго кафтана, и что, обривши бороду, мы еще не умыли лица. Но странность нашей подражательности пройдетъ при большемъ распространеніи просвѣщенія; а просвѣщеніе у насъ распространиться не можетъ иначе, какъ вмѣстѣ съ распространеніемъ иностраннаго образа жизни, иностраннаго платья, иностранныхъ обычаевъ, которые сближаютъ насъ съ Европою *физически*, и, слѣдовательно, способствуютъ и къ нашему нравственному и просвѣщенному сближенію. Ибо, кто не знаетъ, какое вліяніе имѣетъ наружное устройство жизни на характеръ образованности вообще? Намъ нечего бояться утратить своей національности: наша религія, наши историческія воспоминанія, наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически невозможно сдѣлаться ни Французами, ни Англичанами, ни Нѣмцами. Но до сихъ поръ національность наша была

національность необразованная, грубая, Китайски-неподвижная. Просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія,—можетъ только вліяніе чужеземное; и какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше заимствовано извнѣ, такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поравняемся съ остальною Европою. Тамъ, гдѣ *обще-Европейское* совпадется съ нашею *особенностью*, тамъ родится просвѣщеніе истинно-Русское, образованно-національное, твердое, живое, глубокое и богатое благодѣтельными послѣдствіями. Вотъ отъ чего наша любовь къ иностранному можетъ иногда казаться смѣшною, но никогда не должна возбуждать негодованія; ибо, болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно, она всегда ведетъ за собой просвѣщеніе и успѣхъ, и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ не столько вредна, сколько полезна.

Но любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ пристрастіемъ къ иностранцамъ; если первая полезна, какъ дорога къ просвѣщенію, то послѣднее, безъ всякаго сомнѣнія, и вредно и смѣшно, и достойно нешуточнаго противодѣйствія. Ибо,—не говоря уже объ томъ, что изъ десяти иноземцевъ, промѣнявшихъ свое отечество на Россію, рѣдко найдется одинъ просвѣщенный,—большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ не рознится съ нами даже и мѣстомъ своего рожденія; они родились въ Россіи, воспитаны въ полурусскихъ обычаяхъ, образованы также поверхностно, и отличаются отъ коренныхъ жителей только своимъ *незнаньемъ Русскаго языка* и иностраннымъ окончаніемъ фамилій. Это незнанье языка естественно дѣлаетъ ихъ чужими посреди Русскихъ, и образуетъ между ними и кореннымі жителями совершенно особенныя отношенія. Отношенія сіи, всѣмъ имъ болѣе или менѣе общія, созидаютъ между ними общіе интересы, и потому застазляютъ ихъ сходиться между собою, помогать другъ другу и, не условливаясь, дѣйствовать заодно. Такъ самое *незнанье языка* служитъ для нихъ *паролемъ*, по которому они узнаютъ другъ друга; а недостатокъ просвѣщенія нашего заставляетъ насъ смѣшивать иностранное съ иностранцами, какъ робенокъ смѣшиваетъ учителя съ наукою, и въ умѣ своемъ не умѣетъ отдѣлить понятія объ учености отъ круглыхъ очковъ и неловкихъ движеній.

Нѣсколько словъ о слогѣ Вильменя.

(1832).

Предыдущая статья объ Императорѣ Іуліанѣ *) принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ произведеніямъ Вильменя, гдѣ благородная простота слога не изукрашена кудреватою изысканностью выраженій и оборотовъ. Ибо, говоря вообще, языкъ Вильменя не столько отличается красотою правильною, строгою и классически спокойною, сколько живою, прихотливою граціозностью, щеголеватою своеобразностью и часто изученною небрежностью. Это особенно замѣтно въ его импровизированныхъ лекціяхъ, гдѣ литераторъ не имѣетъ времени быть сочинителемъ и переработывать свои невольныя внушенія по законамъ отчетливаго вкуса, и гдѣ, слѣдовательно, природный талантъ является со всѣми особенностями своихъ красотъ и недостатковъ, какъ разбуженная красавица въ утреннемъ неприборѣ. По той же причинѣ, по которой Гизо на лекціяхъ говоритъ больше дѣла и меньше фразъ, чѣмъ въ сочиненіяхъ обдѣланныхъ на досугѣ, по той же причинѣ въ импровизаціяхъ Вильменя больше фразъ и меньше дѣла, чѣмъ въ его твореніяхъ кабинетныхъ. За то фразы его, какъ удачный стихъ, какъ счастливая тема, остаются въ памяти даже и тогда, когда онѣ не выражаютъ мысли новой или необыкновенной, хотя общая система мыслей Вильменя и нова и необыкновенна для Франціи. Я говорю *система*, ибо не могу согласиться съ тѣми, которые не находятъ

---

*) Тотъ же литераторъ, которому мы обязаны переводомъ этой статьи, столько же правильно, изящно и близко передалъ на Русскій языкъ сочиненіе того же автора о Христіанскомъ Краснорѣчіи IV вѣка. Сочиненіе это будетъ напечатано вмѣсто предисловія къ новому переводу *Избранныхъ мѣстъ изъ Св. Іоанна Златоуста*, издаваемому г. Оболенскимъ (переводчикомъ Платона и Геродіана) въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія. См. 13 N. Телескопа.

ее во мнѣніяхъ Вильменя. Да, не смотря на наружный безпорядокъ его мыслей, не смотря на небрежность его изложенія, не смотря на кажущуюся легкость и случайность его положеній, Вильмень имѣетъ свою систему, и систему зрѣло обдуманную, ибо утвержденія его нигдѣ не противорѣчатъ одно другому; систему глубокую, ибо его мысли наравнѣ съ вѣкомъ; систему твердо понятую и строго связанную, именно потому, что онъ можетъ выражать ее такъ легко, такъ удопонятно и, по видимому, такъ поверхностно: ясность есть послѣдняя степень обдуманности.

На слогъ Вильменя болѣе другихъ Французскихъ писателей походитъ слогъ Бальзака, сочинителя Послѣдняго Шуана, Картинъ изъ частной жизни и пр. и пр. Бальзакъ, также какъ Вильмень, любитъ удивлять неожиданностью оборотовъ, необыкновенностью выраженій и небывалымъ сцѣпленіемъ разнозначительныхъ эпитетовъ; онъ, также какъ Вильмень, большую часть сравненій своихъ заимствуетъ изъ жизни дѣйствительной и настоящей; онъ также позволяетъ себѣ иногда неправильность и нововведеніе для того, чтобы нарисовать мысль въ ея живомъ цвѣтѣ, съ ея нѣжнѣйшими оттѣнками; — но не смотря на это сходство *манеры*, слогъ Бальзака, по моему мнѣнію, отличается отъ слога Вильменя тѣмъ, что послѣдній всегда почти вѣренъ чувству изящнаго приличія, между тѣмъ какъ первый, не смотря на весь талантъ свой, часто переступаетъ за предѣлы граціозности въ область неестественности. Вильмень скажетъ иногда фразу мишурную, но кстати; Бальзакъ повторитъ ту же фразу и часто не къ мѣсту. Вильмень иногда неправиленъ какъ литераторъ, но въ самыхъ неправильностяхъ его вы видите человѣка со вкусомъ тонкимъ и воспитаннымъ посреди отборнаго общества; говоря мысль новую, для которой еще нѣтъ выраженія, онъ скорѣе выберетъ оборотъ капризно разговорный, чѣмъ тяжело ученый, по такому же чувству приличія, по какому наши дамы, не находя Русскихъ словъ, скорѣе рѣшаются на галлицизмъ, чѣмъ на выраженіе Славянское. Бальзакъ неправиленъ не меньше Вильменя; но неправильность его часто ни чѣмъ не оправдывается, и его изысканность иногда оскорбляетъ не только вкусъ литератора, но и хорошій вкусъ вообще, какъ слишкомъ высокій прыжокъ танцующаго не на театрѣ.

Особенно примѣчательно въ Вильменѣ то, что, не зная по-Нѣмецки, онъ въ своихъ основныхъ мысляхъ и особенно въ

ихъ литературныхъ примѣненіяхъ, почти всегда сходится съ мыслями господствующими въ Германіи. По моему мнѣнію, это одно могло бы доказать намъ, что познаніе Нѣмецкой литературы значительно распространено между образованными Французами; что результаты Нѣмецкаго мышленія обращаются тамъ какъ монета, болѣе или мѣне знакомая каждому, хотя еще новая и не всѣми принимаемая, подобно нашимъ деньгамъ изъ платины.

О русскихъ писательницахъ.

(Письмо къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ).

(1833).

На послѣдней почтѣ я не успѣлъ высказать вамъ, милостивая государыня, всѣхъ мыслей и чувствъ, которыя возбудило во мнѣ письмо ваше: позвольте договорить теперь. Для меня это дѣло самолюбія: я боюсь въ глазахъ вашихъ попасть къ числу тѣхъ, которые, видя прекрасное, понимаютъ его въ половину или цѣнятъ на вѣтеръ,—боюсь тѣмъ больше, что для меня, послѣ достоинства *хорошо дѣйствовать*, нѣтъ выше, какъ *умѣть понимать хорошее.*

Въ дѣйствіяхъ Одесскихъ дамъ я вижу не только доброе дѣло, но, — что по моему мнѣнію еще лучше, — дѣло истинно просвѣщенное. Оно замѣчательно не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ общественномъ, какъ новое утѣшительное доказательство, что вообще образованность наша подвинулась впередъ. Здѣсь не одно внушеніе сердца, не одинъ случайный поступокъ, но добрая общественная мысль, раздѣленная многими; не просто состраданіе къ несчастію, безпокоющему насъ своимъ присутствіемъ, но просвѣщенно-сердечное участіе въ дѣлѣ общемъ,—не подложный признакъ того святаго просвѣщенія, которое одно истинное, и которое до сихъ поръ было у насъ еще довольно рѣдко.

Что женщины вообще имѣютъ сердце нѣжное, — это вещь давно извѣстная и такъ обыкновенная, что даже рѣдко вмѣняется въ достоинство, какъ все неизбѣжное, за что благодарятъ судьбу, а не человѣка. Что въ Россіи особенно есть женщины, созданныя съ душею возвышенною, способныя къ дѣламъ прекраснымъ, высокимъ, даже героическимъ,—это также вещь доказанная, и мы въ этомъ отношеніи уже имѣемъ право гордиться передъ многими народами, находя у себя при-

мѣры не одного, не двухъ поступковъ такихъ, отъ которыхъ на душѣ становится вмѣстѣ и тепло и свято. Но сочувствіе съ общественною жизнію у насъ еще ново, и отъ того женщины наши, не смотря на всѣ свои частныя добродѣтели, дѣлаютъ вообще меньше добра, чѣмъ въ государствахъ больше просвѣщенныхъ, и только потому, что тамъ общее чувство заставляетъ ихъ дѣйствовать *вмѣстѣ*, между тѣмъ какъ у насъ каждая можетъ дѣйствовать только за себя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на все добро, произведенное женскими благотворительными обществами въ Пруссіи, въ Баваріи, на Рейнѣ, во Франціи, и особенно въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Не меньше хорошимъ знакомъ кажется мнѣ и то, что Одесскія дамы выбрали, какъ одно изъ средствъ — издать Альманахъ. Тому лѣтъ десять врядъ ли пришло бы кому-нибудь на мысль это средство. Впрочемъ, что я не слишкомъ далеко увлекся движеніемъ первой мысли, что ваши Одесскія дѣйствія въ самомъ дѣлѣ не случайность, не исключеніе, но признакъ большей зрѣлости нашей общественной образованности, — это, въ случаѣ нужды, я могъ бы доказать тысячью различныхъ примѣровъ, которые всѣ подтверждаютъ одно: что просвѣщеніе у насъ подвигается быстро, и что успѣхи его еще замѣтнѣе въ женщинахъ, чѣмъ въ мужчинахъ.

Возмите въ примѣръ наши гостиныя, нашу литературу, наше *первое* воспитаніе, которое всегда и вездѣ есть дѣло женщинъ,—какая разница съ тѣмъ, что̀ было прежде! Далеко ли то время, когда мнѣніе общественное отдѣляло женщинъ образованныхъ въ особый классъ, отличая ихъ названіемъ *ученыхъ?*— Теперь женщина только образованная еще не выходитъ отъ того изъ круга обыкновенныхъ. — Давно ли любезность женщинъ заключалась въ искусствѣ играть словами, вертѣть понятіями, низать узорныя фразы, и тѣ часто заученыя? Давно ли разговоръ ихъ вертѣлся между тѣсными личностями и безконечнымъ калейдоскопомъ общихъ мѣстъ о добродѣтели и порокѣ, о любви и дружбѣ, о чувствительности и холодности, о превосходствѣ мужчинъ или женщинъ, или о томъ, слѣпой ли счастливѣе глухаго, или глухой слѣпаго? Теперь такія любезности уже рѣдки. Вообще репутація любезности теперь уже не основывается на фразахъ; образованныя женщины уже не вертятъ понятіями куда попало; уже подъ маскою словъ не

ищутъ однихъ только личныхъ отношеній;—и на то есть причина: онѣ начали *мыслить*, и большая часть изъ нихъ имѣетъ образъ мыслей уже не гостинный, не накладной, но свой, настоящій. Часто въ головкѣ, еще не получившей права на буклн, уже хранятся мысли самобытныя, современныя, не памятью добытыя, но серьёзнымъ размышленіемъ, или чтеніемъ книгъ такихъ, которыя прежде были бы недоступны для самыхъ ученыхъ. Бывало, при звукѣ смычка, дамы наши всею душею уходили въ свои ножки, все въ нихъ оживлялось, все приходило въ движеніе; онѣ дѣйствовали на паркетѣ всѣмъ сердцемъ, всѣми силами, всѣмъ тѣломъ, всею душею, — и все это вертѣлось предъ вами, все это прыгало безъ памяти. А теперь! — въ самыхъ блестящихъ собраніяхъ есть что-то неполное; на лицахъ самыхъ веселыхъ замѣтите вы частыя минуты задумчивости. Откуда такая перемѣна? Многіе видятъ въ этомъ только новую причину скуки; я въ этой скукѣ вижу потребность чего-то лучшаго, — потребность жизни живѣе, умнѣе, дѣльнѣе, теплѣе, однимъ словомъ: *просвѣщенія*.

И то внутреннее, невыразимое страданіе, которое происходитъ отъ этой потребности живо ощущаемой, та болѣзнь души мыслящей, *болѣзнь образованности*, которая родилась въ наше время и до сихъ поръ еще не нашла себѣ имени, которая вмѣстѣ служитъ и причиною и признакомъ просвѣщенія, — какъ часто встрѣчаете вы ее даже въ такихъ женщинахъ, которыхъ, кажется, и природа и судьба нарочно для того только и создали на свѣтъ, чтобы узнать земное счастіе во всемъ его блескѣ. Это тяжело видѣть, но вмѣстѣ и отрадно; это страданіе, болѣзнь,—но болѣзнь къ росту, чистилище ума, переходъ въ міръ, вѣроятно, лучшій.

Впрочемъ не одно безотчетное чувство досталось въ удѣлъ нашимъ дамамъ отъ современнаго просвѣщенія. Часто подъ граціознымъ покрываломъ веселой шутки, подъ легкимъ, блестящимъ словомъ, скрывается не пролётная мысль, не слѣпое чувство, но цѣлое, настоящее *мнѣніе*, — мнѣніе, вещь почти неслыханная въ прежнія времена! Правда, и теперь это вещь довольно рѣдкая; но все она встрѣчается и, можетъ быть, чаще, чѣмъ думаютъ многіе. По крайней мѣрѣ, образованныя женщины *хотятъ* имѣть мнѣніе, чувствуютъ, что неукрашенныя сердечнымъ убѣжденіемъ въ нѣкоторыхъ истинахъ, онѣ теряютъ половину своей прелести. Частный опытъ не дока-

зательство; но, сколько я могъ замѣтить, то въ этомъ отношеніи чуть ли прекрасный полъ не опередилъ другой, который приписываетъ себѣ право на разумъ по преимуществу.

Какая разница тому лѣтъ десять!

То же, что объ обществѣ, можно сказать и объ нашей литературѣ. Распространеніе просвѣщенія замѣтно въ ней вообще; но въ отношеніи къ женщинамъ оно замѣтно несравненно болѣе. Вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ литература наша ростетъ только въ ширину, — и то слава Богу! — между тѣмъ писательницы наши становятся выше.

И давно ли, съ этимъ словомъ *писательница*, соединялись самыя непріятныя понятія: пальцы въ чернилахъ, педантство въ умѣ и типографія въ сердцѣ. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторыя изъ лучшихъ украшеній нашего общества вступили въ ряды литераторовъ; съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько истинно поэтическихъ минутъ изъ жизни нѣкоторыхъ женщинъ съ талантомъ отразились такъ граціозно, такъ плѣнительно въ ихъ зеркальныхъ стихахъ,—съ тѣхъ поръ названіе литератора стало уже не странностью, но украшеніемъ женщины; оно, во мнѣніи общественномъ, подымаетъ ее въ другую сферу, отличную отъ обыкновенной, такъ что воображеніе наше создаетъ вокругъ нея другое небо, другой воздухъ, и ярче и теплѣе, чѣмъ вашъ Одесскій.

Впрочемъ, я говорю здѣсь только о новомъ поколѣніи и частію о среднемъ; въ старомъ поколѣніи, которое привыкло видѣть въ женщинѣ полуигрушку,—предразсудокъ противъ писательницъ еще во всей силѣ. Онъ задавилъ, можетъ быть, не одинъ талантъ, обѣщавшій новую красоту нашей литературѣ и, можетъ быть, новую славу,—кто знаетъ?

Вслѣдствіе этого предразсудка, бо́льшая часть нашихъ дамъ-поэтовъ пишетъ мало, и либо со всѣмъ не печатаетъ, либо печатаетъ безъ имени. Исключеній не много.

Такъ, безъ сомнѣнія, вы слыхали объ одномъ изъ самыхъ блестящихъ украшеній нашего общества, о поэтѣ, которой имя, не смотря на ея рѣшительный талантъ, еще неизвѣстно въ нашей литературѣ. Не многимъ счастливымъ доступны ея *счастливые* стихи; для другихъ они остаются тайною. Талантъ ея скрытъ для свѣта, который осужденъ видѣть въ ней одно вседневное, одно невыходящее изъ круга жизни обыкновенной, и развѣ только по необыкновенному блеску ея глазъ, по

увлекательной поэзіи ея разговора, или по граціи ея движеній, можетъ онъ узнавать въ ней поэта, отгадывать въ ней тотъ талисманъ, который такъ изящно волнуетъ мечты.

Но если предразсудокъ противъ писательницъ еще не совсѣмъ уничтожился, то другой предразсудокъ противъ Русскаго языка, кажется, уже рѣшительно начинаетъ проходить. Не говорить по-Французски еще нельзя: такъ еще образовано наше общество; такъ еще необразованъ нашъ языкъ. Но, по крайней мѣрѣ, кто теперь начинаетъ писать, тотъ, конечно, начинаетъ писать по-Русски, и, вѣроятно, уже невозможенъ болѣе тотъ примѣръ Русскаго таланта, отнятаго у Россіи Французскою литературою, который возбуждаетъ въ насъ тѣмъ больше сожалѣнія, чѣмъ больше мы могли бы ожидать отъ него для нашей словесности. Не нужно договаривать, что я разумѣю здѣсь ту писательницу, которая передаетъ Французской литературѣ поэтическую сторону жизни нашихъ древнихъ Славянъ. И въ самомъ дѣлѣ,—скажите: кому дала судьба больше средствъ дѣйствовать на успѣхи изящныхъ искусствъ въ Россіи?—Рожденная съ душею поэтическою, открытою для всего прекраснаго, одаренная талантами самыми рѣдкими, воспитанная посреди роскоши самаго утонченнаго просвѣщенія, съ самаго дѣтства окруженная всѣмъ блескомъ искусствъ, всею славою художественныхъ созданій, — она казалась сама однимъ изъ самыхъ счастливыхъ изящныхъ произведеній судьбы. О чемъ другіе мечтаютъ издали, что̀ другіе разгадываютъ по слуху, то являлось передъ нею живо и близко. Всѣ рѣдкости Европейской образованности, всѣ чудеса просвѣщенныхъ земель, и великія художества, и великіе художники, и знаменитые писатели, и лица, принадлежащія исторіи, и лица, принадлежащія минутѣ, — все это быстро и ярко пронеслось передъ ея глазами, все это должно было оставить слѣды драгоцѣнные на молодомъ ея воображеніи, — всѣмъ этимъ она могла дѣлиться съ своими соотечественниками, ставши прекрасною посредницею между ими и тѣмъ, что просвѣщенный міръ имѣетъ самаго замѣчательнаго.... Но это не сбылось...

Италія, кажется, сдѣлалась ея вторымъ отечествомъ, и, впрочемъ, — кто знаетъ? можетъ быть, *необходимость Италіи* есть общая неизбѣжная судьба всѣхъ, имѣвшихъ участь, ей подобную? Кто изъ первыхъ впечатлѣній узналъ лучшій міръ на землѣ, міръ прекраснаго; чья душа, отъ перваго пробужденія

въ жизнь, была, такъ сказать, взлелѣяна на цвѣтахъ искусствъ и образованности, въ теплой Итальянской атмосферѣ изящнаго; можетъ быть, для того уже нѣтъ жизни безъ Италіи, и синее Итальянское небо, и воздухъ Итальянскій, исполненный солнца и музыки, и Итальянскій языкъ, проникнутый всею прелестью нѣги и граціи, и земля Итальянская, усѣянная великими воспоминаніями, покрытая, зачарованная созданьями геніальнаго творчества, — можетъ быть, все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью, единственнымъ неудушающимъ воздухомъ для души, избалованной роскошью искусствъ и просвѣщенія....

Недавно Россійская Академія,—и это дѣлаетъ честь Россійской Академіи,—издала стихотворенія одной Русской писательницы, которой труды займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ между произведеніями нашихъ дамъ-поэтовъ, и которая до сихъ поръ оставалась въ совершенной неизвѣстности. Судьба, кажется, отдѣлила ее отъ людей какою-то страшною бездною, такъ что, живя посреди ихъ, посреди столицы, ни она ихъ не знала, ни они ее. Они оставили ее, не знаю для чего,—она оставила ихъ для своей Греціи,—для Греціи, которая, кажется, одна наполняла всѣ ея мечты и чувства: по крайней мѣрѣ о ней одной говоритъ каждый стихъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячь, написанныхъ ею. Странно: семнадцати лѣтъ, въ Россіи, дѣвушка бѣдная, бѣдная со всею своею ученостію!—Знать восемь языковъ; съ талантомъ поэзіи соединять талантъ живописи, музыки, танцованья; учиться самымъ разнороднымъ наукамъ; учиться безпрестанно; работать все дѣтство, работать всю первую молодость, работать начиная день, работать отдыхая; написать три большихъ тома стиховъ по-Русски, можетъ быть, столько же на другихъ языкахъ; въ *свободное время* переводить трагедіи, Русскія трагедіи, — и все для того, чтобы умереть въ семнадцать лѣтъ, въ бѣдности, въ крайности, въ неизвѣстности!

Жалко видѣть, какъ она, бывши еще четырнадцати лѣтъ, перевела лучшія пѣсни Анакреона на *пять языковъ*, приложила къ нимъ подробный грамматическій разборъ Греческаго подлинника и поднесла покойной Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, прося ея вниманія

Къ плодамъ трудовъ упорныхъ,
Въ дни дѣтства предпріятыхъ.

Покойная Императрица прислала ей фермуаръ съ брилліантами. Неизвѣстно, на долго ли стало ей это пособіе: семейство ея осталось въ крайности, она умерла въ чахоткѣ. Черезъ два года уже послѣ ея смерти, Ея Высочество Великая Княгиня Елена Павловна пожаловала одному изъ ея учителей за ея же переводы кольцо съ брилліантами. Публика съ своей стороны, быть можетъ, не прочтетъ ея сочиненій: и въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ еще больше труда, чѣмъ таланта, и слишкомъ много учености;—помните Чернаго Доктора въ Стелло?

Въ этомъ же году вышло еще собраніе стихотвореній другой писательницы, также молодой, но уже давно извѣстной по многимъ сочиненіямъ, разбросаннымъ въ журналахъ и альманахахъ. Въ легкихъ, свѣтлыхъ, граціозно волнующихся стихахъ, отразились здѣсь самыя яркія, *звѣздныя* минуты изъ весенней, чистой, сердечно-глубокой жизни поэтической дѣвушки. *Мечта о любви*, — *Сонъ*, — *Стихи къ чародѣю*, — *Разочарованіе*,—*Воспоминанье дѣтства*, — *Деревня*, — *Звѣздочка*, — *Минута безнадежности*, — *Смерть дѣвушки-друга*, — *Стихи къ любимому поэту*, — *Къ ней*, — *Къ нему*, — *Тоска по лучшемъ мірѣ*,—однимъ словомъ: всѣ струны молодаго, поэтическаго сердца отозвались здѣсь въ одной идеальной гармоніи. Кажется, здѣсь все правда, все отъ сердца, ни одно чувство не выдумано, — и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна эта музыкальная исповѣдь дѣвушки-поэта. Языкъ ея чистый, гармоническій, иногда мужественно силенъ, часто необыкновенно граціозенъ. Не смотря однако на красивость каждой піэсы, въ общемъ ихъ впечатлѣніи есть что-то грустное. Все слишкомъ идеальное, даже при свѣтлой наружности, рождаетъ въ душѣ печаль какимъ-то магнетическимъ сочувствіемъ;—такова одинокая, чистая пѣснь, прослышанная сквозь нестройный, ее заглушающій шумъ; такова жизнь дѣвушки съ душею пламенною, мечтательною, для которой изъ міра событій существуютъ еще одни внутреннія.

Другая писательница, извѣстная въ литературѣ нашей подъ тѣмъ же именемъ, уже нѣсколько лѣтъ, кажется, забыла свою лиру. Это тѣмъ больше жаль, что и ей также природа дала дарованіе неподложное. На минуту только блеснула она на горизонтѣ нашей поэзіи,—и уже одинъ изъ первоклассныхъ поэтовъ нашихъ говорилъ ей:

Вы знаете, какъ въ хоры сладкогласны
Созвучныя сливаются слова,
И чѣмъ они могучи и прекрасны
И чѣмъ поэзія жива;

Умѣете вы мыслію своею
Чужую мысль далеко увлекать,
И, праведно господствуя надъ нею,
Ее смирять и возвышать....

Такъ какъ я уже началъ говорить о нашихъ сочинительницахъ, то мнѣ хотѣлось бы еще поговорить съ вами о той писательницѣ, которая особенно замѣчательна въ литературѣ своею остроумною перепискою съ остроумнѣйшимъ изъ нашихъ поэтовъ, и которая, можетъ быть, не меньше замѣчательна внѣ литературы непринужденною любезностью своего разговора;— о другой писательницѣ, которой таинственное посланье къ Пушкину должно было такъ мучительно и вмѣстѣ такъ пріятно волновать самолюбивое любопытство поэта; о блестящей переводчицѣ одного изъ нашихъ извѣстныхъ, религіозно-печальныхъ поэтовъ, которая знаменита красотою именно того, чего недостаткомъ знаменитъ поэтъ, ею переводимый; — о любопытной, необыкновенной перепискѣ, которая началась было въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ листковъ между однимъ литераторомъ и неизвѣстною, безъименною писательницею, обѣщающею талантъ, если можно судить о талантѣ по нѣсколькимъ стихамъ; — о сочинительницѣ *Сновидѣнія*, которой стихи замѣчательны какою-то молодою безъискуственностью, благородствомъ чувствъ, и еще тѣмъ, что внушили другой писательницѣ нѣсколько мило-граціозныхъ стиховъ;—обо всемъ этомъ хотѣлъ бы я поговорить съ вами подробно, если бы не боялся продолжить письма до безконечности.

Талантъ почти красота. Гдѣ бы онъ ни являлся намъ, въ мужчинѣ или въ женщинѣ, въ образованномъ или въ невѣждѣ, и какой бы онъ ни былъ,—даже самый безполезный,—талантъ всегда заключаетъ въ себѣ что-то магнетическое. Мнѣ всегда хочется поклониться вездѣ, гдѣ я встрѣчаю талантъ. Но женщина съ талантомъ имѣетъ въ себѣ что-то особенно привлекательное. Живописецъ ли она, или музыкантъ, или поэтъ, — все равно; если только природа дала ей дарованіе неподложное, если занятіе искусствомъ раскрыло ей душу къ изящному, настроило ея воображеніе поэтически и воспитало въ ея сердцѣ другую, лучшую жизнь, то вокругъ всего существа ея раз-

ливается какая-то невыразимая прелесть. Поэтъ-мужчина принадлежитъеміру изящнаго однимъ воображеніемъ; поэтъ-женщина принадлежитъ ему всѣмъ существомъ своимъ. Отъ того часто, смотря на нее, кажется, будто голова ея окружена чѣмъ-то блестящимъ, похожимъ на сіяніе; посмотришь ближе: это сіяніе—мечта, воздушная діадима изъ словъ и звуковъ, возбужденныхъ ею и на нее же отражающихся.

Вотъ почему я съ такимъ наслажденіемъ говорю о нашихъ писательницахъ, и вотъ почему я не могу объяснить себѣ, отъ чего до сихъ поръ онѣ такъ мало оцѣнены въ нашей литературѣ. Больно видѣть, какъ мудрено обходятся съ ними наши записные критики, которые либо совсѣмъ молчатъ объ нихъ, либо говорятъ такъ, что лучше бы молчали. Какой-то дамѣ удалось однажды написать: *Два червячка*, — и вотъ нашлись люди, которые удивляются: какъ дама, такое нѣжное, слабое созданіе, могла написать *два червячка*! — Другая дама начала переводить какіе-то извѣстные стихи такъ, какъ переводятъ мышей,—и вотъ журналы наши наполнились ей похвалами, восторгами, рукоплесканіями, тогда какъ истинный поэтическій талантъ, какова, напримѣръ, г-жа Лисицына, остается почти неузнаннымъ. Одинъ, кажется, Телеграфъ говорилъ о ней, и то уже давно; между тѣмъ какъ въ стихахъ ея столько души, столько поэзіи, столько драгоцѣнной, сердечной правды, сколько врядъ ли найдется у большей части нашихъ журнальныхъ поэтовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Какія высокія минуты восторга должна была испытать она, какія мучительныя, свѣтлыя, невыносимыя минуты вдохновенія она должна была вынести, чтобы вырвать изъ сердца своего такіе глубокіе, такіе пронзительные звуки! Признаюсь вамъ: большая часть столько хваленыхъ Французскихъ дамъ-стихотворцевъ не производитъ на меня и половины того дѣйствія, какое стихи г-жи Лисицыной, которые, конечно, имѣютъ право на почетное мѣсто не въ одной дамской литературѣ. —

На дняхъ пришли сюда, только что отпечатанные въ Германіи, переводы съ Русскаго, подъ названіемъ: *Сѣверное Сіяніе*, das Nordlicht, переводы, сдѣланные одною знакомою вамъ дѣвушкою, одаренною самыми разнообразными и самыми необыкновенными талантами. Сколько я могу судить, то переводы эти превосходятъ всѣ извѣстные до сихъ поръ съ Русскаго

на какіе бы то ни было языки, не исключая ни Боуринга, столько превознесеннаго, ни фонъ-деръ-Борга, оцѣненнаго такъ мало. Впрочемъ я не знаю, что могъ бы я сказать о талантѣ молодой переводчицы лучше и больше того, что сказалъ ей Языковъ, котораго нѣкоторые стихи, переведенные ею, находятся также въ этомъ собраніи:

Вы силою волшебной думъ своихъ
Прекрасную торжественность мнѣ дали,
Вы на златыхъ струнахъ перенграли
Простые звуки струнъ моихъ.

И снова мнѣ, и ярче возсіяла
Минувшихъ дней счастливая звѣзда,
И жаждою священною труда
Живѣе грудь затрепетала.

Я чувствую: завиденъ жребій мой!
Есть и во мнѣ благословенье Бога,
И праведна житейская дорога,
Безпечно выбранная мной.

Не клапяюсь пустому блеску міра,
Не слушаю слѣпой его молвы:
Я выше ихъ.... Да здравствуете-жъ вы
И ваша творческая лира!

Такъ говорилъ Языковъ; а я, признаюсь вамъ, смотрю на эти переводы съ предубѣжденіемъ: мнѣ досадно видѣть, что Русская дѣвушка такъ хорошо владѣетъ стихомъ Нѣмецкимъ; еще досаднѣе знать, что она также хорошо, и можетъ быть еще лучше, владѣетъ стихомъ Французскимъ, и только на своемъ отечественномъ языкѣ не хочетъ испытать своихъ силъ!— Въ концѣ книги приложено нѣсколько оригинальныхъ піэсъ, исполненныхъ поэзіи и замѣчательныхъ особенно тѣмъ, что всего рѣже встрѣчается въ нашихъ дѣвушкахъ: оригинальностью и силою фантазіи. Читая ихъ, понимаешь, почему поэтъ говорилъ сочинительницѣ:

И два вѣнка, одинъ другаго краше,
На головѣ свилися молодой:
Зеленый лавръ поэзіи чужой,
И брилліанты Музы вашей!...

Менцель уже объявилъ въ литературныхъ листахъ о выходѣ *Съвернаго Сіянія*, и я жду его разбора съ нетерпѣніемъ: любопытно видѣть, что̀ самый остроумный изъ Нѣмецкихъ критиковъ скажетъ о нашей литературѣ, которая теперь въ первый разъ явилась ему въ настоящемъ видѣ. —

Перечитывая письмо мое, я нахожу, что оно слишкомъ длинно, и не смотря на то, слишкомъ неполно. Но въ этомъ виноватъ не я. Говоря о писательницахъ нашихъ, первая мысль моя была о тоїй, которої труды—добро; которая въ сочиненіяхъ своихъ ищетъ не блеска, но пользы, дѣйствуя для цѣли прекрасної, возвышенної, такъ, какъ другіе не умѣютъ дѣйствовать для корыстныхъ наслажденіи самолюбія. Но эта писательница.... говоря съ вами, я не смѣлъ упоминать объ ней.

10 Декабря 1833 г.
Москва.

О стихотвореніяхъ г. Языкова.

(*1834*).

Тому два года, Французскій журналъ Преній торжественно объявилъ Европѣ, что въ Россіи скончался одинъ изъ первоклассныхъ ея поэтовъ, г. Державинъ. Въ концѣ прошедшаго года издано во Франціи Собраніе Русскихъ повѣстей, выбранныхъ изъ Булгарина, Карамзина и другихъ (Le Conteur Russe, par Bulgarine, Karamsin et autres...).

Скажите, что страннѣе: говорить о Русской литературѣ, не зная Державина, или ставить вмѣстѣ имена Булгарина, Карамзина и другихъ? Который изъ двухъ примѣровъ доказываетъ большее незнаніе нашей словесности?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно имѣть особенно тонкую проницательность, которою я не смѣю гордиться, и потому предоставляю это дѣло моимъ читателямъ. Но во всякомъ случаѣ кажется мнѣ несомнѣннымъ одно, что Русская литература извѣстна во Франціи почти столько-жъ, сколько Персидская или Татарская.

И мысль, что ни одна тѣнь нашей мысли, ни одинъ звукъ нашего голоса, не дойдутъ до народовъ образованныхъ, — это тяжелая мысль; и кромѣ грусти, она должна имѣть еще другое вредное вліяніе на нашихъ писателей. Литераторъ нашъ невольно стѣсняетъ кругъ своей умственной дѣятельности, думая о своихъ читателяхъ, между тѣмъ какъ писатель Французскій, при мысли о печатаніи, расширяетъ свои понятія; ибо при каждомъ счастливомъ движеніи ума, при каждомъ чувствѣ поэтически-самобытномъ, при каждомъ словѣ удачно сказанномъ, является ему надежда, вдохновительная надежда на сочувствіе со всѣмъ, что въ мірѣ есть просвѣщеннаго и славнаго.

Вотъ почему каждое покушеніе познакомить образованныхъ иностранцевъ съ нашею словесностью должно встрѣчать въ насъ отзывъ благодарности и возможно вѣрную оцѣнку.

Но между всѣми переводчиками съ Русскаго языка три особенно замѣчательны удачею своихъ переводовъ. Баурингъ, который одинъ изъ трехъ былъ оцѣненъ и, можетъ быть, даже перецѣненъ иностранными и Русскими критиками; Карлъ фонъ-деръ-Боргъ, котораго переводы имѣютъ безъ сравненія большее достоинство, но который не смотря на то извѣстенъ весьма не многимъ и еще ни въ одномъ журналѣ не нашелъ себѣ справедливаго суда; и, наконецъ, Каролина фонъ-Янишъ, которой замѣчательная книга явилась на послѣдней Лейпцигской ярмаркѣ и обнаруживаетъ, кажется, талантъ еще превосходнѣйшій *).

Но, какъ ни утѣшительно это начало дружескаго сближенія нашей словесности съ литературою Нѣмецкою, признаюсь, однако, что мнѣ было больше досадно, чѣмъ пріятно видѣть, какъ одного изъ первоклассныхъ поэтовъ нашихъ лучше всѣхъ Русскихъ понялъ и оцѣнилъ—писатель Нѣмецкій!

Г. ф.-д.-Боргъ, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Дерптскихъ лѣтописей **) въ нѣсколькихъ строчкахъ сказалъ больше справедливаго о сочиненіяхъ Языкова, нежели сколько было сказано о нихъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ. Впрочемъ и то правда, что до сихъ поръ у насъ еще не говорили объ Языковѣ, а только вскрикивали. Одинъ Телеграфъ высказалъ свое мнѣніе, и тотъ, судя о Языковѣ, не былъ, кажется, свободенъ отъ такихъ предубѣжденій, съ которыми истина не всегда уживается.

При началѣ статьи своей г. ф.-д.-Боргъ жалуется на тяжелое чувство, которое возбуждаютъ въ немъ новѣйшія поэтическія произведенія Европы, и при этомъ случаѣ говоритъ о томъ утѣшеніи, которое доставляетъ ему созерцаніе литературы свѣжей, юношеской, которая еще не достигла времени своего полнаго процвѣтанія, но уже даетъ его предчувствовать.

Кто не раздѣлитъ съ г. Боргомъ того ощущенія, которое возбуждаетъ въ немъ современная поэзія Европы? Но что̀ касается до особеннаго утѣшенія, которое доставляетъ ему литература Русская, то въ этомъ случаѣ—почему намъ не повѣрить г. Боргу на слово? Можетъ быть, со стороны такъ и должно казаться.

---

*) Das Nordlihct, Proben der neueren russischen Literatur, von Caroline von Jaenisch.

**) Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russland's herausgegeben von Profess. Dr. Blum, Dr. Bunge, Dr. Goedel, Dr. Neue, Dr. Struve, v. d. Borg, Dr. Fridlander, Dr. Kruse, Dr. Rathke, Dr. Walter.

„Это утѣшительное чувство,—продолжаетъ г. Боргъ,—похо-
„же на то, которое возбуждаетъ въ насъ весна, когда надежда
„еще рисуетъ намъ будущее въ лучшемъ свѣтѣ,—между тѣмъ
„какъ самые прекрасные дни осени внушаютъ невольную грусть...
„Когда же поэтъ, принадлежащій юношеской литературѣ, самъ
„еще находится въ порѣ юности и надежды, тогда изъ созда-
„ній его навѣваетъ намъ двойною весною, такъ что ея дѣйствіе
„на душу становится уже неотразимымъ.

„Такое дыханіе весны встрѣтилъ я въ сочиненіяхъ Языкова,
„которыя для Дерптскихъ Лѣтописей имѣютъ еще тотъ особен-
„ный интересъ, что молодой поэтъ нѣсколько лѣтъ принадле-
„жалъ Дерптскому университету и ему обязанъ своимъ выс-
„шимъ образованіемъ. Къ тому же и стихотворенія его напи-
„саны большею частію во время его жизни въ Дерптѣ, или
„наполнены воспоминаньями объ этой жизни. Они принадле-
„жатъ почти исключительно лирическому роду и большею ча-
„стію сложены въ тонѣ элегическомъ... Впрочемъ и застоль-
„ныя и эротическія пѣсни не исключены изъ собранія и мно-
„гія изъ нихъ особенно счастливы. Отечество, любовь, дружба
„и братское житье веселыхъ юношей-товарищей — вотъ люби-
„мые предметы поэта. Вообще стихи его плѣняютъ какою-то
„свѣжестью и простодушіемъ, и врядъ ли есть одно стихотво-
„реніе, которое бы можно было назвать неудавшимся. Но осо-
„бенная прелесть заключена въ его языкѣ, отличающемся си-
„лою, новостью и часто дерзостью выраженій, между тѣмъ какъ
„стихъ его исполненъ самой рѣдкой благозвучности. Если же
„мы прибавимъ къ сказанному еще то, что въ этихъ гармони-
„ческихъ стихахъ выражается чувство всегда благородное, ду-
„ша вся проникнутая любовью къ прекрасному и великому, то
„конечно возбудимъ любопытство всѣхъ, принимающихъ участіе
„въ успѣхахъ Русской словесности“ *).

Таково мнѣніе г. Борга. Оно показалось намъ особенно замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что изо всѣхъ рецензентовъ

---

*) Въ подтвержденіе своихъ словъ г. ф.-д.-Боргъ приводитъ нѣсколько стихотвореній Языкова вмѣстѣ съ своимъ переводомъ. Переписываемъ одно изъ нихъ, *) чтобы тѣ изъ нашихъ читателей, которые не знаютъ переводовъ г. Борга, могли судить о его талантѣ въ самомъ трудномъ испытаніи, которое когда-либо предстояло переводчику; ибо изо всѣхъ новѣйшихъ поэтовъ Языковъ можетъ быть самый непереводимый.

*) Это стихотвореніе Языкова: *Чужбина*, Die Fremde, которое здѣсь опущено. *Изд.*

Языкова до сихъ поръ, одинъ онъ постигнулъ поэтическую и нравственную сторону тѣхъ изъ стихотвореній поэта, которыя у насъ навлекли ему столько странныхъ упрековъ.

Слыша безпрестанные упреки Языкову, я всегда вспоминаю одного Русскаго барина, который ѣздилъ отдавать своего сына въ какой-то Нѣмецкій университетъ; но встрѣтивъ на улицѣ студента безъ галстука и съ длинными волосами, тотчасъ же понялъ изъ этого всю безнравственность Нѣмецкихъ университетовъ, и возвратился домой воспитывать своего сына въ Саратовѣ.

Вообще многіе изъ насъ еще сохранили несчастную старообрядческую привычку: судить о нравственности болѣе по наружному благочинію, чѣмъ по внутреннему достоинству поступка и мысли. Мы часто считаемъ людьми нравственными тѣхъ, которые не нарушаютъ приличій, хотя бы впрочемъ жизнь ихъ была самая ничтожная, хотя бы душа ихъ была лишена всякаго стремленія къ добру и красотѣ. Если вамъ случалось встрѣчать человѣка, согрѣтаго чувствами возвышенными, но одареннаго при томъ сильными страстями, то вспомните и сочтите: сколько нашлось людей, которые поняли въ немъ красоту души, и сколько такихъ, которые замѣтили одни заблужденія! Странно, но правда, что для хорошей репутаціи у насъ лучше совсѣмъ не дѣйствовать, чѣмъ иногда ошибаться, между тѣмъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, скажите: есть ли на свѣтѣ что-нибудь безнравственнѣе равнодушія?

Конечно, я повторяю здѣсь мысли старыя, всѣмъ извѣстныя; но почему не повторять иногда старой истины? Есть мысли, которыя всякій знаетъ, но только въ теоріи; чтобы понимать ихъ въ ежедневномъ примѣненіи, для этого, кромѣ просвѣщенія умственнаго, нужна еще просвѣщенная жизнь, устроенная посреди просвѣщеннаго общества, гдѣ мысли изъ отвлеченнаго умозаключенія обратились въ непримѣтную привычку: до тѣхъ поръ истина еще не пошлость.

Вотъ почему Нѣмецкій ученый, отличающійся самою щекотливою чопорностью, скорѣе пойметъ нравственность стиховъ Языкова, чѣмъ многіе изъ самыхъ снисходительныхъ его Русскихъ читателей.

А между тѣмъ, если мы безпристрастно вникнемъ въ его поэзію, то не только найдемъ ее не безнравственною, но врядъ ли даже насчитаемъ у насъ многихъ поэтовъ, которые могли

бы похвалиться большею чистотою и возвышенностью. Правда, онъ воспѣваетъ вино и безъименныхъ красавицъ; но упрекать ли его за то, что тѣ предметы, которые дѣйствуютъ на другихъ нестройно, внушаютъ ему гимны поэтическіе?—Правда, пьянство есть вещь унизительная и гадкая; но если найдется человѣкъ, на котораго вино дѣйствуетъ иначе, то вмѣсто безнравственности, не будетъ ли это напротивъ доказательствомъ особенной чистоты и гармоніи его души?—Положимъ, что на васъ производятъ дѣйствіе чистое и поэтическое только весна, цвѣты и музыка, а все другое, что возбуждаетъ ваши нервы, внушаетъ вамъ мысли нечистыя,—въ этомъ случаѣ вы хорошо дѣлаете, воздерживаясь отъ всего возбудительнаго. Однако это не должно мѣшать вамъ быть справедливыми къ другимъ. И виноватъ ли Языковъ, что тѣ предметы, которые на душѣ другихъ оставляютъ слѣды грязи, на его душѣ оставляютъ перлы поэзіи, перлы драгоцѣнные, огнистые, круглые?

Изберите самыя предосудительныя, по вашему мнѣнію, изъ напечатанныхъ стихотвореній Языкова (ибо о ненапечатанныхъ, какъ о непризнанныхъ, мы не имѣемъ права судить), и скажите откровенно: производятъ ли они на васъ вліяніе нечистое?

Когда Анакреонъ воспѣваетъ вино и красавицъ, я вижу въ немъ веселаго сластолюбца; когда Державинъ славитъ сладострастіе, я вижу въ немъ минуту нравственной слабости; но, признаюсь, въ Языковѣ я не вижу ни слабости, ни собственно сластолюбія; ибо гдѣ у другихъ минута безсилія, тамъ у него избытокъ силъ; гдѣ у другихъ простое влеченіе, тамъ у Языкова восторгъ, а гдѣ истинный восторгъ, и музыка, и вдохновеніе—тамъ пусть другіе ищутъ низкаго и грязнаго; для меня восторгъ и грязь кажутся такимъ же противорѣчіемъ, какимъ огонь и холодъ, красота и безобразіе, поэзія и вялый эгоизмъ.

Впрочемъ судить такимъ образомъ о сочиненіяхъ Языкова могли бы мы только въ такомъ случаѣ, когда бы изо всѣхъ стихотвореній его мы знали одни застольныя и эротическія. Но если, при всемъ сказанномъ, мы сообразимъ еще то, что, можетъ быть, нѣтъ поэта, глубже и сильнѣе проникнутаго любовью къ отечеству, къ славѣ и поэзіи; что, можетъ быть, нѣтъ художника, который бы ощущалъ болѣе святое благоговѣніе передъ красотою и вдохновеніемъ, то тогда всѣ упреки въ без-

нравственности покажутся намъ странными до комическаго, и намъ даже трудно будетъ отвѣчать на нихъ, ибо мудрено будетъ понять ихъ возможность.

Но довольно. Уже слишкомъ много останавливались мы на предметѣ и безъ того слишкомъ ясномъ. Есть предубѣжденія, которыя не признаютъ и очевидности; есть близорукость, которой не поможетъ никакой телескопъ. Мы пишемъ для людей зрячихъ и безпристрастныхъ.

Стихотворенія Языкова внушаютъ намъ другой вопросъ, болѣе дѣльный и болѣе любопытный, и въ этомъ случаѣ особенно желалъ бы я найти сочувствіе моихъ читателей.

Благословенны тѣ мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ ѳиміамомъ вдохновенья
Священнодѣйствуетъ поэтъ.

Дѣло критики, при разборѣ стихотворцевъ, заключается обыкновенно въ томъ, чтобы опредѣлить степень и особенность ихъ таланта, оцѣнить ихъ вкусъ и направленіе, и показать, сколько можно, красоты и недостатки ихъ произведеній.— Дѣло трудное, иногда любопытное, часто безполезное, и почти всегда неудовлетворительное, хотя и основано на законахъ положительныхъ.

Но когда является поэтъ оригинальный, открывающій новую область въ мірѣ прекраснаго и прибавляющій такимъ образомъ новый элементъ къ поэтической жизни своего народа,—тогда обязанность критики измѣняется. Вопросъ о достоинствѣ художественномъ становится уже вопросомъ второстепеннымъ; даже вопросъ о талантѣ является неглавнымъ; но мысль, одушевлявшая поэта, получаетъ интересъ самобытный, философическій; и лицо его становится идеею, и его созданія становятся прозрачными, такъ что мы не столько смотримъ *на нихъ*, сколько *сквозь нихъ*, какъ сквозь открытое окно; стараемся разсмотрѣть самую внутренность новаго храма и въ немъ божество, его освящающее.

Отъ того, входя въ мастерскую живописца обыкновеннаго, мы можемъ удивляться его искусству; но предъ картиною художника творческаго забываемъ искусство, стараясь понять мысль, въ ней выраженную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль, и прожить въ воображеніи то состояніе души, при которымъ она исполнена. Впрочемъ и это послѣднее сочув-

ствіе съ художникомъ свойственно однимъ художникамъ же; но вообще люди сочувствуютъ съ нимъ только въ томъ, что въ немъ чисто человѣческаго: съ его любовью, съ его тоскоїй, съ его восторгами, съ его мечтою-утѣшительницею, однимъ словомъ, съ тѣмъ, что происходитъ внутри его сердца, не заботясь о событіяхъ его мастерской.

Такимъ образомъ на нѣкоторой степени совершенства искусство само себя уничтожаетъ, обращаясь въ мысль, превращаясь въ душу.

Но эта душа изящныхъ созданій,—душа нѣжная, музыкальная, которая трепещетъ въ звукахъ и дышетъ въ краскахъ,—неуловима для разума. Понять ее можетъ только другая душа, ею проникнутая. Вотъ почему критика произведеній образцовыхъ должна быть не столько судомъ, сколько простымъ свидѣтельствомъ; ибо зависитъ отъ личности, и потому можетъ быть произвольною, и основана на сочувствіи, и потому должна быть пристрастною.

Что же дѣлать критикамъ систематическимъ, которые хотятъ доказывать красоту и заставляютъ васъ наслаждаться по правиламъ, указывая на то, что хорошо, и на то, что дурно?—Имъ въ утѣшеніе остаются произведенія обыкновенныя, для которыхъ есть законы положительные, ясные, не подлежащіе произвольному толкованію, — и надобно признаться, что это утѣшеніе огромное; ибо въ литературѣ каждаго народа встрѣчаете вы немногихъ поэтовъ - двигателей, тогда какъ всѣ другіе только слѣдуютъ данному ими направленію, подлежа критикѣ однимъ искусствомъ исполненія, но не душею созданія.

Нѣсколько свѣтильниковъ, окруженныхъ тысячью разбитыхъ зеркальныхъ кусковъ, гдѣ тысячу разъ повторяется одно и тоже,—вотъ образъ литературы самыхъ просвѣщенныхъ народовъ. Сколько же пріятныхъ занятій для того, кто захочетъ исчислять всѣ углы отраженій свѣта на этихъ зеркальныхъ обломкахъ.

Но если вообще то, что мы называемъ *душею искусства*, не можетъ быть доказано посредствомъ математическихъ доводовъ, но должно быть прямо понято сердцемъ, либо просто принято на вѣру, — то еще менѣе можно требовать доказательствъ строго-математическихъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о поэтѣ молодомъ, котораго произведенія хотя и носятъ на себѣ признаки

поэзіи оригинальной, но далеко еще не представляютъ ея полнаго развитія.

Вотъ почему, стараясь разрѣшить вопросъ о томъ: что составляетъ характеръ поэзіи Языкова, мнѣ особенно необходимо сочувствіе моихъ читателей; ибо оно одно можетъ служить оправданіемъ для мыслей, основанныхъ единственно на внушеніяхъ сердца, и частію даже на его догадкахъ.

Мнѣ кажется,—и я повторяю, что мое мнѣніе происходитъ изъ одного индивидуальнаго впечатлѣнія,—мнѣ кажется, что средоточіемъ поэзіи Языкова служитъ то чувство, которое я не умѣю опредѣлить иначе, какъ назвавъ его *стремленіемъ къ душевному простору*. Это стремленіе замѣтно почти во всѣхъ мечтахъ поэта, отражается почти на всѣхъ его чувствахъ, и можетъ быть даже, что изъ него могутъ быть выведены всѣ особенности и пристрастія его поэтическихъ вдохновеній.

Если мы вникнемъ въ то впечатлѣніе, которое производитъ на насъ его поэзія, то увидимъ, что она дѣйствуетъ на душу какъ вино, имъ воспѣваемое, какъ какое-то волшебное вино, отъ котораго жизнь двоится въ глазахъ нашихъ: одна жизнь является намъ тѣсною, мелкою, вседневною; другая—праздничною, поэтическою, просторною. Первая угнетаетъ душу; вторая освобождаетъ ее, возвышаетъ и наполняетъ восторгомъ. И между сими двумя существованіями лежитъ явная, бездонная пропасть; но черезъ эту пропасть судьба бросила нѣсколько живыхъ мостовъ, по которымъ душа переходитъ изъ одной жизни въ другую: это любовь, это слава, дружба, вино, мысль объ отечествѣ, мысль о поэзіи и, наконецъ, тѣ минуты безотчетнаго, разгульнаго веселья, когда собственные звуки сердца заглушаютъ ему голосъ окружающаго міра,—звуки, которыми сердце обязано собственной молодости болѣе, чѣмъ случайному предмету, ихъ возбудившему.

Но не одна жизнь, и сама поэзія съ этой точки зрѣнія является намъ вдвойнѣ: сначала какъ пророчество, какъ сердечная догадка, потомъ какъ исторія, какъ сердечное воспоминаніе о лучшихъ минутахъ души. Въ первомъ случаѣ, она увлекаетъ въ міръ неземной; во второмъ,—она изъ дѣйствительной жизни извлекаетъ тѣ мгновенія, когда два міра прикасались другъ друга, и передаетъ сіи мгновенія какъ вѣрное, чистое зеркало. Но и та и другая имѣютъ одно начало, одинъ источникъ,—и вотъ

почему намъ не странно въ сочиненіяхъ Языкова встрѣтить веселую застольную пѣснь подлѣ святой молитвы, и отблескъ разгульной жизни студента подлѣ высокаго псалма. Напротивъ, при самыхъ разнородныхъ предметахъ лира Языкова всегда остается вѣрною своему главному тону, такъ что всѣ стихи его, вмѣстѣ взятые, кажутся искрами одного огня, блестящими отрывками одной поэмы, недосказанной, разорванной, но которой цѣлость и стройность понятны изъ частей. Такъ иногда въ немногихъ поступкахъ человѣка съ характеромъ открывается намъ вся исторія его жизни.

Но именно потому, что господствующій идеалъ Языкова есть праздникъ сердца, просторъ души и жизни, потому господствующее чувство его поэзіи есть какой-то электрическій восторгъ; и господствующій тонъ его стиховъ—какая-то звучная торжественность.

Эта звучная торжественность, соединенная съ мужественною силою, эта роскошь, этотъ блескъ и раздолье, эта кипучесть и звонкость, эта пышность и великолѣпіе языка, украшенныя, проникнутыя изяществомъ вкуса и граціи—вотъ отличительная прелесть и вмѣстѣ особенное клеймо стиха Языкова. Даже тамъ, гдѣ всего менѣе выражается господствующій духъ его поэзіи, нельзя не узнать его стиховъ по особенной гармоніи и яркости звуковъ, принадлежащихъ его лирѣ исключительно.

Но эта особенность, такъ рѣзко отличающая его стихъ отъ другихъ Русскихъ стиховъ, становится еще замѣтнѣе, когда мы сличаемъ его съ поэтами иностранными. И въ этомъ случаѣ особенно счастливъ Языковъ тѣмъ, что главное отличіе его слова есть вмѣстѣ и главное отличіе Русскаго языка. Ибо, если языкъ Итальянскій можетъ спорить съ нашимъ въ гармоніи вообще, то, конечно, уступитъ ему въ мужественной звучности, въ великолѣпіи и торжественности,—и слѣдовательно поэтъ, котораго стихъ превосходитъ всѣ Русскіе стихи, именно тѣмъ, чѣмъ языкъ Русскій превосходитъ другіе языки,—становится въ этомъ отношеніи поэтомъ-образцомъ не для одной Россіи.

Но сія наружная особенность стиховъ Языкова потому только и могла развиться до такой степени совершенства, что она, какъ мы уже замѣтили, служитъ небходимымъ выраженіемъ внутренней особенности его поэзіи. Это не просто тѣло, въ

которое вдохнули душу, но душа, которая приняла очевидность тѣла.

Любопытно наблюдать, читая Языкова, какъ господствующее направленіе его поэзіи оставляетъ слѣды свои на каждомъ чувствѣ поэта, и какъ всѣ предметы, его окружающіе, отзываются ему тѣмъ же отголоскомъ. Я не представляю примѣровъ потому, что для этого надобно бы было переписать все собраніе его стихотвореній; напомню только выраженіе того чувства, которое всего чаще воспѣвается поэтами, и потому всего яснѣе можетъ показать ихъ особенность:

А вы, пѣвца внимательные други,
Товарищи,—какъ думаете вы?
Для васъ я пѣлъ Нѣмецкіе досуги,
Спѣсивый хмѣль ученой головы,
И праздникъ тотъ, шумящій ежегодно,
Тамъ у пруда, на бархатѣ луговъ,
Гдѣ обогнулъ заливъ голубоводный
Зеленый скатъ лѣсистыхъ береговъ?—
Луна взошла, древа благоухали,
Зефиръ весны струилъ ночную тѣнь,
Костеръ пылалъ—мы долго пировали
И, бурные, привѣтствовали день!
Товарищи! не правда ли? на пирѣ
Не рознилъ вамъ лирическій поэтъ?
А этотъ пиръ не на обумъ воспѣтъ,
И вы моей порадовались лирѣ!...
Нѣтъ, не для васъ!—Она меня хвалила,
Ей нравились разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила,
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ.
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преслѣдовала ихъ;
Когда она, веселыми устами,
Мой счастливый произносила стихъ—
Торжественна, полна очарованья,
Свѣжа, и гдѣ была душа моя!
О, прочь мои грядущія созданья,
О, горе мнѣ, когда забуду я
Огонь ея привѣтливаго взора,
И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
Въ ліющемся кристаллѣ разговора.
Ее ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
И тайна въ ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистыя дѣла;
Онъ чувствовалъ: возвышенныя блага
Есть на землѣ!—Есть цѣлый міръ труда
И въ немъ—надеждъ и помысловъ отвага,
И бытіе привольное всегда!
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ....
Она всего поэта понимала—
И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое боготворенье;

И радостно, во имя божества,
Сбирались въ хоръ созвучныя слова!
Какъ ѳиміамъ, горѣло вдохновенье!

Не знаю, успѣлъ ли я выразить ясно мои мысли, говоря о господствующемъ направленіи Языкова; но если я былъ столько счастливъ, что читатели мои раздѣлили мое мнѣніе, то мнѣ не нужно продолжать болѣе. Опредѣливъ характеръ поэзіи, мы опредѣлили все; ибо въ немъ заключаются и ея особенныя красоты, и ея особенные недостатки. Но пусть, кто хочетъ, пріискиваетъ для нихъ соотвѣтственные разряды и названія,—я умѣю только наслаждаться и, признаюсь, слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы играть словами безъ цѣли, и столько ожидаю отъ Языкова въ будущемъ, что не могу въ настоящихъ недостаткахъ его видѣть что-либо существенное.

Теперь, судя по нѣкоторымъ стихотвореніямъ его собранія, кажется, что для поэзіи его уже занялась заря новоїй эпохи. Вѣроятно, поэтъ, проникнувъ глубже въ жизнь и дѣйствительность, разовьетъ идеалъ свой до большей существенности. По крайней мѣрѣ, надежда принадлежитъ къ числу тѣхъ чувствъ, которыя всего сильнѣе возбуждаются его стихотвореніями,—и если бы поэзіи его суждено было остаться навсегда въ томъ кругу мечтательности, въ какомъ она заключалась до сихъ поръ, то мы бы упрекнули въ этомъ судьбу, которая, даровавъ намъ поэта, послала его въ міръ слишкомъ рано или слишкомъ поздно для полнаго могучаго дѣйствованія; ибо въ наше время всѣ важнѣйшіе вопросы бытія и успѣха таятся въ опытахъ дѣйствительности и въ сочувствіи съ жизнію обще-человѣческою; а потому поэзія, не проникнутая существенностью, не можетъ имѣть вліянія довольно обширнаго на людей, ни довольно глубокаго на человѣка.

Впрочемъ, если мы желаемъ бо̀льшаго развитія для поэзіи Языкова, то это никакъ не значитъ, чтобы мы желали еї̈ измѣниться; напротивъ, мы повторяемъ за нимъ,—и въ этомъ присоединятся къ намъ всѣ, кто понимаютъ поэта и сочувствуютъ ему,—мы повторяемъ отъ сердца за него его молитву къ Провидѣнію:

Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Придетъ къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

Е. А. Баратынскій.

(1845).

Баратынскій родился въ 1800 году (*), т. е. въ одинъ годъ съ Пушкинымъ; оба были ровесники вѣку.—Отъ природы получилъ онъ необыкновенныя способности: сердце глубоко-чувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви къ прекрасному, умъ свѣтлый, обширный и вмѣстѣ тонкій, такъ сказать, до микроскопической проницательности,—и особенно внимательный къ предметамъ возвышеннымъ и поэтическимъ, къ вопросамъ глубокомысленнымъ, къ движеніямъ внутренней жизни, къ тѣмъ мыслямъ, которыя согрѣваютъ сердце, проясняя разумъ,—къ тѣмъ музыкальнымъ мыслямъ, въ которыхъ голосъ сердца и голосъ разума сливается созвучно въ одно задумчивое размышленіе.—Въ первомъ дѣтствѣ получилъ онъ самое тщательное воспитаніе; оно много помогло впослѣдствіи развитію его необыкновенно-утонченнаго вкуса.—Но молодость его была несчастлива. Въ далекой Финляндіи, посреди дикой и мрачной природы, въ разлукѣ съ родными и близкими ему людьми, съ неодолимою тоскою по родинѣ, вдали отъ тѣхъ, кто могъ бы понять его и утѣшить сочувствіемъ, печально и одиноко провелъ онъ лучшіе годы своей юности. Это обстоятельство вѣроятно содѣйствовало къ тому, что его самыя свѣтлыя мысли, и даже въ самое счастливое время его жизни, остались навсегда проникнуты тихою, но неотразимою грустію. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и отъ природы уже былъ склоненъ къ этому направленію мысли, которое очень часто замѣчается въ людяхъ, соединяющихъ глубокій умъ съ глубокою чувствительностію. Оно происходитъ вѣроятно оттого, что такіе люди смотрятъ на жизнь не шутя, разумѣютъ ея высокую тайну, понимаютъ важность своего назначенія, и вмѣстѣ неотступно чувствуютъ бѣдность земнаго бытія. Оттого они даже въ кругу забавъ и шумныхъ удовольствій

(*) Въ селѣ Мара, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда; 29-го Іюня.

часто кажутся печальными; оттого самое чувство радости для нихъ бываетъ соединено съ непреодолимою задумчивостію и скорѣе похоже на грусть, чѣмъ на веселость обыкновенныхъ людей.

Но между тѣмъ изъ Финляндіи Баратынскій могъ иногда пріѣзжать въ Петербургъ, гдѣ въ то время только явился первый выпускъ учениковъ Царскосельского лицея,—юношей, почти дѣтей, связанныхъ узами благородной дружбы, основанной на одинаковомъ воспитаніи, на общей, имъ внушенной любви къ великому, къ прекрасному, къ просвѣщенію, къ наукамъ, къ искусству,—дружбы, особенно-крѣпкой внутреннимъ согласіемъ ихъ нравственныхъ понятій. Въ числѣ ихъ былъ молодой Пушкинъ, Дельвигъ и весьма многіе юноши, богатые талантами, или замѣчательные умомъ, или сильные характеромъ, различные способностями, но всѣ проникнутые нетерпѣливою жаждою дѣятельности, живымъ стремленіемъ къ значительнымъ цѣлямъ жизни. Впослѣдствіи не всѣ развились одинаково; различныя обстоятельства развели ихъ въ различныя стороны; нѣкоторые могли остановиться въ своемъ развитіи; иные, можетъ быть, могли уклониться отъ перваго направленія, впасть на нѣкоторое время въ крайность или заблужденіе; другіе счастливо совершили поприще свое: но въ то время ихъ общее дружеское сочувствіе пробудило въ каждомъ изъ нихъ всѣ лучшія способности души, такъ что изъ ихъ значительнаго круга, или отъ живаго соприкосновенія съ ними, вышли почти всѣ замѣчательные люди того времени. Съ ними сошелся и Баратынскій, и, въ ихъ живительномъ обществѣ, загорѣлась въ душѣ его первая искра его поэтическаго таланта, уже приготовленнаго его прежнею жизнію. Такъ въ хорошемъ, равно какъ и въ дурномъ, сочувствіе окружающихъ насъ людей вызываетъ изъ сердца тѣ стремленія, которыя безъ того, можетъ быть, никогда не родились бы на свѣтъ. Общее мнѣніе скоро соединило имя Баратынскаго съ именами Пушкина и Дельвига, въ то же время, какъ внутреннее сродство сердечныхъ пристрастій связало ихъ самою искреннею дружбою, цѣло сохранившеюся до конца жизни всѣхъ трехъ.

Баратынскій скончался въ прошедшемъ году, въ Италіи, которую онъ особенно любилъ въ своихъ далекихъ мечтаніяхъ,—въ кругу своего семейства, гдѣ онъ нашелъ то душевное счастіе, которое было главнѣйшею потребностію его любящаго серд-

ца. „Сладко проходитъ здѣсь жизнь наша“—писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ изъ Неаполя къ своему брату.

Стихи Баратынскаго отличаются тѣми же качествами, какія составляли особенность его поэтической личности: утонченность наружной отдѣлки всегда скрываетъ въ нихъ сердечную мысль, глубоко и заботливо обдуманную. Но между тѣмъ сколько ни замѣчательно ихъ поэтическое достоинство, однако они еще не вполнѣ высказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, Баратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни,—Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастіе его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни. Но для другихъ, чтобы понять всю красоту его созданій, надобно прежде вдуматься въ совокупный смыслъ его отдѣльныхъ стихотвореній, вслушаться въ общую гармонію его задумчивой поэзіи.

Жизнь Стефенса,

(1845).

Стефенсъ, одинъ изъ первоклассныхъ двигателей наукъ въ Германіи, особенно знаменитъ какъ литераторъ-философъ. Другъ Шеллинга, сначала его своеобразный послѣдователь, потомъ самобытный создатель собственнаго своего направленія, онъ не образовалъ, однако же, никакой особенной школы, не составилъ никакого систематическаго ученія; но на всѣ школы, на всѣ системы, на всѣ мнѣнія и партіи дѣйствовалъ сильно и возбудительно. Потому, слѣды его вліянія на антропологію, на геологію, ботанику, физику, зоологію и почти всѣ естественныя науки, но особенно на философію, были не столько примѣтные, сколько существенные. Но если воззрѣнія его всегда дѣйствовали живительно на Германское любомудріе, не смотря на разногласіе его стремленія съ господствовавшимъ до сихъ поръ направленіемъ раціонализма, то въ наше время, кажется, предназначено ему получить еще особенный смыслъ и значеніе отъ совпаденія его требованій съ настоящимъ требованіемъ философіи. Характеръ его мышленія заключается въ безпрерывномъ стремленіи отъ понятія отвлеченнаго къ понятію живому, и отъ живаго бытія къ разумному сознанію. Онъ постоянно искалъ той неосязаемой черты, гдѣ наука и вѣра сливаются въ одно живое разумѣніе, гдѣ жизнь и мысль одно, гдѣ самыя высшія, самыя сокровенныя требованія духа находятъ себѣ не отвлеченную формулу, но внятный сердцу отвѣтъ. Онъ былъ рожденъ для этого стремленія: въ немъ всѣ движенія разума, каждое колебаніе ума, каждое трепетаніе мысли, невольно переходили въ музыкальную вибрацію души; цыфры обращались въ звуки, отвлеченныя формулы—въ живыя воззрѣнія. Онъ испыталъ все, для удовлетворенія своей глубокой потребности—сознать живую истину: не только изучилъ,

но пережилъ все системы философскія, испробовалъ на себѣ различныя формы Западнаго вѣрованія, сдѣлавшись изъ Протестанта Католикомъ, и потомъ изъ Католиковъ перейдя опять въ Протестанта. Его жизнь, имъ самимъ написанная, подъ названіемъ: **Was ich erlebte**, и еще не доведенная до настоящей минуты, есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ книгъ современной литературы. Занимательность психологическаго романа соединяетъ она съ интересомъ дѣйствительности и съ значительностью философскаго воззрѣнія. Она наполнена самыхъ живыхъ разсказовъ вмѣстѣ съ самыми глубокими мыслями, представленными съ увлекательною и поэтическою ясностью. Внѣшнія и внутреннія событія его собственной жизни сливаются въ ней со всею исторіею его времени, разнообразно перемѣшиваясь съ живописными описаніями природы, съ частными анекдотами, съ остроумными характеристиками и глубокими замѣчаніями. Послѣ исповѣди Руссо, записокъ Ласъ-Казаса, мемуаровъ Байрона и Гете, жизнь Стефенса останется какъ необходимое дополненіе характеристики нашего времени: окно на внутреннее развитіе философа.

Объемъ этого сочиненія дѣлаетъ полный переводъ его невозможнымъ для журнала. Мы предлагаемъ здѣсь отрывки, выпуская все, что относится къ наукамъ, къ описанію земель и городовъ, къ ученымъ личностямъ малоизвѣстнымъ, но сохраняя то, что касается до собственнаго развитія автора, вмѣстѣ съ его описаніемъ знаменитѣйшихъ людей и направленій Германіи, и передавая даже анекдоты и мелкія замѣчанія, тамъ, гдѣ намъ казалось, что они не лишены занимательности.

Рѣчь Шеллинга *).

(1845).

Шеллингъ нынѣшнюю зиму не читаетъ лекцій. Но въ Берлинской Академіи Наукъ, по случаю празднества въ день рожденія Фридриха Великаго (30 Генваря), прочелъ онъ рѣчь: о значеніи Римскаго Януса. Сочиненіе это, какъ говорятъ журналы, скоро выйдетъ въ свѣтъ, и если это справедливо, то мы надѣемся, что оно сообщитъ намъ много важнаго и новаго о малоизвѣстной у насъ до сихъ поръ философіи Шеллинга. Въ рѣчи своей о Янусѣ, Шеллингъ, говорятъ, выражаетъ свой взглядъ не только на миѳологію, но и на самыя основныя начала своей философіи вообще; ибо извѣстно, что философія миѳологіи имѣетъ высокое значеніе въ его новой системѣ. Въ миѳологіи видитъ онъ не дѣло выдумки того или другаго изобрѣтателя, не поэтическое выраженіе безсознательнаго инстинкта отдѣльныхъ народовъ; но понимаетъ въ ней великій, всеобщій, въ сознаніи цѣлаго человѣчества совершившійся процессъ внутренней жизни, который, потому именно, не могъ принадлежать одному народу, но распредѣлялся по различнымъ народамъ, въ различныхъ степеняхъ своего развитія, покуда его отдѣльныя отрасли, достигнувъ зрѣлости, въ эпоху перелома, совокупились, наконецъ, въ Римско-Греческомъ мірѣ, въ одну общую систему вѣрованія. Чтобы понять важность подобнаго взгляда на миѳологію относительно цѣлой системы философіи, необходимо знать понятіе Шеллингово о философіи религіи вообще.

Религія, по его мнѣнію, не есть простое *знаніе* о Богѣ, ни отвлеченное, *идеальное* отношеніе человѣка къ Богу, но дѣйствительное *бытіе* въ Богѣ, существенное, *реальное* отношеніе

---

*) Эта статья составлена изъ различныхъ журнальныхъ отрывковъ и записокъ изъ лекцій Шеллинга, читанныхъ въ Мюнхенѣ и въ Берлинѣ.

къ Богу. Отсюда происходитъ совершенно особенный взглядъ на философію религіи, и между прочимъ происходитъ новое раздѣленіе религіи.

Обыкновенно раздѣляютъ религію на откровенную (положительную) и естественную (выведенную разумомъ изъ своихъ понятій); оба взгляда на религію обыкновенно противополагаютъ одинъ другому. Подъ естественною разумѣютъ выходящую изъ чистаго разума, въ отличіе отъ той, которая непосредственно дана человѣку извнѣ, сообщена откровеніемъ. Но если мы удовольствуемся этимъ раздѣленіемъ, говоритъ Шеллингъ, то ни въ томъ, ни въ другомъ членѣ дѣленія не найдемъ особаго религіознаго начала. Ибо знаніе мое о религіи откровенной пріобрѣтается не особеннымъ, ей исключительно свойственнымъ образомъ, но тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ я получаю свѣденія мои о другихъ вещахъ, напримѣръ, о событіяхъ историческихъ и т. п., слѣдовательно, здѣсь нѣтъ рѣчи о какомъ либо особомъ, одной религіи принадлежащемъ образѣ познаванія. То же можно сказать и о религіи естественной: ибо и наука религіи, основанная на выводахъ разума, не имѣетъ особаго образа познаванія, одной религіи принадлежащаго; многія другія отрасли вѣденія пріобрѣтаются такимъ же способомъ. Потому, если мы остановимся при такомъ раздѣленіи религіи, то признаемъ, что въ человѣкѣ нѣтъ особаго начала, которому бы исключительно принадлежало порожденіе религіознаго знанія, нѣтъ смысла *специфически*-религіознаго. Съ одной стороны, религія, приписывающая свое происхожденіе откровенію,—въ отношеніи къ разуму то же, что исторія; съ другой религія естественная то же, что философія. Чтобы дѣйствительно вывести начало специфически-религіозное, необходимо отыскать религіозное основаніе, *независимое отъ всякаго знанія*, чрезъ которое человѣкъ является въ живой зависимости отъ Божества,—основаніе, представляющее не одно *идеальное*, но вмѣстѣ и *реальное* отношеніе человѣка къ Богу, начало, не только мысленно, разумно полагающее Бога въ знаніи человѣка, но вмѣстѣ и дѣйствительно, существенно.

Теперь спрашивается: возможно ли отыскать въ человѣкѣ такое существенно Бога полагающее начало? Отвѣтъ заключается въ томъ, что прежнее религіозное бытіе человѣка, его прежнія вѣрованія, то есть миѳологія, не можетъ быть ни понята, ни объяснена иначе, какъ чрезъ такое Бога существенно полагающее начало.

Человѣкъ, выходящій изъ существеннаго, реальнаго отношенія къ Богу, долженъ чрезъ необходимый процессъ быть возвращенъ къ Богу. Миѳологія можетъ произойти единственно изъ этого процесса. Но въ этомъ случаѣ миѳологія будетъ уже не что иное, какъ естественная религія, слѣдовательно, Религіи откровенной противополагается не только религія наукообразно порожденная, но равно и естественная религія, которая есть миѳологія. Чрезъ этотъ третій членъ система выигрываетъ много. Ибо безъ предположенія этого третьяго невозможно понять откровенія. Изъ религіи раціональной рѣшительно нѣтъ перехода къ откровенной; ибо раціональная знаетъ только объ идеальномъ отношеніи человѣка къ Богу, между тѣмъ какъ откровенная предполагаетъ отношеніе реальное. Теорія откровенія не можетъ выходить изъ идеальнаго отношенія къ Богу, но изъ реальнаго. Она должна полагать это реальное отношеніе человѣка къ Богу *предразумно*, фактически, существенно, *бытословно, исторически.* Это единственное основаніе, возможное для теоріи откровенія. Но такое, прежде всякаго знанія положенное, существенное отношеніе человѣка къ Богу, не можетъ быть не что иное, какъ религія, которая бы сама изъ себя порождалась; а эта естественно самопорождающаяся религія есть не что иное, какъ миѳологія, или въ миѳологіи заключающаяся религія. Такимъ образомъ явно, что реальную основу для теоріи откровенія надобно искать въ *философіи миѳологіи.* Потому для собственной цѣли теоріи откровенія противно становиться противъ язычества въ положеніе чисто противоположное, только исключающее. Христіанство освобождаетъ человѣка не изъ-подъ власти этого реальнаго отношенія, но только изъ-подъ власти темнаго язычества. Потому реальность христіанства не можетъ уничтожиться понятіемъ о реальности язычества. Выраженіе: тьма языческая, означаетъ именно *темную, слѣпую*, естественно самопорождающуюся религію. Потому въ понятіи о самопорождающейся религіи противополагается раціонализму не только фактъ откровенія, но вмѣстѣ и фактъ миѳологіи.

Миѳологія и откровеніе, по Шеллингу, относятся взаимно какъ естественное къ сверхъестественному, Но естественное содержится къ сверхъестественному, какъ предыдущее къ послѣдующему. Потому сверхъестественное есть не что иное, какъ побѣжденіе естественнаго. Потому сверхъестественное

можетъ быть познано только въ своемъ отношеніи къ естественному.

Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго раздѣленія религіи на откровенную и естественную, Шеллингъ принимаетъ: 1) религію естественную — миѳологію; 2) религію сверхъестественную — откровеніе; 3) порожденіе философіи и умозрѣнія — разумную религію. Но не должно понимать этого раздѣленія такимъ образомъ, какъ будто эти три понятія о религіи должны быть разнородны и разрозненны; особенно два первыя находятся въ такой тѣсной связи, то есть, сверхъестественное находится въ такомъ близкомъ отношеніи къ естественному, что не иначе можетъ являться, какъ только въ моментѣ своей побѣды надъ естественными вѣрованіями, надъ религіями древности. Вслѣдствіе этого отношенія, миѳологія и откровеніе отстоятъ не такъ далеко другъ отъ друга, какъ обыкновенно думаютъ; *ложная* религія есть только искаженіе истинной. Откровенію предшествуетъ потемнѣніе; откровенной религіи необходимо предполагается начало болѣе скрывающее, чѣмъ открывающее Бога. Потому именно откровеніе, какъ дѣло побѣды, необходимо должно являться въ границахъ опредѣленнаго времени, ибо заключается единственно въ моментѣ проблеска (между тѣмъ какъ религія естественная постоянно порождается изъ саморазвивающагося начала). Отсюда видно, какая необходимая связь находится между *философіей миѳологіи* и *философіей религіи*.

Философическое вѣроученіе, говоритъ Шеллингъ, можетъ произойти единственно изъ примиренія религіи естественной съ откровенною, и по необходимости предполагаетъ ихъ обѣ. Миѳологія, или естественная религія, какъ естественная, есть вмѣстѣ и *необходимая, слѣпая, несвободная, религія опьяненія, суевѣріе*. Только отъ того, что откровенною религіей истина освобождается изъ слѣпоты и несвободы, только отсюда возникаетъ собственно возможность свободнаго вѣденія. И такъ, отношеніе слѣдующее: религія оцѣпенѣнія—освобожденіе въ откровеніи,—религія духовная. При такомъ отношеніи свободно духовной религіи къ необходимо предполагаемой естественной и откровенной, философское вѣроученіе было бы лишено всякаго содержанія, если бы эти два момента не служили ему основаніемъ.

Такое же близкое отношеніе имѣетъ философія миѳологіи и

откровенія къ *философіи исторіи*. Не только потому, что предъисторическое время можетъ быть понято единственно чрезъ миѳологію, но также и потому, что отношеніе новаго міра къ старому можетъ быть постигнуто только изъ послѣдняго; ибо чрезъ откровеніе новый міръ находитъ себя освобожденнымъ изъ-подъ той власти, которая необходимо дѣйствовала въ старомъ силою необходимости и которая есть начало, породившее миѳологію.

Не менѣе тѣсно связывается это воззрѣніе и съ *философіей искусства*. Если и безъ того философія искусства не можетъ не касаться миѳологіи, то новое воззрѣніе на отношеніе миѳологіи къ откровенію объясняетъ впервыя истинное содержаніе древняго искусства къ новому, и такимъ образомъ могутъ разрѣшиться многія загадки изъ художественнаго отношенія миѳологіи къ откровенію. Напримѣръ, какимъ образомъ религіозное чувство не мѣшало художникамъ среднихъ вѣковъ сливать въ одну мысль или въ одно изображеніе предметы язычества съ предметами христіанства?

Но и съ философіей вообще находится философія откровенія и миѳологіи въ необходимомъ сопроникновеніи. Конечно, съ перваго взгляда, нѣтъ ничего разнороднѣе какъ философія и миѳологія; миѳологія, по видимому, есть царство необузданнаго неразумія, между тѣмъ какъ въ философіи должно созидаться царство самаго разума. Но самая эта противоположность заставляетъ насъ предпринять наукообразное изслѣдованіе: нѣтъ ли въ видимомъ неразуміи — разума? нельзя ли открыть и представить въ наружномъ безсмысліи — смысла? — Для этого необходимо *объективное представленіе смысла* (смысла, проявляющагося не во внутреннемъ разумѣніи, но во внѣшнемъ бытіи), что естественно не можетъ быть исполнено безъ значительнаго расширенія области философіи вообще. Какъ всякая философія почерпаетъ свое первое содержаніе изъ непосредственныхъ фактовъ, которые въ человѣческомъ сознаніи требуютъ себѣ пониманія и размышленія, такъ никакая положительная, полная и доконченная система философіи не можетъ возникнуть, не сознавъ и не объяснивъ всѣхъ фактовъ, имѣющихъ рѣшительное вліяніе на человѣчество. Слѣдовательно, та система философіи, которая не приняла въ соображеніе такого факта, какъ миѳологія, уже потому не можетъ назваться ни доконченною, ни полною. Слѣдовательно, какъ прежде, около со-

рока лѣтъ тому назадъ, переобразовалась вся ѳилософія, и основная точка исхода совершенно измѣнилась, только по той причинѣ, что въ дополненіе къ ея прежнему развитію присоединилась еще *философія натуры*, такъ и теперь розысканіе о чистомъ, неискаженномъ *фактѣ миѳологіи и откровенія* (который остается необъясненнымъ для ѳилософіи, какъ она развилась до сихъ поръ),—это розысканіе, говорю я, должно не только расширить предѣлы ѳилософіи, но измѣнить ее такимъ образомъ, что она явится совершенно отличною отъ теперешней.

Такое изложеніе улучшенной ѳилософской системы можетъ назваться косвеннымъ, непрямымъ, отраженнымъ, потому что оно исходитъ изъ даннаго факта, а не отъ безусловнаго перваго начала. И здѣсь является вопросъ: не лучше ли вообще начинать съ такого рода фактовъ, и только по мѣрѣ возрастающихъ розысканій сооружать систему, чѣмъ, начиная съ высшаго начала, дохо-дить до факта уже по развитіи системы? Не лучше ли прямо къ дѣлу, чѣмъ такъ долго оставаться въ предисловіи? Такимъ практическимъ способомъ нѣкогда Сократъ и Платонъ учили ѳилософствовать, не такъ, что предварительно составляли розысканія о самомъ мышленіи; но такъ, что заставляли учениковъ своихъ мыслить, выходя отъ предметовъ случайно встрѣчающихся и восходя до высшихъ вопросовъ, посредствомъ возвышающагося стремленія ума. Потому очень важно спросить: лучшій ли способъ ученія ѳилософіи есть теперешній, или не должна ли система сообщаться именно косвеннымъ образомъ? Мы беремъ миѳологію, говоритъ Шеллингъ, гдѣ и какъ ее находимъ, и именно такую, какою она явилась въ мірѣ. *Система, которой косвенное изложеніе должно представиться такимъ образомъ, есть система положительная*, система науки, освобожденной отъ всякой субъективности, система прямо объективнаго бытія и дѣла, которую одну только можно желать, какъ существенную потребность разума, которую одну искали истинные мыслители, и для которой только замѣною, суррогатомъ, служили всѣ тѣ искусственныя системы, которыя строились не вслѣдствіе существенной, внутренней ихъ правды, но потому только, что разумъ не могъ получить, не могъ достигнуть того именно, чего желалъ, какъ недостаточный хозяинъ пьетъ иногда желудковый кофе отъ того, что не въ состояніи имѣть настоящаго. Потому, не нужно и опровергать искусственныя системы; ибо, существуя только за неимѣніемъ системы положительной, онѣ сами собой должны уни-

чтожиться при одномъ возникновеніи положительнаго. Онѣ также мало мѣшаютъ системамъ положительнымъ, какъ мнѣніе слѣпаго видѣнію зрячаго.

Шеллингъ, разбирая теперешнее понятіе о миѳологіи, толкуетъ Геродотово положеніе, что *Гомеръ и Гезіодъ составили трактатъ миѳологіи*, такимъ образомъ, что миѳологія хранилась хаотически въ сознаніи Греческаго народа, и въ Гезіодѣ и Гомерѣ только высказалась опредѣленно и ясно во всѣхъ своихъ моментахъ.

Миѳы не могутъ быть изобрѣтены; ибо тогда является вопросъ: *кто изобрѣлъ ихъ*? Кто нибудь *одинъ* не могъ ихъ выдумать, ибо миѳологія такъ срастается съ народомъ, что почитать ее изобрѣтенною то же, что выводить языкъ народа изъ чьего либо сочиненія. И какъ бы могъ изобрѣтатель передать свои понятія народу и заставить его вѣрить, что его вымыслы суть настоящіе боги? Легче даже предположить, что миѳологія есть изобрѣтеніе цѣлаго народа; но такое поэтическое состояніе трудно объяснить исторически. Впрочемъ это предположеніе было бы еще самое разумное, если бы оно не встрѣчало себѣ противорѣчія въ самомъ понятіи о народѣ. Ибо, что такое народъ, и что дѣлаетъ собраніе людей народомъ? *Не совмѣстное бытіе многихъ отдѣльныхъ людей составляетъ народъ, но общность сознанія, выражающаяся наружно въ языкѣ, а внутренно въ общности одного взгляда на порядокъ вещей и міра, единомысліе, изъ котораго происходятъ нравы и обычаи.* Эта общность взгляда на порядокъ и первоустройство вещей есть не что иное, какъ религія, которая у древнихъ народовъ является въ образѣ миѳологіи. Потому несообразно думать, чтобы миѳологія примкнула послѣ къ народу, уже существующему, когда народъ уже не можетъ возникнуть безъ общаго взгляда на первоустройство міра, безъ миѳологіи. И такъ, если миѳологія не можетъ возникнуть въ народѣ уже существующемъ, то она необходимо должна возникнуть вмѣстѣ съ самимъ народомъ, и слѣдовательно, она есть не что иное, какъ *тотъ участокъ всеобщаго сознанія, съ которымъ народъ вышелъ изъ первобытнаго единства человѣчества, чтобы существовать какъ какой-то опредѣленный и отъ всѣхъ отдѣльный народъ. Миѳологія народа есть то наслѣдство, которое онъ получаетъ изъ прежняго единства, и съ которымъ онъ отдѣляется отъ общности человѣчества.* Судьба каждаго народа заключается въ его миѳологіи;

и она именно есть его судьба. Возникновеніе различныхъ миѳологій, слѣдовательно, современно возникновенію различныхъ народовъ. Это возникновеніе различій само уже предполагаетъ первобытное единство, въ которомъ они заключались. Это единство не можетъ опять быть народомъ, но только самимъ человѣчествомъ въ его первобытной цѣлости и нераздѣльности. Между тѣмъ первобытная нераздѣльность уже не можетъ быть внѣшнею, но возможна только какъ внутреннее единство сознанія.

Отсюда выводитъ Шеллингъ, что первобытное единство человѣчества заключается въ моноѳеизмѣ, изъ котораго потомъ, чрезъ отдѣленіе, возникли народы съ многобожными религіями. Очевидно, говоритъ онъ, что какъ первобытное человѣчество могло быть соединено только идеею о Единомъ Богѣ, такъ рѣшительно раздроблено оно не могло быть ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ полиѳеизмомъ. Можно приводить физическія причины раздѣленія, какъ-то: землетрясенія, волканы, разрывы земли и т. п. Однако, каждый народъ прямо при своемъ образованіи уже является съ рѣшеннымъ характеромъ. Физическіе перевороты не могли сообщить отдѣльнымъ частямъ рѣшеннаго характера. Физическое опредѣляется внутреннимъ; физическое распаденіе народа уже предполагаетъ распаденіе духовное. И такъ, когда мы доходимъ до послѣдняго начала раздвоенія, то непремѣнно находимъ раздвоеніе внутреннее; ибо переломъ внутренній необходимо предшествуетъ внѣшнему. Понятіе о раздѣленіи народовъ посредствомъ такого перелома сохраняется въ самыхъ древнѣйшихъ преданіяхъ. Библія изображаетъ его какъ смѣшеніе языковъ въ человѣчествѣ, до того времени согласномъ. Языкъ, однако, есть только выраженіе внутренняго сознанія, и слѣдовательно, различіе языковъ объясняется только изъ различія внутренняго сознанія. Но именно въ распаденіи общности языка уничтожается общность сознанія. Распаденіе общности языка есть только внѣшній признакъ распаденія общаго сознанія. И такъ, это смѣшеніе языковъ было переломъ, кризисъ, произведенный возникающимъ многобожіемъ. Но съ той поры, какъ началось это смѣшеніе и какъ возникли многіе боги, *отъ человѣка уже не отходила боязнь, происходящая изъ сознанія, что онъ достался въ удѣлъ особому божеству*, и эта именно боязнь составляла силу ихъ индивидуальнаго сознанія. Она соединяла людей въ народъ, и она же отдѣляла ихъ отъ всѣхъ

тѣхъ, съ кѣмъ они не имѣли ничего общаго. Такимъ образомъ боязнь сдѣлалась основаніемъ какъ внѣшнихъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ учрежденій. Боязнь искала средствъ противъ совершеннаго раздробленія. Такія средства находимъ мы въ раздѣленіи кастъ, въ учрежденіи строгаго священноначалія, въ гигантскомъ зодчествѣ Индіи, Нубіи, Египта, Греціи, Италіи, въ гигантскихъ стѣнахъ и башняхъ, которыя въ древнихъ преданіяхъ приписываются гигантскому роду, уже исчезнувшему съ лица земли. При этихъ колоссальныхъ памятникахъ нельзя удержаться, чтобъ не думать о многозначительности Вавилонскаго столпа, котораго сооруженіе передано намъ какъ стремленіе соединиться, не растеряться, собраться вмѣстѣ.

Какое же значеніе этого, предшествующаго миѳологіи—моноѳеизма? Мнѣніе, что полиѳеизмъ есть искаженіе моноѳеизма, принадлежитъ къ древнѣйшимъ. Теперь спрашивается о свойствѣ и образѣ этого первоединобожія; ибо, что можетъ распадаться на части, то должно содержать въ себѣ разнообразіе, многочастіе, сочлененіе. Мы по необходимости принуждаемся предположить цѣлое единоученіе, и такое, какое мы въ настоящее время называемъ панѳеизмомъ. Отъ того должно бы намъ выразиться такъ, что полиѳеизмъ есть распавшійся моноѳеизмъ. Однако, какую причину можно допустить для такого распаденія? Какъ представить себѣ возможность такого рода сознанію разрѣшиться въ полиѳеизмѣ? Разслабленіе духа не объяснило бы намъ именно той силы, съ которою возникъ полиѳеизмъ; точно такъ же какъ моноѳеизмъ, если бы мы предположили его только какъ ученіе, не объяснилъ бы намъ той силы, съ какою единство стремилось возстановиться въ сознаніи. Потому необходимо предположить: 1-е, причину, дѣйствующую независимо отъ воли и знанія человѣка и стремящуюся къ порожденію полиѳеизма; 2-е, сопротивленіе этому порожденію. Потому, человѣкъ долженствовалъ быть захваченъ движеніемъ непроизвольнаго событія. Нельзя моноѳеизмъ, предшествующій полиѳеизму, понять какъ наукообразную систему, но необходимо въ сознаніи человѣка *предположить бытіе въ Божественномъ единствѣ;* ибо знаніе единства есть идеальное; *бытіе въ единствѣ: реальное отношеніе человѣка къ Богу.* Очевидно, человѣкъ поставленъ въ центрѣ вещей. Разумность его, кажется, основывается только на томъ, что тѣ же силы, которыя въ природѣ являются раздѣльно, въ немъ опять собраны въ единство, изъ коего онѣ выступали только для того, чтобы

породить природу. Потому человѣкъ находится въ центрѣ Божественнаго единства и въ состоянiи панѳеистическаго прозрѣнія къ Богу. Покуда онъ остается здѣсь, всѣ вещи видятся ему какъ органы Божества; но какъ скоро онъ изгоняется изъ центра, то и окружность для него смѣшивается. Но онъ не хочетъ оставить прежняго состоянія, ибо оно было *состоянiе блаженства*. Изъ этого противорѣчія между желаніемъ видѣть вещи въ Богѣ и положеніемъ внѣ центра вещей,—изъ этой борьбы возникъ смѣшанный панѳеизмъ и полиѳеизмъ, и возникъ *непроизвольнымъ*, *роковымъ образомъ*. Но какъ чувство бытія внѣ Бога было естественное, такъ возникновеніе полиѳеизма изъ моноѳеизма есть необходимое; и этотъ взглядъ есть единственно возможный, который въ самой миѳологіи показываетъ реальное отношеніе человѣка къ Богу и представляетъ распаденіе первобытнаго единобожія въ многобожіе, какъ необходимое, на всеобщемъ сознаніи человѣческаго рода основанное событіе. Явленіе многобожнаго понятія имѣетъ столько роковаго, слѣпаго, что мы никакъ не можемъ допустить, чтобъ оно образовалось изъ одного мышленія. Этотъ роковой характеръ требуетъ отношенія гораздо болѣе существеннаго; онъ предполагаетъ не простое знаніе о Богѣ, но бытіе въ средоточіи Божественныхъ вещей.

Это бытіе человѣка въ Божественномъ единствѣ можетъ быть, съ одной стороны, понято не иначе, какъ первобытное состояніе людей вообще и, слѣдовательно, какъ прошедшее. Неоспоримо по крайней мѣрѣ, что панѳеистическое прозрѣніе должно было нарушиться вмѣстѣ съ первымъ исходомъ человѣка изъ первобытнаго состоянія. Раемъ Библія называетъ то мѣсто блаженства, откуда человѣкъ былъ изгнанъ. Но какъ скоро нарушено Божественное единство силъ, то онъ становится подчиненнымъ всему тому, чему подчинены другія вещи;между тѣмъ какъ незаглушаемое чувство ему говоритъ, что онъ не то, что другія вещи, что онъ выше ихъ. Уже оттуда начинается это разстройство прозрѣнія. Между тѣмъ *съ другой стороны*, мы сейчасъ предположили, что до самаго непосредственно до-историческаго времени продолжается въ человѣчествѣ едино-сознаніе, которое нарушилось не прежде, какъ съ раздробленіемъ человѣчества на народы.

Въ разсужденіи своемъ о Римскомъ Янусѣ, Шеллингъ весьма легко могъ связать съ фигурою двуличнаго бога начало и конецъ всего миѳологическаго процесса, какъ онъ его понимаетъ.

Ибо, основываясь на философскихъ выводахъ и на свидѣтельствѣ древнихъ, Шеллингъ видитъ въ Янусѣ идею хаоса: подъ этимъ хаосомъ не должно понимать безпорядочнаго смѣшенія разнородныхъ веществъ, какъ разумѣютъ нѣкоторые; хаосъ у Шеллинга есть первоединство вселенной, о которомъ понятіе предшествуетъ въ человѣческомъ сознаніи понятію объ отдѣльныхъ богахъ; первоединство, въ которомъ еще покоятся въ безразличіи ѳеогоническія и космогоническія силы. Въ подтвержденіе этого взгляда, Шеллингъ приводитъ длинный рядъ свидѣтельствъ отъ Геродота до Сенеки. Въ двухъ отвернувшихся головахъ Януса, между которыми стоитъ полумѣсяцъ, видитъ Шеллингъ второй моментъ единства силъ, когда онѣ являются, хотя еще соединенными, но уже обозначившимися въ своемъ различіи. Шеллингъ опровергаетъ и то мнѣніе, которое видитъ въ Янусѣ единственно божество границы, воротъ, или перехода; какъ и то мнѣніе, которое предполагаетъ въ немъ выраженіе идеи о необходимомъ измѣненіи временъ, о противоположности прошедшаго и будущаго. Болѣе правдоподобія, чѣмъ эти безцвѣтныя толкованія, имѣютъ иногда историческія объясненія миѳологіи; но въ этомъ случаѣ и они были неудачны. Шеллингу не трудно было показать неосновательность Овидіева объясненія, что будто врата храма растворялись во время войны, для того, чтобы дать убѣжище войску въ случаѣ бѣгства; это мнѣніе равно противорѣчитъ и добродѣтели и нравамъ Римлянъ.

Мнѣніе Нибура, который въ воротахъ съ Янусовыми головами видитъ символъ вооруженнаго союза между Сабинскимъ и Латинскимъ племенемъ, сохранявшаго гражданскую самостоятельность каждаго племени,—также опровергается Шеллингомъ, который видитъ въ повѣствованіяхъ о первыхъ началахъ Рима не исторію, переобразованную народными пѣснями, но понятія миѳологическія, перенесенныя на историческую почву, перекроенныя по исторической мѣркѣ. Для него ворота съ Янусовыми головами представляютъ не войну Сабинцевъ съ Латинцами, но борьбу первоначальныхъ созидательныхъ силъ: они напоминаютъ ему изъ миѳологическихъ преданій πόλεμος ἁπάντων πατήρ. Но для тѣхъ, которымъ это значеніе Януса кажется преувеличеннымъ, или несогласнымъ съ понятіемъ о немъ древнихъ, Шеллингъ приводитъ мѣста изъ Макровія, Цицерона и другихъ, которые называютъ его deorum deus, и разсказываютъ, что при всѣхъ важнѣйшихъ предпріятіяхъ, прежде дру-

гихъ боговъ, призывали Януса. Шеллингъ приводитъ тѣ слова Овидія, въ которыхъ Янусъ самъ свидѣтельствуетъ о своемъ тождествѣ съ Хаосомъ. Важность этого мѣста замѣчали отчасти и другіе, и потому старались различными средствами разрѣшить затрудненіе, какъ понять Януса вмѣстѣ съ Юпитеромъ, главнымъ богомъ Римскаго народа. Буттманъ при имени Януса думалъ о Ζᾶν (Zeus); но Шеллингъ приводитъ самое сильное этимологическое доказательство изъ одного мѣста Феста, до сихъ поръ всѣми просмотрѣннаго, гдѣ Янусъ производится отъ Hios, hiare (зіять). Такимъ образомъ Янусъ, Hianus и chaos являются и по звуку и по смыслу однозначительными.

Сочиненія Паскаля, изданныя Кузенемъ.

(1845).

Мы уже извѣщали читателей нашихъ, что Кузень недавно возстановилъ текстъ Паскаля, искаженный іезуитами; теперь еще яснѣе и чище обнаруживается направленіе ума этого великаго мыслителя, проникнутаго глубокимъ скептицизмомъ въ отношеніи къ разуму и глубокою увѣренностію въ религіи.

Кузень въ нѣкоторыхъ статьяхъ, писанныхъ о Паскалѣ, старается, какъ философъ, доказать односторонность этого Янсенистскаго направленія Паскаля и всего знаменитаго *Порь-Рояля.* Въ ихъ безусловномъ отрицаніи всякой безусловной философіи видитъ онъ столько же уклоненія отъ истинъ разума, сколько отъ истинъ католицизма; но, кажется, если бы и справедливо было, что Паскаль въ своемъ мышленіи уклоняется отъ истинныхъ законовъ разума, то, вѣроятно, не Кузеневы истины могли бы приблизить его къ настоящему мышленію. Кузень принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые почитаютъ возможнымъ принять чужую систему отчасти, приложить къ ней другія мнѣнія тоже отчасти, и говоря безпрестанно о безусловной необходимости законовъ разума, подчинять иногда эту необходимость другимъ цѣлямъ, выдавая за выводы разума соображенія своего разсудка. Не такова была строгая, крѣпкая, острая, желѣзная логика Паскаля.

Нѣтъ сомнѣнія, что Поръ-Рояль въ ученіи своемъ о благодати рознится съ ученіемъ Римскаго католицизма. Но мы думаемъ, что эти добросовѣстные мыслители потому только могли уклониться въ одностороннее пониманіе истины, что Западная Церковь, въ ихъ время, уклонялась въ другую сторону; когда мы вспомнимъ тѣ догматы Римской схоластики о благодати и заслугахъ человѣка, на которыхъ опиралось ученіе ихъ о чистилищѣ, о индульгенціяхъ и т. подоб., тогда поймемъ,

что для искренняго Христіанскаго мышленія невозможно было не вырваться изъ этого заблужденія въ другую противоположную крайность; если и эта крайность преувеличенная, то, конечно, она происходитъ изъ источника справедливаго.

Замѣтимъ, при этомъ случаѣ, изъ нашей Церкви никогда не могли произойти ни Янсеній, ни Поръ-Рояль, также какъ не могли произойти изъ нея ни Доминиканцы, Моллинисты, ни благопримѣнительные противники обоихъ—Іезуиты.

Кстати къ Поръ-Роялю, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ рѣчи Гюго, говоренной имъ въ Академіи, по случаю принятія въ нее Сентъ-Бева, написавшаго, какъ извѣстно, знаменитую книгу о Поръ-Роялѣ, исполненную многихъ любопытныхъ разсказовъ, живыхъ, краснорѣчивыхъ страницъ, но не обнявшую, какъ кажется, всей глубины Поръ-Роялъскаго ученія.

— Естественно было вамъ, м. г., по направленію вашего таланта, обратить вниманіе ваше на два знаменитые круга великихъ умовъ, которые сообщаютъ 17-му вѣку его двѣ характеристическія черты: на гостиную Рамбулье и на Поръ-Рояль. Одна открываетъ 17-й вѣкъ, другой сопровождаетъ и заключаетъ его. Одна вводитъ въ языкъ нашъ краску воображенія, другой—характеръ строгости. Оба, находясь на двухъ концахъ человѣческой мысли, проливаютъ на нее различный свѣтъ. Ихъ вліянія счастливо спорили между собою, и еще счастливѣе совмѣщались: въ нѣкоторыхъ образцахъ нашей словесности, возникшихъ, такъ сказать, въ равномъ отдаленіи отъ обоихъ, въ нѣкоторыхъ безсмертныхъ произведеніяхъ, которыя равно удовлетворяютъ уму въ его потребности воображенія и душѣ въ ея потребности внутренней строгости, сливаются въ одинъ свѣтъ ихъ двойственные лучи.

Изъ этихъ двухъ явленій, обозначающихъ знаменитую эпоху и сильно дѣйствовавшихъ на нравы и литературу Франціи, первому, гостиной Рамбулье, посвятили вы нѣсколько живыхъ и умныхъ очерковъ; но второй, Поръ-Рояль, возбудилъ и привлекъ ваше полное вниманіе. Вы посвятили ему превосходную книгу, которая хотя еще не окончена, но, безъ сомнѣнія, есть самое значительное произведеніе ваше. Вы хорошо сдѣлали, м. г. Достойна вниманія и глубокаго изученія эта строгая семья отшельниковъ, уединенно и значительно прошедшая сквозь 18-й вѣкъ, среди преслѣдованій и почтенія, среди восторговъ и ненависти, уважаемая великими, гонимая сильными, почерпав-

шая изъ самой слабости своей, изъ своего одиночества, какую-то неизъяснимую власть, и употреблявшая величіе ума на возвеличеніе вѣры. Николь, Лансело, Леместръ, Саси, Тилемонъ, Арнольды, Паскаль—имена почтенныя, славы спокойныя, среди которыхъ блестятъ цѣломудренной красотой три женщины, достигшія своею святостію того величества, котораго Римскія женщины достигали героизмомъ. Прекрасная и ученая школа мыслителей, замѣнившая Аристотеля Св. Августиномъ, покорившая своему убѣжденію герцогиню Лонговиль, образовавшая президента Гарлея, обратившая Тюренна, и которая въ то же время украшалась милосердіемъ Франсуа де Саля и крайнею строгостію аббата Сен-Сиранскаго. Впрочемъ, дѣло Поръ-Рояля не было дѣломъ литературнымъ; оно захватывало литературу случайно, такъ сказать, стороною. Настоящая цѣль этихъ печальныхъ и строгихъ мыслителей была чисто религіозная. Скрѣпить узы церкви внутри и во внѣ большею нравственностію священника и большею вѣрою народа; преобразовать Римъ, покоряясь ему; произвести внутри силою любви то, что Лютеръ хотѣлъ произвести во внѣ силою гнѣва; создать во Франціи, между страдающимъ и невѣжественнымъ народомъ съ одной стороны, и между разслабленнымъ и сластолюбивымъ дворянствомъ съ другой, создать классъ средній, здоровый, крѣпкій, стоически твердый, создать высокое мѣщанство, христіанъ образованныхъ, основать церковь образцовую посреди церкви, народъ образцовый посреди народа,—таково было тайное стремленіе, тайное честолюбіе, тайная глубокая мечта этихъ людей, знаменитыхъ тогда своимъ религіознымъ покушеніемъ и знаменитыхъ теперь своимъ литературнымъ слѣдомъ. И чтобъ достигнуть этой цѣли, чтобы основать общество согласно вѣрѣ, они почитали между всѣхъ необходимыхъ истинъ за самую необходимую, за самую свѣтлую, самую дѣйствительную, самую неизбѣжную для разума и самую существенную для вѣры: истину о слабости человѣка, вслѣдствіе первороднаго грѣха, истину о необходимости Бога искупителя,—истину Христа. Сюда обращались всѣ ихъ усилія, какъ будто они предвидѣли, что здѣсь предстоитъ опасность. Они воздвигали громады книгъ, утверждали выводы на выводахъ, доказательства на доказательствахъ, для укрѣпленія одной правды. Удивительный инстинктъ предчувствія, свойственный только однимъ глубокимъ умамъ! Мы должны замѣтить это явленіе.

Они спѣшили строить великую крѣпость, на спѣхъ созидали ее, какъ бы предугадывая великое нападеніе. Смотря на нихъ теперь, подумаешь, что эти люди семнадцатаго вѣка предвидѣли людей осьмнадцатаго. Кажется, что, наклонившись надъ бездною будущаго, безпокойные и внимательные, понимая, по какому-то болѣзненному колебанію воздуха, что неизвѣстный легіонъ движется во мракѣ, они уже слышали вдалекѣ приближеніе темной и нестройной арміи энциклопедистовъ, уже распознавали посреди неяснаго гула ея шаговъ смутный отголосокъ печальнаго и роковаго слова Жанъ-Жака, уже слышали пронзительный хохотъ Вольтера.

Ихъ преслѣдовали;— они едва замѣчали это. Будущая опасность вѣры занимала ихъ мысли болѣе, чѣмъ настоящія страданія ихъ общины. Они не просили ничего, не хотѣли ничего, ничего не добивались; они созерцали и работали, они жили въ тѣни уединенія, во свѣтѣ ума. Зрѣлище удивительное, которое волнуетъ душу, поражаетъ мысль! Между тѣмъ, какъ Людовикъ XIV покорялъ Европу, какъ Версаль удивлялъ Парижъ, какъ дворъ рукоплескалъ Расину, какъ городъ рукоплескалъ Мольеру; между тѣмъ какъ вѣкъ наполнялся блескомъ праздниковъ и громомъ побѣдъ; между тѣмъ, какъ всѣ взоры съ восторгомъ устремлены были на великаго Короля, и всѣ умы на великое царствованіе, они, отшельники, созерцатели, опредѣленные къ ссылкѣ, къ заключенію, къ смерти безславной и незамѣченной, заключенные въ монастырѣ, предназначенномъ къ разрушенію, въ монастырѣ, котораго послѣдніе слѣды должна была запахать враждебная соха,—мыслители, потерянные въ пустынѣ, вблизи этого Версаля, этого Парижа, этого великаго царствованія, Короля, мыслители земледѣльцы, воздѣлывающіе поле свое, изучавшіе тексты, не знавшіе, что дѣлается во Франціи и въ Европѣ, искавшіе въ Священномъ Писаніи бепрерывныхъ доказательствъ о божественности Іисуса, искавшіе въ мірозданіи безконечнаго прославленія Создателю,—съ мыслію, направленною къ Богу, съ очами, устремленными единственно къ Нему, они размышляли о Священныхъ книгахъ и великой природѣ, съ раскрытою Библіею, посреди ихъ церкви, съ лучезарнымъ солнцемъ, посреди ихъ небесъ.

Ихъ явленіе не было безполезно. Вы сказали это, м. г., въ замѣчательной книгѣ, которую они вамъ внушили. Они оставили слѣды свои въ теологіи, философіи, языкѣ, литературѣ, и до

сихъ поръ еще Поръ-Рояль остается внутреннимъ и тайнымъ свѣтильникомъ для нѣкоторыхъ великихъ умовъ. Домъ ихъ былъ разрушенъ, поле ихъ было опустошено, ихъ гробы вырыты и преданы на поруганіе, но ихъ память остается священною, но ихъ мысли еще стоятъ, но изъ дѣлъ, посѣянныхъ ими, многія принесли плодъ свой. Для чего же побѣда ихъ прошла сквозь такія бѣдствія? Отъ чего такое торжество, не смотря на такія преслѣдованія? Это не потому только, что они были мыслители возвышенные; это еще потому, это особенно потому, что они были искренніе; потому что они вѣрили, потому что они были убѣждены, потому что они шли къ своей цѣли съ сердцемъ, исполненнымъ единою волею, нераздѣльною, глубокою вѣрою. Размышляя о ихъ исторіи, невольно восклицаемъ каждому: Кто бы ты ни былъ, хочешь ли имѣть великія мысли, совершить великія дѣла? вѣрь! имѣй убѣжденіе, имѣй вѣру религіозную, вѣру патріотическую, вѣру литературную. Вѣруй въ человѣчество, въ силу генія, въ будущее, въ самого себя. Знай, откуда ты исходишь, чтобы знать, куда стремишься. Вѣра здорова для разума. Не довольно думать, надобно вѣрить. Изъ вѣры и убѣжденія исходятъ святые подвиги въ сферѣ нравственной и великія мысли въ сферѣ поэзіи.—

Публичныя лекціи профессора Шевырева

объ исторіи русской словесности, преимущественно древней.

Письмо въ Бѣлевъ.

(Къ А. П. Зонтагъ.)

(1845).

Въ прошедшую зиму, когда я жилъ въ деревнѣ почти совершенно отдѣленный отъ всего окружающаго міра, я помню, какое впечатлѣніе сдѣлали на меня ваши живые разсказы о блестящихъ лекціяхъ проф. Грановскаго, о томъ сильномъ дѣйствіи, которое производило на отборный кругъ слушателей его краснорѣчіе, исполненное души и вкуса, яркихъ мыслей, живыхъ описаній, говорящихъ картинъ и увлекательныхъ сердечныхъ сочувствій ко всему, что являлось или таилось прекраснаго, благороднаго и великодушнаго въ прошедшей жизни Западной многострадальной Европы. Общее участіе, возбужденное его чтеніями, казалось мнѣ утѣшительнымъ признакомъ, что у насъ въ Москвѣ живы еще интересы литературные, и что они не выражались до сихъ поръ единственно потому, что не представлялось достойнаго случая.

Теперь я спѣшу подѣлиться съ вами тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производятъ на насъ лекціи профессора Шевырева. Не слыхавъ Грановскаго, я не могу сравнивать двухъ преподавателей. Скажу только, что прежде, чѣмъ начались чтенія Шевырева, многіе изъ его слушателей не вѣрили ихъ возможности, хотя и не сомнѣвались въ дарованіи профессора. Предметъ лекціи — *исторія Русской словесности, преимущественно древней*, казался имъ неблагодарнымъ, сухимъ, частію уже общеизвѣстнымъ, частію слишкомъ ученымъ и не для всѣхъ любопытнымъ. Покорясь общему, еще существующему у насъ предубѣжденію, они думали, что чтенія о древней сло-

весности могутъ имѣть только одинъ интересъ--филологическій, важный почти исключительно для людей, посвятившихъ себя особенно изученію Русскаго языка, или изслѣдованіямъ Русской старины. Нѣсколько памятниковъ, говорили они, еще не составляютъ словесности; литература наша началась съ Ломоносова; что́ сказать обще-любопытнаго о словесности прежнихъ временъ? розысканія или разсужденія—еще не исторія; для исторіи нужно содержаніе,—а гдѣ найдетъ его профессоръ, говоря о временахъ до-Петровскихъ?

Основываясь на такомъ понятіи о ничтожности нашей древней словесности, многіе ѣхали на лекціи Шевырева почти только для того, чтобы слушать даръ преподаванія, отъ искренняго сердца жалѣя о незначительности предмета. Представьте же себѣ ихъ удивленіе, когда послѣ самыхъ первыхъ чтеній, они должны были убѣдиться, что лекціи о древней Русской словесности имѣютъ интересъ живой и всеобщій, который заключается не въ новыхъ фразахъ, но въ новыхъ вещахъ, въ богатомъ, малоизвѣстномъ и многозначительномъ ихъ содержаніи.

Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что это богатство содержанія нашей древней словесности могло возникнуть изъ малоизвѣстныхъ памятниковъ въ одну живую картину только отъ искусства преподавателя. Только при его воззрѣніи могли собраться вмѣстѣ и срости́сь въ одно стройное зданіе различные обломки нашей полузабытой старины, разбросанные остатки нашей письменной словесности духовной и свѣтской, литературной и государственной, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими неписанными преданіями народа, сохранившимися въ его сказкахъ, повѣрьяхъ, поговоркахъ и пѣсняхъ. Между тѣмъ несомнѣнно и то, что никакое искусство не могло бы создать содержанія, когда бы оно не существовало въ самомъ дѣлѣ и, хотя разрозненное, не уцѣлѣло въ памятникахъ.

Въ этомъ отношеніи, лекціи Шевырева представляютъ особенную значительность. Эта новость содержанія, это оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго, есть, можно сказать открытіе новаго міра нашей старой словесности *). Здѣсь даже литературное достоинство изложенія, сколько бы ни было

---

*) До сихъ поръ объ этомъ у насъ почти ничего не было писано замѣчательнаго, выключая книги М. А. Максимовича.

оно впрочемъ замѣчательно, становится уже второстепеннымъ, почти ничтожнымъ, въ сравненіи съ другимъ, важнѣйшимъ отношеніемъ. Ибо изъ-подъ лавы вѣковыхъ предубѣжденій открываетъ онъ новое зданіе, богатое царство нашего древняго слова; въ мнимой-знакомой сферѣ обнаруживаетъ новую сторону жизни, и такимъ образомъ вноситъ новый элементъ въ область человѣческаго вѣденія. Я говорю: новый элементъ, — потому, что дѣйствительно исторія древне-Русской литературы не существовала до сихъ поръ какъ наука; только теперь, послѣ чтеній Шевырева, должна она получить право гражданства въ ряду другихъ исторій всемірно-значительныхъ словесностей. Ибо, если и правда, что при другомъ образѣ мыслей можно не соглашаться съ тѣмъ или другимъ его мнѣніемъ, если при другой системѣ можно спорить даже съ его главнымъ воззрѣніемъ, то, по крайней мѣрѣ, ни при какомъ образѣ мыслей, ни при какой системѣ, нельзя уже, выслушавъ его, отвергать дѣйствительность науки, которая до сихъ поръ не только не существовала въ этомъ видѣ, но самая возможность которой была подвержена сомнѣнію.

Съ этой точки зрѣнія, лекціи Шевырева представляются намъ уже не литературнымъ явленіемъ, болѣе или менѣе заманчивымъ, но новымъ событіемъ нашего историческаго самопознанія. И въ этомъ смыслѣ, создавая новую сторону науки, онѣ принадлежатъ уже не одному кругу его слушателей, но получаютъ значительность общую,—можно сказать безъ преувеличенія,—значительность Европейскую.

Другое качество чтеній Шевырева, которое служитъ основаніемъ и какъ бы необходимымъ условіемъ всего ихъ достоинства, — это достовѣрность его изложенія. Онъ употребилъ на изученіе своего предмета многіе годы постоянной работы,—работы ученой, честной, можно сказать религіозно добросовѣстной. Каждый фактъ, приводимый имъ, изслѣдованъ со всевозможною полнотою; часто одна фраза, едва замѣтная посреди быстраго теченія рѣчи, есть очевидный плодъ долговременныхъ розысканій, многосложныхъ сличеній и неутомимыхъ трудовъ; иногда одно слово, иногда одинъ оттѣнокъ слова, можетъ быть, не всѣми замѣченный, отражаетъ изученіе многотомныхъ фоліантовъ, совершенное съ терпѣливою и добросовѣстною основательностію.

Что же касается до самаго преподаванія Шевырева, то осо-

бенность его заключается столько же въ его глубокомъ знаніи своего предмета, сколько въ томъ глубокомъ понятіи, которое онъ имѣетъ о словесности вообще, какъ о живомъ выраженіи внутренней жизни и образованности народа. Это понятіе, прямо противоположное прежнимъ, такъ называемымъ классическимъ теоріямъ, разрушеннымъ Шлегелями, отличается также и отъ ихъ воззрѣнія тѣмъ, что они хотя и видѣли въ литературѣ выраженіе народной жизни, но жизнь эту, отражающуюся въ письменномъ словѣ, ограничивали почти одною сферою умственной и художественной образованности, между тѣмъ какъ въ понятіяхъ Шевырева словесность отражаетъ всю сознанную и несознанную полноту народнаго быта, какъ онъ раскрывается въ самыхъ разнородныхъ сферахъ—умственной и гражданской, художественной и промышленной, семейной и государственной, въ племенной и случайно-личной, въ своеобразной и заимственной.

Это понятіе Шевырева о словесности можетъ быть выведено изъ его изложенія, но выведено нами, слушателями; а ему самому нѣкогда пускаться въ теоріи и опредѣленія. Въ его живомъ представленіи предмета мысль всегда фактъ, и фактъ всегда *осмысленъ*, какъ онъ самъ выражается, говоря о раскрытіи внутренняго значенія внѣшняго событія.

Вслѣдствіе такого воззрѣнія, изъ оживленныхъ памятниковъ нашей древней словесности воскресаетъ вся древняя исторія нашего отечества,—не та исторія, которая заключается въ сцѣпленіи войнъ и договорахъ, въ случайныхъ событіяхъ и громкихъ личностяхъ, но та внутренняя исторія, изъ которой, какъ изъ невидимаго источника, истекаетъ весь разумъ внѣшнихъ движеній. Впрочемъ, само собою разумѣется, что исторія древней образованности Россіи является не на первомъ планѣ его изложенія: она, по его же выраженію, только необходимый грунтъ его картины.

Между тѣмъ, представляя такимъ образомъ исторію словесности и просвѣщенія древне-Русскаго, профессоръ, чтобы яснѣе обозначить ихъ особенность, постоянно сравниваетъ ихъ значеніе съ соотвѣтствующими имъ явленіями на Западѣ Европы,—не для того, чтобы выхвалять одно на счетъ другаго; но для того, чтобы, сличая, яснѣе опредѣлить ихъ отличія. Въ этой параллельной характеристикѣ особенно ясно выражается тотъ глубоко значительный смыслъ древне-Русскаго просвѣ-

щенія, который оно приняло отъ свободнаго воздѣйствія Христіанской вѣры на нашъ народъ, не закованный въ языческую Греко-Римскую образованность, не завоеванный другимъ племенемъ; но самобытно, мирно, безъ насилія и христіански возраставшій изъ глубины духовныхъ убѣжденій въ благоустройство внѣшней жизни,—покуда Провидѣнію угодно было, нашествіемъ иноплеменныхъ вліяній, остановить это возрастаніе, можетъ быть, преждевременное въ общей экономіи всечеловѣческаго бытія, — преждевременное для внѣшне-образованнаго Запада, еще не созрѣвшаго къ участію въ чисто христіанскомъ развитіи,—можетъ быть, преждевременное и для самой Россіи, еще не принявшей въ себя стихій Западной образованности для подведенія ихъ подъ воздѣйствіе одного высшаго начала.

Редакція Москвитянина надѣялась помѣстить въ 1-мъ № своего журнала первую лекцію Шевырева; но, кажется, по отсутствію у насъ стенографовъ, она не вполнѣ была записана слушателями и потому врядъ ли когда нибудь явится иначе, какъ въ отрывкахъ.

Между тѣмъ, покуда различныя, уже послѣ на память изъ нихъ записанныя мѣста, будутъ сличаться и сводиться вмѣстѣ, я посылаю вамъ одинъ отрывокъ, изъ котораго вы получите понятіе о двухъ мысляхъ курса: о томъ, какъ разумѣетъ профессоръ отношеніе народности къ человѣчеству, и о томъ, какъ онъ смотритъ на словесность вообще.

Дѣйствіе, которое производятъ лекціи Шевырева, очень сильно и разнообразно: нѣкоторые восхищаются ими до восторга, другіе судятъ строго, съ противоположнымъ пристрастіемъ; но почти никто не остается равнодушенъ; иные видятъ въ нихъ борьбу Русскаго просвѣщенія съ Западнымъ, и въ этомъ ошибаются. Цѣль профессора совсѣмъ не та, чтобы унизить одну часть человѣческой образованности передъ другою. Онъ выражаетъ ихъ особенности, сравниваетъ для поясненія, старается опредѣлить съ безпристрастіемъ и видимо ищетъ избѣгнуть всякой исключительности. Его любовь къ Россіи—любовь сознательная, а не слѣпой восторгъ, выражающійся въ безсмысленныхъ восклицаніяхъ. Тѣ, которые хотятъ видѣть противное, вѣроятно, болѣе обращаютъ вниманіе на собственныя свои предубѣжденія, нежели на изложеніе профессора.

Замѣтно, что общее участіе къ лекціямъ безпрестанно возрастаетъ, также какъ и число слушателей. Сначала ихъ было

около полутораста; теперь ихъ уже болѣе трехъ сотъ. Послѣдняя лекція его перерывалась пять разъ рукоплесканіями, которыми его встрѣчаютъ и провожаютъ почти каждый разъ.

Сельское хозяйство.

(*1845*).

Открывая въ журналѣ учено-литературномъ особый отдѣлъ для сельскаго хозяйства, редакція руководствуется тою мыслію, что въ наше время и особенно въ нашемъ отечествѣ наука земледѣлія уже не ограничивается исключительно промышленными цѣлями, но въ болѣе глубокомъ развитіи принадлежитъ уже къ тѣмъ вопросамъ человѣческой образованности, которые соприкасаются съ самыми живыми предметами мышленія и съ самыми отвлеченными предметами жизни. Давно уже прошло то время, когда сельское хозяйство было исключительно дѣломъ заведеннаго обычая и стараго преданія. Но за безотчетною привычкою къ старинѣ послѣдовала безотчетная любовь къ нововведеніямъ. Въ то время еще ничто не измѣнялось въ сельскомъ порядкѣ вещей, потому ничто не требовало перемѣны прежняго хозяйственнаго устройства; измѣнился только образъ мыслей нѣкоторыхъ землевладѣтелей, и вслѣдствіе этой отвлеченной причины, начались заимствованія чужеземныхъ системъ, родившихся тамъ изъ особенныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ и вводившихся у насъ часто вопреки мѣстнымъ требованіямъ. Иногда учреждались плодопеременныя хозяйства, гдѣ избытокъ земли и недостатокъ рукъ указывалъ на устройство прямо противоположное. Сѣяли картофель въ огромныхъ количествахъ тамъ, гдѣ некуда было сбывать даже зерноваго хлѣба. Заводили многосложныя орудія, не соотвѣтствующія мѣстнымъ потребностямъ. Педантическое улучшеніе маленькаго клочка земли, еще не имѣющей большой цѣны въ Россіи, покупали важною потерею времени, особенно цѣннаго въ нашемъ земледѣліи. Ломали прежніе обычаи не для новой выгоды, но для новой системы. Вводили усиленную работу и часто излишнее отягченіе барщины тамъ, гдѣ прежняя была выгоднѣе даже для помѣщика. Прежній

естественный характеръ сельскихъ отношеній замѣнили характеромъ фабричной напряженности. Тратили огромные капиталы, чтобы добыть малоцѣнныя произведенія. Многіе разорили своихъ крестьянъ. Многіе возбудили въ нихъ мысль о разрозненности ихъ выгодъ съ интересами помѣщика-фабриканта. Другіе разорились сами. Весьма немногіе ограничили убытки свои потерею безполезно употребленныхъ трудовъ и стараній,—покуда, наконецъ, общія неудачи модно-раціональныхъ хозяевъ произвели въ общемъ мнѣніи помѣщиковъ направленіе совершенно противоположное. Какъ прежде искали всего новаго, почитая всякое нововведеніе улучшеніемъ, такъ теперь начали бояться всякаго улучшенія потому, что оно нововведеніе. Излишняя довѣрчивость къ системамъ перешла въ излишнюю недовѣрчивость къ мышленію.

Мы не раздѣляемъ ни того, ни другаго направленія. Признаемся однако, что если бы должны были непремѣнно избирать изъ двухъ, то имѣли бы болѣе сочувствія къ послѣднему; ибо думаемъ, что въ улучшеніяхъ не столько нужна быстрота нововведеній, сколько ихъ основательность, и что всякому усовершенствованію не столько вредитъ упорное пребываніе въ недостаточномъ, но уже существующемъ положеніи, — изъ котораго человѣкъ и безъ отвлеченной системы невольно вытѣсняется самымъ порядкомъ движущихся вокругъ него вещей,— сколько вредитъ ему неумѣстность недозрѣлыхъ новоустройствъ, которыхъ неудача усиливаетъ начало сельской неподвижности всею тяжестью обманутаго ожиданія.

Между тѣмъ, въ наше время главные вопросы сельскаго хозяйства находятся уже не въ томъ положеніи, въ какомъ они были при началѣ нашихъ нововводительныхъ опытовъ. Если тогда причина измѣненій хозяйства заключалась въ личныхъ пристрастіяхъ нѣкоторыхъ хозяевъ къ иностраннымъ теоріямъ, то теперь, напротивъ того, самый порядокъ сельскихъ вещей требуетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ ихъ устройствѣ. Неимовѣрная, неслыханная до сего времени и во всѣхъ случаяхъ разорительная для земледѣльцевъ измѣняемость цѣнности ихъ произведеній; трудность существованія при излишней дороговизнѣ; неменьшая трудность къ добыванію необходимыхъ податей и оброковъ при крайней дешевизнѣ хлѣба; недавнее распространеніе мануфактуръ и фабрикъ, частію естественное, болѣе напряженно-искусственное и въ послѣднемъ случаѣ не

развивающее постепенно, но мгновенно измѣняющее нравы народа; распространеніе новыхъ потребностей роскоши въ самомъ неимущемъ классѣ обѣихъ столицъ и многихъ городовъ, съ коими сельскіе земледѣльцы находятся въ постоянномъ соприкосновеніи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усиленное населеніе и происшедшее отъ того иное отношеніе между цѣнностью работы и земли; наконецъ, примѣры и послѣдствія улучшаемаго хозяйства между государственными крестьянами, — всѣ эти и многія другія обстоятельства связываютъ въ наше время вопросы каждаго частнаго хозяйства съ вопросами о движеніи хозяйства въ нашемъ отечествѣ вообще, и дѣлаютъ потребность нѣкоторыхъ улучшеній уже не пристрастіемъ нѣкоторыхъ лицъ, но общею необходимостью всего сельскаго быта.

При такомъ положеніи вещей, наука сельскаго хозяйства связывается уже не только съ химіею, ботаникою, технологіею, механикою и тому подобными вѣденіями, но необходимо включаетъ въ себя и нравственно-статистическія, и частію даже историческія соображенія. Кромѣ того, самая промышленная часть земледѣлія, послѣ предшествовавшихъ односторонніхъ теорій, должна принять новый смыслъ, чтобы пріобрѣсть новое довѣріе.

Изъ двухъ элементовъ, составляющихъ истинную науку хозяйства, опытъ и разумное познаніе чужихъ системъ и открытій, кажется, оба равно необходимы. Но познаніе чужихъ системъ тогда только можетъ принести пользу, когда оно не подчиняется пристрастію къ какой нибудь одной, случайно болѣе извѣстной, но соединяетъ изученіе всѣхъ важнѣйшихъ и самыхъ противоположныхъ, вмѣстѣ съ недовѣрчивостью къ исключительности каждой отдѣльной. Здѣсь полузнаніе вреднѣе незнанія. Безпристрастное соображеніе различныхъ теорій и еще болѣе различныхъ практикъ, въ различныхъ государствахъ и при различныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, необходимо имѣетъ то дѣйствіе на наблюдающій умъ, что общія истины отрѣшаются отъ случайныхъ обстоятельствъ, дающихъ имъ одностороннее примѣненіе, и являются уже не Германскими, не Англійскими, не Бельгійскими и не Французскими; все ограниченное отпадаетъ отъ нихъ, какъ зависимое отъ мѣстныхъ вліяній, и чистое начало представляется такимъ образомъ въ томъ разумномъ видѣ, въ которомъ оно можетъ уже, какъ собственное соображеніе, подвергнуться сознатель-

ному разсчету всякаго мыслящаго хозяина. Такимъ образомъ, если полузнаніе вреднѣе незнанія, то знаніе спасаетъ отъ вреда полузнанія.

Статьи г-на профессора Линовскаго будутъ имѣть преимущественною цѣлію показаніе современнаго состоянія земледѣлія въ различныхъ Европейскихъ государствахъ, съ постоянною мыслію о возможности безпристрастнаго примѣненія общихъ началъ и открытій по этой части къ усовершенствованію земледѣлія въ нашемъ отечествѣ. Основательное теоретическое знаніе науки сельскаго хозяйства и вмѣстѣ наукъ съ нимъ смежныхъ имѣлъ онъ возможность подкрѣпить и повѣрить продолжительными путешествіями по Россіи, исключительно для этой цѣли предпринятыми. Не прежде, какъ вооруженный такими познаніями и наблюденіями, приступилъ онъ къ изученію на мѣстѣ улучшенныхъ хозяйствъ Германіи, Австріи, Италіи, Бельгіи, Франціи и особенно Англіи, страны, которой усовершенствованія были извѣстны у насъ болѣе по слухамъ, чѣмъ по совѣстливымъ изслѣдованіямъ на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему редакція журнала почитаетъ немаловажнымъ пріобрѣтеніемъ постоянное участіе такого сотрудника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она ожидаетъ содѣйствія нѣкоторыхъ другихъ опытныхъ Русскихъ хозяевъ, дабы совокупностью силъ можно было надѣяться достигнуть общеполезнаго результата.

Библіографическія статьи.

(*1845*).

Новый 1845 годъ будетъ ли новымъ годомъ для нашей словесности? подаритъ ли онъ ее какимъ нибудь великимъ, геніальнымъ созданіемъ, могущимъ поднять ея упавшій духъ, оживить ея застывающія силы, убить, уничтожить ея мелочную дѣятельность и направить къ новой существенной цѣли, къ живой жизни, проникнутой мыслію, согрѣтой сочувствіемъ, вдали отъ журнальныхъ пересудовъ и торговыхъ разсчетовъ? Или суждено литературѣ нашей еще и этотъ годъ томиться въ той же незначительности, въ какой она находится уже нѣсколько лѣтъ? — Мудрено отгадать будущее; еще труднѣе предузнать геніальное. Всѣ разсчеты обыкновенныхъ соображеній приходятся только къ посредственности. Но если бы мы позволили себѣ на минуту предаться тому мечтательному занятію, тому святочному удовольствію, чтобы, глядя на прошедшее и настоящее, разгадывать будущее,—то врядъ ли это удовольствіе гаданья могло бы доставить намъ много утѣшительнаго. Когда бы у насъ не было замѣчательныхъ талантовъ, мы могли бы забавляться ихъ ожиданіемъ. Если бы у насъ не являлось замѣчательныхъ литературныхъ произведеній, мы могли бы надѣяться, что они явятся. Но у насъ есть люди съ высокими дарованіями, отъ которыхъ мы могли бы ожидать великаго; являются иногда и созданія ихъ, исполненныя высшихъ достоинствъ, а между тѣмъ литература наша не живетъ, ея интересы спятъ, и сочувствія съ нею не замѣтно почти нигдѣ.—Отъ того, что слишкомъ рѣдкія высокія явленія нашей словесности исчезаютъ почти безъ слѣдовъ среди громады мелочныхъ ничтожностей; отъ того, что на нашихъ писателяхъ съ высшими и даже съ посредственными дарованіями лежитъ какая-то странная тяжесть бездѣйствія, въ которомъ мы не можемъ даже упрекать ни одного изъ нихъ

потому, что не въ правѣ приписать винѣ одного лица то, что, очевидно, есть общее состояніе. Прошедшій годъ видѣлъ нѣсколько блестящихъ литературныхъ явленій: *Наль и Дамаянти*, созданіе, исполненное самой свѣжей красоты, самыхъ яркихъ красокъ, самыхъ нѣжныхъ благоуханій Востока, проникнутое, одушевленное тихою музыкой сердечной мечты; — *Маттео Фальконе*, произведеніе удивительное по мастерству стиха, по глубокой правдѣ и образцовой простотѣ языка, — и нѣсколько другихъ явленій, которыя, однакоже, не имѣли почти никакого вліянія на текущую словесность; они пронеслись мимо ея, надъ нею, — блестящіе метеоры, — не оставляя видимаго слѣда и сохраняясь только въ воспоминаніи, рѣзко оторваннымъ отъ ежедневныхъ впечатлѣній. Болѣе, чѣмъ немногими прекрасными явленіями, прошедшій годъ памятенъ будетъ въ литературѣ нашей своими незамѣняемыми утратами. Баратынскій, пѣвецъ любви, печали, сердечныхъ думъ и сердечныхъ сомнѣній, своеобразный поэтъ, высокій, глубоко чувствующій художникъ, искренній въ каждомъ звукѣ, отчетливо изящный въ каждой мечтѣ, похищенный преждевременною смертію, оставилъ въ словесности нашей нѣсколько прекрасныхъ созданій, неоцѣненныхъ по своему достоинству, но почти ничтожныхъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать, если бы возможность дѣятельности измѣрялась одною силою дарованій. Въ послѣднее время писалъ онъ особенно мало и еще менѣе былъ понятъ и оцѣненъ монополистами литературныхъ мнѣній, самодовольными журнальными судьями, которые часто полу-Русскимъ языкомъ произносили приговоръ свой надъ его образцовыми, глубоко прочувствованными стихами; часто, по указанію ученическихъ тетрадей, разбирали, щупали, ломали его нѣжныя, художническія созданія и, можетъ быть, изъ добраго намѣренія, давали ему свои назидательные совѣты и наставленія. Не знаемъ, огорчало ли это Баратынскаго; думаемъ, что онъ могъ бы утѣшиться приговоромъ иныхъ, не менѣе извѣстныхъ литераторовъ, какъ напр. Жуковскаго, Пушкина, Вяземскаго, Языкова, Хомякова, Дельвига, Дениса Давыдова, Шевырева и многихъ другихъ. Но кто разочтетъ по законамъ благоразумія мѣру чувствительности избраннаго таланта? По крайней мѣрѣ, кажется въ послѣднее время, обманутый журнальными отзывами, онъ уже мало вѣрилъ сочувствію публики. А можетъ

быть, въ самомъ дѣлѣ, онъ не ошибался. Можетъ быть, большинство публики въ своихъ сочувствіяхъ не шутя руководствуется журнальными рецензіями, — такими, разумѣется, которыя по сердцу и по уму и по вкусамъ этого большинства.

Мѣсто, принадлежавшее Баратынскому въ нашей словесности, навсегда останется незанятымъ и, можетъ быть, еще долго неоцѣненнымъ. Ибо, даже послѣ извѣстія о его кончинѣ, журналы наши произнесли ему такой приговоръ, изъ котораго ясно видно, что еще не пришло время отдать полную справедливость его поэзіи. Одинъ *Современникъ* былъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, благороднымъ исключеніемъ изъ общаго настроя умовъ. Прекрасная, умная, исполненная глубокимъ сочувствіемъ и вмѣстѣ справедливая, дружески-теплая и вмѣстѣ просвѣщенно-безпристрастная статья, помѣщенная въ немъ о Баратынскомъ, доказываетъ по крайней мѣрѣ, что тотъ избранный кружокъ, для котораго существуетъ этотъ журналъ, цѣнилъ его и его поэзію.

Мы не распространяемся здѣсь о поэзіи Баратынскаго. Мы надѣемся въ одномъ изъ ближайшихъ *NN* Москвитянина доставить себѣ наслажденіе высказать вполнѣ наше мнѣніе и о его созданіяхъ. Теперь же упомянули мы о немъ только потому, что говорили о нашихъ утратахъ.

Вскорѣ за Баратынскимъ словесность наша лишилась еще другаго поэта. И. А. Крыловъ скончался на 77 году отъ рожденія, и если мы сообразимъ два тома его басенъ съ тѣмъ временемъ, въ которое онъ началъ писать, то, вопреки общему мнѣнію, скажемъ и про него тоже, что про Баратынскаго, что какъ ни много сдѣлалъ онъ для словесности нашей, но сдѣлалъ весьма мало въ сравненіи съ тѣмъ, что подобный ему талантъ могъ бы совершить во всякой другой литературѣ.

Величіе таланта Крылова заключается не столько въ великомъ литературномъ достоинствѣ его произведеній, сколько въ красотѣ ихъ народности. Крылову принадлежитъ честь единственная, ни съ кѣмъ не раздѣленная: онъ умѣлъ быть народнымъ, и что еще важнѣе, онъ хотѣлъ быть Русскимъ въ то время, когда всякое подражаніе почиталось просвѣщеніемъ, когда слово: *иностранное*, было однозначительно съ словомъ: *умное* или *прекрасное*; когда, поклоняясь нашимъ выписнымъ гувернерамъ, мы не знали оскорбительнаго слова, хуже слова:

Moujik!—Въ это время Крыловъ не только былъ Русскимъ въ своихъ басняхъ, но умѣлъ еще сдѣлать свое Русское плѣнительнымъ даже для насъ. Хотя долго продолжалось время, когда и ему не отдавали справедливости, съ исключительнымъ восторгомъ читали басни Дмитріева, впрочемъ исполненныя истинныхъ красотъ, и почти противъ совѣсти смѣялись Русскимъ разсказамъ Крылова.

Крыловъ былъ прекрасенъ своею народностію, но не въ силахъ распространить ея вліяніе на словесность. Это предоставлено было другому.

Что Крыловъ выразилъ въ свое время и въ своей басенной сферѣ, то въ наше время и въ сферѣ болѣе обширной выражаетъ Гоголь.

Послѣ появленія Мертвыхъ душъ Гоголя, много говорено было за нихъ и противъ нихъ не только въ литературѣ, но и во всѣхъ кругахъ читателей; — между тѣмъ, отъ восторженныхъ похвалъ и страстныхъ порицаній осталось, кажется, одно общее убѣжденіе, что Гоголь въ словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сихъ поръ въ ясномъ видѣ еще не являвшейся силы, которой неисчислимые результаты могутъ произвести совершенный переворотъ въ нашей литературѣ, и которую называютъ *силою Русской народности*. До сихъ поръ мы были и находимся еще подъ вліяніемъ Французовъ и Нѣмцевъ. Жизнь нашей словесности оторвана отъ жизни нашего народа. Но, читая Гоголя, мы понимаемъ возможность ихъ соединенія. Впрочемъ, не потому Гоголь народенъ, что содержаніе разсказовъ его взято по большей части изъ Русской жизни: содержаніе не характеръ; Шекспиръ столько же Англичанинъ, описывая Римъ и Венецію, сколько въ своихъ Британскихъ драмахъ; не потому также называемъ мы Гоголя народнымъ, чтобы народъ читалъ его (слава Богу, народъ нашъ еще живетъ въ литературѣ Славянской, и немногіе, просвѣщенные *гражданскою* грамотностію, продолжаютъ образовываться посредствомъ Выжигина, Орлова и Польде-Кока); но потому, что въ глубинѣ души его таятся особенные звуки, потому что въ словѣ его блестятъ особенныя краски, въ его воображеніи живутъ особенные образы, исключительно свойственные Русскому народу, тому свѣжему, глубокому народу, который не утратилъ еще своей личности въ подражаніяхъ иностранному. Если бы и можно было перевесть

Гоголя на чужой языкъ, что впрочемъ невозможно, — то и тогда самый образованный иноземецъ не понялъ бы лучшей половины его красотъ.

Въ этой особенности Гоголя заключается глубокое значеніе его оригинальности. Въ ней его права на великое дѣйствіе въ литературѣ еще болѣе, чѣмъ въ геніальности его произведеній. Ибо если справедливо, что красота принадлежитъ всѣмъ націямъ, что статуя Греческая равно нравится Нѣмцу и Русскому, то надобно сознаться, что для понятія чужой красоты необходимо нѣкоторое разумное отвлеченіе, охлаждающее ея дѣйствіе, между тѣмъ какъ красота своенародная, окруженная невидимымъ строемъ сочувственныхъ звуковъ, близкихъ и далекихъ отголосковъ, темныхъ и ясныхъ, сердечныхъ, несознанныхъ воспоминаній, — не отрываетъ мечту отъ жизненной сферы; но, дѣйствуя двойною силою, связываетъ художественное наслажденіе, подлежащее сознанію, вмѣстѣ съ безотчетными пристрастіями нашей особенной жизни.

Этимъ объясняется, можетъ быть, и безмѣрное сочувствіе къ Гоголю нѣкоторыхъ, и неимовѣрныя нападенія на него другихъ.

О многихъ книгахъ, вышедшихъ въ прошедшемъ году, Москвитянинъ не успѣлъ еще извѣстить своихъ читателей. Мы постараемся теперь, хотя отчасти, дополнить этотъ недостатокъ.

Молитва Св. Ефрема Сирина, *Бесѣды на Св. Четыредесятницу.* Харьковъ. Въ Универс. Тип. 1844 года.

О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, *Бесѣда на Св. Четыредесятницу,* Харьковъ. Въ Унив. Тип. 1844 года.

Все, выходящее изъ-подъ пера преосвященнаго Иннокентія, принадлежитъ не одному богословію; оно составляетъ вмѣстѣ богатое украшеніе нашей словесности вообще. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи желаемъ мы выразить впечатлѣніе, произведенное на насъ этими двумя книгами.

Произведенія преосвященнаго Иннокентія представляютъ особенный характеръ духовнаго краснорѣчія, выражающійся болѣе или менѣе во всѣхъ его сочиненіяхъ, но преимущественно обозначившійся въ его двухъ *Седмицахъ—Страстной* и *Свѣтлой*. Однако, не смотря на то, что эта особенность характера весьма ощутительна для каждаго читающаго, она легче можетъ быть отличена чувствомъ, чѣмъ выражена словами,—и если бы отъ насъ потребовали ея опредѣленія, то мы затруднились бы обозначить ее какою либо формулой. Краснорѣчіе, теплота, ясность мыслей, живость представленій,—всѣ эти качества могутъ принадлежать и другимъ проповѣдникамъ; но между тѣмъ, читая преосвященнаго Иннокентія, вы ясно понимаете, что въ дѣйствіи его слова есть нѣчто особенное, исключительно ему принадлежащее. За неумѣніемъ сказать нашу мысль кратко, постараемся объяснить ее хотя описательно.

Духовное краснорѣчіе имѣетъ двѣ стороны, слагается изъ двухъ частей, изъ двухъ силъ, которыми оно дѣйствуетъ. Одна заключается въ изложеніи вѣчныхъ истинъ, неизмѣняемо живущихъ въ Церкви; другая состоитъ въ примѣненіи этихъ вѣчныхъ, неизмѣняемыхъ ученій къ тѣмъ вѣчно измѣняющимся обстоятельствамъ времени и мѣста, въ которыхъ проповѣдникъ застаетъ своихъ слушателей. Если бы первая часть, т. е., изложеніе истины, была одна необходимая для поученія, то въ такомъ случаѣ не нужно было бы говорить проповѣди; достаточно было бы повторять однажды составленный катихизисъ. Если бы вторая стихія проповѣди, т. е., примѣненіе вѣчныхъ истинъ къ измѣняющимся обстоятельствамъ, относилась единственно къ тѣмъ безпрерывно возвращающимся недостаткамъ человѣка, въ которыхъ онъ, по всегдашней слабости своей природы, можетъ одинаково находиться во всякое время, не смотря на различіе временъ; если бы проповѣдь, говорю я, ограничивалась только тѣми увѣщаніями и возбужденіями, которыя во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ равно необходимы для поддержанія вѣры и жизни православной противъ всегдашняго враждованія страстей, неразумія и соблазновъ,—то въ такомъ случаѣ весьма достаточно было бы для насъ богатаго наслѣдства древнихъ Отцевъ, и слово новое могло бы казаться почти излишнимъ послѣ всего уже прежде сказаннаго великими столпами Церкви. Но между тѣмъ, не смо-

тря на все душепитательное, что мы можемъ почерпнуть въ писаніяхъ древнихъ Учителей, мы чувствуемъ однакоже, что кромѣ того намъ необходимо еще подкрѣпительное слово современнаго намъ пастыря, близкаго свидѣтеля нашихъ особенныхъ недоумѣній и немощей, разрѣшителя нашихъ новыхъ затрудненій, утѣшителя при новыхъ бѣдствіяхъ, указателя пути при новыхъ заблужденіяхъ, вразумителя при новыхъ сомнѣніяхъ, возникающихъ, можетъ быть, изъ одного корня, но являющихся въ каждое время въ новомъ видѣ, съ новыми самооправданіями, съ новыми обольщеніями. Потому мы думаемъ, что, кромѣ другихъ существенныхъ качествъ, достоинство *современности* есть одно изъ необходимыхъ условій для сильнаго дѣйствія рѣчи на слушателей.

Всѣ знаменитые проповѣдники имѣли это качество въ большей или меньшей степени. Особенность каждаго времени давала особенную краску ихъ краснорѣчію.

Въ наше время, кажется, главная болѣзнь человѣка состоитъ не въ излишествѣ какой либо страсти, не въ незнаніи какой либо истины и не въ случайномъ недоразумѣніи какого либо вопроса; мы замѣчаемъ, напротивъ, вмѣсто односторонней напряженности, болѣе общее разслабленіи сердца, противоположное всякой страстности и пригнетающее человѣка къ низкимъ цѣлямъ и побужденіямъ, не отъ избытка его неустроенныхъ порывовъ, но отъ недостатка внутренней способности ко всякому сильному стремленію. Вмѣсто незнанія, страдаемъ мы, кажется, излишнимъ многознаніемъ, равно заботясь о изученіи истиннаго и ложнаго, равно признавая полезное и вредное, и, запутавшись въ многомыслiи, часто смѣшиваемъ самое разнородное, подчиняясь общему, безразличному впечатлѣнію взаимно уничтожающихся воздѣйствій добра и зла, одинаково доступныхъ нашему, ни горячему, ни холодному, сочувствію.

Противъ этой господствующей немощи нашего времени, душевной холодности и умственной запальчивости, сердечной вялости и мысленной вседвижимости, разслабленной, себялюбивой изнѣженности, и напряженной діалектической мечтательности, — духовному пастырю возможны два способа врачеванія: или дѣйствовать прямо на сердце и, согрѣвая его живыми образами, возбуждая очевидными представленіями, увлекая теплыми изображеніями Божественнаго и Святаго,—такъ

сказать, *по слѣдамъ чувства*, наводить мысль на путь спасенія; или дѣйствовать непосредственно на разумъ, строгимъ судомъ очистить истину отъ лжи, глубокомысленнымъ и яснымъ доводомъ разрѣшить запутанное, обличить мнимое, прояснить темное, отрѣзать сомнительное, утвердить вѣрное, устроить блуждающую мысль, такъ сказать, *образумить* ее, и потомъ уже, на предварительно утвержденномъ основаніи внутренняго *сознанія*, назидать умственную и сердечную жизнь человѣка въ духовной нераздѣльности всѣхъ частныхъ его способностей.

Эти два противоположные способа дѣйствованія противъ двухъ коренныхъ недостатковъ нашего времени принадлежатъ, кажется, преимущественно двумъ великимъ современнымъ учителямъ нашей Церкви и составляютъ особенность характера ихъ духовнаго краснорѣчія,—не такъ, однакоже, чтобы одна особенность исключала другую, но такъ, что каждая вмѣщаетъ въ себѣ противоположную, какъ свою необходимую, но подчиненную силу.

Потому, если слово пр. Иннокентія (ибо теперь имѣемъ мы въ виду выразить наше мнѣніе исключительно о характерѣ его краснорѣчія), если слово его, проникнутое живостію какъ бы непосредственнаго воззрѣнія на изображаемыя имъ событія, согрѣтое приложеніемъ высшихъ истинъ къ очевидному и, такъ сказать, осязательному обозначенію нашей современной жизни, если оно и рѣдко касается вопросовъ догматическихъ, рѣдко стремится разрѣшить сомнѣнія мысленныя—то тѣмъ не менѣе, дѣйствуя прежде на чувство, оно не только не забываетъ умственнаго устроенія нашего современнаго многомыслія, но (что составляетъ особенность его краснорѣчія), не говоря о нихъ, самымъ способомъ сердечнаго возбужденія оно уже отвѣчаетъ на тѣ умозрительные вопросы, на то утонченное раздвоеніе ума, которые составляютъ отличительный характеръ нашего вѣка. Читая пр. Иннокентія, вы чувствуете, что ему не безызвѣстны ваши мысленныя волненія; что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки, не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, еще незнакомаго его многотрудившейся мысли, еще непобѣжденнаго вѣрою въ глубинѣ внуренняго сознанія. Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго:

это теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ нападенія свѣтской мудрости, сквозь всѣ затрудненія оторвавшейся отъ неба науки.

Но, если справедливо сказанное нами, то неоспоримо и то, что произведенія пр. Иннокентія тѣмъ болѣе должны имѣть дѣйствіе, чѣмъ болѣе выражается въ нихъ замѣченная нами особенность его силы. Примѣняя же сказанное нами къ тѣмъ двумъ книгамъ, по поводу которыхъ мы начали это разсужденіе, мы сознаемся, что, не смотря на всѣ ихъ достоинства, не умѣли мы найти въ нихъ тѣхъ отличительныхъ качествъ, которыми согрѣты другія произведенія преосвященнаго. Признаемся также, что вина этому заключается не въ книгахъ, читанныхъ нами, но въ насъ, ихъ читавшихъ. Потому, мы не судимъ ихъ достоинства, только выражаемъ впечатлѣніе ихъ на насъ, зная притомъ, что для лучшей части читателей преосвященнаго впечатлѣніе это будетъ совершенно иное, ибо чѣмъ полнѣе, чѣмъ выше раскрывается жизнь духовная въ человѣкѣ, тѣмъ совершеннѣе отлучается онъ отъ минутныхъ волненій времени, тѣмъ менѣе нуждается въ новомъ, въ еще несказанномъ, въ современномъ, и тѣмъ болѣе смысла получаютъ въ глазахъ его истины вѣчныя, хотя всѣмъ извѣстныя, но всегда новыя для его благочестиваго вниманія, истины душеполезныя, святыя, во всякое время равно принадлежащія святой Церкви, и теперь ясно и вѣрно повторенныя ея знаменитымъ пастыремъ.

О воспитаніи дѣтей *въ духѣ Христіанскаго благочестія.* Москва. Тип. Авг. Семена.

Эта книга, передѣланная съ Нѣмецкаго, заключаетъ въ себѣ весьма много полезныхъ наставленій, сказанныхъ хорошимъ, чистымъ и правильнымъ языкомъ. Вѣроятно, это только введеніе въ болѣе полное изложеніе науки воспитанія; ибо общія истины, выраженныя здѣсь, тогда только получатъ настоящую цѣну, когда будутъ соединены съ замѣчаніями практическими, могущими указать путь къ достиженію цѣли, здѣсь обозначенной. Лучшее средство — сдѣлать хорошій совѣтъ небезполезнымъ, заключается въ томъ, чтобы дать возможность его исполнить.

Фаустъ, *трагедія, соч. Гёте. Переводъ первой и изложеніе второй части. М. Вронченко. 1844 г.* Въ привил. тип. Фишера. С.-Петербургъ.

Удивительно, сколько жизни въ геніальномъ созданіи! Фаустъ—полу-романъ, полу-трагедія, полу-философская диссертація, полу-волшебная сказка, полу-аллегорія, полу-правда, полу-мысль, полу-мечта, полу-музыка, но всего менѣе театральное зрѣлище; не смотря на то, однако, въ 1829 году былъ поставленъ Тикомъ на Дрезденскій театръ. Всѣ думали тогда, что Фаустъ будетъ убитъ сценою, — и ошиблись. Дѣйствіе, которое онъ произвелъ на театрѣ, еще усилило то впечатлѣніе, которое онъ производитъ въ чтеніи. Теперь произведенъ надъ нимъ другой опытъ: Фаустъ, не переводимый Фаустъ,—явился въ Русскомъ переводѣ, буквально вѣрномъ, но далеко не поэтически вѣрномъ. Мы думали: Фаустъ безъ поэзіи языка—то же, что красавица безъ молодости; мы начали читать его съ этимъ предубѣжденіемъ: первыя страницы были невыносимы; почти каждое слово, напоминая подлинникъ, тѣмъ непріятнѣе оскорбляло наше воспоминаніе. И что же? Когда мы прочли нѣсколько сценъ, то уже не могли болѣе оторваться отъ книги. Внутренняя поэзія Фауста овладѣла воображеніемъ нашимъ, и этотъ блѣдный, но совѣстливо точный и удивительно вѣрный по смыслу переводъ произвелъ на насъ почти такое же дѣйствіе, какое могло бы произвести перечитываніе оригинала.

Мы благодаримъ г. Вронченка за это наслажденіе; благодаримъ его и за то, что онъ не исказилъ смысла фальшивою поддѣлкою, но съ довѣренностію къ внутренней силѣ геніальной мысли и съ самоотверженіемъ автора, достойнымъ уваженія, предпочелъ безцвѣтность стиха ложному колориту.

Первая часть Фауста переведена вполнѣ; вторая—изложена только въ сущности; къ обѣимъ частямъ приложенъ общій обзоръ.

Любопытно видѣть, какое дѣйствіе произведетъ Фаустъ на нашу словесность. Конечно, онъ не совсѣмъ новость, потому что большей части образованныхъ читателей онъ извѣстенъ въ оригиналѣ. Однако же, всѣмъ незнавшимъ по-Нѣмецки онъ былъ незнакомъ, потому, что Французскіе переводы не да-

ютъ объ немъ никакого понятія. Говорятъ, есть превосходный переводъ на Англійскій языкъ; но намъ не случалось его видѣть. Впрочемъ и то правда, что произведеніе геніальное чужой словесности, хотя и знакомое намъ на чужомъ языкѣ, совсѣмъ иначе дѣйствуетъ на литературную образованность нашу, когда явится въ одеждѣ нашего роднаго слова. Даже и то не остается безъ полезнаго дѣйствія, когда мы замѣчаемъ слабость перевода, и какъ и почему наше слово еще не доросло до нѣкоторыхъ значеній.

Кажется, однако, что огромное, изумительное вліяніе, которое имѣлъ Фаустъ на литературу Европейскую, не вполнѣ можно отнести къ его поэтическому и философскому достоинству. Значительная часть силы его заключалась въ его современности. Онъ выражалъ минуту перехода Европейской образованности отъ вліянія Французскаго къ вліянію Нѣмецкому. Фаустъ — рождающійся 19 вѣкъ. Онъ также Нѣмецъ, какъ Кандидъ былъ Французъ, Гамлетъ—Англичанинъ, Донъ Жуанъ — Испано-Итальянецъ. Онъ могъ вмѣстить въ себѣ значеніе всечеловѣческое потому, что въ этотъ часъ Европейской жизни таково было значеніе жизни Германской: мысль отвлеченная, требующая борьбы и волненій жизни; жизнь взволнованная, разногласная, требующая согласія и значенія мысли.

Въ обзорѣ переводчика, написанномъ весьма остроумно и обнаруживающемъ глубокое изученіе своего предмета, мы отличимъ двѣ части. Все, что сказано имъ о первой части Фауста, кажется намъ дѣльнымъ и справедливымъ; но въ своихъ объясненіяхъ второй части, мы думаемъ, авторъ не совсѣмъ былъ вѣренъ своей собственной теоріи: судить о мысли художественнаго произведенія по даннымъ, въ немъ самомъ заключающимся, а не по догадкамъ, извнѣ къ нему прилагаемымъ. „Какая польза,—говоритъ онъ,—узнавать, что̀ гдѣ авторъ сказать хотѣлъ, если онъ не сказалъ того дѣйствительно? Передъ нами лежитъ его произведеніе въ томъ видѣ, какъ оно было написано и окончательно выправлено“.

„Мы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ставимъ Гёте по уму и таланту выше всѣхъ его толковниковъ и потому рѣшаемся вѣрить не имъ, а самому Гёте, то есть, видѣть въ Фаустѣ только то, что дѣйствительно и явственно въ немъ находится—видѣть не менѣе того, но и не болѣе. Такъ, съ без-

пристрастными читателями, пройдемъ мы обѣ части піесы, строго придерживаясь текста, отнюдь не позволяя себѣ никакихъ пополнительныхъ подразумѣній“.

Еще въ другомъ мѣстѣ также говоритъ онъ прекрасно о перетолкованіяхъ и подразумѣніяхъ: „Посредствомъ подразумѣнія изъ всего на свѣтѣ можно вывесть всё, что кому угодно. Пусть кто нибудь возметъ хоть сказку о Бовѣ Королевичѣ, да станетъ поступать, какъ толковники поступаютъ съ Фаустомъ, то есть, прямой и естественный смыслъ любаго мѣста почитать за грубую наружную оболочку мысли; подъ этою оболочкою подразумѣвать, смотря по надобности, тотъ или другой смыслъ отдаленный, переносный; придумывать, наконецъ, важное значеніе для каждаго слова, хотя бы то слово было, видимо, поставлено только для круглоты оборота,— нѣтъ сомнѣнія, что изъ Бовы Королевича выйдетъ подтвержденіе какой угодно философической системы!“

„На первый взглядъ кому либо можетъ показаться, что подразумѣвательная символистика есть только игра, хотя пустая и безплодная, но, по крайней мѣрѣ, безвредная. Пусть, скажутъ намъ, чудаки объясняютъ, что и какъ имъ вздумается; пусть, пожалуй, и Наполеона, сына Летиціи, принимаютъ за Аполлона, дитя свѣта, а двѣнадцать его маршаловъ за двѣнадцать зодіакальныхъ знаковъ; пусть, словомъ сказать, дряхлѣющій умъ забавляется калейдоскопомъ мудрованія, какъ одѣтинѣвшійся старикъ тѣшится постройкой карточныхъ домиковъ — зачѣмъ мѣшать его удовольствію? Мѣшать, конечно, не стоило бы труда, если бы игра оставалась при одномъ играющемъ; но происходитъ совсѣмъ не то: кривые толки сбиваютъ съ толку публику, особенно же увлекаютъ младшую часть публики, всегда довѣрчивую, всегда прельщаемую таинственностію. Такимъ образомъ распространяется множество сужденій загадочныхъ; а предметъ сужденій не только не поясняется, но, напротивъ, затемняется въ самыхъ ясныхъ частяхъ своихъ“.

Не смотря однако на это возстаніе автора противъ подразумѣній, во второй части Фауста онъ хотя не видитъ тѣхъ отвлеченныхъ мыслей, то философскихъ, то мистическихъ, которыя находили въ ней другіе толкователи, но за то не замѣчаетъ въ ней и того значенія, которое, очевидно, придавалъ ей самъ Гёте, таинственно хранившій ее какъ послѣднее за-

вѣщаніе всей своей поэтически-философской жизни. Если въ первой части Фауста переводчикъ признаетъ символическое изображеніе человѣка вообще, а не какое нибудь опредѣленное, частное лицо, даже не Нѣмца, а полнаго человѣка, только въ Нѣмецкомъ платьѣ,—то кажется, что по тѣмъ же причинамъ не имѣлъ онъ права видѣть и во второй части одну Нѣмецкую и художническую личность Гёте, вмѣсто всеобщности человѣка, или, по крайней мѣрѣ, человѣка нашего времени. Конечно, частныя впечатлѣнія поэта не могли не связываться съ его общими мыслями: эти случайности жизни даютъ краску поэтической мечтѣ; это фольга, говоритъ Жанъ-Поль, придающая блескъ и яркость безцвѣтно прозрачной мысли. Но не однѣ же случайности безъ мысли составляютъ поэзію Гёте, и особенно поэзію аллегорическую. Потому, мы благодарны г. Вронченку за то, что онъ открываетъ намъ связь между нѣкоторыми обстоятельствами въ жизни Гёте и его поэтическими изображеніями; это весьма любопытно и можетъ быть полезно въ психологическомъ и художественномъ отношеніи; но мы не можемъ согласиться съ нимъ, чтобы изображенія поэтическія ограничивались однимъ этимъ мелкимъ значеніемъ. Намъ кажется также не совсѣмъ справедливымъ и то, что г. Вронченко, разбирая смыслъ второй части Фауста, не упомянулъ о разборѣ эпизода Елены, сдѣланномъ г. Шевыревымъ и напечатанномъ въ первыхъ годахъ Московскаго Вѣстника. Разборъ г. Шевырева имѣетъ ту важность, что Гёте, отдавая объ немъ отчетъ, самъ объявилъ, что Шевыревъ понялъ мысль его аллегоріи и умѣлъ присвоить себѣ. Въ этомъ случаѣ, кажется, показаніе Гёте существеннѣе всякихъ догадокъ, противъ которыхъ такъ сильно и такъ справедливо возстаетъ самъ г. Вронченко.

Языкъ г. Вронченка вообще правильный, свободный и чистый. Но иногда попадаются нѣкоторыя выраженія не простительно неправильныя, какъ напр. *пахая землю*, *скалистыя врата*, *одътинъвшійся старикъ*, *сущное дъло*, и т. п.

На сонъ грядущій, *отрывки изъ вседневной жизни. Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. Изданіе второе.* Часть 1. С.-Петербургъ. 1844 г. Изданіе книгопродавца А. Иванова.

Повѣсти г. Соллогуба можно бы, кажется, узнать безъ подписи, между всѣхъ другихъ явленій нашей современной лите-

ратуры, по двумъ качествамъ, которыя всего рѣже встрѣчаются въ современной словесности, но которыя, казалось бы, составляютъ необходимое условіе всякаго произведенія, имѣющаго какое нибудь притязаніе на художественное достоинство: это вкусъ и неподдѣльное чувство. Нельзя сказать, чтобы изящная литература наша была бѣдна произведеніями: у насъ выходитъ не мало повѣстей и романовъ, но весьма мало такихъ, которые бы могли читаться. Въ повѣстяхъ нашихъ много дѣйствія, много сильныхъ ощущеній, выдуманныхъ хладнокровно, даже много мыслей, набранныхъ и перемѣшанныхъ; но рѣдко найдете вы чувства невыдуманныя, мысль свою, проведенную сквозь сердце; еще рѣже понятіе о художественномъ приличіи и соразмѣрности. Первое, что сдѣлалъ бы древній философъ съ нашими философами-романистами, вѣроятно, послалъ бы ихъ жертвовать Граціямъ. Но г. Соллогубъ составляетъ въ этомъ отношеніи совершенно противоположность съ большинствомъ нашихъ писателей. Повѣсти его необыкновенно увлекательны, языкъ простой и вѣрный, разсказъ живой, чувства въ самомъ дѣлѣ чувствованныя и потому невольно передающіяся читателю. Все это заставляетъ насъ съ нетерпѣніемъ ожидать втораго тома. Если же,—что вѣроятно,—эти повѣсти дождутся третьяго изданія, то мы желали бы въ нихъ видѣть только одно измѣненіе, и то въ заглавіи. „На сонъ грядущій“ не по-Русски. Есть молитвы на сонъ грядущимъ, которыя, вѣроятно, подали поводъ къ этому смѣшенію звуковъ, не имѣющему опредѣленнаго значенія.

Опытъ науки философіи. *Сочин. Ѳ. Надеждина.* С.-Петербургъ.

Было время, когда появленіе подобной книги у насъ могло бы составить эпоху въ нашей литературѣ; слово: философія, имѣло въ себѣ что-то магическое. Слухи о любомудріи Нѣмецкомъ, распространяя повсюду извѣстіе о какой-то новооткрытой Америкѣ въ глубинѣ человѣческаго разума, возбуждали, если не общее сочувствіе, то, по крайней мѣрѣ, общее любопытство. Особенно молодое поколѣніе съ жадностію искало всякой возможности проникнуть въ этотъ таинственный міръ. Страсть доходила до того, что даже читали Веланскаго и Галича!—Этого мало: ихъ не только читали, но даже многіе вос-

хищались ихъ сочиненіями, и что всего замѣчательнѣе, эти поклонники *біологическаго изслѣдованія природы въ ея творящемъ и творимомъ началѣ* принадлежали къ числу людей самыхъ образованныхъ того времени.

Теперь подобныя книги уже не производятъ восторга; отношенія наши къ философіи Нѣмецкой измѣнились. Вмѣсто того, чтобы искать посредника между Нѣмецкимъ мыслителемъ и нами,—посредника, часто не понимающаго ни своего учителя, ни самого себя, мы обратились къ самому источнику и Нѣмецкую мысль читаемъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Потому, философскія понятія распространились у насъ весьма сильно. Нѣтъ почти человѣка, который бы не говорилъ философскими терминами; нѣтъ юноши, который бы не разсуждалъ о Гегелѣ; нѣтъ почти книги, нѣтъ журнальной статьи, гдѣ незамѣтно бы было вліяніе Нѣмецкаго мышленія; десятилѣтніе мальчики говорятъ о конкретной объективности. Потому, Русская книга о философіи уже не можетъ произвести такого дѣйствія, какъ прежде.

Но удивительно, что когда мы вникнемъ нѣсколько внимательнѣе въ это всеобщее распространеніе философскихъ знаній, то увидимъ, что настоящій источникъ его находится не въ изученіи философскихъ писателей, не въ усвоеніи тѣхъ, или другихъ системъ, но, такъ сказать, въ томъ воздухѣ, которымъ мы дышемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, поговорите съ любымъ мыслителемъ, которыхъ у насъ теперь такъ много: вы замѣтите съ перваго взгляда, что всѣ его мнѣнія основаны на признаніи философіи Гегеля за высшую истину; что онъ отвергаетъ то, принимаетъ другое, дѣйствуетъ такимъ образомъ, даже чувствуетъ такъ, а не иначе, только потому, что этотъ образъ мыслей и дѣйствованій согласенъ съ тою системою, въ которой онъ убѣжденъ болѣе, чѣмъ во всякой другой истинѣ, и которую, потому, онъ кладетъ въ основаніе всей умственной и дѣйственной жизни своей.

А между тѣмъ, если вы всмотритесь въ тотъ умственный процессъ, посредствомъ котораго этотъ поклонникъ Гегеля пріобрѣлъ свое основное убѣжденіе, то съ удивленіемъ увидите, что процесса не было никакого. Большею частію онъ даже совсѣмъ не читалъ Гегеля. Изъ читавшихъ, иной прочелъ только примѣненіе началъ къ другимъ наукамъ, иной читалъ одну эстетику, иной только началъ читать его философію исто-

ріи, иной только прочелъ конецъ его исторіи философіи, тотъ нѣсколько страницъ изъ логики, тотъ видѣлъ феноменологію; большая часть читала что нибудь о философіи Гегеля, или слышала объ ней отъ людей, достойныхъ вѣры, отъ людей образованныхъ, слѣдящихъ за современнымъ просвѣщеніемъ и знающихъ очень хорошо, что философія Гегеля въ наше время точно признана за высшую и за единственно возможную.

Такъ образуются у насъ философы-раціоналисты,—на вѣру въ чужія убѣжденія. Да, принятіе чужихъ убѣжденій дѣло такое обыкновенное, что изъ нѣсколькихъ сотъ Гегельянцевъ, извѣстныхъ мнѣ, я едва могъ бы назвать трехъ, въ самомъ дѣлѣ изучившихъ Гегеля.

Фактъ этотъ тѣмъ замѣчательнѣе, что здѣсь дѣло идетъ не о мнѣніи болѣе или менѣе вѣроятномъ, но о сознательномъ развитіи одного основнаго, логически необходимаго начала, по законамъ строгой неизбѣжности: о саморожденіи разума въ сознаніе. Вся сущность философіи Гегеля заключается въ этой методѣ саморазвитія. А между тѣмъ ее принимаютъ въ послѣднихъ результатахъ, не испытывая вѣрности самаго основнаго процесса.

Объяснить возможность этого факта мы не умѣемъ. Но думаемъ, что онъ самъ можетъ служить объясненіемъ для многихъ странныхъ явленій въ нашемъ литературномъ мірѣ, которыя безъ него остались бы непонятными. Между прочимъ это объясняетъ намъ и то, отъ чего могутъ у насъ выходить книги философскія, заключающія, такъ сказать, одно приложеніе опредѣленнаго образа мыслей, безъ вывода процесса его составленія. Мы забываемъ, что этотъ процессъ не можетъ предполагаться; что каждое особенное раціональное воззрѣніе на вопросы философскіе требуетъ особеннаго предварительнаго процесса логическаго, и что, наконецъ, при теперешнемъ состояніи науки никакая правдоподобность, никакая удобопонятность, никакая отдѣльная разумность мнѣнія, не даютъ ему права на признаніе философа, если оно не выведено изъ законовъ логической необходимости, изъ саморазвитія одного основнаго начала.

Эта неопредѣленность основной точки зрѣнія, или, лучше сказать, это отсутствіе логическаго вывода перваго основанія, есть между прочимъ главный недостатокъ книги, о которой мы

говоримъ,—недостатокъ, который впрочемъ можетъ быть почтенъ за достоинство ото всѣхъ тѣхъ читателей, которые принимаютъ философію по ея результатамъ. Кромѣ того, книга эта имѣетъ многія замѣчательныя качества: языкъ чистый, отчетливый, не лишенный иногда новыхъ счастливыхъ выраженій.—Но мысли, взятыя въ частности, представлены, какъ удобомыслимыя, а не какъ логически неизбѣжныя.

Мы особенно напираемъ на этотъ недостатокъ потому, что желали бы видѣть въ литературѣ нашей, преимущественно предъ всѣми другими философскими сочиненіями, именно это наукообразное развитіе самаго основанія раціональнаго умозрѣнія; ибо думаемъ, что въ обращеніи мысли къ своему основанію есть единственная возможность ея успѣха. Успѣхъ этотъ кажется намъ тѣмъ легче въ настоящее время, что состояніе современной науки мышленія давно уже приняло новый характеръ въ Германіи, между тѣмъ какъ мы продолжаемъ еще возиться съ тѣми же вопросами.

Лука да Марья, *народная повѣсть. Соч. Ѳ. Глинки.*

Особенность этой маленькой книжки, писанной для народа, заключается въ мастерскомъ языкѣ, которымъ она писана, въ нравственной цѣли, къ которой она стремится, и въ добромъ дѣлѣ, для котораго предназначена вырученная ея продажею сумма. Но, по нашему мнѣнію, средство, избранное авторомъ для совершенія этого добраго дѣла: написать книгу для народа,—есть уже само по себѣ не только дѣло доброе, но еще изъ самыхъ благодѣтельныхъ, какія только могутъ представиться человѣку съ сострадательнымъ сердцемъ. Ибо народъ нашъ нуждается въ здоровой умственной пищѣ; за неимѣніемъ ея, при новой, безпрестанно болѣе распространяющейся грамотности, можетъ онъ обратиться къ самой вредной, самой пустой, самой невѣжественной литературѣ,—и, по несчастію, уже начинаетъ обращаться къ ней. Послѣдствія отъ такого искаженія народныхъ мнѣній могутъ быть самыя несчастныя, если сильно и скоро не поспѣшатъ предупредить это зло писатели съ дарованіемъ, любящіе отечество и его будущую судьбу, пишущіе не по заказу, но по внутренней необходимости, и знающіе народъ нашъ не по слухамъ, но изъ дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній.

Къ числу такихъ почтенныхъ писателей, безъ всякаго сомнѣнія, могъ бы принадлежать авторъ разбираемой нами брошюрки, если бы захотѣлъ посвятить себя этой прекрасной цѣли. Извѣстность въ другой сферѣ словесности давно имъ уже пріобрѣтена и упрочена. Новая дѣятельность для полуграмотнаго народа, конечно, не прибавитъ ничего къ его литературному имени, не доставитъ никакихъ возмездій житейскихъ, ни славы, ни почестей, ни выгодъ, ни, можетъ быть, даже видимыхъ знаковъ благодарности, отъ тѣхъ, для чьей пользы онъ будетъ работать. Но самая безвозмездность труда имѣетъ свою прелесть для нѣкоторыхъ людей благородныхъ, которая составляетъ ихъ исключительную собственность и служитъ, можетъ быть, единственнымъ знакомъ ихъ отличія отъ другихъ.

Между тѣмъ, начавъ уже говорить мнѣніе наше объ этомъ важномъ предметѣ, по случаю новой книжки для народа, мы почитаемъ себя обязанными договорить его откровенно, и потому скажемъ въ дополненіе нашихъ словъ, что характеръ литературы народной, какъ намъ кажется, требуетъ еще другихъ важнѣйшихъ качествъ, кромѣ тѣхъ, какія мы замѣтили въ этой книжкѣ.

Дѣло чтенія для народа сопряжено съ нѣкоторымъ трудомъ. Нравственная мысль имъ уважается; но если она уже и прежде была извѣстна ему, то не составляетъ новой причины для чтенія. Простота несложнаго разсказа также не причина къ предпринятію этого труда. Наконецъ, народность языка, столь трудно достигаемая литераторами, для самого народа есть дѣло обыкновенное и не поражаетъ его такъ, какъ насъ.

Тѣ не совсѣмъ правы, я думаю, которые смотрятъ на нашъ народъ, какъ на ребенка, еще ничего несмыслящаго и требующаго дѣтскихъ игрушекъ, поверхностныхъ наставленій, полушуточнаго языка и легкихъ размышленій о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ.

Правда, народъ читаетъ иногда сказки; но не для того, чтобы учиться, а только для того, чтобы смѣяться, или занять свою фантазію чудными невозможностями. Но въ нешуточныхъ мысляхъ своихъ обращаетъ онъ интересъ ума уже не къ частнымъ элементарнымъ истинамъ, не къ азбучнымъ понятіямъ нравственности; но, что покажется, можетъ быть, невѣроятнымъ для многихъ, онъ прямо приступаетъ къ самымъ высшимъ,

самымъ отвлеченнымъ вопросамъ любомудрія; ищетъ постигнуть ихъ внутреннюю связь и внѣшнія отношенія къ жизни, не ограничивая любопытства своего интересомъ корысти, или примѣняемостію мысли къ житейскимъ пользамъ.

Предметы, которые занимаютъ умъ народа и служатъ основаніемъ его мышленія, почерпаются имъ изъ самыхъ глубокихъ истинъ нашего вѣроученія. Онъ прежде всего ищетъ составить себѣ понятіе о Высшемъ Существѣ, о Его отношеніяхъ къ міру и человѣку, о началѣ добра и зла, о созданіи и устройствѣ вселенной, о нравственной законности человѣческихъ поступковъ, о правдѣ и грѣхѣ, о первоначальномъ законѣ человѣческихъ отношеній, семейныхъ и общественныхъ; о возможности внутренняго усовершенствованія человѣка, о характерѣ высшаго соединенія его съ Богомъ и т. д. Вотъ отъ чего житія Святыхъ, поученія Св. Отцевъ и Богослужебныя книги составляютъ, или, правильнѣе, составляли любимый предметъ его чтенія, украшеніе его вечернихъ разговоровъ, источникъ его духовныхъ пѣсенъ, обычную сферу его мышленія въ старости, утѣшенія его предсмертныхъ минутъ, когда весь смыслъ жизни сосредоточивается въ одно послѣднее сознаніе. Вотъ главное основаніе всей совокупности его развитыхъ и неразвитыхъ убѣжденій.

Но надобно признаться, что этотъ характеръ народнаго мышленія съ нѣкотораго времени началъ измѣняться. Причина тому, кажется, въ измѣненіи тѣхъ отношеній, какія существовали прежде между понятіями низшаго и высшихъ класовъ. Ибо прежде распространенія у насъ образованности Западной, основывающейся преимущественно на раціонализмѣ науки,— все просвѣщеніе Россіи, весь образъ мыслей всѣхъ классовъ общества, проистекалъ изъ одного общаго источника: изъ прямаго и непосредственнаго ученія нашей Церкви.

Монастыри наши, раскинутые частою сѣткою по всей землѣ Русской, наполненные выходцами изъ всѣхъ классовъ народа, находились въ такомъ отношеніи къ умственному просвѣщенію всей земли, въ какомъ находятся университеты Европейскіе къ народамъ Западнымъ: они составляли центръ и опредѣляли характеръ народнаго мышленія.

Въ тишинѣ уединенной кельи смиренный инокъ, отрекшійся отъ всѣхъ постороннихъ цѣлей, не развлекаясь волненіемъ надеждъ и страховъ, радостями и страданіями жизни, преда-

вался вполнѣ изученію высшихъ духовныхъ истинъ, соединяя умозрѣніе съ молитвою, мысль съ вѣрою, дѣло самоусовершенствованія съ дѣломъ самопознанія, и стараясь такимъ образомъ не однимъ отвлеченнымъ понятіемъ, но всею полнотою своего бытія, утонуть въ постиженіи высшей премудрости, открывавшейся ему въ Божественномъ Писаніи и въ богомудромъ помышленіи Святыхъ Отцевъ. Вокругъ смиреннаго инока собирались мало по малу слушатели-ученики; вокругъ нихъ народъ изо всѣхъ классовъ общества. Умозрѣніе, которому предавались отшельники изъ міра, было вмѣстѣ и основаніемъ и вѣнцомъ всего мышленія въ мірѣ. Высшія сословія, находясь въ живомъ и близкомъ соприкосновеніи съ монастырями и основывая убѣжденія свои на тѣхъ же началахъ, развивали въ дѣлѣ жизненныхъ отношеній тѣ же понятія, которыя въ дѣлѣ чистаго умозрѣнія развивались въ уединенной кельѣ. Простой народъ, не имѣя ни довольно времени, ни довольно средствъ, чтобы самому образовывать свои понятія, принималъ ихъ по частямъ, отрывками, но всегда проникнутыми одинакимъ смысломъ, изъ монастырей и отъ высшаго класса. Такимъ образомъ, понятія одного сословія были дополненіемъ другаго, и общая мысль держалась крѣпко и цѣло въ общей жизни народа, истекая постоянно изъ одного источника: Церкви.

Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ наука Запада сдѣлалась еще другимъ источникомъ нашего мышленія, понятія высшаго класса, проистекая изъ него, отдѣлились отъ понятій народныхъ, если не внутреннимъ разногласіемъ, то, по крайней мѣрѣ, недостаткомъ внѣшняго соглашенія. Монастырь пересталъ быть центральнымъ вмѣстилищемъ всѣхъ концовъ общества и живымъ средоточіемъ всѣхъ его умственныхъ движеній. Убѣжденія и понятія народныя, неподдерживаемыя прикосновеніемъ съ господствующей образованностію, получили ту ограниченность, которая многимъ изъ просвѣщенныхъ не позволяетъ постигнуть глубину ихъ перваго основанія. Но между тѣмъ эти убѣжденія, эти понятія простаго народа, разорванныя на части, но еще живыя и сохранившія внутреннюю силу свою, остаются до сихъ поръ еще единственнымъ содержаніемъ его умственныхъ размышленій, основою его сердечныхъ убѣжденій, связью его различныхъ членовъ, причиною его нравовъ и обычаевъ, и единственнымъ источникомъ его нравственной

крѣпости. Этотъ характеръ внутренняго народнаго быта находитъ себѣ подпору въ слушаніи церковныхъ службъ, въ ослабѣвшихъ, но еще не совсѣмъ прерванныхъ сношеніяхъ съ оставшимися монастырями, и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ духовныхъ книгахъ, доступныхъ грамотнымъ старикамъ.

Между тѣмъ, неизбѣжная необходимость времени требуетъ уже и отъ простаго народа принятія новой образованности. Грамотность гражданская становится почти всеобщею; но, дѣлая простолюдина способнѣе къ пріобрѣтенію новыхъ свѣденій, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, удаляетъ его отъ занятій языкомъ Церковно-Славянскимъ, въ которомъ заключался единственный источникъ его внутреннихъ убѣжденій. Что же будетъ, если, почерпая свои понятія изъ новой литературы гражданской, онъ найдетъ въ ней однѣ книги легкаго чтенія, составленныя изъ денежныхъ выгодъ, забавляющія читателя странностью эффектовъ, старающіяся возбудить въ немъ страсти и понравиться ему разслабленіемъ нравственныхъ правилъ,—или книги чтенія тяжелаго, составленныя съ цѣлію учить народъ тому, что онъ знаетъ, не принаровленныя къ его уже готовымъ понятіямъ, объясняющія ему частные вопросы науки безъ отношенія къ его центральнымъ убѣжденіямъ, даже не предполагая ихъ существованія и принимая внѣшнюю необразованность за дѣтскую пустоту безсмыслія. Первыя книги разорятъ его внутреннюю жизнь; вторыя или не будутъ читаться, или не свяжутся съ его первороднымъ мышленіемъ, и, слѣдственно, останутся безполезными. Вообще чтеніе, вмѣсто цѣли назиданія, получитъ цѣлью удовольствіе.

Вотъ почему мы думаемъ, что писатель, способный противостать этому разрушенію народныхъ понятій, можетъ быть однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ дѣятелей нашего времени.

И не надобно думать, чтобы новая образованность производила на народъ то же дѣйствіе, какое она обнаруживаетъ на высшіе классы. Здѣсь, бывъ общимъ дѣломъ цѣлаго сословія, она сообщаетъ ему извѣстныя понятія, извѣстныя правила, извѣстные обычаи, взаимно другъ друга подкрѣпляющіе и общіе всѣмъ и каждому. Частное лицо, предаваясь ей, не вырывается изъ своихъ семейныхъ, общественныхъ отношеній. Напротивъ того, въ тѣхъ сословіяхъ, которыя, пріобрѣтая образованность Западную, должны вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить свой

прежній образъ жизни и мысли, частное лицо, предавшееся новому вліянію, необходимо приходитъ въ разногласіе со всѣмъ кругомъ его прежнихъ отношеній. Эта отдѣленность одного лица отъ мнѣній и правилъ его общества открываетъ его умъ и душу всѣмъ приманкамъ личной прихоти.

Иные находятъ въ себѣ довольно внутренней силы, чтобы и въ одиночествѣ убѣжденій противостоять напору страстей и корыстныхъ видовъ. Но другіе, не подкрѣпленные уваженіемъ къ общему мнѣнію своего круга, падаютъ нравственно и умственно, бывъ жертвою своей отдѣленности. Ибо въ дѣлѣ нравственной крѣпости и жизненнаго благоразумія, по большей части, одинъ человѣкъ стоитъ, опираясь на другаго. .

Вотъ отъ чего многими замѣчено, что изъ семьи, державшейся правилъ старины, первое лицо, перемѣняющее свое Русское платье и обычаи на такъ называемые Нѣмецкіе, обыкновенно увлекается прелестію самыхъ мелочныхъ выгодъ новаго просвѣщенія, предается самымъ безумнымъ страстямъ, проживаетъ легкомысленно имѣніе отца, собранное долголѣтними трудами и глубокими разсчетами, и часто даже, вмѣстѣ съ имѣніемъ, роняетъ имя, украшавшееся общимъ уваженіемъ. Только при второмъ и третьемъ поколѣніи новообразовавшейся семьи возстанавливается то равновѣсіе между лицомъ и обществомъ, которое служитъ самою вѣрною опорой нравственности обоихъ.

Впрочемъ, кромѣ замѣченнаго разногласія между частнымъ лицомъ съ его кругомъ, вредное дѣйствіе новой образованности происходитъ еще и отъ того, что обыкновенно человѣкъ предается ей не вслѣдствіе развитія своихъ внутреннихъ убѣжденій, но вслѣдствіе внѣшней необходимости, или внѣшнихъ выгодъ, или только удовольствій жизни. Напротивъ, внутреннее убѣжденіе въ немъ обыкновенно противится такой наружной перемѣнѣ; но онъ жертвуетъ убѣжденіемъ для выгодъ жизни. Иногда на развалинахъ человѣка выростаетъ ученый; но обыкновенно плоды такого поступка не могутъ не соотвѣтствовать сѣмени.

Что же касается до причины разногласія новой образованности съ нашею прежнею, то она заключается не въ томъ, чтобы онѣ въ самомъ дѣлѣ обѣ были непримиримы въ началахъ своихъ; но въ томъ, что до сихъ поръ еще характеръ образованности Европейской есть чисто раціональный, осно-

ванный не на признаніи высшей истины, но на совокупности личныхъ мнѣній, на перевѣсѣ логики надъ всѣми другими источниками познаванія,—между тѣмъ какъ въ характерѣ нашей образованности логическое развитіе составляетъ только одну зависимую часть умственнаго убѣжденія. Эта особенность современной образованности Запада была причиною, почему въ различныхъ странахъ Европы распространеніе наукъ производило различныя дѣйствія: въ земляхъ протестантскихъ, распространяясь въ народѣ, просвѣщеніе еще болѣе проницало его единствомъ одного основнаго начала; въ земляхъ католическихъ, напротивъ того, оно было обыкновенно причиною раздвоенія и неустройства.

Отношенія нашего православнаго ученія къ развитію внѣшней науки столько же отличны отъ Римскосхоластической нетерпимости, сколько и отъ противоположнаго ему подчиненія вѣры подъ господство личнаго разума. Наша Церковь никогда не выставляла никакой системы человѣческой, никакого ученаго богословія, за основаніе своей истины, и потому не запрещала свободное развитіе мысли въ другихъ системахъ, не преслѣдовала ихъ, какъ опасныхъ враговъ, могущихъ поколебать ея основу. Не признавая, напримѣръ, ни одной системы астрономіи за безусловно истинную, за исключительно свою, она не имѣла нужды преслѣдовать Галилея за то, что земля обращается вокругъ солнца, не называла еретиками тѣхъ, кто признавалъ или не признавалъ Аристотеля.

Съ другой стороны, Церковь наша никогда не подвергала верховныхъ истинъ суду и власти личныхъ мнѣній, и потому никогда не измѣняла своего ученія.

Изъ этого очевидно, что и отношеніе нашей родной образованности къ просвѣщенію Западному должно быть совершенно особенное. Но прежде чѣмъ отношеніе это придетъ въ правильное устройство, прежде чѣмъ науки Запада переработаются въ нашемъ смыслѣ,—что можетъ сдѣлать писатель для народа?—Передавать ему частныя открытія наукъ? Но этого недостаточно, чтобы установить его внутренній образъ мыслей и оградить его отъ разрушительныхъ вліяній. Увѣщевать? Но для этого нужно прежде убѣдить. Что же остается ему дѣлать?

Мы думаемъ, что дѣятельность его только тогда принесетъ настоящіе плоды, когда высшимъ развитіемъ просвѣщенія сама наука станетъ въ гармонію съ нашею жизнію.

Но для этого недостаточно силъ одного писателя. Для этого нужно общее содѣйствіе всѣхъ людей мыслящихъ и неравнодушныхъ къ внутреннему достоинству человѣка вообще и къ благосостоянію своего отечества въ особенности.

Впрочемъ, если и безъ видимаго плода погибнетъ благонамѣренная дѣятельность частнаго человѣка, то можетъ ли совершенно безъ плода погибнуть дѣло, оживленное искреннею мыслію блага? Одинъ не можетъ ничего; но если не будетъ одного, какъ будетъ два?

О романѣ О. П. Шишкиной: *Прокопій Ляпуновъ.*

Мы спѣшимъ, съ позволенія почтенной сочинительницы, раздѣлить съ читателями нашими то удовольствіе, которое доставило намъ чтеніе первыхъ главъ изъ новаго ея романа. Великое время, которое онъ возбуждаетъ въ воспоминаніи, живость разсказа, прекрасный слогъ, талантъ автора, ея любовь къ отечеству, ея добросовѣстное желаніе понять и представить въ настоящемъ видѣ событія нашей прошедшей жизни,—все это даетъ большое достоинство ея произведеніямъ и позволяетъ намъ обѣщать читателямъ еще болѣе интереса отъ этого новаго сочиненія, ибо предметъ повѣствованія становится здѣсь еще живѣе и многозначительнѣе, чѣмъ въ первомъ ея романѣ, которому этотъ служитъ продолженіемъ.

Но то уваженіе, которое мы имѣемъ къ литературнымъ заслугамъ сочинительницы, налагаетъ на насъ обязанность, не ограничиваясь общими похвалами, сказать откровенно мнѣніе наше объ этомъ родѣ словесности у насъ и объ его отношеніи къ ея таланту.

Историческій романъ явился на свѣтъ не потому только, что Вальтеръ Скоттъ понялъ въ немъ возможность новаго рода литературныхъ произведеній. Онъ былъ слѣдствіемъ господствующаго тогда стремленія Европы: оживить въ умахъ, воскресить въ воображеніи старый бытъ, уничтоженный новымъ и снова возвращенный возстановленіемъ прежняго порядка вещей, разрушеннаго революціей и Наполеономъ. Англія, живущая неразрывнымъ развитіемъ преданія, Англія, самый ожесточенный, неумолимый, задушевный врагъ Наполеона, была естественно впереди этого стремленія къ возстановленію стараго, прошедшаго; но и въ Англіи самой болѣе всего сочувствовало съ этимъ

направленіемъ то сословіе, котораго вся сила и вся значительность заключается въ сохраненіи стараго, передъ напоромъ новизны. Вотъ отъ чего родоначальникъ историческихъ романовъ могъ явиться только въ Англіи, среди ея аристократіи, въ минуту всеобщаго движенія къ прежнему порядку вещей. Вотъ отъ чего романы его, какъ новое поэтическое и вмѣстѣ ученовѣрное выраженіе этого направленія, имѣли успѣхъ невѣроятный. И послѣдователи Вальтеръ Скотта, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ не сравнялся съ нимъ въ исторической вѣрности красокъ и литературномъ достоинствѣ изложенія,—отъ того даже самые бездарные его послѣдователи, не остались безъ читателей, покуда продолжалось это общее направленіе. Историческій романъ сталъ въ одинъ разрядъ съ мебелью рококо, съ поддѣлкою подъ прежнія фижмы, съ гербами на ливреяхъ возвратившихся эмигрантовъ, т. е., сдѣлался дѣломъ моды, всегда основанной на какой нибудь сокрытой, хотя часто изуродованной мысли.

Но отъ чего мы Русскіе, у которыхъ послѣ Наполеона ничего не возстановлялось, кромѣ стѣнъ Москвы, ничто не обращалось изъ новаго въ старое, отъ чего мы такъ увлеклись этою модою? Это можетъ объясниться только тѣмъ, что литературная жизнь наша питается сочувствіемъ не съ нашею жизнію, а съ иноземными гостиными.

Замѣтимъ однако, что этотъ родъ словесности самъ по себѣ, независимо отъ моды, имѣетъ великіе недостатки. Главный изъ нихъ тотъ, что достоинство его зависитъ не столько отъ литературнаго таланта, сколько отъ глубокаго изученія исторіи и отъ вѣрности мѣстныхъ красокъ. Ибо при малѣйшей невѣрности онъ падаетъ ниже всякаго фантастическаго вымысла, который и въ невозможномъ имѣетъ свою внутреннюю правду; между тѣмъ какъ правда романа историческаго только внѣшняя, относительная къ исторіи, оскорбляя которую, онъ оскорбляетъ и умъ, и память, и чувство читателя, и лишается въ глазахъ его всякой цѣны. Успѣхъ дурныхъ романовъ *ничего* не доказываетъ; онъ свидѣтельствуетъ только, что большинство читателей въ знаніи исторіи было еще ниже сочинителя, и больше ничего.

Въ наше время, когда изданіемъ столькихъ драгоцѣнныхъ и неизвѣстныхъ прежде памятниковъ старины распространился новый свѣтъ на нашу прошедшую жизнь, и возбудилось къ

ней общее вниманіе, общая любовь мыслящихъ людей, историческій романъ могъ бы имѣть новый существенный смыслъ; но за то требуетъ и новыхъ труднѣйшихъ условій.

Кромѣ того, что мы теперь, познакомившись болѣе съ предметомъ, сдѣлались взыскательнѣе въ вѣрности его изображенія; кромѣ того, что эта взыскательность требуетъ отъ автора болѣе глубокаго изученія не только составленныхъ исторій, но и самыхъ памятниковъ нашей древности; кромѣ того, что такое глубокое изученіе уже не можетъ совершиться между дѣломъ, но должно быть предметомъ постоянной, пожизненной, трудной работы и сухихъ, неусыпныхъ розысканій; кромѣ того, что это такими усиліями доставшееся изученіе предмета должно быть одушевлено вѣрностью взгляда и искусствомъ живаго представленія; кромѣ всего этого, надобно прибавить еще и то, что самое это изученіе всѣхъ подробностей исторіи необходимо должно ограничить право изобрѣтенія и вымысла, и что тѣ вольности фантазіи, которыя могли быть даже достоинствомъ романа при полузнаніи предмета, становятся, при болѣе коротькомъ съ нимъ знакомствѣ, уже не достоинствами, но недостатками, оскорбляющими внутреннее чувство читателя.

Отъ того мы думаемъ, что если историческій романъ у насъ долженъ явиться въ новомъ видѣ, то для этого, вѣроятно, долженъ родиться особый геній, и что до тѣхъ поръ всѣ произведенія этого рода непремѣнно будутъ ниже того, что авторъ ихъ могъ бы создать во всякой другой литературной сферѣ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы думаемъ, что почтенная сочинительница прилагаемаго отрывка, обладающая столь замѣчательнымъ талантомъ, не почтетъ насъ за безвкусныхъ варваровъ, не умѣющихъ цѣнить ея блестящихъ литературныхъ достоинствъ, если мы прибавимъ къ сказанному, что удовольствіе, которое доставило намъ чтеніе этого отрывка, исполненнаго многихъ красотъ, было испытано нами не безъ примѣси нѣкотораго сожалѣнія къ избранному ею предмету, который самъ по себѣ составляетъ самую яркую, самую глубокую, самую многозначительную и самую великую минуту во всей прошедшей жизни нашей. Здѣсь малѣйшая невѣрность является уже тяжелымъ диссонансомъ, малѣйшее приложеніе къ правдѣ измѣняетъ ея смыслъ, какъ прибавленіе всякаго новаго украшенія къ изображенію древней надписи, еще не до конца разгаданной, портитъ, не украшая.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Царицынская ночь.

(1827).

Ночь застала веселую кавалькаду въ двухъ верстахъ отъ Царицына. Невольно измѣнили они быстрый бѣгъ лошадей своихъ на медленный шагъ, когда передъ ними открылись огромные пруды—краснорѣчивый памятникъ мудраго правленія Годунова. Шумные разговоры умолкли, и тихія мысли сами собой пошли разгадывать прошлую жизнь отечества.

Между тѣмъ взошелъ мѣсяцъ. Онъ освѣтилъ неровную, узкую дорогу, открылъ дальнія поля и рощи, и отразился въ спокойныхъ водахъ. Ночь была тихая; на небѣ ни одной тучи и всѣ звѣзды.

Владиміръ первый прервалъ молчанье. „Мнѣ пришла мысль,— сказалъ онъ—представить Борисово царствованіе въ романѣ. Нѣтъ ничего загадочнѣе Русскаго народа въ это время. Не всѣ же кланялись восходящему солнцу. Представьте же себѣ человѣка, который равно ненавидитъ Годунова, какъ цареубійцу-похитителя, и Гришку, какъ самозванца; къ чему привяжетъ онъ слово: *отечество?* Мнѣ кажется, здѣсь въ первый разъ Русскій задумался объ Россіи. Къ тому же голодъ, чума, безплодныя войны, безпрестанныя возстанія народа и всѣ бѣдствія того времени должны были невольно связать умы въ одно общее стремленіе; и этимъ только объясняется послѣ возможность успѣховъ Минина и Пожарскаго. Пруды эти, гдѣ работали тысячи, собранныя со всѣхъ концовъ государства, вѣроятно, также не мало помогли мыслямъ перебродить въ народѣ. Но для романа я избралъ бы человѣка неназваннаго исторіею, воспитаннаго при дворѣ Грознаго во всѣхъ предразсудкахъ того времени, и старался бы показать: какъ сила обстоятельствъ постепенно раскрывала въ немъ понятіе лучшаго, покуда наконецъ Польское копье не положило его подъ стѣной освобожденнаго Кремля“.

„Конечно, такое лицо будетъ зеркаломъ того времени,—сказалъ Фалькъ — и работа дастъ много пищи воображенію и сердцу. Но берегись только, чтобы не нарядить девятнадцатый вѣкъ въ бороду семьнадцатаго“.

„Не ужели-жъ ты думаешь,—отвѣчалъ Владиміръ—что, переносясь въ прошедшее, можно совершенно отказаться отъ теперешней минуты. А когда бы и можно было, то должно ли?—Только отношенія къ намъ даютъ смыслъ и цѣну окружающему, и потому одно настоящее согрѣваетъ намъ исторію“.

„Да, — сказалъ Черный — кому прошедшее не согрѣваетъ настоящаго“.

Завязался споръ; но скоро остановило его новое явленіе: изъ-за рощи показался гробъ—царскій дворецъ.

„Всѣ строенья Баженова,—сказалъ Вельскій—замѣчательны какою нибудь мыслью, которую онъ умѣлъ передать своимъ камнямъ, и мысль эта почти всегда печальная и вмѣстѣ странная. Кому бы пришло въ голову сдѣлать гробъ изъ потѣшнаго дворца Екатерины? А между тѣмъ, какая высокая поэзія: слить земное величіе съ памятью о смерти, и самую пышность царскаго дворца заставить говорить о непрочности земныхъ благъ. Этотъ недавній дворецъ для меня краснорѣчивѣе всѣхъ развалинъ Рима и Гишпаніи“.

„Онъ самъ развалина,—сказалъ Фалькъ,—Екатерина никогда не живала въ немъ, и отъ самаго построенья онъ оставался пустымъ, а теперь безъ оконъ и дверей. Мысль поэта-художника, говорятъ, не понравилась Государынѣ“.

Въ такихъ разговорахъ друзья приблизились къ саду, переѣхали мостъ, у трактира сошли съ лошадей и, отправляясь осматривать красоты Царицына, не позабыли заказать себѣ сытнаго ужина.

Отвязавши широкую лодку и закуривши трубки, друзья пустились гулять по гладкому пруду. Тишина, лунная ночь, качанье лодки, равномѣрные удары веселъ, музыкальное плесканье воды, свѣжесть воздуха, мрачно-поэтическій видъ окружающаго сада,—все это настроило ихъ душу къ сердечному разговору, а сердечный разговоръ, какъ обыкновенно случалось между ними, довелъ до мечтаній о будущемъ, о назначеніи человѣка, о таинствахъ искусства и жизни, объ любви, о собственной судьбѣ и, наконецъ, о судьбѣ Россіи. Каждый изъ нихъ жилъ еще надеждою, и Россія была любимымъ предме-

томъ ихъ разговоровъ, узломъ ихъ союза, зажигательнымъ фокусомъ прозрачнаго стекла ихъ надеждъ и желаній. Все, что таилось въ душѣ самаго священнаго, довѣрчиво вылилось въ слова; и можно сказать, что въ эту ночь на Годуновскомъ пруду не раздалось ни одного слова не теплаго мыслію. Правда, если бы человѣкъ, испытанный жизнью, потерявшій вѣру въ несбыточное, словомъ, человѣкъ опытный, подслушалъ ихъ неопытныя рѣчи, то улыбнулся бы многому молодому, незрѣлому, безумному; но если жизнь еще не совершенно убила въ немъ сердце, то, конечно, оно не разъ забилось бы сильнѣе отъ сердечнаго слова. . .

Между тѣмъ лодка причалила къ тому мѣсту, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ. Друзья расположились подъ открытымъ небомъ. Пробка хлопнула и, не встрѣтивъ потолка, возвратилась на столъ.

„Сегоднишній вечеръ былъ полонъ,—сказалъ Владиміръ, наливая бокалы—вѣрно каждому изъ насъ отзовется онъ въ цѣлой жизни, и, начиная съ теперешней минуты, вѣрно каждый уже смѣлѣе смотритъ въ будущее, и для каждаго сдѣлалось священнѣе то мѣсто, куда поставила его судьбу. Спасибо свѣтлой Царицынской ночи!“

„Въ самомъ дѣлѣ свѣтлой,—сказалъ Черный—что непримѣтною искрою таилось въ сердцѣ, то ея вліяніемъ разсвѣло въ ясный день и, конечно, не погаснетъ прежде послѣдняго луча жизни. За здоровье Царицынской ночи!“

Чоканье рюмокъ было отвѣтомъ.

„Мы не позабыли ничего, что грѣетъ душу,—сказалъ Фалькъ—только одного недостаетъ еще: стиховъ. Вельскій! это твое дѣло! Благослови сегоднишнюю сходку!“

„Давайте шампанскаго!“—отвѣчалъ Вельскій.

Вино закипѣло; поэтъ, собирая мысли, устремилъ глаза къ небу: тамъ Большая-Медвѣдица свѣтилась прямо надъ его головою. Мигомъ осушилъ онъ бокалъ . . . мысль загорѣлась . . онъ началъ такъ:

Смотрите, о други! надъ нами семь звѣздъ:
То вѣстники счастья, о други!
Залогъ исполненія лучшихъ надеждъ,
Блестящее зеркало жизни.

Такъ, други! надъ темною жизнію намъ
Семь звѣздъ зажжено Провидѣньемъ;
И все, что прекраснаго есть на землѣ,—
Все даръ семизвѣзднаго хора.

Намъ *Вѣры звѣзда* утѣшитель въ бѣдахъ,
И въ счастьи надежный вожатый;
Звѣзда Пѣснопѣнья льетъ въ душу восторгъ
И жизнь согрѣваетъ мечтою.

Но счастливъ, кто обнялъ мечту не во снѣ!
Кому, на восторгъ отвѣчая,
Лазурное небо стыдливыхъ очей
Звѣздою Любви загорѣлось!

Кого возлелѣяла *Славы звѣзда.*
Кому, предъ неправою силой,
Главы благородной склонить не дала
Свободы звѣзда золотая...

Кто *Дружбы звѣздой* изъ немногихъ избранъ,
Сокровища лучшія сердца
Со страхомъ отъ взоровъ людей не таилъ,
Какъ тать укрываетъ святыню.

Седьмая звѣзда свѣтитъ ярче другихъ,
Надеждою свѣтъ тотъ прекрасенъ!
Но въ горѣ отрады она не даетъ,
И счастья съ собой не выноситъ;

Страданья и смерть обѣщаетъ она
Тому, кто безумной мечтою
Въ вожатые жизни ее изберетъ...
О други! Кто пьетъ за *седьмую*?—

Опалъ.

(Волшебная сказка).

(1830).

Царь Нуррединъ шестьнадцати лѣтъ взошелъ на престолъ Сирійскій. Это было въ то время, когда, по свидѣтельству Аріоста, духъ рыцарства подчинилъ всѣ народы однимъ законамъ чести, и всѣ племена различныхъ исповѣданій соединилъ въ одно поклоненіе красотѣ.

Царь Нуррединъ не безъ славы носилъ корону царскую; онъ окружилъ ее блескомъ войны и побѣдъ, и громъ оружія Сирійскаго разнесъ далеко за предѣлы отечественные. Въ битвахъ и поединкахъ, на пышныхъ турнирахъ и въ одинокихъ странствіяхъ, среди Мусульманъ и невѣрныхъ,—вездѣ мечъ Нурредина оставлялъ глубокіе слѣды его счастія и отважности. Имя его часто повторялось за круглымъ столомъ двѣнадцати храбрыхъ, и многіе изъ знаменитыхъ сподвижниковъ Карла носили на безстрашной груди своей повѣсть о подвигахъ Нуррединовыхъ, начертанную четкими рубцами сквозь ихъ прорубленныя брони.

Такъ удачею и мужествомъ добылъ себѣ Сирійскій царь и могущество и честь; но оглушенное громомъ брани сердце его понимало только одну красоту — опасность, и знало только одно чувство — жажду славы, неутолимую, безпредѣльную. Ни звонъ стакановъ, ни пѣсни трубадуровъ, ни улыбка красавицъ не прерывали ни на минуту однообразнаго хода его мыслей; послѣ битвы готовился онъ къ новой битвѣ; послѣ побѣды искалъ онъ не отдыха, но задумывался о новыхъ побѣдахъ, замышлялъ новые труды и завоеванія.

Не смотря на то, однако, разъ случилось, что Сирія была въ мирѣ со всѣми сосѣдями, когда Оригеллъ, царь Китайскій, представилъ мечу Нурредина новую работу. Незначительныя

распри между ихъ подданными дошли случайно до слуха правителей; обида росла взаимностью, и скоро смерть одного изъ царей стала единственнымъ честнымъ условіемъ мира.

Выступая въ походъ Нуррединъ поклялся головою и честью передъ народомъ и войскомъ: до тѣхъ поръ не видать стѣнъ Дамасскихъ, покуда весь Китай не покорится его скипетру и самъ Оригеллъ не отплатитъ своею головою за обиды, имъ нанесенныя.—Никогда еще Нуррединъ не клялся понапрасну.

Черезъ мѣсяцъ всѣ области Китайскія, одна за другою, поклонились мечу Нурредина. Побѣжденный Оригеллъ съ остаткомъ избранныхъ войскъ заперся въ своей столицѣ. Началась осада.

Не находя средствъ къ спасенію, Оригеллъ сталъ просить мира, уступая побѣдителю половину своего царства. Нуррединъ отвѣчалъ, что со врагами не дѣлится,—и осада продолжается.

Войско Оригеллово ежедневно убываетъ числомъ и упадаетъ духомъ; запасы приходятъ къ концу; Нуррединъ не сдается на самыя униженныя просьбы.

Унынiе овладѣло царемъ Китайскимъ; всякій день положенiе Оригелла становится хуже; всякій день Нуррединъ пріобрѣтаетъ новую выгоду. Въ отчаяньи, Китайскій царь предложилъ Нурредину все свое царство Китайское, всѣ свои владѣнія Индѣйскія, всѣ права, всѣ титлы, съ тѣмъ только, чтобы ему позволено было вывести свои сокровища, своихъ женъ, дѣтей и любимцевъ. Нуррединъ оставался неумолимымъ,—и осада продолжается.

Наконецъ, видя неизбѣжность своей погибели, Оригеллъ уступаетъ все, и сокровища, и любимцевъ, и дѣтей, и женъ, и просилъ только о жизни. Нуррединъ, припомнивъ свою клятву, отвергъ и это предложенiе.

Осада продолжается ежедневно сильнѣе, ежедневно неотразимѣе. Готовый на все, Китайскій царь рѣшился испытать послѣднее, отчаянное средство къ спасенію: чародѣйство.

Въ его осажденной столицѣ стоялъ огромный, старинный дворецъ, который уже болѣе вѣка оставался пустымъ, потому что нѣкогда въ немъ совершено было ужасное злодѣяніе, столь ужасное, что даже и повѣсть о немъ исчезла изъ памяти людей; ибо кто зналъ ее, тотъ не смѣлъ повторить другому, а кто не зналъ, тотъ боялся выслушать. Отъ того преданье шло

только о томъ, что какое-то злодѣяніе совершилось, и что дворецъ съ тѣхъ поръ оставался нечистымъ. Туда пошелъ Оригеллъ, утѣшая себя мыслію, что хуже того, что будетъ, не будетъ.

Посреди дворца нашелъ онъ площадку; посреди площадки стояла палатка съ золотою шишечкой; посреди палатки была лѣстница съ живыми перильцами; лѣстница привела его къ подземному ходу; подземный ходъ вывелъ его на гладкое поле, окруженное непроходимымъ лѣсомъ; посреди поля стояла хижина; посреди хижины сидѣлъ Дервишъ и читалъ Черную Книгу. Оригеллъ разсказалъ ему свое положеніе и просилъ о помощи.

Дервишъ раскрылъ Книгу Небесъ, и нашелъ въ ней подъ какою звѣздою Нурреддинъ родился, и въ какомъ созвѣздіи та звѣзда, и какъ далеко отстоитъ она отъ подлунной земли.

Отыскавъ мѣсто звѣзды на небѣ, Дервишъ сталъ отыскивать ея мѣсто въ судьбахъ небесныхъ, и для того раскрылъ другую книгу, Книгу Волшебныхъ Знаковъ, гдѣ на черной страницѣ явился передъ нимъ огненный кругъ: много звѣздъ блестѣло въ кругу и на окружности, иныя внутри, другія по краямъ; Нуррединова звѣзда стояла въ самомъ центрѣ огненнаго круга.

Увидѣвъ это, колдунъ задумался, и потомъ обратился къ Оригеллу съ слѣдующими словами:

„Горе тебѣ, царь Китайскій, ибо непобѣдимъ твой врагъ и никакія чары не могутъ преодолѣть его счастія; счастье его заключено внутри его сердца, и крѣпко создана душа его, и всѣ намѣренія его должны исполняться; ибо онъ никогда не желалъ невозможнаго, никогда не искалъ несбыточнаго, никогда не любилъ небывалаго, а потому и никакое колдовство не можетъ на него дѣйствовать!“

„Однако,—продолжалъ Дервишъ—я могъ бы одолѣть его счастье, я могъ бы опутать его волшебствами и наговорами, если бы нашлась на свѣтѣ такая красавица, которая могла бы возбудить въ немъ такую любовь, которая подняла бы его сердце выше звѣзды своей и заставила бы его думать мысли невыразимыя, искать чувства невыносимаго и говорить слова непостижимыя; тогда могъ бы я погубить его“.

„Еще могъ бы я погубить его тогда, когда бы нашелся въ мірѣ такой старикъ, который бы пропѣлъ ему такую пѣсню, ко-

торая бы унесла его за тридевять земель въ тридесятое государство, куда звѣзды садятся“.

„Еще могъ бы я погубить его тогда, когда бы въ природѣ нашлось такое мѣсто, съ горами, съ пригорками, съ лѣсами, съ долинами, съ рѣками, съ ущельями, такое мѣсто, которое было бы такъ прекрасно, чтобы Нуррединъ, засмотрѣвшись на него, позабылъ хотя на минуту обыкновенныя заботы текущаго дня“.

„Тогда мои чары могли бы на него дѣйствовать“.

„Но на свѣтѣ нѣтъ такой красавицы, нѣтъ въ мірѣ такого старика, нѣтъ такой пѣсни, и нѣтъ такого мѣста въ природѣ“.

„Потому Нуррединъ погибнуть не можетъ“.

„А тебѣ, Китайскій царь, спасенья нѣтъ и въ чародѣйствахъ“:

При этихъ словахъ чернокнижника отчаянье Оригелла достигло высшей степени, и онъ уже хотѣлъ идти вонъ изъ хижины Дервиша, когда послѣдній удержалъ его слѣдующими словами:

„Погоди еще, царь Китайскій! еще есть одно средство погубить твоего врага. Смотри: видишь ли ты звѣзду Нуррединову? Высоко, кажется, стоитъ она на небѣ; но, если ты захочешь, мои заклинанья пойдутъ еще выше. Я сорву звѣзду съ неба; я привлеку ее на землю; я сожму ее въ искорку; я запру ее въ темницу крѣпкую,—и спасу тебя; но для этого, государь, долженъ ты поклониться моему владыкѣ и принести ему жертву подданническую“.

Оригеллъ согласился на все. Трынь-трава закурилась, знакъ начерченъ на землѣ, слово произнесено, и обрядъ совершился.

Въ эту ночь,—войска отдыхали и въ городѣ и въ станѣ,—часовые молча ходили взадъ и впередъ, и медленно перекликались;—вдругъ: какая-то звѣздочка сорвалась съ неба и падаетъ, падаетъ—по темному своду, за темный лѣсъ; часовые остановились: звѣзда пропала—куда? неизвѣстно; только тамъ, гдѣ она падала, струилась еще свѣтлая дорожка, и то на минуту;—опять на небѣ темно и тихо;—часовые опять пошли своею указною дорогою.

На утро оруженосецъ вошелъ въ палатку Нурредина: „Государь! какой-то монахъ съ горы Араратской проситъ видѣть свѣтлое лицо твое; онъ говоритъ, что имѣетъ важныя тайны сообщить тебѣ“.

„Впусти его!“

„Чего хочешь ты отъ меня, святой отецъ?“

„Государь! шестьдесятъ лѣтъ не выходилъ я изъ кельи, въ звѣздахъ и книгахъ испытуя премудрость и тайны созданія. Я проникъ въ сокровенное природы; я вижу внутренность земли и солнца: будущее ясно глазамъ моимъ; судьба людей и народовъ открыта передо мною!...“

„Монахъ! чего хочешь ты отъ меня?“

„Государь! я принесъ тебѣ перстень, въ которомъ заключена звѣзда твоя. Возьми его, и судьба твоя будетъ въ твоихъ рукахъ. Если ты надѣнешь его на мизинецъ лѣвой руки и вглядишься въ блескъ этого камня, то въ немъ предстанетъ тебѣ твое счастіе; но тамъ же увидишь ты и гибель свою, и отъ тебя одного будетъ зависѣть тогда твоя участь, великій государь...“

„Старикъ! — прервалъ его Нуррединъ, — если все сокровенное открыто передъ тобой, то какъ же осталось для тебя тайною то, что давно извѣстно всему міру? — Можетъ быть только ты одинъ не знаешь, столѣтній отшельникъ, что судьба Нурредина и безъ твоего перстня у него въ рукахъ, что счастіе его заключено въ мечѣ его. Не нужно мнѣ другой звѣзды, кромѣ той, которая играетъ на этомъ лезвіѣ, — смотри, какъ блещетъ это желѣзо — и какъ умѣетъ оно наказывать обманщиковъ!...“

При этомъ словѣ Нуррединъ схватилъ свой мечъ; но когда обнажилъ его, то старый монахъ былъ уже далеко за палаткою царскою, по дорогѣ къ непріятельскому стану. Черезъ нѣсколько минутъ оруженосецъ снова вошелъ въ ставку Нурредина.

„Государь! монахъ, который сей часъ вышелъ отъ тебя, возвращался опять. Онъ велѣлъ мнѣ вручить тебѣ этотъ перстень и проситъ тебя, собственными глазами удостовѣриться въ истинѣ его словъ“.

„Гдѣ онъ? Приведи его сюда?“

„Оставя мнѣ перстень, онъ тотчасъ же скрылся въ лѣсу, который примыкаетъ къ нашему лагерю, и сказалъ только, что придетъ завтра“.

— Хорошо. Оставь перстень здѣсь, и когда придетъ монахъ, пусти его ко мнѣ.

Перстень не блестѣлъ богатствомъ украшеній. Круглый

опалъ, обдѣланный въ золотѣ просто, тускло отливалъ радужныя краски.

„Не уже ли судьба моя въ этомъ камнѣ?—думалъ Нуррединъ. Завтра вѣрнѣе узнаешь ты свою судьбу отъ меня, дерзкій обманщикъ!...“ И между тѣмъ царь надѣвалъ перстень на мизинецъ лѣвой руки и, смотря на переливчатый камень, старался открыть въ немъ что нибудь необыкновенное.

И въ самомъ дѣлѣ, въ облачно-небесномъ цвѣтѣ этого перстня былъ какой-то особенный блескъ, котораго Нуррединъ не замѣчалъ прежде въ другихъ опалахъ. Какъ будто внутри его была спрятана искорка огня, которая играла и бѣгала, то погасала, то снова вспыхивала, и при каждомъ движеніи руки разгоралась все ярче и ярче.

Чѣмъ болѣе Нуррединъ смотрѣлъ на перстень, тѣмъ яснѣе отличалъ онъ огонекъ, и тѣмъ прозрачнѣе дѣлался камень. Вотъ огонекъ остановился яркою звѣздочкой, глубоко внутри опала, котораго туманный блескъ разливался внутри нея, какъ воздухъ вечерняго неба, слегка подернутаго легкими облаками.

Въ этомъ легкомъ туманѣ, въ этой свѣтлой, далекой звѣздочкѣ было что-то неодолимо привлекательное для царя Сирійскаго; не только не могъ онъ отвести взоровъ отъ чудеснаго перстня, но, забывъ на это время и войну и Оригелла, онъ всѣмъ вниманіемъ и всѣми мыслями утонулъ въ созерцаніи чудеснаго огонька, который, то дробясь на радугу, то опять сливаясь въ одно солнышко, выросталъ и приближался все больше и больше.

Чѣмъ внимательнѣе Нуррединъ смотрѣлъ внутрь опала, тѣмъ онъ казался ему глубже и бездоннѣе. Мало по малу золотой обручикъ перстня превратился въ круглое окошечко, сквозь которое сіяло другое небо, свѣтлѣе нашего, и другое солнце, такое же яркое, лучезарное, но какъ будто еще веселѣе и не такъ ослѣпительно.

Это новое небо становилось безпрестанно блестящѣе и разнообразнѣе; это солнце все больше и больше; вотъ оно выросло огромнѣе надземнаго, еще ярче, еще торжественнѣе, и хотя ослѣпительно, но все ненаглядно и привлекательно; быстро катилось оно ближе и ближе; или, лучше сказать, Нуррединъ не зналъ, солнце ли приближается къ нему, или онъ летитъ къ солнцу.

Вотъ новое явленіе поражаетъ его напряженныя чувства: изъ-подъ катящагося солнца исходитъ глухой и неявственный гулъ, какъ бы ревъ далекаго вѣтра, или какъ стонъ умолкающихъ колоколовъ; и чѣмъ ближе солнце, тѣмъ звонче гулъ. Вотъ ужъ слухъ Нурредина можетъ ясно распознать въ немъ различные звуки: будто тысячи арфъ разноструннымъ звонами сливаются въ одну согласную пѣснь; будто тысячи разныхъ голосовъ различно строются въ одно созвучіе, тѣ умирая, тѣ рождаясь, и всѣ повинуясь одной, разнообразно переливчатой, необъятной гармоніи.

Эти звуки, эти пѣсни проникли до глубины души Нурредина. Въ первый разъ испыталъ онъ, что такое восторгъ. Какъ будто сердце его, дотолѣ нѣмое, пораженное голосомъ звѣзды своей, вдругъ обрѣло и слухъ и языкъ; такъ, какъ звонкій металлъ, въ первый разъ вынесенный на свѣтъ рукою искусства, при встрѣчѣ съ другимъ металломъ, потрясается до глубины своего состава и звенитъ ему звукомъ отвѣтнымъ. Жадно вслушиваясь въ окружающую его музыку, Нурреднинъ не могъ различить, что изнутри его сердца, что извнѣ ему слышится.

Вотъ прикатившееся солнце заслонило собою весь круглый сводъ своего неба; все горѣло сіяніемъ; воздухъ сталъ жарокъ, и душенъ, и ослѣпителенъ; музыка превратилась въ оглушительный громъ; — но вотъ — пламя исчезло, замолкли звуки, и нѣмое солнце утратило лучи свои, хотя еще не переставало расти и приближаться, свѣтя холоднымъ сіяніемъ восходящаго мѣсяца. Но, безпрестанно блѣднѣя, скоро и это сіяніе затмилось; солнце приняло видъ земли, и вотъ — долетѣло... ударило... перевернулось... и—гдѣ земля? гдѣ перстень?... Нурреднинъ, самъ не вѣдая какъ, очутился на новой планетѣ.

Здѣсь все было странно и невидано: горы, насыпанныя изъ граненыхъ брилліантовъ; огромные утесы изъ чистаго серебра, украшенные самородными рельефами, изящными статуями, правильными колоннами, выросшими изъ золота и мрамора. Тамъ ослѣпительныя бесѣдки изъ разноцвѣтныхъ кристалловъ. Тамъ роща,—и прохладная тѣнь ея исполнена самаго нѣжнаго, самаго упоительнаго благоуханія. Тамъ бьетъ фонтанъ виномъ кипучимъ и яркимъ. Тамъ свѣтлая рѣка тихо плескается о зеленые берега свои; но въ этомъ плесканьи, въ этомъ говорѣ волнъ есть что-то разумное, что-то понятное безъ словъ, какой-то мудреный разсказъ о несбыточномъ, но бываломъ, ка-

кая-то сказка волшебная и заманчивая. Вмѣсто вѣтра здѣсь вѣяла музыка; вмѣсто солнца здѣсь свѣтилъ самъ воздухъ. Вмѣсто облаковъ летали прозрачные образы боговъ и людей; какъ будто снятые волшебнымъ жезломъ съ картины какого нибудь великаго мастера, они, легкіе, вздымались до неба и, плавая въ стройныхъ движеніяхъ, купались въ воздухѣ.

Долго Сирійскій царь ходилъ въ сладкомъ раздумьи по новому міру, и ни взоръ его, ни слухъ ни на минуту не отдыхали отъ безпрестаннаго упоенія. Но посреди окружавшихъ его прелестей невольно въ душу его тѣснилась мысль другая: онъ со вздохомъ вспоминалъ о той музыкѣ, которую приближаясь издавала звѣзда его; онъ полюбилъ эту музыку такъ, какъ будто она была не голосъ, а живое созданіе, существо съ душою и съ образомъ; тоска по ней мѣшалась въ каждое его чувство, и услышать снова тѣ чарующіе звуки стало теперь его единственнымъ, болѣзненнымъ желаніемъ.

Между тѣмъ въ глубинѣ зеленаго лѣса открылся передъ нимъ блестящій дворецъ, чудесно слитый изъ остановленнаго дыма. Дворецъ, казалось, струился и волновался, и переливался, и не смотря на то, стоялъ неподвижно и твердо въ одномъ положеніи. Прозрачныя колонны жемчужнаго цвѣта были увиты свѣтлыми гирляндами изъ розовыхъ облаковъ. Дымчатый портикъ возвышался стройно и радужно, красуясь граціей самыхъ строгихъ пропорцій; огромный сводъ казался круглымъ каскадомъ, который падалъ во всѣ стороны свѣтлою дугою, безъ рѣки и безъ брызговъ: все во дворцѣ было живо, все играло, и весь онъ казался летучимъ облакомъ, а между тѣмъ это облако сохраняло постоянно свои строгія формы. Крѣпко забилось сердце Нуррединово, когда онъ приблизился ко дворцу: предчувствіе какого-то неиспытаннаго счастія занимало духъ и томило грудь его. Вдругъ растворились легкія двери, и въ одеждѣ изъ солнечныхъ лучей, въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ, опоясанная радугой, вышла дѣвица.

„Это она!“ воскликнулъ Сирійскій царь. Нурединъ узналъ ее. Правда, подъ туманнымъ покрываломъ не видно было ея лица; но по гибкому ея стану, по ея граціознымъ движеніямъ и стройной поступи, развѣ слѣпой одинъ могъ бы не узнать на его мѣстѣ, что эта дѣвица была та самая Музыка Солнца, которая такъ плѣнила его сердце,

Едва увидѣла дѣвица Сирійскаго царя, какъ въ ту же ми-

нуту обратилась къ нему спиною и, какъ бы испугавшись, пустилась бѣжать вдоль широкой аллеи, усыпанной мелкимъ, серебрянымъ пескомъ. Царь за нею.

Чѣмъ ближе онъ къ ней, тѣмъ шибче бѣжитъ дѣвица, и тѣмъ болѣе царь ускоряетъ свой бѣгъ.

Грація во всѣхъ ея движеніяхъ; волосы развѣялись по плечамъ; быстрыя ножки едва оставляютъ на серебряномъ песку свои узкіе, стройные слѣды; но вотъ ужъ царь не далеко отъ нея; вотъ онъ настигъ ее, хочетъ обхватить ея стройный станъ,—она мимо, быстро, быстро... какъ будто Грація обратилась въ Молнію; легко, красиво... какъ будто Молнія обернулась въ Грацію.

Дѣвица исчезла; царь остался одинъ, усталый, недовольный. Напрасно искалъ онъ ее во дворцѣ и по садамъ: нигдѣ не было и слѣдовъ дѣвицы. Вдругъ изъ-за куста ему повѣяло музыкой, какъ будто вопросъ: за чѣмъ пришелъ ты сюда? —

„Клянусь красотою здѣшняго міра,—отвѣчалъ Нуррединъ—что я не съ тѣмъ пришелъ сюда, чтобы вредить тебѣ, и не сдѣлаю ничего противнаго твоей волѣ, прекрасная дѣвица, если только выйдешь ко мнѣ и хотя на минуту откроешь лицо свое.“

„Какъ пришелъ ты сюда?“ повѣяла ему таже музыка. Нуррединъ разсказалъ, какимъ образомъ достался ему перстень, и едва онъ кончилъ, какъ вдругъ изъ тѣнистой бесѣдки показалась ему таже дѣвица; и въ то же самое мгновеніе царь очнулся въ своей палаткѣ.

Перстень былъ на его рукѣ, и передъ нимъ стоялъ ханъ Арбазъ, храбрѣйшій изъ его полководцевъ и умнѣйшій изъ его совѣтниковъ. „Государь!—сказалъ онъ Нурредину—покуда ты спалъ, непріятель ворвался въ нашъ станъ. Никто изъ придворныхъ не смѣлъ разбудить тебя; но я дерзнулъ прервать твой сонъ, боясь, чтобы безъ твоего присутствія побѣда не была сомнительна.“

Суровый, разгнѣванный взоръ былъ отвѣтомъ министру; нехотя опоясалъ Нуррединъ свой мечъ, и тихими шагами вышелъ изъ ставки.

Битва кончилась.—Китайскія войска снова заперлись въ стѣнахъ своихъ; Нуррединъ, возвратясь въ свою палатку, снова заглядѣлся на перстень. Опять звѣзда, опять солнце и музыка, и новый міръ, и облачный дворецъ, и дѣвица. Теперь

она была съ нимъ смѣлѣе, хотя не хотѣла еще поднять своего покрывала.

Китайцы сдѣлали новую вылазку. Сирійцы опять отразили ихъ; но Нуррединъ потерялъ лучшую часть своего войска, которому въ битвѣ уже не много помогала его рука, бывало неодолимая. Часто въ пылу сраженія Сирійскій царь задумывался о своемъ перстнѣ, и посреди боя оставался равнодушнымъ его зрителемъ, и бывши зрителемъ, казалось, видѣлъ что-то другое.

Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, царю Сирійскому наскучила тревога боеваго стана. Каждая минута, проведенная не внутри опала, была ему невыносима. Онъ забылъ и славу, и клятву: первый послалъ Оригеллу предложеніе о мирѣ, и, заключивъ его на постыдныхъ условіяхъ, возвратился въ Дамаскъ; поручилъ визирямъ правленіе царства, заперся въ своемъ чертогѣ, и подъ смертною казнію запретилъ своимъ царедворцамъ входить въ царскіе покои безъ особеннаго повелѣнія.

Почти все время проводилъ Нуррединъ на звѣздѣ, близь дѣвицы; но до сихъ поръ еще не видалъ онъ ея лица. Однажды, тронутая его просьбами, она согласилась поднять покрывало; и той красоты, которая явилась тогда передъ его взорами, невозможно выговорить словами, даже магическими,—и того чувства, которое овладѣло имъ при ея взглядѣ, невозможно вообразить даже и во снѣ. Если въ эту минуту Сирійскій царь не лишился жизни, то конечно не отъ того, чтобы люди не умирали отъ восторга, а вѣроятно потому только, что на той звѣздѣ не было смерти.

Между тѣмъ министры Нуррединовы думали болѣе о своей выгодѣ, чѣмъ о пользѣ государства. Сирія изнемогала отъ неустройствъ и беззаконій. Слуги слугъ министровыхъ утѣсняли гражданъ; почеты сыпались на богатыхъ; бѣдные страдали; народомъ овладѣло уныніе, а сосѣди смѣялись.

Жизнь Нурредина на звѣздѣ была серединою между сновидѣніемъ и дѣйствительностію. Ясность мыслей, святость и свѣжесть впечатлѣній могли принадлежать только жизни на яву; но волшебство предметовъ, но непрерывное упоеніе чувствъ, но музыкальность сердечныхъ движеній и мечтательность всего окружающаго уподобляли жизнь его болѣе сновидѣнію, чѣмъ дѣйствительности. Дѣвица Музыка казалась также сліяніемъ двухъ міровъ. Душевное выраженіе ея лица, безпрестанно измѣ-

нялась, было всегда согласно съ мыслями Нурредина, такъ что красота ея представлялась ему столько же зеркаломъ его сердца, сколько отраженіемъ ея души. Голосъ ея былъ между звукомъ и чувствомъ: слушая его, Нуррединъ не зналъ, точно ли слышитъ онъ музыку, или все тихо, и онъ только воображаетъ ее? Въ каждомъ словѣ ея находилъ онъ что-то новое для души, а все вмѣстѣ было ему какимъ-то счастливымъ воспоминаніемъ чего-то дожизненнаго. Разговоръ ея всегда шелъ туда, куда шли его мысли, такъ какъ выраженіе лица ея слѣдовало всегда за его чувствами; а между тѣмъ все, что она говорила, безпрестанно возвышало его прежнія понятія, такъ какъ красота ея безпрестанно удивляла его воображеніе. Часто, взявшись рука съ рукою, они молча ходили по волшебному міру; или, сидя у волшебной рѣки, слушали ея волшебныя сказки; или смотрѣли на синее сіяніе неба; или, отдыхая на волнистыхъ диванахъ облачнаго дворца, старались собрать въ опредѣленныя слова все разсѣянное въ ихъ жизни; или, разостлавъ свое покрывало, дѣвица обращала его въ коверъ самолетъ, и они вмѣстѣ улетали на воздухъ, и купались, и плавали среди красивыхъ облаковъ; или, поднявшись высоко, они отдавались на волю случайнаго вѣтра и неслись быстро по безпредѣльному пространству и уносились, куда взоръ не дойдетъ, куда мысль не достигнетъ, и летѣли, и летѣли такъ—что духъ замиралъ...

Но положеніе Сиріи безпрестанно становилось хуже, и тѣмъ опаснѣе, что въ цѣлой Азіи совершились тогда страшные перевороты. Древніе грады рушились; огромныя царства колебались и падали; новыя возникали насильственно; народы двигались съ мѣстъ своихъ; неизвѣстныя племена набѣгали неизвѣстно откуда; предѣловъ не стало между государствами; никто не вѣрилъ завтрешнему дню; каждый дрожалъ за текущую минуту; одинъ Нуррединъ не заботился ни о чемъ. Внутреннія неустройства со всѣхъ сторонъ открыли Сирію внѣшнимъ врагамъ; одна область отпадала за другою, и уже самые близорукіе умы начинали предсказывать ей близкую погибель.

„Дѣвица!—сказалъ однажды Нуррединъ дѣвицѣ Музыкѣ—поцѣлуй меня!“

„Я не могу — отвѣчала дѣвица — если я поцѣлую тебя, то лишусь всего отличія моей прелести, и красотой своей сравняюсь съ обыкновенными красавицами подлунной земли.

Есть однако средство исполнить твое желаніе, не теряя красоты моей... оно зависитъ отъ тебя... послушай: если ты любишь меня, отдай мнѣ перстень свой; блестя на моей рукѣ, онъ уничтожитъ вредное дѣйствіе твоего поцѣлуя.“

„Но какъ же безъ перстня приду я къ тебѣ?“

„Какъ ты теперь видишь мою землю въ этомъ перстнѣ, такъ я тогда увижу въ немъ твою землю; какъ ты теперь приходишь ко мнѣ, такъ и я приду къ тебѣ“ — сказала дѣвица-Музыка, и, одной рукой снимая перстень съ руки Нурредина, она обнимала его другою. И въ то мгновеніе, какъ уста ея коснулись устъ Нуррединовыхъ, а перстень съ его руки перешелъ на руку дѣвицы, въ то мгновеніе, продолжавшееся, можетъ быть, не болѣе одной минуты, новый міръ вдругъ исчезъ вмѣстѣ съ дѣвицей, и Нуррединъ, еще усталый отъ восторга, очутился одинъ на мягкомъ диванѣ своего дворца.

Долго ждалъ онъ обѣщаннаго прихода дѣвицы-Музыки; но въ этотъ день она не пришла; ни черезъ два, ни черезъ мѣсяцъ, ни черезъ годъ. Напрасно разсылалъ онъ гонцовъ во всѣ концы свѣта искать Араратскаго отшельника; уже и послѣдній изъ нихъ возвратился безъ успѣха. Напрасно истощалъ онъ свои сокровища, скупая отовсюду круглые опалы; ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ онъ звѣзды своей.

„Для каждаго человѣка есть одна звѣзда, — говорили ему волхвы — ты, государь, потерялъ свою, другой уже не найти тебѣ!“

Тоска овладѣла царемъ Сирійскимъ, и онъ конечно не задумался бы утопить ее въ студеныхъ волнахъ своего златопесчанаго Бардинеза, еслибы только вмѣстѣ съ жизнію не боялся лишиться и послѣдней тѣни прежнихъ наслажденій— грустнаго, темнаго наслажденія: *вспоминать* про свое солнышко!

Между тѣмъ тотъ же Оригеллъ, который недавно трепеталъ меча Нуррединова, теперь самъ осаждалъ его столицу. Скоро стѣны Дамасскія были разрушены, Китайское войско вломилось въ царскій дворецъ, и вся Сирія вмѣстѣ съ царемъ своимъ подпала подъ власть Китайскаго императора.

„Вотъ примѣръ коловратности счастія,—говорилъ Оригеллъ, указывая полководцамъ своимъ на окованнаго Нурредина—те-

перь онъ рабъ, и вмѣстѣ съ свободою утратилъ весь блескъ прежняго имени. Ты заслужилъ свою гибель—продолжалъ онъ, обращаясь• къ царю Сирійскому,—однако я не могу отказать тебѣ въ сожалѣніи, видя въ несчастіи твоемъ могущество судьбы еще болѣе, чѣмъ собственную вину твою. Я хочу, сколько можно, вознаградить тебя за потерю твоего трона. Скажи мнѣ: чего хочешь ты отъ меня? О чемъ изъ утраченнаго жалѣешь ты болѣе? Который изъ дворцовъ желаешь ты сохранить? Кого изъ рабовъ оставить? Избери лучшія изъ сокровищъ моихъ и, если хочешь, я позволю тебѣ быть моимъ намѣстникомъ на прежнемъ твоемъ престолѣ!“

„Благодарю тебя, государь! — отвѣчалъ Нуррединъ — но изъ всего, что ты отнялъ у меня, я не жалѣю ни о чемъ. Когда дорожилъ я властію, богатствомъ и славою, умѣлъ я быть и сильнымъ, и богатымъ. Я лишился сихъ благъ только тогда, когда пересталъ желать ихъ, и недостойнымъ попеченія моего почитаю я то, чему завидуютъ люди. Суета, всѣ блага земли! суета все, что обольщаетъ желанія человѣка, и чѣмъ плѣнительнѣе, тѣмъ менѣе истинно, тѣмъ болѣе суета! Обманъ все прекрасное, и чѣмъ прекраснѣе, тѣмъ обманчивѣе; ибо лучшее, что есть въ мірѣ, это—мечта“.

30 Декабря 1830 г.
Москва.

Отрывокъ изъ романа: Двѣ жизни.

(1832).

ГЛАВА I.

Изящнымъ называютъ прекрасное, прекрасно выраженное. И если это справедливо, то искусство хорошо одѣваться должно принадлежать къ числу изящныхъ искусствъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько танцованье.

Вотъ почему на женщину, одѣтую со вкусомъ, я смотрю съ удовольствіемъ эстетическимъ, какъ на артиста, котораго мы съ наслажденіемъ разгадываемъ въ его созданіяхъ. И одѣваться хорошо не такъ легко, какъ думаютъ обыкновенно. Для этого нужно много, много условій, и я думаю даже, что это также трудно, какъ быть великимъ музыкантомъ, или великимъ живописцемъ, и, можетъ быть, даже великимъ человѣкомъ. Правда, на свѣтѣ чаще встрѣчаются женщины хорошо одѣтыя, чѣмъ Наполеоны и Байроны; но это потому только, что природа сама женщина и отъ того въ дарахъ своихъ щедрѣе къ своему прекрасному полу, чѣмъ къ нашему. А въ доказательство, что я говорю безъ преувеличенія, постараемся исчислить всѣ тѣ качества, которыя необходимо имѣть женщинѣ, чтобъ одѣваться хорошо, въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Для этого нужно:

1. Красота, по крайней мѣрѣ нѣкоторая степень красоты;— безъ того не можетъ быть и рѣчи объ изящномъ.

2. Вкусъ, то есть, качество, котораго нельзя ни купить, ни выучить, которое дается немногимъ, и которое даже тогда, когда дано природою, еще имѣетъ нужду въ счастливомъ и правильномъ развитіи. Слѣдовательно:

3. Воспитаніе и образованность. Здѣсь, вѣроятно, многіе будутъ со мною противнаго мнѣнія. — „Кому не случалось,—

скажутъ они, — встрѣчать женщину прекрасно одѣтую, безъ образованности и воспитанія?“ Но разсуждать объ одеждѣ такимъ образомъ, значитъ не понимать ея глубокаго значенія. Конечно, женщина необразованная можетъ быть одѣта по модѣ и даже къ лицу; но развѣ это все?—Красота одежды заключается не въ модѣ и даже не въ красивости, она не въ шелкахъ и не въ блондахъ, не въ страусахъ и не въ брилліантахъ. Одежда, какъ слово, кромѣ наружной гармоніи, имѣетъ еще свой внутренній смыслъ, понятный для понимающаго. Этотъ смыслъ долженъ быть въ ладу не только съ лицомъ и модою, но съ цѣлымъ существомъ женщины. Та, которой одежда не имѣетъ смысла, одѣта дурно. Женщина, которой манеры противорѣчатъ ожиданіямъ, возбужденнымъ ея одеждою, одѣта дурно. Женщина, которой наружность несогласна съ оборотомъ ея ума и съ характеромъ ея любезности, одѣта дурно. Однимъ словомъ, все то, что нарушаетъ внутреннюю и внѣшнюю гармонію, все то дурно, все то неприлично или не къ лицу, все безсмысленно и не изящно. Потому для прекрасной, гармонической одежды необходима еще

4. Грація манеровъ. Но это качество, безъ котораго нѣтъ ни платья хорошо сшитаго, ни платья хорошо надѣтаго, эта грація манеровъ, которая разливаетъ такую обворожительную атмосферу вокругъ женщины, дѣйствуетъ, какъ обманъ, только на первую минуту, если не соединена съ другою, съ душевною граціею. И потому, чтобы нарядъ женщины былъ прекраснъ больше одной первой минуты, должна она имѣть еще

5. Внутреннюю грацію, грацію ума и душевныхъ движеній, которая предполагаетъ внутреннюю жизнь стройную, гармоническую, прекрасную, т. е.,

6. Поэзію сердца.

Но для того, чтобы чувствовать красоту и постигать ее во всей глубинѣ и во всѣхъ утонченностяхъ, кромѣ поэзіи сердца, надобно имѣть еще

7. Познаніе человѣческаго сердца, которое (замѣтимъ между прочимъ) есть основаніе всей житейской мудрости и котораго нельзя имѣть безъ

8. Познанія самихъ себя, которое есть, ни больше ни меньше, какъ основаніе всякой мудрости и всякой добродѣтели.

Но всего этого еще мало для того, чтобы хорошо одѣваться.—Чтобы красивый нарядъ женщины былъ вмѣстѣ и пре-

краснымъ выраженіемъ ея внутренней красоты, мало имѣть красоту, понимать красоту и любить красоту; кромѣ красоты она должна имѣть еще

9. Постоянную возвышенность ума и характера. Ибо безъ того нѣтъ силы человѣческой, которая бы могла отвлечь женщину отъ суетности; а гдѣ суетность, тамъ желаніе нравиться сильнѣе необходимости внутренней гармоніи; тамъ желанье нравиться на счетъ истины; тамъ можетъ быть блескъ, можетъ быть даже минутное очарованіе, но не можетъ быть прелести глубокой, поэтической жизни, гармонически выражающейся въ прекрасной наружности. Безъ особенной, врожденной и тщательно воспитанной возвышенности ума и характера, всякая женщина будетъ больше или меньше тщеславною, и предпочтетъ одобреніе многихъ немногимъ, и количество поклонниковъ будетъ ей дороже ихъ качества. Она захочетъ блестѣть предъ всякимъ, кружить головы слабыя, и одѣнется прекрасно для людей обыкновенныхъ, но безсмысленно для мыслящаго. Толпа будетъ отъ нея безъ ума, т. е., въ натуральномъ своемъ положеніи; человѣкъ мыслящій пройдетъ мимо ея равнодушно: человѣкъ съ душей не замѣтитъ ее.

Такимъ образомъ одежда имѣетъ свою физіономію, предполагаетъ своихъ Лафатеровъ и, такъ же какъ лицо, можетъ служить зеркаломъ души. Но для того, чтобы одежда служила зеркаломъ души, не мѣшаетъ женщинѣ имѣть, между прочимъ, еще одно качество—

10. Душу.

Вы видите изо всего сказаннаго, что одѣваться со вкусомъ, со смысломъ, изящно, поэтически, гармонически, и пр. и пр., однимъ словомъ: одѣваться хорошо, — не можетъ быть общею принадлежностью женщинъ нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ. Потому я надѣюсь, что Московскія красавицы не примутъ себѣ въ особенную обиду, когда я скажу имъ, что Бронскій, герой моей повѣсти, въ цѣлый вечеръ не могъ найти на Тверскомъ бульварѣ ни одной дамы хорошо одѣтой, хотя дамъ было много, потому что это былъ день гулянья.

Впрочемъ я думаю, что безъ оскорбленія Московской чести можно признаться, что дамы здѣсь одѣваются особенно дурно. Это живо чувствовалъ Бронскій, который недавно возвратился изъ чужихъ краевъ, съ еще свѣжими воспоминаньями и съ несчастною охотою сравнивать.

Онъ находилъ больше изысканности, чѣмъ вкуса, больше небрежности, чѣмъ простоты, и вообще въ нарядахъ больше противорѣчій, чѣмъ украшеній. Подъ модною шляпкой неразглаженное платье. Тамъ платье стройное, но поясъ на одинъ бокъ и нескладный башмакъ. Тамъ въ одной одеждѣ смѣшенье десятилѣтнихъ уборовъ, и едва раждающаяся мода на развалинахъ давно забытаго наряда. Тамъ нѣтъ анахронизмовъ, но за то нѣтъ и простоты. Тамъ простота, но нѣтъ опрятности: либо букли не на мѣстѣ, либо смяты, либо перчатки нечистыя, либо башмаки изношенные, а иногда даже стоптанные на одну сторону!—Тамъ шелкъ, и блонда, и брилліанты, и перья, и блескъ и мода, и все вмѣстѣ нестройно и безвкусно. Тамъ и вкусъ и простота, но корсетъ такъ стянутъ, что мѣшаетъ естественности движеній, такъ что, не смотря на всю красивость наряда красавицы, желаешь ей нарядиться хуже, чтобы казаться лучше.—Всего рѣже встрѣчалъ Бронскій хорошо обутую ножку, и съ грустнымъ чувствомъ замѣтилъ онъ, что если Московскія барыни вообще одѣваться не умѣютъ, то обуваются, Боже мой! обуваются еще хуже. Изрѣдка, правда, случалось ему встрѣтить обувь красивую и стройную; но башмакъ, складный снаружи, почти всегда былъ такъ узокъ, что мѣшалъ ходить, или платье такъ коротко, что ножка изъ-подъ него казалась будто на выставкѣ; и по тонкимъ прозрачнымъ чулкамъ толстыми нитками была вышита вывѣска:

здѣсь показываются красивыя ножки.

Иногда, рѣдко, находилъ Бронскій весь нарядъ прекраснымъ,—но только при другомъ лицѣ; иногда онъ былъ и къ лицу, но такъ строго по модѣ, такъ рабски новъ, что женщина въ немъ казалась тою куклою, которую всякій день посылаютъ съ модами изъ Парижа въ Лондонъ. И это рабство, эта кукольность, давали личику хорошенькому, часто не глупому, оттѣнокъ какой-то машинальности, ни сколько не плѣнительной для глазъ, и еще меньше привлекательной для воображенія.

Вообще, чѣмъ больше Бронскій разсматривалъ наряды гуляющихъ, тѣмъ меньше находилъ ихъ по сердцу, и уже въ досадѣ готовъ онъ былъ оставить бульваръ, когда вдругъ передъ его глазами мелькнули двѣ ножки, которыя сильно взволновали

его любопытство;—ножки невыразимо стройныя и обутыя со всею красивостью самаго утонченнаго вкуса. Онъ поднялъ глаза выше, дама между тѣмъ прошла мимо, опираясь на руку кавалера, такъ что Бронскій уже не могъ разсмотрѣть лица ея, но за то видѣлъ ея талію, ея стройную талію, аристократически граціозную и тонко обхваченную широкимъ, голубымъ и свободнымъ поясомъ. Невольное чувство заставило Бронскаго идти за нею.

Нѣтъ ничего легче, какъ описать ея нарядъ: бѣлое платье безъ прихотливыхъ затѣй, соломенная шляпка безъ перьевъ, безъ цвѣтовъ, безъ бантовъ, безо всякихъ украшеній; турецкая шаль, накинутая небрежно,—и вотъ все, что̀ можно разсказать объ ея нарядѣ. Но какъ выразить эту гармонію и стройность, эту благородную простоту, эту музыкальную красивость, которыми, казалось, проникнуто все существо ея, такъ, что ея одежда, ея гибкій станъ, ея стройныя движенія и грація ея поступи, все казалось однимъ изящнымъ созданіемъ, одною прекрасною мыслію, однимъ счастливымъ сномъ.

Въ покроѣ ея платья и въ живописности ея прически, всѣ требованія моды были какою-то удачею, или правильнѣе, какимъ-то волшебствомъ соглашены съ требованіями самаго разборчиваго, самаго художественнаго вкуса. Не было ничего въ ея нарядѣ, гдѣ бы можно было замѣтить границу между модою и вкусомъ, между искусствомъ и природою, и смотря на нее, свѣтскій наблюдатель, конечно, задумался бы о томъ: лицо ли красавицы такъ счастливо пришлось къ сегоднишней модѣ, или нарядъ былъ съ умѣньемъ и вкусомъ принаровленъ къ прекрасному ея лицу.

Лицо ея, когда Бронскій разсмотрѣлъ его, возбудило въ немъ такое чувство, въ которомъ соединялись два обыкновенно различныя движенья души: удовольствіе и грусть;—удовольствіе эстетическое, которое внушаетъ намъ все свѣтлое въ природѣ, все правильное въ искусствахъ; грусть музыкальная и еще неназванная, которую возбуждаетъ въ насъ тоже явленіе искусствъ или природы, только тогда, когда посреди прекрасныхъ формъ его мы открываемъ такое чувство, которое можемъ понять только одинокимъ движеніемъ сердца, но не въ силахъ ни передать его, ни даже назвать другому; ибо для рѣдкаго, для избраннаго, часто нѣтъ у людей ни общаго понятія, ни готоваго имени.

Черты лица ея, тонкія, благородныя, правильныя, казались прозрачными: такъ чисто и явственно выражались сквозь нихъ ея музыкальныя, веселыя, фантастическія движенія души.

Она могла бы напомнить Магдалину Кановы, если бы Магдалину кающуюся можно было вообразить веселою и смѣющеюся.

Мужчина, который велъ ее подъ руку, казался между пятидесятью и шестидесятью лѣтъ. Онъ былъ одѣтъ просто, но не безъ щеголеватости.

Вообще и онъ и она были явленіе необыкновенное на Тверскомъ бульварѣ. Но замѣчательнѣе всего было въ нихъ именно то, что̀ всего меньше могло быть замѣчено: они прошли посреди гуляющихъ, не обративъ на себя почти ни чьего вниманія, и Бронскому не легко было узнать кто они, потому, что никто не понималъ, о комъ онъ говоритъ. Наконецъ, однако нашелся одинъ старый отставной генералъ, который могъ дать ему объ нихъ нѣкоторое понятіе.

„Теперь я знаю, о комъ вы говорите,“—сказалъ онъ Бронскому, послѣ многихъ неудачныхъ догадокъ. „Человѣкъ пожилой съ молодою дамою? высокій ростомъ? шея прямо? спина не гнется? словомъ сказать, иностранная фигура, то есть, не Русская—или—какъ бы сказать?.... иностранная?—Это Вельскій съ дочерью; я его зналъ прежде. Онъ былъ лѣтъ пять за границей и недавно возвратился; ужасный чудакъ; англоманъ; а впрочемъ человѣкъ пріятный, человѣкъ образованный, и, можно сказать, умный человѣкъ.“

Генералъ, который разсуждалъ такимъ образомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей въ Москвѣ, которые сами отличаются и невѣжествомъ, и глупостью, и особенно какою-то непонятною тяжестію пустоты, но за то составляютъ другимъ репутацію образованности, ума и любезности.—Странная Москва! Но и эта странность имѣетъ свой смыслъ; и для нея можно найти достаточную причину; и она даже даетъ надежды на будущее, надежды, которыя рождаются не изъ прямаго дѣйствія обстоятельствъ, но рикошетомъ, какъ ядро, которымъ на водѣ стрѣляютъ ниже, чтобы оно отскочило выше.

ГЛАВА II.

Я надѣюсь, что читатели изъ словъ генерала не станутъ еще заключать объ Вельскомъ. Правда, онъ имѣлъ нѣкоторыя осо-

бенности; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ ужаснымъ чудакомъ. Англоманомъ же назвалъ его генералъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Русскіе купцы продаютъ Нѣмецкое шампанское.

Вельскій имѣлъ много привычекъ не-Московскихъ и вообще любилъ создавать себѣ образъ жизни самъ, тогда только слѣдуя принятымъ обычаямъ, когда они совпадались съ его мыслями. Не смотря на древность своего дворянства, привычки жизни своей составилъ онъ себѣ по образцу средняго сословія образованной Европы, перенимая иное у Англичанъ, другое у Нѣмцевъ, иное у Французовъ, не пренебрегая впрочемъ и Русскаго, когда оно не мѣшало его вкусамъ и входило въ тотъ смыслъ, который онъ старался дать своей жизни. Къ его крыльцу, вмѣсто швейцара, былъ придѣланъ колокольчикъ. Вмѣсто стаи лакеевъ, имѣлъ онъ самую не многочисленную прислугу, и ту вольную. Въ комнатахъ его не было ничего лишняго, но все нужное, все удобное. Мебели отличались роскошью изящества, покоя и чистоты, а не золота. На столѣ его всегда лежала послѣдняя иностранная газета и нѣсколько литературныхъ журналовъ. Въ кабинетѣ его были всѣ замѣчательныя новости наукъ и словесностей. Кухня его была Русская, то есть, не древне-Русская, не множество блюдъ безъ конца и безъ вкуса, но Русская новая, эклектически-Европейская, то есть, такая, какимъ со временемъ должно быть Русское просвѣщеніе. Маленькую карету его возили двѣ лошади и почти всегда безъ лакея. Щеголеватость его платья замѣчали не многіе,—такъ оно было просто и однообразно. Вообще опрятность, покой, вкусъ, простота и Англійское удобство были отличительнымъ характеромъ всѣхъ его роскошей.

Воспитанная посреди такихъ привычекъ, подъ надзоромъ отца умнаго и просвѣщеннаго, проведя пять лѣтъ въ чужихъ краяхъ, въ кругу самыхъ отборныхъ обществъ, въ атмосферѣ изящныхъ искусствъ и умственной аристократіи; одаренная самыми счастливыми способностями и красотою не общею,—Софья Вельская, семнадцати лѣтъ, была бы одною изъ замѣчательныхъ дѣвушекъ въ самыхъ образованныхъ земляхъ, а тѣмъ больше въ Россіи. Не смотря на то, однако, она въ Москвѣ не понравилась сначала. И въ самомъ дѣлѣ, между нею и большинствомъ Московскихъ дамъ было не много общаго. Что занимало ее, не занимало ихъ; а ихъ разговоры были ей не

по сердцу. Важное для нихъ, казалось ей неважнымъ; а любопытное для нея, заставляло ихъ зѣвать. Она не могла смѣяться, когда другія смѣялись, и, бѣдная, смѣялась почти всегда одна. Она не вертѣла фразъ, не искала сентенцій, говорила просто, какъ думала, и только то, что думала,—и потому прослыла ограниченною. Она слушала, когда ей говорили, и не могла говорить, когда ее не слушали или не понимали, — и потому прослыла странною. Не находя людей по сердцу, она молчала сколько могла,—и потому прослыла гордою. Поведенія своего она не разсчитывала на эффектъ,—и потому прослыла вмѣстѣ и сентиментальною и холодною. Она не восхищалась любезностями Московскихъ кавалеровъ,—и потому прослыла пустою. Она невольно скучала посреди несходныхъ съ нею обществъ, и потому прослыла скучною.

Къ этому еще надобно прибавить, что Софья была застѣнчива.

Островъ.

(Недоконченная повѣсть).

(1838).

ГЛАВА I.

На Средиземномъ морѣ, между острововъ, окружающихъ Грецію, давно уже извѣстна мореходцамъ одна скала, уединенно возвышающаяся посреди моря.

Эта скала замѣчательна мореплавателямъ особенно потому, что она служитъ для нихъ спасительнымъ предостереженіемъ отъ опасныхъ подводныхъ камней и совершенно непроходимой мели, которая окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ на нѣсколько верстъ. Потому, кормчій, какъ скоро завидитъ ее вдалекѣ, уже спѣшитъ повернуть корабль въ ту или другую сторону, чтобы миновать опасное мѣсто.

И не одни большія суда, даже мелкія лодки рыбаковъ, иногда занесенныя бурею отъ ближнихъ острововъ въ сосѣдство опасной скалы, всегда погибали тамъ безъ возврата, застрявая въ вязкомъ песку или разбиваясь объ острые камни, такъ что ни одинъ, вѣроятно, живой человѣкъ не приближался къ подошвѣ неприступнаго утеса,—а вершина его была знакома только хищнымъ птицамъ, которыя прилетали туда съѣдать свою добычу.

Но достигнуть до скалы людямъ было не только невозможно, но и не нужно, и даже не любопытно. Она не представляла ничего, кромѣ голаго, безплоднаго камня, впрочемъ довольно живописно исковерканнаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ орошеннаго гремящими, дробящимися потоками, вытекавшими, вѣроятно, изъ средины самой скалы.

Но для чего же природа образовала это безполезное явленіе? Или нужно человѣку, на всѣхъ дорогахъ земли и моря, на

всѣхъ путяхъ жизни и мышленія, встрѣчать безпрестанныя затрудненія и опасности, чтобы не заснуть прежде ночлега въ разслабляющей душу безпечности?

Въ ту ночь, когда въ Греціи случилось извѣстное землетрясеніе, отъ котораго многіе города уничтожились, многія горы измѣнили свой видъ, рѣки—теченіе, и особенно потерпѣли острова, а на сѣверъ отъ Кандіи, около Санторино, даже явился на свѣтъ новый, небывалый островокъ, тогда—кажется, это было въ 1573 году—и въ каменной скалѣ произошло нѣкоторое измѣненіе. Мель вокругъ нея распространилась еще болѣе; самъ утесъ еще выросъ изъ моря и много расширился въ своемъ объемѣ.

Послѣ того, лѣтъ черезъ тридцать, два Греческіе монаха, занимаясь рыбною ловлею, въ тихую погоду, на легкой плоскодонной лодочкѣ, плавали около береговъ Анатоліи. Утро было ясное; море, какъ зеленое стекло, лежало недвижимо; рыба играла на поверхности воды, и они, преслѣдуя ея движенія, мало по малу удалились отъ берега. Но неожиданно поднялся вѣтеръ, и сила волненія увлекла ихъ еще далѣе въ море. Видя опасность, они начали прилежно работать веслами; но буря увеличивалась; земля исчезла изъ виду; лодочка ихъ, прыгая по волнамъ, уносилась все далѣе. Воздухъ сталъ теменъ отъ тучъ; вокругъ не было ничего, кромѣ разорваннаго моря, которое, казалось, за каждою волною раскрывается до самаго дна. Страхъ, ужасъ и холодъ проникали ихъ до самыхъ костей. Но скоро они почувствовали, что продолжать долѣе споръ свой съ бурею было бы имъ и безполезно, и невозможно. Сберегая силы на всякій случай, они сложили весла въ лодку и отдались на волю Божію.

Между тѣмъ, успѣли они принять другъ отъ друга исповѣдь, получили разрѣшеніе, обнялись, и тихимъ, но согласнымъ голосомъ запѣли псалмы, глядя, уже почти равнодушно, на свою безпрестанно раскрывающуюся могилу.

Долго легкая лодочка носилась съ пѣньемъ по ревущему морю, увлекаясь то въ ту, то въ другую сторону.

Наконецъ, сквозь тучи проглянуло солнце; потомъ скоро все небо очистилось, вѣтеръ утихъ, и только одно раскачавшееся море не переставало еще волноваться.

Сами не вѣря безвредности своего долгаго плаванія, они начали уже надѣяться на спасеніе; но надежда ихъ скоро

изчезла, когда, осматриваясь вокругъ себя, они замѣтили, что находятся далеко отъ земли, и прямо въ виду той опасной скалы, которая, какъ имъ было извѣстно, со всѣхъ сторонъ окружена мелью и камнями, и куда неодолимо стремило ихъ морское волненіе. Въ срединѣ моря еще была имъ возможность случайно наплыть на островъ или встрѣтить корабль. Здѣсь не было и этой надежды; они неслись на скалу и уже видимо плавали надъ самою мелью. Но вотъ другое удивленіе: между желтаго песку, едва покрытаго водою, показалось темное углубленіе, какъ бы тропинка для лодки посреди непроходимаго моря. Снова взялись они за весла, стараясь удержаться на этой узкой полоскѣ, которая своимъ темнымъ цвѣтомъ ясно отличалась отъ окружающей равнины. Мало по малу морская тропинка привела ихъ къ самой подошвѣ скалы,— они спасены.

Между тѣмъ день склонялся къ вечеру. Море успокоилось. Но возвращаться уже было поздно. Они рѣшились встащить лодку на камни и, взойдя на скалу, дожидаться тамъ до слѣдующаго утра.

По неровнымъ уступамъ огромныхъ, разбитыхъ камней, кое-какъ взобрались они на верхъ утеса: но тамъ нашли они зрѣлище неожиданное.

Скала, казавшаяся безплоднымъ камнемъ, въ самомъ дѣлѣ была цвѣтущій, плодоносный островъ. Голые кремни, которые окружали его со всѣхъ сторонъ, составляли только высокую ограду, внутри которой, въ таинственномъ углубленіи, скрывалась пространная, зеленая равнина, усѣянная живописными пригорками, перерѣзанная живыми потоками, густыми и разнообразными перелѣсками. Высокіе кедры не достигали, однако же, до вершины ограды. Лѣса лавровые и финиковые мѣшались съ оливковыми и лимонными деревьями, осыпанными плодами, съ апельсинами и персиками, съ орѣховыми рощами, съ миртовыми кустами и виноградными лозами, вокругъ нихъ обвивающимися. Невыразимое чувство овладѣло спасенными спутниками посреди этой роскошной природы. Молча стали они на колѣни и долго не могли найти голоса для словъ, смотря на свѣтлый востокъ, озаренный заходящимъ солнцемъ.

Окончивъ молитву и утоливъ голодъ древесными плодами, они пошли осматривать островъ.

Нигдѣ не замѣтно было слѣдовъ человѣка. Все было дико, но все прекрасно; садъ, устроенный безъ трудовъ и работы; все ярко и стройно, все наполнено красоты и благоуханія. Особенно вниманіе ихъ остановилось на теченіи одного красиваго потока, который бѣжалъ съ вершины небольшой горы и, живописно извиваясь по ней, безпрестанно падалъ съ камня на камень громкими порогами. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ паденіе его было значительнѣе другихъ, сгибаясь въ широкую дугу, подъ которой, какъ подъ прозрачнымъ покрываломъ, зеленѣлись кусты и растенія, они замѣтили, что подъ этимъ радужнымъ сводомъ образовалась круглая пещера, у входа заросшая гибкими розгами винограда. Природа, казалось имъ, нарочно создала, въ этой жаркой странѣ, это отрадное убѣжище, и занавѣсила его прохладною струею отъ солнца, и убрала его стѣны разноцвѣтными кристаллами, и устлала его подъ мягкимъ мохомъ и густою травою. Но что-то звонкое попалось имъ подъ ноги. Это былъ женскій браслетъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Какъ зашелъ онъ сюда? Птица ли занесла его? или былъ здѣсь человѣкъ? Но вотъ явный признакъ человѣка: прямой Греческій мечъ, весь покрытый ржавчиною. Не далеко отъ него яшмовая курильница, обвитая искусственными рельефами, съ остатками благовонной смолы и нѣсколькихъ недогорѣвшихъ углей. Вотъ и еще: шлемъ и мужскія латы. Подлѣ нихъ блестѣли въ травѣ женскія ожерелья и кованный поясъ, а въ темномъ углу пещеры два бѣлые человѣческіе остова лежали обнявшись. Но истлѣвшія кости, при первомъ прикосновеніи, разлетѣлись въ пыль, такъ что отъ нихъ остались только два маленькіе крестика, изъ чистаго золота, и два кольца, на которыхъ вырѣзаны были двѣ Греческія буквы, на одномъ *I*., на другомъ *H*. Больше не было никакой надписи.

На другой день, когда солнце выкатилось на небо, маленькая лодочка уже плыла вдаль отъ острова, по той же темной тропинкѣ.

Легко было путникамъ, вчера замѣтивши дорогу, отыскать ее опять. Скоро выбрались они въ открытое море и, держась все прямо, достигли одного изъ острововъ Архипелага. Тамъ сѣли они на корабль и благополучно прибыли въ свой монастырь, во все продолженіе пути храня крѣпкую тайну о своемъ странномъ открытіи. Но въ монастырѣ они обо всемъ

разсказали настоятелю, который, чувствуя, при бѣдственномъ состоянiи Востока, всю важность независимаго убѣжища, также втайнѣ сообщилъ объ немъ патрiарху. Такимъ образомъ, извѣстiе о новомъ островѣ сберегалось между избраннымъ духовенствомъ Востока, и только не многимъ, мужамъ испытанной жизни и характера, передавалось оно вмѣстѣ съ другими важными преданiями, которыя всегда хранились и теперь еще хранятся въ цѣлости, у извѣстной части Восточнаго монашества.

Между тѣмъ, многiе пустынники удалились на тайный островъ, навсегда скрываясь тамъ отъ свѣта и людей. Вскорѣ, подлѣ таинственнаго грота, въ тѣни кипарисовой рощи, основанъ Греческiй монастырь и возвысилась церковь во имя Св. Георгiя, отъ чего и весь островъ получилъ то же названiе между знавшими о его существованiи.

Въ теченiе времени, переселялись туда многiе изъ ученѣйшихъ людей Грецiи и Палестины, такъ что, наконецъ, монастырь Св. Георгiя, хотя извѣстный не многимъ, сдѣлался, однако же, однимъ изъ первыхъ на Востокѣ и по духовной замѣчательности людей, его составляющихъ, и по богатству своей библiотеки, и по своему счастливому мѣстоположенiю, и болѣе всего—по тому особенному духу глубины, который долженъ былъ возникнуть въ отдѣленномъ и сомкнутомъ кругу людей необыкновенныхъ.

Впрочемъ, не одни монахи населяли таинственную скалу; многiя и свѣтскiя семейства, преслѣдуемыя невѣрными, уходили туда, желая лучше сокрыться въ вѣчномъ уединенiи, чѣмъ промѣнять на Латинскую чужбину свою Православную родину.

Часто, на Греческихъ островахъ или въ Константинополѣ, когда отъ паши или отъ султана угрожала опасность какому-нибудь важному фанарiоту, за его подозрительную приверженность къ христiанамъ, или богатому купцу, за его завидныя сокровища,—то прежде, чѣмъ бѣда настигнетъ несчастнаго, у порога его жилища являлся какой-нибудь неизвѣстный прохожiй, въ разорванномъ рубищѣ, и просилъ его гостепрiимства. И получивъ его, за чашей меду, онъ разсказывалъ хозяину про свои далекiя странствiя, про Святую землю, угнетенную варварами; про Аѳонскую гору, свѣтильникъ христiанскаго просвѣщенiя на Востокѣ; про нѣкоторыхъ Святыхъ му-

жей, скрывавшихся въ пустыняхъ Азіи и Африки,—а между тѣмъ, тайно передавалъ ему извѣстіе объ опасности и приготовленныхъ средствахъ къ спасенію. Но нѣкоторымъ, особенно испытаннымъ, открывалось также о существованіи неизвѣстнаго острова.

По этой причинѣ, островъ раздѣленъ былъ на двѣ части: въ одной стоялъ монастырь, и жили монахи; въ другой—семейства изгнанныхъ.

На этой послѣдней части острова образъ жизни былъ совсѣмъ необыкновенный. Земля была общая, труды совмѣстные, деньги безъ обращенія, роскошь неизвѣстна; а между тѣмъ, вся образованность древней и новой Греціи хранилась между жителями во всей глубинѣ своей особенности, неизвѣстной Западу и забытой на Востокѣ. Въ ихъ занятіяхъ работа тѣлесная смѣнялась умственною дѣятельностію. Въ собраніяхъ правдивость, доброжелательство и стремленіе къ возвышеннымъ наслажденіямъ духа. Въ семейномъ кругу глубокій миръ и чистота. Въ воспитаніи дѣтей развитіе душевныхъ силъ безъ насильственныхъ напряженій, — ненависть къ притворству и презрѣніе къ нелюбовному чувству соперничества. Высоко цѣнили они всякое достоинство, всякую способность; но для дѣтей своихъ скорѣе бы предпочли ихъ совершенное отсутствіе, чѣмъ, при нѣкоторомъ достоинствѣ, еще больше лукавое его выказываніе. И они росли весело, юноши крѣпкіе духомъ и тѣломъ, дѣвы стыдливыя, глубоколюбящія и во всей прелести неизнѣженнаго здоровья и Греческой красоты.

Не рѣдко, однако же, получали островитяне извѣстія объ остальномъ мірѣ, и часто туда, гдѣ нужна была помощь, тайно посылали деньги изъ своихъ сокровищъ, имъ не нужныхъ и только хранимыхъ для добрыхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ далекихъ предположеній. Не тревожила ихъ наружная мишура Европейской образованности, ни газетныя знаменитости, ни чужедворныя сплетни; но моремъ отдѣленные отъ міра, любовью къ человѣчеству съ нимъ соединенные, всегда съ любопытствомъ сердечнаго участія слѣдили они за судьбами просвѣщенія и народовъ, и съ трепетомъ ожидали, не воскреснетъ ли Греція, и не блеснетъ ли гдѣ-нибудь лучь надежды къ избавленію Христіанства.

Такъ было на неизвѣстномъ островѣ, посреди невѣжественныхъ земель, угнетенныхъ варварами. Между тѣмъ, въ про-

свѣщенной странѣ человѣчества, въ образованной Европѣ, все, казалось, идетъ своимъ установленнымъ, твердымъ порядкомъ. Люди живутъ какъ обыкновенно, одинъ не заботясь о другомъ; каждый думаетъ, считаетъ, страдаетъ и утѣшается за себя. Тѣ не многіе, на которыхъ лежитъ бремя общей заботы, также слѣдуютъ обыкновеннымъ правиламъ: въ прошедшемъ ищутъ уроковъ для будущаго, судятъ о завтра по вчера; смотря на заходящее солнце, разсчитываютъ о грядущемъ утрѣ. И въ самомъ дѣлѣ, разсчеты ихъ вѣрны: по извѣстнымъ законамъ, извѣстныя силы играютъ и равновѣсятся, какъ играетъ въ парусахъ постоянный и попутный вѣтеръ.

Но вдругъ на Западѣ переломился порядокъ: взволновался народъ, разыгралися страсти, рухнулъ престолъ, полилась кровь, падаетъ Церковь, законы ломаются, все устройство вещей ниспровергнуто, новое устройство возникаетъ и снова рушится, уставы смѣняются другими, все зыблется, все падаетъ, все подымается и снова падаетъ; топоръ работаетъ день и ночь, кровь льется рѣками, народъ пляшетъ, страсти не знаютъ границъ, клики восторга мѣшаются съ крикомъ отчаянія, съ громомъ пушекъ и барабановъ, съ отзывомъ славы и побѣдъ, воплями кровожаднаго звѣрства, съ глубокими воздыханіями глубокой любви къ человѣчеству, съ хохотомъ распутства и самозабвенія.

Вся Европа дрожитъ отъ волнующагося народа; всѣ царства соединились противъ него войною и не могутъ одолѣть его напряженныхъ силъ. Что-то будетъ съ просвѣщеннымъ человѣчествомъ?

На уединенномъ островѣ слухъ о переворотахъ Европейскихъ особенно занималъ одного изъ потомковъ древнихъ Греческихъ императоровъ, фанаріота Палеолога, прежде служившаго драгоманомъ при Портѣ и отъ того болѣе другихъ опытнаго въ дѣлахъ Запада. Но эти извѣстія ни сколько не измѣняли его мирныхъ занятій и стройной, дѣятельной жизни, раздѣленной между ихъ дружескимъ обществомъ и его небольшою семьею, которую составляли: его молодая жена, маленькій сынъ и маленькая дѣвочка, у нихъ воспитывавшаяся.

Олимпіада Палеологъ была одною изъ тѣхъ женъ, любимыхъ Небомъ, которыя видимо приводятъ благословеніе Божіе на душу ими любимаго. Чистая правильная красота была только свѣтлою тѣнью свѣтлаго, внутренняго существа ея. Со всею

теплотою полнаго, не засыпающаго сердца, раздѣляла она съ мужемъ опредѣленныя заботы дня, и произвольныя мысли отдыха, и далекія надежды будущаго, и едва замѣтныя сердечныя думы,—и все въ его жизни, въ сердцѣ и въ мысляхъ, получало новый, заманчивый видъ отъ ея гармоническаго прикосновенія. Неистощимая глубина ихъ душевнаго согласія могла только сравниться съ глубокою синевою теплаго неба надъ ихъ тихимъ островомъ.

Общими силами, общими радостными заботами, занимались они воспитаніемъ своего маленькаго Александра,—и это чувство наполняло въ ихъ сердцѣ тоже отдѣленное мѣсто, на которомъ лежала и мысль о будущемъ избавленіи ихъ народа.

Дѣвочка, которая у нихъ воспитывалась, была дочь фанаріота Наттарры, искренняго друга Палеолога и погибшаго въ Константинополѣ насильственною смертію, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Маленькая Елена, спасенная человѣколюбіемъ варваровъ, въ маленькой колыбели, забрызганной кровью ея родныхъ, тайно перенесена была въ другой городъ къ одной бѣдной христіанкѣ. Скоро потомъ какой-то монахъ, зная прежнюю связь ея отца съ Палеологомъ, въ одну темную ночь, поставилъ люльку въ узкую лодочку и съ тихою молитвою надъ прекраснымъ младенцемъ, по спокойному морю между мелей и камней, привезъ ее спящую на островъ Св. Георгія.—

Но на Западѣ долго еще не рѣшался вопросъ о судьбѣ взволнованнаго народа. Поколеблетъ ли онъ другія царства, или сгоритъ въ собственномъ огнѣ? Чѣмъ кончится этотъ взрывъ? Чего надѣяться? Чего бояться?

И для чего Провидѣніе послало или, по крайней мѣрѣ, допустило это страшное явленіе? Какая польза произойдетъ изъ него для человѣчества? Или даромъ пролито столько крови, легло столько жертвъ, и между жертвами столько чистыхъ?

Изъ броженія безпорядка выйдетъ ли лучшій порядокъ? Изъ дорогихъ опытовъ устройствъ и законовъ родится ли лучшее устройство, лучшіе законы? Или все это волненіе окончится одною горячею страницею въ исторіи, однимъ холоднымъ урокомъ для человѣчества?

Или, можетъ быть, эта кровь, эти жертвы—только страшное наказаніе просвѣщенному человѣчеству за ложь въ его просвѣщеніи,—очистительное наказаніе человѣку за разслаб-

леніе его сердечныхъ силъ, за вялость и ограниченность его стремленій, за притворство въ вѣрѣ, за корыстное искаженіе святыни, за несочувствіе къ угнетеннымъ, за презрѣніе правъ безсильныхъ, за легкомысліе, за коварство, за изнѣженность, за забытіе меньшей братіи Сына Человѣческаго, за оскудѣніе любви?...

Отдыхая на дерновой скамейкѣ, въ тѣни лавровой рощи, однажды Палеологъ, въ минуту душевнаго волненія, говорилъ женѣ своей: „За твою чистую душу, другъ мой сердечный, посылаетъ намъ Небо то небывалое счастіе, которое другіе знаютъ только во снѣ. Когда твоя стройная рука меня обнимаетъ, и я гляжу въ твои глубокіе, блестящіе глаза, тогда мнѣ кажется, что внутри моего сердца раскрывается другое зрѣніе, и я вижу насквозь все безтѣлесное существо твое, и вижу еще тѣмъ же чувствомъ сердца, какъ будто вокругъ насъ струится что-то прекрасное, что-то охранительное, родное и непонятное. Какъ будто небо въ эту минуту раскрывается надъ нами. А съ нѣкотораго времени еще новая радость прибавилась къ моему счастью. Одна мысль тревожила меня за маленькую Елену, когда ее привезли къ намъ. Я зналъ всегда, что ты будешь любить ее, что со всею заботливостью матери ты окружишь ея дѣтство самыми нѣжными попеченіями; но я боялся, чтобы любовь къ нашему сыну не увлекла тебя невольно хотя къ какому-нибудь различію въ чувствахъ къ двумъ дѣтямъ. И мнѣ грустно было предвидѣть послѣдствія этого для маленькой сироты, зная, какъ прозорливо несчастіе и, еще больше, какъ оно подозрительно. Но теперь я спокоенъ совершенно. Я снова убѣдился, что для тебя чувство добродѣтели тоже, что чувство природы. Я вижу ясно, какъ ты внутри сердца не раздѣляешь обоихъ дѣтей, какъ ты равно и полно любишь ихъ одною материнскою любовью. Трудно выразить, какое сладкое ощущеніе даетъ мнѣ эта увѣренность. Часто я думаю, что если изъ-за могилы можно видѣть нашу землю, то вѣрно съ благодарностію, вѣрно съ радостными благословеніями молится за тебя ея бѣдный отецъ“.

— „Я видѣла твое сомнѣніе,—отвѣчала Олимпіада—и молчала, ожидая, покуда время тебя успокоитъ. Могла ли я не любить дочь твоего друга? И, впрочемъ, кто бы она ни была, можно ли не чувствовать особенной привязанности къ этому прекрасному ребенку? Посмотри, какая кротость, какой умъ въ

этихъ черныхъ, задумчивыхъ глазкахъ! Посмотри, какъ въ эти лѣта на ея миломъ личикѣ уже обозначилась вся будущая красота! Какая стройность, какія тихія, легкія движенія, и какое любящее сердце! Однако, я не скрою отъ тебя, что, можетъ быть, начало моего чувства было не совсѣмъ безкорыстное. Когда привезли ее къ намъ, и я взяла ее на руки еще спящую, и потомъ она открыла свои большіе глаза съ длинными, черными рѣсницами, и потянулась маленькими ручками, и улыбнулась мнѣ прекрасною улыбкою, тогда мнѣ живо пришло на сердце, что этотъ ребенокъ нарочно посланъ намъ для того, чтобы со временемъ составить счастье нашего Александра. Съ тѣхъ поръ эта мысль лежитъ неотвязно у меня на умѣ, и я невольно смотрю на Елену, какъ на свою дочь, посланную мнѣ Богомъ для радости всей нашей семьи“.

„Ты говоришь мнѣ мою же мысль,—отвѣчалъ Палеологъ,—и, кажется, надежда насъ не обманетъ. Смотри, какъ сильно ростетъ между ними ихъ дѣтская дружба, основаніе будущаго согласія и залогъ неминутной, разумной любви“.

Между тѣмъ, какъ они говорили, дѣти ихъ, кудрявыя, веселыя, бѣгали вокругъ нихъ, играя между цвѣтущими лаврами. Солнце садилось; въ монастырѣ раздался тихій благовѣстъ; и взоры ихъ, устремившись на небо, были полны счастія и благодарности.

Впрочемъ, это счастіе, эта тихая жизнь возможна была только для нихъ, отдѣленныхъ отъ міра. Но для человѣка, окруженнаго безпрестаннымъ волненіемъ интересовъ, страховъ, заботъ, удовольствій и страданій другихъ людей,—нѣтъ отдѣльной судьбы и, слѣдовательно, нѣтъ безмятежнаго счастія. Когда умъ его, встревоженный любопытствомъ, хотя разъ пришелъ въ живое соприкосновеніе съ движеніями человѣчества, то уже насильно и навсегда обреченъ онъ раздѣлять его общую судьбу, если не дѣломъ руки, то по крайней мѣрѣ колебаніемъ сердечнымъ, волненіемъ мыслей, сочувствіемъ, пристрастіями, ошибками и вообще всѣми страданіями человѣческаго рода. Тогда ему счастье одно: если жизнь его, для него потерянная, будетъ не совсѣмъ потеряна для другихъ!—

Все больше разгорался кровавый пожаръ на Западѣ. Страшно смотрѣть, какъ Небо караетъ народъ. Но кто знаетъ? Можетъ быть, какъ буря очищаетъ воздухъ, такъ волненіе народное должно очистить жизненную атмосферу человѣчества?

Можетъ быть, бѣдствія царствъ и людей посылаются имъ для того, чтобы разбудить заснувшія силы ума, настроить въ гармонію разстроенные звуки души и натянуть новыя струны на ослабѣвшее сердце человѣка?

Или, можетъ быть, эти судороги народной жизни предсказываютъ только смерть прошедшему, безъ надежды для будущаго? Можетъ быть, этими страшными движеніями отжившіе народы роютъ себѣ могилу, приготовляя мѣсто для колыбели новыхъ?

Но вотъ рѣшается задача Европы.

Пришелъ человѣкъ, задумчивый и упрямый; въ глазахъ—презрѣнье къ людямъ, въ сердцѣ—болѣзнь и желчь; пришелъ одинъ, безъ имени, безъ богатства, безъ покровительства, безъ друзей, безъ тайныхъ заговоровъ, безъ всякой видимой опоры, безъ всякой силы, кромѣ собственной воли и холоднаго разсчета, и — разсчетомъ и волею — остановилъ колесо переворотовъ, и нагнулъ передъ собою вольнолюбивыя головы—и, кланяясь ему, народъ утихъ. И онъ заковалъ его въ цѣпи, и поставилъ передъ собою въ послушные ряды, и повернулъ ихъ красиво при звукѣ барабановъ, и повелъ ихъ за собою далеко отъ отечества, и приказалъ имъ умирать за его имя, за его прихоти, за богатство его низкой родни; и народъ шелъ стройно, подъ звуки его барабановъ, и умиралъ отважно за его прихоти, и, умирая, посылалъ дѣтей своихъ ему на службу, и благословлялъ его имя, и восторженнымъ кликамъ не было конца!

И не было границъ его силѣ. Царства падали предъ нимъ, —онъ создавалъ новыя; троны рушились,—онъ ставилъ другіе; чужимъ народамъ давалъ онъ свои законы; сильныхъ властителей сгибалъ въ своей прихожей. Вся Европа страдала подъ его могуществомъ и съ ужасомъ называла его Великимъ!

И онъ былъ одинъ.

Безъ правъ на власть — самодержецъ; вчера затерянный въ толпѣ простолюдинъ, нынче—судьба всего просвѣщеннаго міра. Какимъ волшебствомъ совершилъ онъ чудеса свои?

Когда другіе жили, онъ считалъ; когда другіе развлекались въ наслажденіяхъ, онъ смотрѣлъ все на одну цѣль и считалъ; другіе отдыхали послѣ трудовъ, онъ складывалъ руки на груди своей и считалъ; другой, въ упоеніи счастія, спѣшилъ бы

воспользоваться своими успѣхами, насладиться своею силою, забыться, хотя мінуту, на лаврахъ своихъ,—онъ помнилъ все одинъ разсчетъ и смотрѣлъ все на одну цѣль. Ни любовь, ни вино, ни поэзія, ни дружеская бесѣда, ни состраданіе, ни блескъ величія, ни даже слава,—ничто не развлекало его: онъ все считалъ, все шелъ впередъ, все шелъ одною дорогоїї и все смотрѣлъ на одну цѣль.

Вся жизнь его была одна математическая выкладка, такъ что одна ошибка въ разсчетѣ могла уничтожить все гигантское построеніе его жизни.—

Между тѣмъ, на островѣ Св. Георгія случилось происшествіе, новое посреди его однообразноїї жизни. Въ морѣ показалась маленькая лодка, плывшая къ острову; въ лодкѣ сидѣли два человѣка: одинъ монахъ, другоїї въ Европейскоїї одеждѣ, еще никогда невиданный на островѣ. Монахъ давно былъ знакомъ островитянамъ, часто для ихъ потребностеїї переѣзжая со скалы на землю; но кто же другоїї? Черты лица его ясно обнаруживали Грека; круглая шляпа надвинута на глаза; станъ замѣтно высокіїї, хотя весь обвитыїї длиннымъ плащемъ. Съ любопытствомъ и недоумѣніемъ ожидали они его приближенія. Но когда лодка подъѣхала къ утесу, прежде Европейца монахъ одинъ взошелъ на островъ, прося собравшихся жителей, чтобы они, изъ осторожности, скрылись отъ минутнаго гостя, хотя въ ближніїї лѣсъ. Жители тотчасъ же исполнили совѣтъ старца; но многіе, спрятавшись въ кустахъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли оттуда, ожидая, что будетъ? а нѣкоторыя дѣти легли въ густую траву недалеко отъ самоїї дороги. Въ томъ числѣ былъ и двѣнадцатилѣтніїї Александръ.

Посреди шумноїї Европейскоїї жизни, кипящей разнообразіемъ перемѣнъ, мудрено понять, какъ сильно въ уединеніи зажигается любопытство человѣка самыми бездѣльными обстоятельствами, которыя сколько-нибудь нарушаютъ обыкновенныїї порядокъ тишины. Въ этомъ положеніи находились жители острова. Съ мужественною крѣпостію ума обнимали они самыя глубокія соображенія отвлеченнаго мышленія; но самому ничтожному явленію изъ живоїї дѣйствительности поддавались со всею воспріимчивостію ребенка. Отъ того, напрягая вниманіе, глядѣли они изъ-за кустовъ своихъ, какъ незнакомецъ вышелъ на островъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ монахомъ, пошелъ по дорогѣ

въ монастырь, и какъ они, улыбаясь, переглянулись между собою, когда лежавшій въ травѣ Александръ выставилъ изъ нея свою кудрявую голову, чтобы лучше разсмотрѣть пріѣзжаго, проходившаго мимо.

Подойдя къ монастырю, Европеецъ снялъ шляпу, перекрестился, но, не останавливаясь, пробѣжалъ путь свой. „Куда?“ думали они.

Любопытство ихъ еще увеличилось, когда они замѣтили, что путники избрали дорогу къ той отдаленной кипарисовой рощѣ, гдѣ таилась въ глуши кедровъ и деревьевъ небольшая пещера одного пустынника, который уже многіе годы скрывался тамъ отъ взоровъ людей, ни для кого не отворяя дверей своего подземелья.

Но когда путники подошли къ нему, и незнакомецъ постучался у входа, произнеся нѣсколько неслышныхъ имъ словъ, тогда, къ удивленію жителей, загремѣлъ внутри желѣзный затворъ, и дверь растворилась. Незнакомецъ взошелъ туда одинъ; провожавшій монахъ остановился у входа; дверь снова заперлась изнутри.

Долго оставался незнакомецъ въ подземельѣ; но жители не уставали смотрѣть туда, ожидая его появленія.

Наконецъ, показался онъ изъ пещеры, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ отшельникъ, столько времени невидѣнный ни кѣмъ.

Старецъ былъ низкаго роста, и еще болѣе согнутый постомъ и годами; черную рясу опоясывалъ ременный поясъ, на головѣ низкій Греческій клобукъ, лицо почти заросло сѣдыми волосами; но въ свѣтлыхъ глазахъ его сіяла свѣжесть молодости, печать строгой жизни и чистоты душевной.

Отъ непривычки, можетъ быть, или отъ лѣтъ, онъ съ трудомъ, казалось, передвигалъ свои ноги; однако, опираясь на посохъ, безъ отдыха шелъ съ незнакомцемъ, провожая его до самаго берега, и что-то во всю дорогу говорилъ ему съ видимымъ жаромъ. Европеецъ молчалъ, изрѣдка отвѣчая.

Никто не слыхалъ ихъ любопытнаго разговора. Иногда только отдѣльныя слова старца долетали до тѣхъ, кто былъ ближе къ дорогѣ. Эти слова были: „Грецiя... Божья помощь... война... избранный человѣкъ... еще не готово... великое дѣло... тебѣ...“, и тому подобныя. Иногда слышались и цѣлыя реченія, какъ напримѣръ: „государственныя дѣла мнѣ чужды, только сердце болитъ за братію.“ Или же: „велика опасность

отъ невѣрныхъ, не меньше отъ иновѣрныхъ, а больше отъ своихъ.“ Или еще: „великое дѣло готовится; только начать его безвременно, все тоже, что стать за противниковъ.“ Но самая длинная рѣчь изъ его разговора, которую удалось поймать нѣкоторымъ, была слѣдующая: „Остановись не много: посмотри на этотъ прекрасный островъ! Еще Богъ бережетъ его; жизнь на немъ не похожа на вашу грязную; люди не знаютъ его; но если бы узнали, какъ бы удивились они! А, кажется, чему бы? Что тутъ новаго? Въ душѣ каждаго человѣка есть такой же незамѣтный, такой же потерянный островокъ, снаружи камень, внутри рай! Только ищи его. Только душа часто сама не знаетъ объ немъ. А еще хуже, если...“ Тутъ старецъ повернулъ въ другую сторону, продолжая путь свой, и больше не слышно было его словъ.

Когда же дошелъ онъ до края скалы, то провожавшій монахъ былъ уже внизу и сидѣлъ въ лодкѣ, приготовляя весла. Старецъ остановился на самомъ утесѣ, и видно было, что онъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ поднялъ къ небу глаза, блестящіе слезами, и потомъ указалъ рукою на ту сторону, гдѣ далеко на небосклонѣ, на подобіе неясныхъ облаковъ, едва виднѣлись горы Греціи. Незнакомецъ сталъ на колѣни и поднялъ руки къ небу, какъ бы произнося какую-то клятву. Потомъ, получивъ благословеніе отъ старца, онъ скорыми шагами сошелъ къ морю, сѣлъ въ лодку и, еще разъ поклонившись отшельнику, отплылъ отъ берега.

Согбенный старецъ долго стоялъ на скалѣ, облокотившись на свой посохъ и не сводя взоровъ отъ удаляющейся лодки. Но когда она совсѣмъ скрылась изъ виду, онъ посмотрѣлъ на небо, отеръ глаза и тихими шагами пошелъ въ подземелье, гдѣ снова затворился отъ людей.

Тогда на островѣ начались разспросы и догадки; но вѣрнаго жители могли узнать только то, что незнакомецъ былъ Грекъ, который еще въ дѣтствѣ зналъ старца, жившаго прежде на Аѳонской горѣ.—

Прошло нѣсколько лѣтъ; уже на островѣ давно перестали говорить объ этомъ происшествіи; но на воображеніе молодаго Александра оно положило неизгладимое впечатлѣніе.

Все, что слыхалъ онъ прежде отъ своего отца о землѣ за моремъ, все, что читалъ онъ въ его книгахъ о жизни людей и народовъ, все разомъ проснулось въ его умѣ, все заиграло

новою жизнью и скипѣлось въ одну пеструю, блестящую, волшебную картину, при одномъ взглядѣ на странную заморскую одежду, на стройную походку чужеземца, на его Европейскія движенія.

„Кто былъ этотъ Грекъ?“—думалъ онъ.—„За чѣмъ пріѣзжалъ онъ сюда? Кто открылъ ему нашу тайну? Какъ пустилъ его къ себѣ старецъ-отшельникъ? Что значитъ ихъ таинственный разговоръ? О какомъ *великомъ дѣлѣ* они говорили?... О, много плѣнительнаго, тайнаго и заманчиваго должно скрываться въ разнообразной жизни людей, отдѣленныхъ отъ насъ этимъ грустнымъ моремъ! Что наша бѣдная жизнь въ сравненіи съ ихъ блестящею жизнію? Вялый, болѣзненный сонъ. Нѣтъ, хуже сна! Мои сны живѣе моей жизни. Они уносятъ меня въ тѣ далекія мѣста, о которыхъ читалъ я въ книгахъ моего отца; тамъ одна минута богатѣе для сердца, чѣмъ годы здѣсь. И не уже ли не должно жить вмѣстѣ со всѣмъ созданнымъ человѣчествомъ, дѣлить его труды и радости, помогать ему, погибать съ нимъ въ бѣдахъ, утопать въ наслажденіяхъ? Боже мой! Удастся ли мнѣ когда-нибудь исполнить желанія моего сердца?“

Это стремленіе въ другой міръ за моремъ безпрестанно увеличивалось въ душѣ молодаго человѣка, усиливалось чтеніемъ, разговорами съ отцомъ, уединенными мечтаніями, препятствіями и всѣми даже равнодушными обстоятельствами жизни, которыя обыкновенно поджигаютъ воображеніе больное, зараженное невозможностью. Шли годы; но это чувство выростало въ немъ еще сильнѣе и, наконецъ, сдѣлалось его господствующимъ состояніемъ духа.

Такъ достигъ онъ *своего* двадцатилѣтняго возраста.—

А между тѣмъ просвѣщенный міръ, которому завидовалъ Александръ, лежалъ еще скованный подъ желѣзною пятою своего властелина. Необъятно было его могущество и (удивительно!) все оно было явнымъ созданіемъ его головы.

Но въ головѣ его, еще отъ рожденія, одна мысль задавила всѣ другія: мысль блестящая и тяжелая, какъ царскій вѣнецъ; удивительная, какъ Египетская пирамида; но сухая и безплодная, какъ голый утесъ посреди океана, и холодная, какъ глубокій снѣгъ сѣвера, и страшно-разрушительная, какъ бы пожаръ огромной столицы, и безцвѣтная, какъ музыка барабановъ. И справедливое Провидѣніе послало ему *судьбу* его, по *мысли* его.

„За чѣмъ,—думалъ Александръ, смотря на далекія горы Греціи: — за чѣмъ радовался отецъ мой, когда я изучалъ чужеземные языки? За чѣмъ давалъ онъ мнѣ свои ядовитыя книги? Онѣ отравили мнѣ душу соблазнительнымъ представленіемъ невозможной для меня жизни; онѣ нашептали мнѣ мысли плѣнительныя и неотвязныя; онѣ, какъ волшебный коверъ, уносятъ меня въ страны далекія, кипящія новостью и опасностями, заманчивыя счастьемъ разнообразія, бурею душевныхъ волненій и блескомъ художественныхъ хитростей. Все прекрасно, все мнѣ нравится, все плѣняетъ меня въ этихъ недоступныхъ земляхъ; даже пороки ихъ наполняютъ меня любопытствомъ: ихъ неразумныя слабости вмѣстѣ съ гигантскими созданьями ума; ихъ необузданныя страсти посреди усильнаго стремленія къ устройству; ихъ легкомысліе, ихъ яркія искусства, ихъ внутреннія противорѣчія, пестрое просвѣщеніе, ломкія связи, быстрые перевороты, ежеминутная дѣятельность для близкаго настоящаго и вмѣстѣ странная безпечность о будущемъ,—все это мнѣ ново, все мудрено и заманчиво“.

„Я чувствую, я понимаю, что наша жизнь на островѣ и лучше, и чище, и разумнѣе ихъ, и должна бы, кажется, быть счастливѣе; но самъ не знаю отъ чего: только въ ихъ жизни я вижу счастіе, а здѣсь все безцвѣтно и пусто“.

„Не нахожу я отрады въ кругу семьи моей, ни въ дружескихъ собраніяхъ нашего общества, ни въ опредѣленныхъ занятіяхъ дня, ни даже въ свободныхъ сновидѣніяхъ ночи. Всюду преслѣдуетъ меня безпокойство невозможнаго желанія, вездѣ однѣ, неотвязныя мысли, вездѣ тоска и скука, и мечта все объ одномъ!“

„Нѣтъ! не могу я больше выносить это мучительное состояніе! Во что бы то ни стало, переплыву я это зеленое море, отъищу тамъ земли невиданныя, но давно знакомыя, брошусь въ объятья ихъ бурной жизни, утону въ ихъ отрадныхъ волненіяхъ!“

„Жаль мнѣ тебя, добрый отецъ мой! Много надеждъ положилъ ты на сына своего! Жаль тебя, бѣдная мать! Все твое счастье во мнѣ! Перенесешь ли ты тяжелую разлуку? И ты, прекрасная Елена... которую они готовили мнѣ въ подруги счастія... за чѣмъ открыла ты невинное сердце безвременнымъ внушеніямъ? Что будетъ съ тобою?“

„Милыя, дорогія сердцу созданія! Душа разрывается при

мысли объ васъ. За чѣмъ судьба поставила мое сердце въ это несносное противорѣчіе?“

„Самъ не знаю, что во мнѣ дѣлается; я не властенъ надъ моими чувствами, не властенъ болѣе надъ поступками; чужая сила влечетъ меня неодолимо, можетъ быть на погибель: будь, что будетъ!“

„Кто это пробирается между миртами? Сквозь темную зелень блеснуло бѣлое покрывало. Это ты, Елена? Пойди ко мнѣ, милая сестра моя; скажи мнѣ слово утѣшенія изъ тихой души твоей. Безпокойныя мысли встревожили меня“.

— „Не въ первый разъ замѣчаю я, милый братъ,—сказала Елена,—что какое-то скрытое горе лежитъ у тебя на сердцѣ. Давно собиралась я просить тебя, чтобы ты раздѣлилъ его со мною. Только страхъ меня удерживалъ, чтобы словами дружбы еще больше не растревожить твоей непонятной тоски. Теперь, благодарю тебя! теперь я счастлива, что ты самъ ищешь моего участія“.—

„Елена! Посмотри туда, на край неба: видишь ты эти далекія, чуть замѣтныя облака? Знаешь ли, что значатъ эти облака?“

— „Знаю: это горы“.—

„Да, Елена! это горы Греціи! Знаешь ты, что тамъ живутъ люди?“

— „Могу ли я не знать этого! Они убили моего отца!“—

„Убили отца! Не всѣ были убійцы. Тамъ были и друзья отца твоего, съ кѣмъ онъ жилъ вмѣстѣ, дѣлилъ радость и горе, заботы и опасности, съ кѣмъ вмѣстѣ готовилъ надежды къ избавленію христіанъ, вмѣстѣ думалъ дѣйствовать, понимаешь ты? *дѣйствовать!*“...

— „Твой отецъ былъ ему лучшимъ другомъ“.—

„Елена! тамъ жизнь другая. Тамъ все кипитъ, тамъ все ярко, все живо. Тамъ день не похожъ на другой. Тамъ есть опасность, есть и надежда. Тамъ впереди жизни — неизвѣстное; сзади—воспоминаніе. Тамъ жизнь не машина, напередъ разсчитанная. Елена! Не уже ли ни во снѣ, ни въ мечтахъ тебѣ никогда не хотѣлось *туда?*“

—„Братъ мой! Тамъ зарѣзана моя мать. Тамъ погибли мои родные. Здѣсь твоя семья окружила меня любовью и счастьемъ. Могу ли я понять это желаніе? Братъ мой, другъ моій! Оставь свои далекія мысли. Возвратп твою прекрасную душу

на этотъ счастливый островъ, въ тихій кругъ твоей семьи, также счастливой прежде! Посмотри, какъ твоя черная задумчивость убиваетъ твоего прекраснаго отца. Давно ужь онъ лишился своего свѣтлаго спокойствія, глядя на твою тоску. А мать твоя, всякій разъ, когда ты уйдешь на этотъ берегъ, она не осушаетъ глазъ своихъ. Смотри, какъ горько они измѣнились оба въ это тяжелое время. Братъ милый! Сжалься надъ нами!“—

Много еще сердечныхъ словъ и дружескихъ убѣжденій нашла Елена въ душѣ своей, уговаривая его возвратиться къ прежней, спокойной жизни. Но, наконецъ, она замолчала, замѣтивъ, что онъ уже давно ея не слушаетъ. Тогда на лицѣ ея выразилась живая, глубокая скорбь,—скорбь дружбы, теряющей друга, тоска любви, нераздѣленной и презрѣнной. Неподвижно устремились на него ея большіе, черные глаза; но въ нихъ не было слезъ; они сверкали тѣмъ сухимъ блескомъ страданія, который является во взорахъ человѣка при послѣдней судорогѣ сердца, когда или жизнь отходитъ, или счастье жизни гибнетъ навѣки.

Между тѣмъ онъ стоялъ задумавшись, смотря на далекія горы Греціи.

Но въ этотъ день совершилось важное событіе въ домѣ Палеологовъ.

Давно уже замѣтили они задумчивость, тоску и, наконецъ, совершенное уныніе своего сына. Не трудно было имъ узнать причину его страданія. Само собою разумѣется, что они употребили всѣ средства къ его излѣченію. Увѣщанія, совѣты, прямые и косвенные разговоры, всякаго рода убѣжденія, приведены были въ дѣйствіе; но все безъ успѣха. Непонятная страсть его только увеличивалась и особенно развилась въ это послѣднее время. Наконецъ, убѣдившись, что всѣ старанія ихъ безполезны, что для него уже невозможно счастіе въ тихомъ, семейномъ кругу, по крайней мѣрѣ прежде, чѣмъ онъ насытитъ свое болѣзненное любопытство, Палеологъ рѣшился самъ помогать ему. Уже нѣсколько разъ въ собраніяхъ народныхъ, тайно отъ самого Александра, просилъ онъ ихъ общество позволить ему отправиться въ другія земли. Общество не соглашалось, полагая, и не безъ основанія, что страстное любопытство молодаго человѣка не стоитъ опасности цѣлаго острова, могущаго погибнуть отъ одной его неосторожности, отъ одного не-

обдуманнаго слова. Но неотступныя просьбы Палеолога, его ручательства и, наконецъ, его клятвы за сына, поколебали твердость его друзей. Они начали склоняться, хотя съ неудовольствіемъ, на отправленіе Александра, и въ этотъ день назначили быть послѣднему собранію, чтобы положить окончательное рѣшеніе этого дѣла.

Олимпіада Палеологъ раздѣляла мысли и намѣренія своего мужа; но сердце ея, противъ убѣжденій мужа, все еще не могло оторваться отъ утѣшительныхъ ожиданій. Она думала, что сынъ ея еще можетъ возвратиться отъ своей страсти; что онъ не рѣшится оставить ихъ, разорвать ихъ счастіе, на немъ основанное; что его удержитъ благоразуміе, привязанность къ нимъ и, можетъ быть, любовь къ Еленѣ, любовь, которую она предполагала въ немъ больше по собственному желанію, нежели по какимъ-нибудь особеннымъ замѣчаніямъ. Потому, въ то время, когда отецъ пошелъ на послѣднее совѣщаніе островитянъ, мать, еще не теряя надежды, послала Елену на берегъ острова, поручивъ ей употребить послѣднія увѣщанія дружбы надъ больнымъ сердцемъ ея сына.

Она тѣмъ больше ожидала отъ разговора Елены, что послѣдняя до сихъ поръ еще никогда не говорила съ Александромъ объ этомъ предметѣ.

Долго Олимпіада Палеологъ оставалась одна, въ робкомъ ожиданіи. То выходила она на крыльцо смотрѣть, не идетъ ли мужъ съ тяжелою вѣстію, или Елена съ радостію. То, возвращаясь внутрь дома, она спѣшила заняться какимъ-нибудь хозяйственнымъ устройствомъ, стараясь заглушить въ себѣ безполезное волненіе. То вдругъ, обливаясь горькими слезами, она бросалась передъ Распятіемъ, произнося самыя пламенныя молитвы. То опять выходила слушать, не йдутъ ли съ вѣстію. Безпокойство ея все больше усиливалось. Она попеременно придумывала себѣ то отчаянныя, то радостныя мысли. Наконецъ, утомившись внутренними усиліями, она сѣла на кресла подъ раскрытымъ окномъ и неподвижно осталась въ этомъ положеніи, не замѣчая теченія времени. Вдругъ кто-то стукнулъ въ двери. Дрожь пробѣжала по ея членамъ. „Это Елена!—думала она—вѣрно добрая вѣсть, вѣрно радость! И какъ могла я мучиться такъ напрасно! Какъ могла я сомнѣваться въ немъ! Елена, другъ мой, иди!“ Эти мысли разомъ и съ быстротою молніи пробѣжали въ ея сердцѣ. И по какому-

то закону предустановленнаго разногласія души съ жизнію, закону, который чаще повторяется, чѣмъ обыкновенно думаютъ, она всего больше предавалась надеждѣ, отворяя дверь печальному извѣстію.

Такъ въ изнурительной болѣзни, въ самую послѣднюю минуту жизни, является неожиданная увѣренность въ выздоровленіи.

Но недолго оставалась она въ заблужденіи. Въ двери взошелъ не отецъ, — взошла Елена; но мертвая блѣдность ея лица, но ея сильно открытые глаза и какая-то странная окаменѣлость во всѣхъ чертахъ, слишкомъ ясно высказывали истину. Бѣдная мать не сказала, не спросила ничего; но опустила голову и возвратилась на прежнее мѣсто. Елена также не нарушала молчанія.

Возвратился Александръ; но и тогда никто не началъ разговора.

Между тѣмъ солнце сѣло.

Наконецъ, пришелъ и отецъ: „рѣшено,—сказалъ онъ женѣ своей—ему позволено ѣхать.“

„Александръ! мнѣ удалось, наконецъ, получить согласіе нашего общества. Завтра ты отправишься отсюда. Здѣсь, я вижу, ты счастливъ быть не могъ. Но смотри теперь, смотри на твою мать, смотри на Елену; видишь ты, чего намъ стоитъ эта разлука? Горе тебѣ, если когда-нибудь забудешь ты это чувство, или сдѣлаешься его недостойнымъ! Богъ съ тобой! Надъ тобою будетъ всегда мое благословеніе и моя молитва.“

„Александръ! Я далъ клятву за тебя, что тайна наша умретъ въ твоемъ сердцѣ. Ты, я знаю твердо, предателемъ не будешь. Только помни, что малѣйшая неосторожность здѣсь будетъ предательство.“

„Помни нашу вѣру, наши правила, нашу любовь.... но къ чему говорить? Теперь слова безполезны. Одно не забудь, что твоя перемѣна насъ убьетъ; доброе извѣстіе о тебѣ еще можетъ утѣшать. Теперь пойдемъ со мной!“

Въ волненіи неожиданнаго чувства смотрѣлъ Александръ на отца, на мать, на Елену, и, съ недоумѣніемъ повинуясь, пошелъ за Палеологомъ.

Они вышли изъ дому; уже стало темно; они пошли по дорогѣ къ померанцевой рощѣ; взошли въ глубину ея; тамъ, у одного замѣтно изогнутаго дерева, стояли уже приготов-

ленныя двѣ лопаты: одну взялъ Палеологъ, другую Александръ, и начали рыть землю; скоро подъ лопатой зазвенѣлъ металлъ; они вынули желѣзный сундукъ; Палеологъ раскрылъ его и сказалъ:

„Здѣсь хранятся всѣ мои сокровища, привезенныя изъ Греціи. Вотъ золото; вотъ камни драгоцѣнные. Я берегъ ихъ для другой цѣли... Богу не угодно было... Возьми ото всего половину. Знай, у тебя будетъ большое богатство, рѣдкое между людей. Но знай также, что каждая деньга, которую ты бросишь безъ нужды, отнимется отъ святаго дѣла. Нѣтъ,--не отговаривайся! Ты не знаешь еще, что такое деньги, не понимаешь цѣны твоего отреченія. Я хочу, чтобы ты взялъ. Останется, привезешь назадъ.“

Опять зарыли сундукъ; заровняли землю; наложили дернъ; взяли лопаты и возвратились домой.

На другой день, рано поутру, всѣ вмѣстѣ пошли они въ церковь молиться объ отъѣзжающемъ. Весь народъ собрался туда участвовать въ молитвахъ за измѣняющаго имъ юношу. Но провожать его съ берега не пошелъ никто.

Молча шла грустная семья отъ церкви къ мѣсту отплытія. Тамъ въ лодкѣ уже ждалъ ихъ монахъ, который долженъ былъ перевезти Александра.

Тяжело было его прощанье съ матерью; словами этого чувства выразить нельзя. Когда же онъ сталъ прощаться съ отцомъ, то, обнявшись крѣпко, они громко зарыдали оба и долго не могли оторваться. Наконецъ Палеологъ благословилъ его въ послѣдній разъ, и потомъ отвернулся въ сторону, стараясь остановить излишество сердечныхъ движеній.

Но когда онъ подошелъ проститься съ Еленой, на лицѣ его выражалось столько страданія, что бѣдная мать его не могла вынести этого виду и закрыла руками глаза свои.

„Прощай! — сказала ему Елена, — прощай, братъ мой, другъ мой! Можетъ быть, навсегда! Будь счастливъ! Цѣлую жизнь я стану молить Бога объ этомъ. Все, что мнѣ дорого на землѣ, всѣ мои надежды на счастье, увозишь ты съ собою. Теперь моя жизнь, разорванная, блѣдная, будетъ согрѣта только мыслію о тебѣ. Да! для чего мнѣ скрывать долѣе то, что такъ сильно, такъ вѣчно живетъ въ душѣ моей? Можетъ быть, въ послѣдній разъ смотрю я на тебя.... Мой милый! Прими-жъ на разлуку мое первое признанье въ любви, пожизненной и

замогильной! Прими мою клятву, передъ лицомъ Неба, въ вѣчности этого святаго чувства!... Ради Бога, не говори мнѣ ничего!... Я не хочу связать тебя словомъ, которое, можетъ быть, вырветъ у тебя состраданіе! Одну только просьбу, прошу я, исполни, изъ дружбы къ той, кого ты называешь сестрою".

„Ты знаешь этотъ рубинъ на моей золотой цѣпочкѣ? Я съ дѣтства не разставалась съ нимъ. Его нашли въ моей колыбели, когда меня, одну изъ всей семьи, Богъ знаетъ для чего, спасли отъ убійства. Этотъ рубинъ, я это знаю сердцемъ, мнѣ положила подъ подушку моя мать въ день смерти, и положила не безъ молитвы, не безъ желанія.... Можетъ быть, суевѣріе, можетъ быть, обманъ сердца, но я думаю, я чувствую, я увѣрена, что въ немъ есть особенная хранительная сила; возми-жь его! Если сколько-нибудь дорога тебѣ память обо мнѣ, то обѣщай мнѣ, другъ мой, не снимать его съ груди твоей никогда!"

И между тѣмъ, какъ она говорила, слезы ея остановились, грудь сильно волновалась, глаза блестѣли, недавняя блѣдность исчезла, и все лицо загорѣлось яркимъ румянцемъ.

Еще разъ обнялъ Александръ отца и мать. Всѣ вмѣстѣ сошли внизъ со скалы, чтобы проводить его до самой лодки. Онъ сѣлъ; монахъ отчалилъ отъ берега; море заплескалось подъ веслами; лодка плыла все далѣе и далѣе отъ острова. Когда же, наконецъ, она стала едва замѣтною, черною точкою на небосклонѣ, тогда трое оставшіеся бросились въ объятія другъ къ другу и долго плакали.

ГЛАВА II.

Монахъ, который везъ Александра, во всю дорогу не говорилъ ни слова. На другой день лодка ихъ пристала къ одному маленькому острову Архипелага. Тамъ также стоялъ монастырь, но вмѣсто всего населенія жили нѣсколько монаховъ, занимавшихся рыбною ловлею. На всей поверхности земнаго шара это была единственная точка, имѣвшая прямое сообщеніе съ скалою Св. Георгія.

Молчаливый монахъ вышелъ на берегъ вмѣстѣ съ Александромъ, привелъ его къ настоятелю, которому вручилъ какое-то письмо, и отправился назадъ въ своей маленькой лодочкѣ.

Пробывъ нѣсколько дней на новомъ мѣстѣ, Александръ отправился оттуда, уже въ большой и безопасной шлюпкѣ, на другой островъ, потомъ на третій, и, наконецъ, достигъ твердой земли Греціи.

Но, осматривая родину своихъ предковъ, онъ пораженъ былъ тяжелымъ унынiемъ. „Гдѣ же—думалъ онъ,—гдѣ мои народъ, просвѣтитель вселенной, хранитель Православія, образецъ образованности?“ Напрасно искалъ онъ. Вокругъ него были рабы невѣрныхъ. Но плоды рабскаго униженія были гнуснѣе самаго рабства: обманъ, коварство, разбой, измѣна, спѣсь, подлость, алчность въ корысти, невѣжество, предательство, лукавство, душевная грязь и вонь. И эти варвары—были Греки!

Ни для кого, можетъ быть, такое разногласіе низкой дѣйствительности съ зеликимъ именемъ не могло быть такъ ощутительно, какъ для него, новаго юноши, который пришелъ на землю прямо изъ чистаго острова. Не одно настоящее видѣлъ онъ въ странахъ и людяхъ; ему все прошедшее казалось присутственнымъ; въ его книгахъ, въ его мечтаньяхъ, древнее и новое было равно близко, равно живо, сливаясь въ одну нераздѣльную картину міра, въ одну недослушанную сказку о Царѣ земли и его приключенiяхъ.

Однако, не всѣ слѣды прошедшаго изгладились съ лица нѣкогда славной земли. То же небо, тѣ же рѣки, тѣ же горы, кой-гдѣ живыя развалины, и самая почва земли, составленная изъ праха героевъ. Языкъ измѣнился, но звуки родные, близость сына съ отцомъ. Даже въ самомъ народѣ, не смотря на мерзость его униженія, еще сохранились нѣкоторые признаки прежняго достоинства. Часто неожиданно, посреди невѣжества, вспыхивала чистая любовь къ прекрасному; изъ глубины варварства вдругъ блестѣло какое-то врожденное сочувствіе съ высокимъ, а въ трудную минуту неустрашимость и рѣшительность. Нѣтъ! несовсѣмъ еще погибъ народъ; въ немъ живо еще зерно воскресенія: его святая глубокая привязанность къ вѣрѣ. Это чувство, для понимающаго, имѣетъ значеніе богатое: вѣрный залогъ неисчислимыхъ силъ, ожидающихъ пробужденія, силъ неодолимыхъ, только прикрытыхъ цѣпями, зарытыхъ въ невѣжествѣ, забытыхъ равнодушными, посторонними зрителями, безсмысленными клеветниками погибающаго.

Но въ это время въ Греческомъ народѣ особенно замѣтно

было еще новое, необыкновенное напряженіе, ожиданіе чего-то неопредѣленнаго, небывалое нетерпѣніе противъ своихъ повелителей, между собою странное, неусловленное согласіе, мгновенная догадливость безъ объясненія. Часто на площади или на улицѣ, собравшись въ толпу передъ окнами своихъ господъ, они пѣли какія-то новыя пѣсни про запрещенную любовь къ отечеству, про сладость мщенія, про торжество креста, про счастіе независимости, и все это вмѣстѣ съ прямыми, восторженными проклятіями невѣрныхъ. А невѣрные властители ихъ равнодушно слушали музыкальные звуки, не понимая словъ, и безпечно курили табакъ, любуясь согласнымъ пѣньемъ своихъ рабовъ.

Тогда Александръ началъ догадываться, о какомъ *великомъ дѣлѣ* говорилъ старецъ на островѣ.

Но странное устройство человѣческаго сердца! На островѣ Александръ страдалъ желаніемъ отъѣзда; уѣхавъ, онъ мучился мыслію объ островѣ. Какъ будто далекое ближе къ душѣ, чѣмъ близкое; какъ будто мысль сильнѣе привлекается отсутствующимъ, чѣмъ окружающимъ настоящимъ.

Но чувства его къ Еленѣ были еще непонятнѣе. Вмѣстѣ съ нею провелъ онъ всю жизнь отъ самаго дѣтства, и съ перваго дѣтства до послѣдняго часа разлуки онъ любилъ ее одинакою тихою любовью, тѣмъ свѣтлымъ стремленьемъ сердца, которымъ любятъ сестру, друга, прекрасное созданіе Творца. Но въ минуту прощанья, мысль: „можетъ быть навсегда!“ вдругъ раскрыла передъ нимъ незамѣченныя прежде сокровища ея существа. Какъ будто повязка снялась съ его зрѣнія. Тутъ въ первый разъ испыталъ онъ новое чувство; въ первый разъ понялъ, что въ любви прекраснаго созданія есть счастіе невыразимое; что есть другая краска для жизни; что въ согласіи душъ есть существенность теплая, полная для души; что, можетъ быть, вся жизнь на землѣ не стоитъ одной минуты этого согласія; что для *одной* души, для *одного* любящаго созданія, между всѣми милліонами другихъ существъ, есть только *одна* другая душа, *одно* другое созданіе, ему вполнѣ отвѣчающее; что эта единственная — теперь передъ нимъ, теперь подаетъ ему руку и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, и онъ самъ легкомысленною прихотью разрываетъ это прекрасное, теперь близкое, неуловимое послѣ, это таинственное счастье, Самимъ Богомъ для нихъ приготовленное.... Всѣ эти

думы, не раздѣляясь на мысли, но вмѣстѣ, какъ одно чувство, легли ему на сердце тяжело и сладко. И онъ прощался съ Еленой, самъ не понимая для чего. Еще одно мгновенье, онъ готовъ былъ остаться. Но новость чувства смутила его. Безъ мысли продолжалъ онъ начатое. Шелъ къ лодкѣ, какъ будто къ мѣсту казни; голова его кружилась, память замерла, сердце упало, но не меньше того онъ уѣхалъ.

Есть глубокая, еще неизслѣдованная тайна въ нѣкоторыхъ минутахъ человѣческой жизни. Отъ чего, напримѣръ, минута перваго свиданья кладетъ иногда рѣзкое, неизгладимое клеймо на всѣ будущія отношенія двухъ людей? Отъ чего въ минуту смерти человѣкъ видитъ въ протекшей жизни своей то, чего никогда не видалъ въ ней прежде? Отъ чего иногда въ минуту душевной пустоты и разсѣянности, вдругъ, ни откуда, является человѣку желанная мысль, которую прежде онъ долго и напрасно искалъ въ постоянныхъ трудахъ размышленія? Отъ чего въ минуту сильнаго горя, вдругъ иногда мысль отрывается отъ своего предмета, разбѣгаясь, увлекаясь самыми мелочными явленіями, забавляясь игрою свѣта на зелени, шумомъ вѣтра, переливами тѣней, узорами мороза на стеклахъ, стукомъ колесъ по мостовой, жужжаньемъ мухи?

Но минута прощанья особенно богата сердечными откровеньями. Часто не подозрѣваетъ человѣкъ, какія блага хранятся вокругъ него, и съ удивленіемъ узнаетъ объ нихъ только въ тотъ часъ, когда долженъ сказать имъ: *прости!* Сколькихъ чувствъ, сколькихъ понятій, сколькихъ радостей лишился бы онъ, еслибъ не зналъ утратъ, или не боялся ихъ! Можетъ быть, для того въ здѣшнемъ мірѣ все такъ перемѣнчиво, такъ не твердо, такъ неуловимо-минутно, что сердце человѣческое не умѣетъ цѣнить вѣрнаго, наслаждаться неизмѣннымъ и вѣчнымъ, какъ только больной чувствуетъ цѣну здоровья, и, только выздоравливая, наслаждается этимъ чувствомъ, и забываетъ здоровый. Опять законъ *предустановленнаго разногласія души съ жизнію....*

Объѣхавъ всю Грецію (такъ называлъ Александръ Европейскую Турцію, по старой памяти), осмотрѣвъ все замѣчательное на землѣ и на островахъ, онъ особенно старался вникнуть въ жизнь посѣщаемыхъ имъ людей, принять участіе въ ихъ занятіяхъ, оцѣнить причины ихъ дѣятельности, смыслъ и характеръ трудовъ, цѣли ихъ стремленій, и больше всего: понять

то *основное чувство*, которое каждый носитъ въ глубинѣ души, какъ *общее слѣдствіе* его борьбы съ жизнію, какъ *итогъ бытія*. Но здѣсь всѣ ожиданія его были обмануты. Вмѣсто сочувствія съ жизнію людей, въ сердцѣ своемъ нашелъ онъ къ нимъ только чувство сожалѣнія. Поступки ихъ казались ему безпричинными, мысли недодуманными, намѣренія смѣшанными, чувства невѣрными, жизнь изорванною, взаимныя отношенія то жалко безразсудными, то страшно предательскими.

Но не всѣ же люди въ этомъ искаженномъ положеніи (думалъ онъ), и съ этою мыслію отправился въ Константинополь, чтобы тамъ сѣсть на корабль и плыть на Западъ. Но въ Константинополѣ прежде всего пошелъ онъ къ патріарху получить отъ него благословеніе.

Къ удивленію Александра, патріархъ уже былъ предувѣдомленъ объ немъ. Впрочемъ, Александръ не меньше удивленъ былъ и его необыкновенною простотою обращенія, посреди всеобщей напыщенности Грековъ. Онъ принялъ его въ особой комнатѣ, съ большимъ участіемъ разспрашивалъ объ островѣ, говорилъ о Греціи, о Европѣ, далъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, и между прочимъ сказалъ: „По несчастію, твоя правда, сынъ мой! Человѣкъ искаженъ въ нашемъ бѣдномъ отечествѣ; но въ просвѣщенныхъ земляхъ онъ не лучше. Такихъ людей, такой жизни, какъ у васъ на островѣ, не найти нигдѣ! Впрочемъ, посмотри самъ; опытъ убѣдительнѣе. Да! и въ другомъ замѣчаніи ты не ошибся: только, кажется, въ народѣ нашемъ готовится что-то новое, есть какое-то броженіе, которое предвѣщаетъ перемѣну... Но я не знаю, радоваться ли этому, или бояться? Если что будетъ, то будетъ не безъ крови; а кто знаетъ, на пользу ли? Прежде всѣхъ наружныхъ перемѣнъ, я желалъ бы видѣть перемѣну внутреннюю, которая возможна при всѣхъ обстоятельствахъ и, можетъ быть, даже и легче при тяжелыхъ. Но, авось, Богъ не оставитъ Своего народа, который и безъ того много, много страдалъ! Видишь ли: вся бѣда отъ того, что просвѣщеніе теперешнее выросло подъ вліяніемъ ереси. Отъ того заронилась въ него ложь, а ложь привела къ невѣрію. Что-жь вышло? Истина и умъ стали врагами. Чего тутъ ждать? Но самъ увидишь! Ахъ! не то бы было, если бы нашу православную Грецію не задавили невѣрные! Все воля Божія: Онъ знаетъ лучше, куда и какъ вести человѣка и человѣчество! Наше дѣло только молиться, чтобы Онъ смягчилъ пра-

ведный гнѣвъ Свой и помиловалъ Свой бѣдный народъ. Впрочемъ, мы страдаемъ, мы убиты; но святое дѣло, но святая Церковь—она жива и будетъ жить. Не одни мы православные: подлѣ насъ есть братья наши, которые составляютъ великое государство, богатое надеждами. Прежде и они задавлены были невѣрными; но теперь проснулись, отдохнули, и для человѣчества готовится у нихъ новая судьба. Правда, и къ нимъ уже нашли дорогу ослѣпленіе, ереси и заблужденія невѣрія, и у нихъ уже святая правда и умное просвѣщеніе начинаютъ приходить въ разногласіе; но Провидѣніе не обманетъ: придетъ время, Оно пошлетъ имъ людей, которые поймутъ истину, и тогда все перемѣнится. Тогда, можетъ быть, и намъ можно будетъ надѣяться воскреснуть для жизни.... Если же у насъ случится что-нибудь прежде.... тогда я прошу Бога объ одномъ: чтобъ далъ мнѣ умереть, исполняя долгъ мой, и умереть съ надеждою, не видавъ обмана и новой гибели моего народа!“

„Впрочемъ, это еще не скоро. Покуда прощай! Да благословитъ тебя Богъ. Мы не забудемъ тебя въ молитвахъ нашихъ, а ты вспомни иногда обо мнѣ. Вотъ тебѣ паспортъ: онъ будетъ тебѣ нуженъ; я нарочно приготовилъ его для тебя прежде. Вотъ еще письма отъ многихъ здѣшнихъ фанаріотовъ и банкировъ ко многимъ важнымъ лицамъ въ Европѣ. Они тебѣ пригодятся. Чѣмъ скорѣе ты узнаешь, что тебѣ любопытно знать, тѣмъ скорѣе излѣчишься отъ любопытства. Оставайся здѣсь какъ можно меньше; долго жить здѣсь тебѣ не безопасно: лучше сядь-ка на первый корабль—и съ Богомъ! Когда же воротишься на родину, — а ты вѣрно воротишься, — можетъ быть, меня уже не будетъ на свѣтѣ; ты не забудь, однако, что былъ старикъ, который предсказывалъ тебѣ разувѣреніе въ мысляхъ и возвращеніе назадъ, и который отпустилъ тебя съ благословеніями и съ любовью.“

Но сѣсть на корабль въ эту минуту было не совсѣмъ легко. Случилось такъ, что кораблей въ Константинополѣ стояло не много, а попутчиковъ явилось вдругъ такое множество, что некуда было помѣстить ихъ. Это необыкновенное стремленіе въ Европу произведено было перемѣною политическихъ обстоятельствъ на Западѣ. Съ трудомъ и за дорогую цѣну могъ Александръ отыскать себѣ мѣсто на одномъ купеческомъ кораблѣ, который хотя шелъ въ Италію, однако на пути своемъ долженъ былъ сдѣлать еще многія уклоненія.

На кораблѣ было много народу всякихъ націй и сословій. Были Турки, Греки, Итальянцы, Нѣмцы, Французы и Поляки Были также и женщины — между прочимъ, двѣ дамы, принадлежавшія къ одному изъ Европейскихъ посольствъ въ Константинополѣ. Онѣ возвращались въ свое отечество, соскучивъ жизнію на Востокѣ: одна была баронесса *Вес*...., другая ея племянница, графиня *Эльм*.... Одна молодая, прекрасная; обѣ знатнаго рода и сильныхъ связей. Онѣ скоро замѣтили Александра. Его молодость, его прекрасная наружность, живой умъ, непринужденный разговоръ, явная неопытность жизни и чистота воображенія понравились имъ. Но его рѣдкія познанія, пріобрѣтенныя посредствомъ уединенія, книгъ и страсти, заставляли предполагать въ немъ необыкновенное, тщательное воспитаніе и, слѣдовательно, обнаруживали еще и знатность происхожденія, и богатство, и всѣ тѣ преимущества, которыя образованный міръ привыкъ почитать высшими достоинствами, называя ихъ пустою случайностью.

Обѣ дамы показывали ему живое участіе, и скоро онъ сдѣлался почти неразлучнымъ ихъ собесѣдникомъ на кораблѣ. Онѣ разсказывали ему о чудесахъ своего отечества, о жизни образованныхъ народовъ, о удовольствіяхъ избраннаго общества, о блескѣ баловъ, о волшебствѣ театра, о свободѣ и достоинствѣ, о законахъ чести, о правилахъ поединка, о преимуществахъ красоты и пола женщинъ, о слабостяхъ нѣкоторыхъ, о замѣчательныхъ происшествіяхъ, о нѣкоторыхъ смѣшныхъ и странныхъ приключеніяхъ, о Римѣ, о вѣрѣ, о своей значительности при Дворѣ, о своемъ знаменитомъ родствѣ, богатыхъ владѣніяхъ и загородномъ замкѣ, и великомъ Наполеонѣ, о кофеѣ съ сахаромъ и молокомъ — однимъ словомъ, обо всемъ, что, по ихъ мнѣнію, должно было ему казаться новымъ и любопытнымъ, или могло дать ему высокое мнѣніе объ нихъ. Онъ слушалъ, спрашивалъ, дѣлалъ свои замѣчанія,—и время проходило непримѣтно.

Путешествіе ихъ продолжалось довольно долго: корабль, для нѣкоторыхъ торговыхъ оборотовъ, долженъ былъ приставать къ островамъ, гдѣ оставался по нѣскольку дней; а къ тому же и противный вѣтеръ дѣлалъ плаваніе весьма медленнымъ.

Графиня обладала такого рода красотою, которую обыкновенно называютъ величественною, но которую скорѣе можно на-

звать чувственною красотою. Высокій ростъ, полнота и стройность, голубые глаза, полузакрытые черными рѣсницами, маленькое лицо, выраженіе котораго безпрестанно измѣнялось, маленькій ротикъ, носъ, немножко поднятый къ верху съ видомъ беззаботности и легкомыслія, въ движеніяхъ гордое выраженіе достоинства, вмѣстѣ съ какою-то роскошною мягкостью, голосъ чистый и бархатный, во всемъ существѣ сліяніе нѣжности и силы, величія и слабости. Однимъ словомъ, графиня принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ можно и любить и ненавидѣть, которыхъ одно присутствіе дѣйствуетъ электрически даже на равнодушныхъ, о которыхъ воспоминаніе хранится въ отдѣльномъ ряду воображенія, и которыхъ ласки, какъ говорилъ *N*..., могутъ задушить живаго и одушевить мертваго.

Знакомство ея съ Александромъ становилось всякій день ближе и дружественнѣе. Но многіе изъ ихъ сопутниковъ на кораблѣ, замѣчая ея короткое обращеніе съ счастливымъ юношей, уже начинали предполагать между ними гораздо болѣе согласія, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ.

Однажды корабль присталъ къ одному изъ острововъ Архипелага. Попутчики разошлись по городу. Александръ остановился въ загородной гостиницѣ, которой нижній этажъ заняли двѣ дамы. Весь день провели они вмѣстѣ, гуляя по прилежащему саду. Когда они возвратились домой, уже взошла луна. Они сѣли на балконѣ. Разговоръ становился безпрестанно живѣе и откровеннѣе. Они были одни. Вокругъ тѣнистыя деревья едва шевелили листьями.

„Вы не можете понять,—говорила графиня Александру,—какія тяжелыя минуты переноситъ иногда сердце женщины, скованной свѣтскими приличіями. Съ самаго дѣтства она невольница чужаго разсчета. Ей не позволено вздохнуть отъ сердца; слово отъ души ставятъ ей въ преступленіе. Вмѣсто всего счастія, которымъ наслаждаться могутъ, хоть не умѣютъ, женщины низшаго круга, мы должны ограничиться одною выгодою: казаться счастливыми, внушать зависть къ тѣмъ благамъ, которыми мы не наслаждаемся! Не успѣвши оглянуться въ жизни, должны мы на вѣки подчинить судьбу свою человѣку постороннему, который часто и остается навсегда постороннимъ для сердца. Намъ говорятъ: богатство! знатность! мѣсто въ обществѣ! прежде чѣмъ мы понимаемъ — ка-

кой смыслъ подъ этими звуками. Насъ ловятъ на блескъ, какъ эту ночную бабочку можно поймать на свѣчку. А послѣ, вмѣстѣ съ желѣзнымъ приличіемъ, является долгъ, честь и другія слова, неопровергаемыя, убійственныя сердцу, которое для жизни“...

„Бѣдная графиня! Мнѣ жаль васъ отъ всей души!“

„Александръ! Я вижу въ глазахъ вашихъ непритворное участіе; благодарю васъ! Это благо рѣдкое и безцѣнное! Не могу сказать вамъ, какъ утѣшительно для меня встрѣтить прямое и чистое чувство!“

„О! вы можете быть въ немъ увѣрены, графиня. Ваша дружба для меня дѣло священное...“

„Дружба... Александръ! дайте мнѣ руку вашу... да, я принимаю вашу дружбу... Чистая, прекрасная душа! Еще не испорченная жизнью, еще не замаранная разсчетомъ, не искаженная притворствомъ! Какая пустыня, какая неприступная крѣпость сберегла это сокровище отъ заразы людей? Александръ!.. Сядьте сюда... я хочу видѣть насквозь эту прекрасную душу въ вашихъ глазахъ... еще ближе ко мнѣ... Александръ... скажите мнѣ... любили вы когда-нибудь?

„Графиня, — отвѣчалъ Александръ дрожащимъ голосомъ, самъ не понимая причины внутренняго волненія,—то, что у васъ называется любовью, то, что пишутъ въ вашихъ книгахъ... кажется, для меня чувство незнакомое. Но если глубокая сердечная преданность одному существу есть любовь, да! я ее знаю. Но для чего этотъ вопросъ? Онъ разбудилъ въ душѣ моей тяжелое чувство... Графиня! говорите мнѣ о себѣ! Мнѣ лучше слушать васъ, чѣмъ отвѣчать вамъ“.

Она продолжала спрашивать; Александръ принужденъ былъ разсказать свою исторію, разумѣется, не упоминая ни объ островѣ, ни объ чемъ, что могло дать о немъ подозрѣніе. Но съ чувствомъ и съ жаромъ разсказалъ онъ: какъ въ его семьѣ воспитывалась дѣвушка красоты невыразимой, какъ онъ оставилъ семью, снѣдаемый страстью любопытства, какъ, разъ уѣхавъ, онъ понялъ въ себѣ то чувство, котораго не замѣчалъ прежде, какъ съ тѣхъ поръ страдаетъ онъ мыслью объ отцѣ, объ матери и еще больше о бѣдной Еленѣ, и какъ, наконецъ, съ самаго дня отъѣзда, онъ всякую ночь видитъ ее во снѣ,— „и такъ живо, такъ ясно“, — говорилъ онъ, — „какъ будто въ самомъ дѣлѣ душа моя переносится къ ней. Мысль, что это

не сонъ, а видѣніе, служитъ мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ. И сказать ли вамъ, графиня? Я думаю даже, что эти постоянные сны рождаются во мнѣ не изъ души моей, но даются мнѣ извнѣ, наводятся на меня силою талисмана, который я ношу на груди. Да, графиня! я пробовалъ снимать его, и сны мои объ Еленѣ оставляли меня вмѣстѣ съ нимъ. Надѣну опять, и опять тѣ же ясные сны....“—

Тутъ показалъ онъ графинѣ рубинъ, который Елена дала ему на прощанье. А между тѣмъ, графиня уже выручила руку свою изъ его руки, уже лицо ея приняло прежнее выраженіе достоинства, голова поднялась съ видомъ холодной гордости, въ глазахъ ея осталось что-то живое, неуспокоенное; но съ улыбкою снисхожденія она взяла рубинъ, посмотрѣла его разсѣянно и, отдавая назадъ, сказала Александру: — „Да, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ силу талисмана. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ ваша привязанность къ роднымъ очень похвальна... Это дѣлаетъ вамъ много чести... Однако, роса; становится холодно; пойдемте къ тетушкѣ.“

„Красивая куколка!—думала она, входя въ гостиную — и душа безъ вкуса, безъ смысла, не смотря на свой начитанный умъ, на свою безтолковую живость. И я могла хоть на минуту считать его *чѣмъ-то*! Вотъ до какого безумія доводитъ женщину сила несчастія, тоска пустоты душевной! Послѣ того обвиняйте ее, когда она встрѣтитъ человѣка въ самомъ дѣлѣ достойнаго! Дайте ей камень зарека, убейте ее безъ ея власти, вы, женщины добродѣтельныя! Въ самомъ дѣлѣ: завидное дѣло—ваша добродѣтель!“

Вслѣдствіе этого разговора, отношенія графини къ Александру, повидимому, остались тѣ же, но въ сущности измѣнились во всемъ. Она по прежнему продолжала показывать ему свое участіе дружбы, но уже *его* участія не искала. Та же короткость осталась между ними, но въ этой короткости явилось такъ ясно выраженіе неравенства, такъ холодно обозначилось ея превосходство и добродушное снисхожденіе къ нему, что при концѣ путешествія, товарищи ихъ плаванія уже отказались отъ своихъ насмѣшливыхъ предположеній и тѣмъ охотнѣе сознали свою ошибку, что прекрасная графиня совершенно очаровала ихъ своею свѣтскою любезностью, умною внимательностію ко всѣмъ.

Въ Тріестѣ Александръ простился съ графинею. Дамы отправились въ Вѣну, онъ въ Италію.

Вѣну тогда ожидало зрѣлище, какого еще не представлялъ ни одинъ городъ на свѣтѣ отъ самаго сотворенія міра. Готовился конгрессъ. Рѣшалась судьба всего просвѣщеннаго міра, въ блестящемъ, торжественномъ собраніи всѣхъ властителей міра.

Давно прежде, въ древнемъ Римѣ также рѣшалась судьба вселенной. Но чего не было ни въ Римѣ, ни гдѣ когда-либо, это было чувство, съ которымъ міръ ожидалъ рѣшенія судьбы своей.

Теперь, новыя событія заслонили въ нашей памяти это недавно прошедшее время. Но кто захочетъ воскресить его въ умѣ своемъ, конечно, сознается, что не было надеждъ столь заоблачныхъ, не было такихъ невозможныхъ мечтаній о благѣ людей и человѣчества, которыя бы не казались возможными для народовъ, видѣвшихъ паденіе угнетавшаго ихъ Наполеона.

Вѣчный миръ, совершенное согласіе, повсемѣстная справедливость, безмятежное благополучіе, — все это принадлежало къ числу самыхъ умѣренныхъ, самыхъ благоразумныхъ ожиданій.

Исполинъ палъ. Ошибка сдѣлана. Въ великодушномъ самоубійствѣ сгорѣла древняя столица; его дружина погибла въ снѣгахъ Сѣвера; его царскій вѣнецъ на главѣ другаго; его барабаны замолкли; его могущество въ разсказѣ школьныхъ учителей!

Но не вся судьба еще совершилась: еще впереди таится голый, горячій островъ на океанѣ; но уже онъ близко. Тамъ—пытка неволи, каторга мелочныхъ оскорбленій, потомъ смерть, потомъ—слава!

Но въ то время, когда онъ палъ, кажется, и слава его слетѣла на минуту съ освобожденной земли; ибо тогда не только друзья его забыли объ немъ, но и враги его почти забыли.—

Готовится конгрессъ. Со всѣхъ сторонъ сбиралось въ Вѣну безчисленное множество королей, принцевъ, герцоговъ, эрцгерцоговъ, владѣтельныхъ князей, великихъ полководцевъ, глубокихъ дипломатовъ, знаменитыхъ красавицъ, славныхъ ученыхъ, огромныхъ богачей, всего, что есть замѣчательнаго въ

образованномъ мірѣ. Но тотъ, кто былъ душею всего движенія, кто поднялъ угнетенный міръ, кто велъ царей и народы, на комъ особенно покоились всѣ надежды и ожиданія, на чью молодую и прекрасную голову, увѣнчанную небывалымъ вѣнцомъ всемірной любви, восторговъ, устремлены были взоры всѣхъ царей и народовъ,—Русскій Императоръ былъ еще въ Парижѣ.

Но его ждали—и огромныя, почти баснословныя приготовленія праздниковъ, парадовъ и всякаго рода удовольствій и пышностей готовились къ его пріѣзду.

Правда, не время было тогда путешествовать по Италіи. Она была въ странномъ положеніи: ни война, ни миръ, но все безпокойство войны, все бездѣйствіе мира.

Однакожъ Венеція сильно зажгла воображеніе Александра. Хотя пѣсни на ея гондолахъ уже начинали умолкать, хотя Наполеонъ вывезъ изъ нея много сокровищъ искусства; но осталось еще довольно.

Проѣзжая по темнымъ улицамъ города, Александру казалось, что онъ живетъ въ сказкѣ, которой чудная таинственная завязка разрѣшается въ свѣтломъ музыкальномъ аккордѣ.

Въ одной гостиницѣ съ Александромъ сталъ еще другой путешественникъ: это былъ молодой Нѣмецкій поэтъ и живописецъ, Леонардъ фонъ-Фуксъ, изъ Дрездена, который, окончивъ свой академическій курсъ въ Германіи, рѣшился, для довершенія своего художественнаго образованія, объѣхать Италію—zu fuss (пѣшкомъ). Его блѣдное лицо, свѣтлые волосы, длинно разсыпанные по плечамъ, задумчивый взглядъ, и по временамъ быстрое оживленіе лица, обнаруживали юношу мечтательнаго, напитаннаго философіей, преданнаго искусствамъ, влюбленнаго въ классическую древность. Эта послѣдняя черта скоро сблизила его съ Александромъ. Потомъ—молодость, идеальное стремленіе обоихъ и случайное созвучіе душъ, тѣсно сдружили ихъ въ короткое время, такъ что они рѣшились не разставаться во все время путешествія.

Много узналъ новаго Александръ отъ своего молодаго товарища, но особенно драгоцѣнны ему были его замѣчанія о картинахъ. Онъ не только объяснилъ Палеологу отличія различныхъ школъ и особенности почерковъ кисти извѣстныхъ мастеровъ; но, что всего важнѣе, научилъ цѣнить достоинство *художественной красоты*, которая составляетъ половину *красоты изящной*.

Однажды, въ Римѣ, осматривая уже въ десятый разъ сокровища Ватикана и отдыхая отъ впечатлѣній дня въ уединенной прогулкѣ за городомъ, Александръ сказалъ своему другу:

„Когда я сравниваю себя прежде путешествія въ Италію и теперь, я вижу, что новый міръ создался въ душѣ моей изъ чудныхъ вліяній искусства, разсыпаннаго здѣсь. Но странно: отъ чего я не могъ предчувствовать его прежде?“

„Отъ того,—отвѣчалъ Леонардъ,—что этотъ міръ живой.“

„Но развѣ наука, чувство, страсть, красота не живутъ также? — возразилъ Палеологъ. — Однако, все это можетъ понять человѣкъ безъ опыта, одною силою размышленія. Изящество, кажется, ближе всего къ уединенію: оно все отвлеченное созданіе воображенія; отъ чего же не можемъ мы воображеніемъ *догадаться* о мірѣ изящнаго?“

„Ты ошибаешься,—сказалъ Леонардъ,—и не одинъ ты. Многіе смѣшиваютъ изящное въ искусствахъ съ красотою въ природѣ, или съ выдумкою воображенія; но это не справедливо. Кромѣ красоты, кромѣ первой мысли, основнаго чувства въ художникѣ, для изящнаго произведенія нужна еще *удача выраженія*. И этого мало: еще нужно *постепенное развитіе* этихъ удачъ, длинный рядъ опытовъ, цѣлая исторія откровенія, концертъ несозданныхъ согласій, найденныхъ между выраженіемъ и невыразимымъ. Отъ того изящное понятно только въ совокупности двухъ созданій. Но если будетъ человѣкъ одаренъ всѣми способностями отъ природы, и если ему показать одну, только одну картину, хотя бы это было лучшее произведеніе Рафаэля, или Леонардо де-Винчи, то онъ не пойметъ красоты этой картины; я думаю даже, онъ тѣмъ меньше пойметъ ее, чѣмъ она будетъ совершеннѣе.“

„Это правда“ сказалъ Палеологъ.

„Въ мірѣ изящнаго, есть неожиданность вдохновенная,—продолжалъ Леонардъ,—есть какая-то игра случайностей, которая составляетъ одну изъ его прелестей. Ты замѣтилъ, что счастливая случайность есть вообще одна изъ стихій красоты? То, что правильно выдумывается умомъ, всегда холодно; что случайно и неожиданно прибавитъ къ выдумкѣ минута, то тепло и живо.“

„Не это ли сочувствіе души съ неожиданными случайностями минуты составляетъ то, что называютъ геніальностію?“—спросилъ Палеологъ.

„Это то, что справедливо называется *даромъ* или *талантомъ*; но для *геніальности* этого еще мало. Если бы мнѣ пришлось дѣлать опредѣленіе геніальности, я бы назвалъ ее ясновидѣніемъ невыразимаго. Посмотри Рафаэля: многіе не хуже его выразили видимое; но кто яснѣе обозначилъ невыразимое, и кто выше его? Впрочемъ, вообще искусство не выражаетъ ничего, а только обозначаетъ, намекаетъ на что-то. И напрасно изящное произведеніе называютъ *воплощеніемъ* мысли, какъ теперь мода выражаться. Оно только тѣнь ея, ея *второй* отблескъ. Оно такъ мало *воплощеніе*, мысль такъ мало *живетъ* въ этихъ *тѣняхъ*, что ты можешь цѣлую жизнь смотрѣть на картину и не видать ея основной мысли, можешь цѣлый вѣкъ слушать одну музыку и не понять ея значенія, покуда не оглянешься назадъ, въ глубину души, откуда эта тѣнь упала на холстъ или струны.“

„ Я не понимаю тебя, — сказалъ Палеологъ: — развѣ наше тѣло не такая же тѣнь души? А между тѣмъ душу въ тѣлѣ мы называемъ воплощенною.“

„Для насъ, при нашемъ образѣ мыслей, это выраженіе истинно. Но ты не забудь, любезный другъ, что наши теоретики не такъ думаютъ.“

Въ продолженіе этого разговора друзья возвратились домой. Леонардъ, желая еще больше объяснить свои мысли объ искусствѣ, досталъ свой портфель, въ которомъ хранилось богатое собраніе его рисунковъ вмѣстѣ съ маленькими, мелко исписанными листочками, на которыхъ хранились его стихи и разныя мысли и минутныя замѣчанья.

„Да!—продолжалъ онъ говорить, перебирая страницы своего портфеля:—удивительно, какъ въ наше умное и многостороннее время говорится столько несправедливаго и односторонняго объ изящномъ“...

„Постой, Леонардъ! — прервалъ его Палеологъ: — чей это портретъ?“

„Это? Это портретъ одной знакомой мнѣ дамы; ты не знаешь ее.“

„Почему-жъ ты думаешь, что я ее не знаю? Мнѣ кажется, это графиня Эльм..., съ которой я ѣхалъ изъ Константинополя до Тріеста.“

„Да, это графиня Эльм....“

„Леонардъ, по какому случаю у тебя портретъ ея?“

„О, эту исторію я разскажу тебѣ когда-нибудь... со всѣми подробностями... вотъ: нашелъ! *Философскій выводъ женщины*, слушай!“

„Нѣтъ, Леонардъ, я не хочу теперь слушать твоихъ разсужденій; оставимъ это до другаго времени. Теперь разскажи мнѣ, какъ ты знаешь графиню Эльм...“

„Изволь, если это тебѣ любопытнѣе. Впрочемъ, исторія эта не длинная. Надобно только по порядку... Вотъ какъ это было.

„Съ тѣхъ поръ прошло четыре года, — нѣтъ, больше! теперь ужъ пять лѣтъ. Какъ время идетъ! Я учился тогда въ Іенѣ...

„Недалеко отъ Іены лежитъ одно изъ имѣній графини Эльм..., куда она пріѣзжаетъ иногда на лѣто, вмѣстѣ съ теткою своею, баронессою Вес...

„Надобно сказать, что въ университететѣ, между прочимъ, я былъ дружент съ однимъ студентомъ, котораго звали Фридрихъ Вульфъ. Его отецъ пасторомъ въ Р...; это маленькій городокъ въ Виртенбергѣ.

„Фридрихъ Вульфъ имѣлъ одно качество въ высочайшей степени: онъ былъ музыкантъ, какихъ мало, какіе родятся вѣками. Только, по несчастію, онъ былъ еще и поэтъ. Вмѣсто того, чтобы совсѣмъ предаться одному искусству, Вульфъ старался соединить ихъ оба: онъ бросилъ свою скрипку и пристрастился къ гитарѣ, чтобы на ней съ утра до вечера наигрывать темы для своихъ стиховъ. Впрочемъ, надобно признаться, что онъ скоро достигъ на гитарѣ до такого совершенства, какое трудно вообразить, не слыхавши его. Изъ своихъ семи струнъ умѣлъ онъ извлекать такіе звуки, которыхъ нельзя было и подозрѣвать въ этомъ бѣдномъ инструментѣ. Я до сихъ поръ не понимаю, откуда онъ бралъ эту сладость, эту силу, эту необыкновенную *пѣвучесть* своей игры. Съ гитарою онъ пѣлъ свои стихи. Его голосъ былъ звучный и выразительный. Поэтому ты поймешь, что, не смотря на посредственность стиховъ, мы часто слушали ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

„Вульфъ былъ весь въ музыкѣ и въ своихъ стихахъ. Его свѣдѣнія въ наукахъ были довольно посредственныя; на лекціи ходилъ онъ лѣниво; впрочемъ, неохотно также раздѣлялъ и забавы товарищей. Почти всегда задумчивый, съ гитарой, онъ

наигралъ и надумалъ себѣ какой-то особенный міръ изъ мечтательныхъ звуковъ, изъ блестящихъ словъ, изъ мудреныхъ выдумокъ,—и жилъ себѣ въ этомъ мірѣ одинъ.

„Меня любилъ онъ; охотно разсказывалъ мнѣ свои мечты, игралъ свои фантазіи и пѣлъ стихи. Признаюсь, что въ этихъ довѣренностяхъ, не смотря на многое сумасбродное, я находилъ много поэтическаго.

„Его внутренняя жизнь была не столько собраніемъ чувствъ, сколько догадокъ сердечныхъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ несчастливъ; изъ большой семьи одинъ сынъ нелюбимый — рано пріобрѣлъ онъ убѣжденіе, что жизнь настоящая не въ обстоятельствахъ, а въ мысляхъ, и что отъ горя жизни можно укрыться въ музыкѣ и поэзіи. Съ этою цѣлью началъ онъ строить себѣ *храмъ убѣжища*, какъ онъ выражался. Въ этомъ храмѣ должно было соединиться все, что питаетъ и грѣетъ душу, чего ищутъ, желаютъ, куда идутъ надежды; все, что служитъ концомъ сердечныхъ стремленій. И что бы ни касалось его воображенія, тотчасъ же одѣвалось въ мимику и переходило въ слово. Онъ вѣрилъ, что для всего на свѣтѣ есть особенный переливъ звуковъ, и что есть какое-то *слово*, вѣнецъ и основаніе всякаго мышленія, ключь ко всѣмъ тайнамъ, цѣль всѣхъ воздыханій человѣчества; что это *слово* незамѣтно для людей, потому что хранится высоко въ сердцѣ, выше, дальше внутренняго зрѣнія; что тамъ лежитъ оно несгараемо, въ вѣчномъ огнѣ изъ самыхъ пламенныхъ чувствъ, изъ горячихъ думъ и раскаленныхъ образовъ воображенія человѣка; что къ нему ведетъ воздушная лѣстница, составленная изъ сильныхъ думъ, изъ страстныхъ звуковъ и сердечныхъ вдохновеній; что по ступенямъ этой лѣстницы скользятъ и восходятъ незримые духи, легкія тѣни, которыя помогаютъ душѣ; что все прекрасное на землѣ есть только блѣдный отблескъ одного живаго слова, горящаго на высотѣ сердечной. Однако, смотря на прекрасное земное, можно, какъ бы смотря въ зеркало, догадываться: откуда свѣтъ и гдѣ къ нему дорога. Но горе тому,—говорилъ онъ,—кто приметъ зеркало за правду, если кто усомнится въ правдѣ, обманувшись въ зеркалѣ!“

„У меня въ альбомѣ есть портретъ Фридриха, посмотри его: этотъ листокъ я считаю однимъ изъ лучшихъ моего портфеля.“

Тутъ Леонардъ досталъ картину, на которой изображенъ

былъ Нѣмецкій студентъ съ распущенными волосами, которыми игралъ вѣтеръ, безъ галстуха и съ гитарою въ рукахъ. Онъ сидитъ подъ деревомъ; вокругъ него разбросана свѣтлая роща, которой вѣтви гнутся въ одну сторону, и нѣсколько цвѣтущихъ кустарниковъ, тоже смятыхъ находящею бурею. Часть неба покрыта облаками, тучи несутся грядою, но лучи солнца еще ярко озаряютъ одну половину картины. Другая уже темна. Гроза начинается; но видно, что день былъ прекрасный. Вдали подымается радуга.

Все это замѣтно было съ перваго взгляда на Леонардовой картинѣ. Но когда Палеологъ сталъ вглядываться въ нее подробнѣе, она вдругъ приняла новый видъ. Каждая часть въ ней оживилась особенно, каждая черта кисти выражала какой-нибудь фантастическій предметъ. Облака были собраніемъ безчисленныхъ лицъ и тѣней: то крылатая женщина летитъ съ распущенными волосами; то чудное зданіе распадается на части, но изъ обломковъ его образуются очерки новыхъ существъ; то горы, сотканныя изъ разнообразныхъ фигуръ; исполины, змѣи, страшныя чудовища и прекрасныя дѣвы, все вмѣстѣ, одинъ призракъ сливается съ другимъ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одну густую, бурную тучу.

Но не одно небо, не одни облака, также и деревья были оживлены. Каждая вѣтка, согнутая вѣтромъ, рисовала очеркъ тѣней, фигуръ; каждый промежутокъ въ листьяхъ обрисовывалъ лицо или чудовище; даже цвѣты на кустарникахъ, склоняясь къ землѣ, обозначали какой-нибудь призракъ.

Но въ одномъ мѣстѣ, гдѣ солнечный лучъ сквозь отверстіе вѣтвей ярко падалъ на свѣжую зелень, пересѣкая дугу далекой радуги и образуя собою прозрачный столбъ свѣтлой пыли, тамъ, чуть замѣтно внимательному взору, подымалась въ глубинѣ свѣта воздушная лѣстница, усѣянная крылатыми тѣнями.

Между тѣмъ, какъ Палеологъ разсматривалъ картину, Леонардъ продолжалъ свой разсказъ...

1838 г.

Мицкевичу.

(1828).

Въ знакъ памяти, предъ нашимъ разставаньемъ,
Тебѣ подносимъ не простой стаканъ:
Онъ зачарованъ дружбы колдованьемъ,
На днѣ его положенъ талисманъ.

И если ты, среди пировъ веселья
Забывшися, вино въ него нальешь,
Не жди тогда въ немъ шумнаго похмѣлья,—
Грусть тихую о прежнемъ въ немъ найдешь.

Тогда живая сила талисмана
Живыя крылья дастъ твоей мечтѣ,
И знай—мечту твою обнимутъ тѣ,
Чьи имена прочтешь вокругъ стакана.

И извѣститъ ихъ о твоей тоскѣ
Печальное ихъ сердца содроганье,
И будутъ на твое воспоминанье
Согласной думой вторить вдалекѣ.

Но если ночью, посреди молчанья,
Вдругъ, безъ причины, стукнетъ твой стаканъ,
Знай—это голосъ нашего мечтанья:
Его тебѣ примчалъ твой талисманъ.

Не вѣкъ же будетъ спутникъ твой страданье;
Быть можетъ, сердце радость оживитъ
Въ чужбинѣ; но когда воспоминанье
Тебѣ минуту счастья отравитъ,

И ты искать захочешь утѣшенья
Отъ грустныхъ думъ прошедшаго въ винѣ,
Не тронь нашъ кубокъ! Онъ не дастъ забвенья:
Въ немъ талисманъ лежитъ на свѣтломъ днѣ.

Хоръ изъ трагедіи Андромаха.

(1831).

Были дни: великъ и пышенъ
Ты стоялъ, Пріамовъ домъ,
Дланью Зевсовой возвышенъ,
Полный златомъ и сребромъ.
Былъ врагамъ далеко страшенъ,
Гордый силою своей,
Высотою стѣнъ и башенъ,
Быстротечностью коней.
Всѣми благами украшенъ,
Ты лелѣялъ съ давнихъ дней:
Непорочность дѣвъ стыдливыхъ,
Прелесть женъ благочестивыхъ,
Дерзость юношей кичливыхъ,
Веледушіе мужей.

Но Паридовой измѣнои
Прогнѣвился Кроніонъ;
Гибель, слѣдомъ за Еленой,
Входитъ въ свѣтлый Иліонъ.
Ополчаются Атриды
Сокрушить Пріама тронъ—
Златовласой Тиндариды
Выдать имъ не хочетъ онъ!—
Вотъ судами вкругъ Авлиды
Синій Понтъ загромождёнъ
И, по манію Паллады,
Отъ разгнѣванной Геллады
Броненосныя громады
Понеслись на Иліонъ.

Но вотще неутомимо
Грековъ ратуютъ вожди,
Предъ врагомъ за край родимой
Гекторъ всюду впереди.
Отъ руки неодолимой
Тьмы Ахейцевъ въ прахъ легли:
Но судьбѣ неумолимой
Боги Трою обрекли!
Гекторъ палъ за край родимой....
Зашумѣли корабли,
Стихли яростные бои,
И Ахейскіе герои
Отъ развалинъ бывшей Трои
Въ путь возвратный протекли.

ПИСЬМА И. В. КИРѢЕВСКАГО.

1.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

4 Іюля 1828. Москва.

Письмо твое доставило мнѣ такое же наслажденіе, какое получаетъ скупой, когда пересматриваетъ свои сокровища, и, хотя никогда не сомнѣвался въ ихъ цѣлости, но, несмотря на то, все-таки чувствуетъ неизъяснимое удовольствіе пересчитывать ихъ безпрестанно и снова убѣждаться въ ихъ невредимости. Тѣ не знаютъ тайнъ дружества, которые говорятъ будто оно чуждается словъ, и конечно они не испытали прелести дружескихъ увѣреній, простыхъ, но крѣпкихъ, какъ рукожатіе. Когда время очиститъ наши чувства, и воспоминаніе отдѣлитъ радость отъ горя, восторгъ отъ скуки, поэзію отъ прозы,—тогда слова дружбы соберутся въ одномъ углу сердечной памяти вмѣстѣ съ лучшими событіями жизни.

Болѣзнь твоя меня не безпокоитъ, но ты, какъ кажется, считаешь ее чѣмъ то важнымъ, и напрасно: вся непріятность крапивной лихорадки ограничивается скукою чесанья, и то не больше трехъ или четырехъ дней, послѣ которыхъ она проходитъ безо всякихъ послѣдствій, кромѣ большаго здоровья.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы во время твоей поѣздки въ Рязань ты ограничилъ бы свои занятія однимъ мышленіемъ, т. е. не стараясь прибавить къ понятіямъ новыхъ свѣдѣній изъ новыхъ книгъ, уже полученныхъ прежде, перегонялъ бы черезъ кубикъ передумыванья, и водку мыслей передвойлъ бы въ спиртъ. Ихъ количество можетъ быть уменьшится, но за то качество прибудетъ и невольно заставитъ тебя писать. А это теперь для тебя необходимо. Мнѣ кажется: первый удачный опытъ, показавъ тебѣ твои силы, рѣшитъ тебя сдѣлаться писателемъ. Это званіе не мѣшаетъ ничему, но, напротивъ, еще помогаетъ сдѣлать однимъ камнемъ два удара. Къ тому же не забудь, что ты обѣщалъ Погодину. Кстати къ Погодину: онъ задумалъ пресмѣшную вещь: хочетъ писать особенную брошюрку о томъ, что политическое равновѣсіе Европы принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслей, которыя,

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909. № 5.

вмѣстѣ съ повѣрьями о колдунахъ, привидѣньяхъ и чертяхъ, суть порожденія невѣжества и суевѣрія, и въ *нашъ просвѣщенный* вѣкъ должны вывестись и исчезнуть при свѣтѣ *истиннаго* мышленія. Сколько я ни толковалъ ему, а переубѣдить не могъ; ибо для этаго нужно понять: что̀ такое Политическое равновѣсіе, а здѣсь-то и запятая. Однако надѣюсь еще остановить его отъ этой шалости, которая достойна издателя Моск. Вѣст. Впрочемъ ты не говори объ этомъ ни ему, когда увидишься, ни кому другому. Пусть оно умретъ вмѣстѣ со всѣми его глупостями. По моему эта послѣдняя стоитъ казаковъ Останкинскихъ.

Сомнѣваться въ моемъ отвѣтѣ на твое будущее обѣщанное письмо не должно. Охотно готовъ возобновить съ тобою бумажную мѣну мыслей: будь же опять мой кошелекъ, въ который я стану складывать все золото мое. Скажи мое почтеніе твоей маменькѣ, также и ото всѣхъ моихъ, которые тебя обнимаютъ. Моя маменька съ самаго твоего отъѣзда была нездорова; теперь ей лучше. Прощай, твой Кирѣевскій.

2.

М. П. ПОГОДИНУ *).

(Петербургъ, начало 1830 г.).

Благодарю тебя, любезный Погодинъ, за твое письмо. Ты хочешь, чтобы я подробно высказалъ мое мнѣніе о твоей персонѣ, и потому надобно распространиться. Прежде всего однако надобно поблагодарить тебя за довѣренность въ мою правдивость, довѣренность, которая, впрочемъ, больше тебѣ комплиментъ, нежели мнѣ. Но скажи, пожалуйста: что за мысль исповѣдываться другъ другу на письмѣ, тогда какъ мы два дня назадъ могли говорить другъ другу тоже и полнѣе, и свободнѣе. Какъ ни коротко знакомъ съ человѣкомъ, но все легче сказать ему правду въ глаза, нежели написать ее заочно. Или можетъ быть ты думаешь, что я стану тебя хвалить; въ послѣднемъ случаѣ ты очень ошибся. Все хорошее, что есть въ тебѣ, такъ испорчено, задавлено дурнымъ или лучше сказать незрѣлымъ, неразвитымъ, дикимъ началомъ твоего существа, что нельзя довольно повторять тебѣ о твоихъ недостаткахъ. Несвязность, необдуманность, *взбалмошность*, соединенная съ очень добрымъ сердцемъ, съ умомъ, очень часто одностороннимъ, вотъ ты, и какъ литераторъ и какъ человѣкъ. Одно можетъ тебя исправить: искать и найти кругъ людей, которыхъ бы мнѣніемъ ты дорожилъ какъ святынею, ибо нельзя довольно убѣдиться въ томъ, что человѣкъ образуется только человѣкомъ. Если же ты останешься

---

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. III. стр. 58.

теперешнимъ человѣкомъ, то конечно сдѣлаешь много хорошаго, можетъ быть иное рыцарски-прекрасное; но *навѣрное* сдѣлаешь много и такого, что просто называется *нечистымъ поступкомъ*. Бойся этого! И не обидься грубостью моей искренности. Ты думаешь, что сдѣлалъ все, когда оправдалъ свой поступокъ чистотою намѣреній, но это важная *смертельная* ошибка. Кромѣ *совѣстнаго суда*, для нашихъ дѣлъ есть еще другая инстанція, гдѣ предсѣдательствуетъ *мнѣніе*. Имъ ты и не дорожишь, ибо слишкомъ много вѣришь въ собственное. Но это мнѣніе, не забудь, его зовутъ—*честь*. Можно быть правымъ въ одной инстанціи, а виноватымъ въ другой. Но для истиннаго достоинства, для красоты, для счастья, для уважительности человѣка, необходимо, чтобы каждый поступокъ удовлетворялъ и тому, и другому судилищу. Это возможно, ибо оно должно. Вотъ одно правило, которое я всегда почиталъ истиннымъ, въ которое вѣрю еще и теперь, ибо понимаю его ясно и необходимо; вотъ оно: если сегодня я страдаю невинно, то вѣрно вчера я былъ виноватъ въ томъ же безнаказанно и способенъ былъ сдѣлаться виновнымъ завтра, а наказаніе только предупредило, вылѣчило меня напередъ, какъ горькое кушанье, исправляя желудокъ, предупреждаетъ его близкое разстройство. Ибо Провидѣніе несправедливо быть не можетъ, а способность къ дурному или хорошему для него равнозначительна съ дѣйствительнымъ поступкомъ. Ибо время, которое раздѣляетъ сѣмя отъ плода, для него прозрачное зеркало, воздухъ. Вотъ отчего, если хочешь узнать себя, то разбери свою судьбу, и перемѣни ее въ желанную, внутреннимъ переобразованіемъ самого себя. Но повторяю, только люди могутъ воспитать человѣка! Ищи ихъ, и знай, что каждый шагъ, сближающій тебя съ недостойнымъ, тебя отдаляетъ отъ достойныхъ. О сочиненіи твоемъ я не говорилъ и не скажу никому. Пушкину очень понравился твой *Иванъ**) и онъ обѣщалъ писать и послать тебѣ кое-что. Всѣ здѣшніе тебѣ кланяются. Жуковскій благодаритъ за память. Кстати покуда ты не узналъ всѣхъ утонченностей того чувства, которое называютъ приличіемъ, то изъ тебя никогда не будетъ проку. Не хорошо бы кончить такъ, но бумаги нѣтъ.

3.

П. В. КИРѢЕВСКОМУ **).

(Берлинъ). 16—21 Марта 1830.

Правда, милый братъ-другъ, намъ надо писать чаще, покуда мы близко, но еще розно. Спасибо за твое письмо; но извѣстія твои объ Москвѣ были не свѣжѣе моихъ. Послѣ моего послѣдняго письма къ

---

*) „Іоаннъ Грозный“ М. П. Погодина.
**) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1907 кн. 1.

тебѣ, я получилъ отъ маменьки и отъ сестры. Папенька въ Долбинѣ. У дѣтей у *всѣхъ* была корь, но, какъ говорятъ онѣ вмѣстѣ съ Рамихомъ, *хорошая корь*. Маменька не спитъ ночи, ухаживая за больными; сестра вѣроятно также, хотя и не говоритъ объ этомъ. Тяжело думать объ нихъ. Я просилъ сестру во всякомъ письмѣ ко мнѣ выписать мнѣ какой-нибудь текстъ изъ Евангелія. Я это сдѣлалъ для того, чтобы 1-е, дать ей лишній случай познакомиться короче съ Евангеліемъ; 2-е, чтобы письма наши не вертѣлись около вещей постороннихъ, а сколько можно выливались изъ сердца. Страница, гдѣ есть хотя строчка святаго, легче испишется отъ души. Но что же? вотъ текстъ, который она выбрала въ своемъ послѣднемъ письмѣ: Ne soyez donc point inquiets pour le lendemain, car le lendemain se mettra en peine pour lui-même: à chaque jour suffit son mal. „Какъ бы мы были спокойны, прибавляетъ она, если бы исполняли это. Но мы никогда не думаемъ о настоящемъ, а заботимся только о будущемъ“.—Бѣдная! въ 17 лѣтъ для нея будущее—забота и безпокойство. Во всей семьѣ нашей господствующее, ежедневное чувство есть какое-то напряженное, боязливое ожиданіе бѣды. Съ такимъ чувствомъ счастье не уживается. Но откуда оно? зачѣмъ? Какъ истребить его? Какъ замѣнить спокойствіемъ и мужественною неустрашимостью передъ ураганами судьбы?—вотъ объ чемъ мы должны подумать вмѣстѣ, чтобы дѣйствовать общими силами. Если бы намъ удалось дать сестрѣ столько же твердости и крѣпости духа, сколько у нея нѣжности, чувствительности и доброты, то мы сдѣлали бы много для ея счастья. Между тѣмъ я надѣюсь, что это тяжелое состояніе духа, въ которомъ она писала ко мнѣ, прошло вмѣстѣ съ болѣзнями дѣтей. Но ты знаешь, долго ли нашъ домъ бываетъ свободенъ отъ причинъ къ безпокойству! Все это составляетъ для меня до сихъ поръ неразрѣшенную задачу. Къ папенькѣ я писать буду на первой почтѣ. Его мнительность изъ физическаго міра перешла въ нравственный. Но по счастью она обратилась на такой пунктъ, гдѣ отъ нея легко избавиться. По крайней мѣрѣ я употреблю всѣ силы, чтобы разувѣрить его и доказать, что я не пересталъ его любить по прежнему. Не знаю, откуда могла ему прійти эта мысль; боюсь, чтобы она не имѣла источникомъ вліяніе той враждебной звѣзды, которая отдаляетъ меня ото всего, что̀ дорого сердцу. Знаешь ли, мнѣ иногда кажется, что судьба, прокладывая мнѣ такую крутую̀ дорогу въ жизни, ведетъ меня къ чему-нибудь необыкновенному. Эта мысль укрѣпляетъ мои силы въ стремленіи быть достойнымъ ея призванія. То, что̀ я писалъ къ тебѣ о Берлинской жизни и университетѣ,—неправда, или лучше полу-правда. Для тебя, я думаю, во всякомъ случаѣ Мюнхенъ полезнѣе, а не то—Парижъ? Приготовь отвѣтъ къ пріѣзду. Между тѣмъ пиши ко мнѣ въ Дрезденъ черезъ Рожалина. Тамъ я буду около перваго Апрѣля ихъ стиля. Но Святую мы встрѣтимъ вмѣстѣ.

До сихъ поръ я еще, кромѣ Гуфланда, не познакомился здѣсь ни съ однимъ профессоромъ, хотя сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ интересныхъ. Надняхъ, однако, отправлюсь къ Гегелю, Гансу, Шлейермахеру. Такъ какъ я не имѣю къ нимъ писемъ, и черты моего лица будутъ единственнымъ рекомендательнымъ письмомъ, то я и не знаю еще, какъ я буду принятъ и удадутся ли мнѣ нѣкоторые планы на нихъ, исполненіе которыхъ могло бы сдѣлать мое путешествіе не напраснымъ. При свиданіи разскажу подробнѣе, но до сихъ поръ *считаю*, какъ говорятъ, *безъ хозяина*. Изо всѣхъ, съ кѣмъ я здѣсь познакомился, самый интересный—это майоръ Радовицъ, къ которому я имѣлъ письмо отъ Жуковскаго. Мудрено встрѣтить больше оригинальности съ такимъ здравомысліемъ.—Изъ любопытныхъ вещей, видѣнныхъ мною, первое мѣсто занимаетъ здѣшняя картинная галлерея. Слишкомъ длинно было бы разсказывать всѣ особенности впечатлѣній, которыя я вынесъ оттуда. Скажу только, что здѣсь въ первый разъ видѣлъ я одну Мадонну Рафаеля, которая мнѣ крѣпко понравилась, или, лучше сказать, *посердечилась*. Я видѣлъ прежде около 10 Мадоннъ Рафаеля, и на всѣ смотрѣлъ холодно. Я не могъ понять, *какое* чувство соотвѣтствуетъ этому лицу. Это не царица; не богиня; святая,—но это святое понимается не благоговѣніемъ; прекрасная,—но не производитъ ни удивленія, ни сладострастія; не поражаетъ, не плѣняетъ. Съ какимъ же чувствомъ надобно смотрѣть на нее, чтобы понять ея красоту и господствующее расположеніе духа ея творца? Вотъ вопросъ, который оставался для меня неразрѣшеннымъ, покуда я увидѣлъ одну изъ здѣшнихъ Мадоннъ. *Эта* Мадонна объяснила мнѣ, что понять ея красоту можно только *однимъ* чувствомъ: ***чувствомъ братской любви***. Движенія, которыя она возбуждаетъ въ душѣ, однородны съ тѣми, которыя раждаются во мнѣ при мысляхъ объ сестрѣ. Не любовью, не удивленіемъ, а только братской *нѣжностью* можно понять чистую прелесть ея простоты и величіе ея нѣжной невинности. То, что я говорю теперь, такъ истинно, и я чувствовалъ это такъ ясно, что чѣмъ больше я всматривался въ Мадонну, тѣмъ живѣе являлся передо мной образъ Машки, и наконецъ такъ завладѣлъ мною, что я изъ за него почти не понималъ другихъ картинъ, и на Рубенса и Вандика смотрѣлъ какъ на обои, покуда наконецъ распятіе Іисуса Х., какого-то стариннаго живописца Нѣмецкой школы, разбудило меня. Это была первая картина, которую сердце поняло безъ посредства воображенія. Это лучшая проповѣдь, какую я когда либо читалъ, и я не знаю, какое невѣріе устоитъ предъ нею, по крайней мѣрѣ на время созерцанія. Никогда не понималъ я такъ ясно и живо величіе и ***прелесть*** Іисуса, какъ въ этомъ простомъ изображеніи тѣхъ чувствъ, которыя его распятіе произвело на свидѣтелей его страданій, на его мать, на сестру Лазаря, Марію, и на Іосифа. Такія чувства, такія слезы могутъ быть принесены въ жертву только чело-

вѣку-Богу. Видѣлъ ли ты, и сколько разъ, твою Мюнхенскую Галлерею, которая, какъ говорятъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ? Не можешь ли ты прислать что нибудь изъ твоего путешествія и Мюнхенской жизни для Погодина или для Дельвига, который издаетъ Литер. газету вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Баратынскимъ и Вяземскимъ? Оба велѣли тебя просить объ этомъ. Я также обѣщалъ обоимъ; но мои наблюденія до сихъ поръ были такъ *индивидуальны*, какъ говорятъ Нѣмцы, что могутъ быть интересны только для близкихъ мнѣ, кому я самъ интересенъ. *Обще-любопытнаго* я видѣлъ еще немного, а то, что видѣлъ, стоитъ большаго труда обдѣлать въ хорошую журнальную статью, а для журнальнаго труда мнѣ до сихъ поръ не было времени. Поработай за меня. Прощай, милый, крѣпко и твердо любимый братъ! Всею силою души прижимаю тебя къ сердцу, котораго лучшая половина твоя. И. Кирѣевскій.

Начато 16-го, окончено 21-го Марта н. с.

4.

М. В. КИРѢЕВСКОЙ *).

(Августъ 1830).

8-е/20.—Дружочекъ Маша! Сегодня твое рожденье и чтобы освятить себя на этотъ день, я начинаю его письмомъ къ тебѣ, милая сестра. Мудрено и грустно начать твое рожденье письмомъ. За годъ назадъ, когда я былъ съ вами,—*Вечеръ*. Вотъ что я успѣлъ написать къ тебѣ сегодня только что проснулся, т. е. въ 7 часовъ по утру. Но вмѣсто того, чтобы продолжать письмо свое, я засмотрѣлся на эти 3 строчки какъ будто на Рафаэлеву картинку, и до тѣхъ поръ, покуда братъ и Рожалинъ вошли въ мою комнату *поздравляться*, т. е. до 9-ти часовъ,—что же я дѣлалъ въ эти 2 часа,—ты этаго не спросишь. Можетъ быть ты сама въ это же время думала объ насъ, и знала, что если мы и не пришли къ тебѣ сегодня по утру, поцѣловать тебя и поздравить, то мысли наши были съ тобою еще прежде, чѣмъ ты проснулась, даже прежде чѣмъ мы сами проснулись. Знаешь-ли ты, что я во всякомъ снѣ бываю у васъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ, не прошло ни одной ночи, чтобъ я не былъ въ Москвѣ. Только какъ!—Вообрази, что до сихъ поръ я даже во снѣ не узналъ, что такое свиданье, и каждый сонъ мой былъ повтореніемъ разлуки. Мнѣ все кажется, будто я возвратился *когда то давно*, и уже ѣду опять. Сны эти до того неотвязно меня преслѣдуютъ, что одинъ разъ, садясь въ коляску, тоже во снѣ, чтобы ѣхать отъ васъ, я утѣшался мыслію, что теперь, когда сонъ мой исполнился, по крайней мѣрѣ я перестану его видѣть всякую ночь.

---

*) Съ подлинника.

Вообрази же, какъ я удивился, когда проснулся, и увидѣлъ, что и это былъ сонъ.—Это родъ соннаго сумасшествія, une idée fixe, qui est devenue un rêve permanent. Mais pourquoi fallait-il que cette idée fixe soit la séparation, et non le revoir?—Хоть ты попробуй наслать мнѣ сонъ со свиданьемъ. Надумай его. Хоть одинъ, а я уцѣплюсь за него всею силою воображенья, и разведу изъ него цѣлую гряду такихъ сновъ. Это будетъ сѣмечко отъ цвѣтка: *Иванъ и Марья*, которое я посажу къ себѣ глубоко въ мысли, и стану за нимъ ходить, и буду его грѣть и лелѣять, покуда оно пуститъ корни такъ далеко, чтобы никакая буря его не вырвала, никакой репейникъ не задавилъ.—Не смѣйся надъ этимъ. Сны для меня не бездѣлица. Лучшая жизнь моя была во снѣ. Не смѣйся же, когда я такъ много говорю объ нихъ. *Они вздоръ, но этотъ вздоръ доходитъ до сердца.* Къ тому же съ кѣмъ лучше тебя могу я раздѣлить его?—Между тѣмъ, чтобъ ты знала, какъ *наслать* сонъ, надобно чтобы я научилъ тебя знать свойства сновъ вообще. Это наука важная, и я могу говорить объ ней avec connaissance de cause. По крайней мѣрѣ я здѣсь опытнѣе, чѣмъ на яву. Слушай же: первое свойство сновъ то, что они не свободны, не зависятъ *отъ тѣхъ, объ комъ идутъ.* Такъ, если мнѣ непремѣнно надобно всякую ночь видѣть васъ, то сны мои будутъ свѣтлы, когда вамъ весело, и печальны, когда вы грустны, или нездоровы или безпокоитесь. Оттого, если ты хочешь быть моей колдуньей, то должна сохранять въ себѣ безпрестанно такую ясность души, такое спокойствіе, такое довольство, которыя сообщившись моему сну, вложили бы въ него чувство *невмѣстное съ мыслію объ разлукѣ.* Разумѣется что такъ колдовать должны вы всѣ вмѣстѣ. И для твоей веселости нужна веселость всѣхъ, и цвѣтокъ *Иванъ и Марья* ростетъ между *Машкиной душкой, Васильками, Лиліями*, и пр. и пр. Второе свойство сновъ то, что они дѣти, и безпрестанно хватаютъ все, что передъ глазами. А такъ какъ у меня передъ глазами все нѣмцы да нѣмцы, то и во снѣ они же мѣшаются съ вами. Оттого, чтобы прогнать нѣмцевъ изъ моихъ русскихъ сновъ, присылай мнѣ скорѣе свой портретъ. Насмотрѣвшись днемъ на него, на брата, на Рож. и на все, что пріѣхало съ нами изъ Россіи, я надѣюсь по крайней мѣрѣ во снѣ освободиться отъ Германіи, которую, впрочемъ, я не нелюблю, а ненавижу! Ненавижу какъ цѣпь, какъ тюрьму, какъ всякій гробъ, въ которомъ зарываютъ живыхъ.—Ты изъ своей Россіи не можешь понять что такое эта Германія. Все, что говорятъ объ ней путешественники, почти все вздоръ. Если же хочешь узнать, что она такое, то слушай самихъ нѣмцевъ. Одни нѣмцы говорятъ объ ней правду, когда называютъ ее землею дубовъ (das Land der Eichen), хотя дубовъ въ Германіи, кромѣ самихъ нѣмцевъ, почти нѣтъ. За то эти изо всѣхъ самые деревянные. Вчера еще братъ зацѣпился за однаго изъ нихъ зонтикомъ, и такъ неосторожно, что зонтикъ сломался. Братъ извинился

по-русски, своимъ обыкновеннымъ: ахъ! извините!—Нѣмецъ почувствовалъ ударъ только шаговъ черезъ двадцать, вдругъ, сталъ какъ вкопаный, вылупилъ глаза и молчалъ. Обдумавшись хорошенько онъ наконецъ снялъ шляпу, чтобы отвѣчать брату: **Ich bitte recht sehr, Herr Baron! es thut nichts!**—Не знаю какъ ты назовешь такую живость, а для меня ей нѣтъ слова кромѣ: нѣмецкой.—Но,—лучше воротимся къ нашимъ снамъ.—Они дѣти; все, что они говорятъ, почти такая же чепуха какъ это письмо; но они дѣти благородныя, изъ которыхъ ничего не сдѣлаешь ни угрозами, ни бранью, но которыя чувствительны къ ласкамъ. Потому ихъ надобно иногда баловать и лакомить. Но ласка, баловство и лакомство для моихъ сновъ, это твои письма. Каждое слово изъ нихъ, передумавшись на яву, переходитъ въ сонъ, и сны мои, какъ дѣти воспитанныя, слушаются каждаго слова. Потому, чтобы они не капризничали и не хмурились, ты ихъ ласкай по-чаще, и по-больше и по-акуратнѣе. Кромѣ того, на сны, какъ на дѣтей, дѣйствуетъ много хорошій примѣръ. Это особенно представь на разсмотрѣніе Маминыхъ, и попроси ее исправить свои сны хотя для того, чтобы мои не портились.—А покуда спи. 2 часа ночи и спать пора и хочется. Это письмо дойдетъ до тебя черезъ мѣсяцъ. Я тогда вѣроятно уже буду въ Италіи. Первый сонъ со свиданьемъ будетъ мнѣ знакомъ, что ты получила мое письмо.

5 сентября/24 августа. Отгадала ли ты, милая Машка, что это письмо писано послѣ 3-хъ бутылокъ шампанскаго, выпитыхъ за твое здровье нами тремя? Я бы не послалъ тебѣ этотъ вздоръ, если бы не хотѣлъ доказать *на дѣлѣ*, что не ты одна бываешь пьяна. Передъ Папинькой извини меня за эту безтолковую трату почтовыхъ денегъ тѣмъ, что я впередъ пьяный писать не буду!—Теперь ты уже большая дѣвушка!—Теперь ты уже *отвѣчаешь* за каждый поступокъ свой, за каждое слово!—Надѣнешь-ли буклп?—Объ верховой ѣздѣ я писалъ къ Маминькѣ.—Пишешь-ли журналъ?—Прощай!—Будь здорова и смотри за здоровьемъ маминьки.—Тебѣ поручаю я при *малѣйшемъ* нездоровьѣ посылать за Рамихомъ, **même au risque d'être grondée.**—Обнимаю тебя отъ всего сердца. Твой Иванъ.

Побраните хорошенько Петруху за короткость его писемъ и велите ему писать *за недѣлю* до почты.—А то мнѣ стыдно посылать такія огромныя письма съ его такими маленькими.

5.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

(Январь 1831).

Въ половинѣ Генваря, пишешь ты, можетъ быть мы увидимся! Если бы это было въ самомъ дѣлѣ, то неудавшееся путешествіе мое было

*) Съ подлинника.

бы мнѣ меньше досадно. Боюсь, однако, что ты только мажешь по усамъ. Между тѣмъ во всякомъ случаѣ, т. е. удастся ли намъ такъ скоро видѣться или нѣтъ, а мы все должны пользоваться сближеніемъ разстояній между нами и по крайней мѣрѣ пусть хоть письма наши докажутъ, что нѣтъ границы между нами. Обѣщать писать часто,—я не стану, потому, что врядъ ли ты уже повѣришь такаго рода обѣщаніямъ; но постараюсь исполнить на дѣлѣ, если твои отвѣты не будутъ откладываться въ длинный ящикъ, такъ какъ ты сдѣлалъ съ отвѣтомъ на мое письмо, которое я послалъ къ тебѣ съ Тютчевымъ. Кстати: получилъ ли ты его? Если нѣтъ, то не жалуйся, что я не писалъ тебѣ изъ за границы, потому, что я забылъ твой адресъ и въ письмѣ съ Тютчевымъ просилъ тебя прислать мнѣ его. Но ты доказалъ мнѣ, что есть человѣкъ еще меня лѣнивѣе.

Удастся ли мнѣ когда нибудь исполнить мой планъ путешествія, или останусь я на всегда въ этой несносной Москвѣ, я еще не знаю. Знаю только, что употреблю всѣ силы, чтобы вырваться отсюда куда бы то ни было, и—либо сойду съ ума, либо поставлю на своемъ. Это желаніе, или лучше сказать, эта страсть, сдѣлалась у меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неудачнѣе была моя поѣздка. А неудачна она была во всѣхъ отношеніяхъ, и не столько по короткости времени, сколько по тому, что я ничего не видалъ кромѣ Германіи, скучной, незначущей и глупой несмотря на всю свою ученость. Но объ этомъ подробнѣе поговоримъ при свиданіи.

Вотъ тебѣ Норова *Мсръ*, который совершенно оправдываетъ свое названіе. Изъ замѣчаній цензора ты увидишь, отчего Погодинъ его не напечаталъ. Дай Богъ, чтобы и тебѣ не было больше успѣха.

1-ое Генваря. Очень радъ, что до сихъ поръ не отослалъ къ тебѣ письма, и не начиная новаго, могу поздравить тебя съ Новымъ годомъ.

Я и теперь еще не отправилъ къ тебѣ письма моего (8-е Генваря); вообразишь, какую я дѣятельную жизнь веду здѣсь?—Приняться за перо, для меня такая важность, что я прежде долженъ къ тому собираться. Теперь же, когда внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что ты скоро будешь въ Москву,—руки отнимаются писать къ тебѣ. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, буду я трудиться писать, когда то же могу черезъ нѣсколько дней разсказать тебѣ не обижая свою лѣнь?—

Прощай, до свиданія.

Весь твой Кирѣевскій.

6.

В. А. ЖУКОВСКОМУ *).

(Почт. штемп.: 6 окт. 1831).

Милостивый Государь, Василій Андреевичъ,

Издавать журналъ такая великая эпоха въ моей жизни, что рѣшиться на нее безъ Вашего одобренія было бы мнѣ физически и нравственно невозможно. Ни рука не подымется на перо, ни голова не освѣтится порядочною мыслію, когда имъ не будетъ доставать Вашего благословенія. Дайте жъ мнѣ его, если считаете меня способнымъ на это важное дѣло; если жъ Вы думаете, что я еще не готовъ къ нему, или что вообще, почему бы то ни было, я лучше сдѣлаю, отказавшись отъ изданія журнала, то все-таки дайте мнѣ Ваше благословеніе, прибавивъ только журналу not to be!—Если жъ мой планъ состоится, т. е. если Вы скажете мнѣ: *издавай!* (потому, что отъ этого слова теперь зависитъ все), тогда я надѣюсь, что будущій годъ моей жизни будетъ небезполезенъ для нашей литературы, даже и потому, что мой журналъ заставитъ больше писать Баратынскаго и Языкова, которые обѣщали мнѣ дѣятельное участіе. Кромѣ того, журнальныя занятія были бы полезны и для меня самого. Они принудили бы и пріучили бы меня къ опредѣленной дѣятельности; окружили бы меня mit der Welt des europäischen wissenschaftlichen Lebens, и этому далекому міру дали бы надо мной силу и вліяніе близкой существенности. Это нѣкоторымъ образомъ могло бы мнѣ замѣнить путешествіе. Выписывая всѣ лучшіе неполитическіе журналы на трехъ языкахъ, вникая въ самыя замѣчательныя сочиненія первыхъ писателей теперешняго времени, я изъ своего кабинета сдѣлалъ бы себѣ аудиторію Европейскаго университета, и мой журналъ, какъ записки прилежнаго студента, былъ бы полезенъ тѣмъ, кто сами не имѣютъ времени или средствъ брать уроки изъ первыхъ рукъ. Русская литература вошла бы въ него только какъ дополненіе къ Европейской, и съ какимъ наслажденіемъ могъ бы я говорить объ Васъ, о Пушкинѣ, о Баратынскомъ, объ Вяземскомъ, объ Крыловѣ, о Карамзинѣ,—на страницахъ, не запачканныхъ именемъ Булгарина; передъ публикой, которая покупаетъ журналъ не для модныхъ картинокъ; имѣя въ памяти только тѣхъ читателей, которые думаютъ и чувствуютъ не на̀слово, которыхъ участіе возвышаетъ дѣятельность, и забывъ, что есть на свѣтѣ другіе. Но разумѣется, что все это можетъ быть хорошо только за неимѣніемъ лучшаго. Когда-то хотѣлъ

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 4.

издавать журналъ Пушкинъ; если онъ рѣшится нынѣшній годъ, то разумѣется *мой* будетъ уже лишній. Тогда, также какъ и въ случаѣ Вашего неодобренія, я буду искать другихъ занятій, другаго поприща для дѣятельности и постараюсь настроить мысли на предметы не литературные.

Рѣшите-жъ участь Вашего И. Кирѣевскаго.

7.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

(*Вѣроятно, 1832 г.*).

И мы съ Одоевскимъ также безпрестанно вспоминаемъ время, проведенное у васъ такъ дружески и такъ тепло, не смотря на непогоду вокругъ насъ. Это время должно отозваться намъ не въ одной памяти. Какъ несчастное предзнаменованіе три свѣчки на столѣ, такъ три друга за столомъ счастливое, особливо, когда они окружены милыми имъ людьми. Это не суевѣріе. Поцѣлуй за меня ручки у Дарьи Николаевны и поблагодари ее хорошенько за наше Ильинское житье. Что̀ ея нога, и когда вы въ Москву? Я очень радъ слышать, что ты продолжаешь свои занятія. Вотъ тебѣ Шеллинговъ Идеализмъ, а Канта у меня теперь не имѣется. Постараюсь достать. Желалъ бы, чтобы ты пріѣхалъ сюда съ доконченнымъ сочиненіемъ, хотя не знаю, возможно ли работать такъ скоро надъ дѣломъ такимъ труднымъ. Dupin я искалъ во всѣхъ лавкахъ, и напрасно. Надобно выписывать изъ Риги или изъ Любека. Успѣемъ-ли? О Гельвеціи, я думаю, я самъ былъ бы такаго же мнѣнія, какъ ты, если бы прочелъ его теперь. Но лѣтъ 10 назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, яснымъ, простонародно-убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, несмотря на проповѣдованіе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ только неточнымъ словомъ, потому что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но еще щастіе, казалась мнѣ отмѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеція. Къ тому же примѣръ его собственной жизни противорѣчитъ упрекамъ въ безнравственности. То, что̀ ты говоришь о 89 годѣ, мнѣ кажется не совсѣмъ справедливо. Двигатели мнѣній и толпы были тогда не только люди нравственные, но энтузіасты добродѣтели. Робеспьеръ былъ не меньше какъ фанатикъ добра. Конечно, это было не послѣдствіемъ тогдашней философіи, но можетъ быть

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

вопреки ей; однако было. Можетъ быть, оно произошло только отъ сильнаго броженія умовъ и судебъ народныхъ, ибо и человѣкъ въ минуты критическія бываетъ выше обыкновеннаго. Россія, мы надѣемся, черезъ этотъ переломъ не пройдетъ; авось въ ней не будетъ кровопролитныхъ переворотовъ, но тѣмъ заботливѣе надобно пещись въ ней о нравственности системъ и поступковъ. Чѣмъ меньше фанатизма, тѣмъ строже и бдительнѣе долженъ быть разумъ. И я заключу также, какъ ты: у насъ *должна быть* твердая и молодымъ душамъ свойственная нравственность, и стремленіе къ ней должно быть главною, единственною цѣлью всякой дѣятельности; въ ней патріотизмъ и любомудріе, въ ней основа религіи,—но надобно умѣть ее понимать. Потому пиши, я буду дѣлать тоже, и потомъ посмотримъ. Твой И. Кирѣевскій.

17 Сентября, день Вѣры, Надежды, Любви и Софіи.

8.

ЕМУ-ЖЕ *).

6 іюля (1833 или 1834 г.).

Вчера я писалъ къ тебѣ, другъ Кошелевъ, потому что была оказія, и писалъ наспѣхъ; сегодня пишу безъ оказіи, только потому, что хочется потолковать съ тобой, и даже не знаю, застанетъ ли тебя письмо мое въ Ильинскомъ. Но все равно! Гдѣ нибудь, когда нибудь ты его получишь; а если нѣтъ—не бѣда: я пишу *такъ*, не имѣя ничего *сказать* тебѣ, хотя имѣю охоту говорить обо многомъ. Я сейчасъ изъ подъ дýши, которую наконецъ добылъ; вечеръ славный: и свѣжо и тепло вмѣстѣ; я сижу подъ окномъ; на окнѣ чай, который я пью, какъ пьяница, понемногу, съ наслажденіемъ, съ сладострастіемъ; въ одной рукѣ трубка, въ другой перо,—и я пишу, какъ пью чай, съ роздыхомъ, съ Турецкою нѣгою лѣни: хорошо и *мягко* жить на эту минуту! Какая-то музыка въ душѣ, безпричинная, *Эолова* музыка, не связанная ни съ какою мыслію. Зачѣмъ неспособенъ я вѣрить! Я бы думалъ тогда, что это безпричинное чувство въ душѣ моей—чье нибудь вліяніе, что эта сердечная музыка не *мое* расположеніе духа, а отголосокъ, сочувствіе, физическое ощущеніе чужой мысли; но я этаго не думаю, потому что не вѣрю такимъ чудесамъ; и еще по многимъ другимъ причинамъ. Странно: это чувство, покуда я говорилъ объ немъ, прошло. Видно я убилъ его словомъ, либо неловко зацѣпилъ какою нибудь несоотвѣтственною мыслію. Но все равно: давай пользоваться вечеромъ и чаемъ, и толковать, какъ бы мы были вмѣстѣ. Вотъ тебѣ отчетъ въ моихъ занятіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ. Не

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

стану говорить объ нѣкоторыхъ хлопотахъ, объ безсмысленныхъ движеніяхъ ума, и тѣла, и языка, которыя дробили мое время и крошили мысли; объ нихъ говорить и вспоминать, значитъ продолжать ихъ силу. Но въ остальныя минуты, когда могъ быть самъ съ собою, я былъ въ одномъ изъ двухъ положеній: либо отдавалъ свою голову на произволъ судьбы (и это слишкомъ часто) и тогда строилъ себѣ на воздухѣ разнаго рода Италіи; либо былъ господинъ своимъ мыслямъ, и тогда думалъ и писалъ объ воспитаніи женщинъ,—предметъ, который не знаю какъ ограничить, такъ онъ много захватываетъ другихъ предметовъ. Чтобы показать, что воспитаніе женщинъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени и просвѣщенія, надобно показать характеръ времени и просвѣщенія, отдѣлить отъ существеннаго случайное, выказать мысль изъ подъ событій, привести къ одному итогу раздробленныя цифры, и это все изложить языкомъ общимъ, равно признаннымъ въ гостиныхъ и въ школахъ; изложить въ формахъ самыхъ простыхъ, чтобы женщина могла понять ихъ, и несмотря на эту ясность, изложить такъ, чтобы цензура не имѣла къ чему придраться, несмотря на подпись моего имени,—вотъ задача, которую исполнить такъ трудно, что эта одна трудность можетъ расшевелить къ работѣ, какъ къ пистолетной стрѣльбѣ. Но этаго мало. Представивъ время, изобразивъ сердце человѣческое, какъ оно создано просвѣщеніемъ и нравственнымъ порядкомъ вещей, надобно показать еще, какое изо всего этого слѣдуетъ отношеніе между мужчиною и женщиною. Для этаго необходимо представить вообще исторію этихъ отношеній, отъ начала исторіи до нашихъ временъ, и показать, въ какой соотвѣтственности былъ всегда нравственный порядокъ вещей съ судьбою женщинъ; потомъ открыть общій законъ этой соотвѣтственности; потомъ, проведя его и умозрительно, и фактически черезъ всѣ моменты просвѣщенія, показать его примѣненіе къ настоящему; этотъ результатъ вывести столько же умозрительно, сколько жизненно; наконецъ для всѣхъ требованій, для всей системы найти, создать одно слово, имя, которое бы отдѣляло ее отъ всѣхъ другихъ системъ, чтобы въ умѣ читателей не смѣшивались отрывки изъ одной мысли съ отрывками изъ другой мысли несоотвѣтственной; чтобы всѣ слова мои не приписали ни безсмысленному требованію Сенсимонической эмансипаціи, ни плоскому повторенію понятій запоздалыхъ; и надобно все это сработать къ Сентябрю, и если удастся, буду молодецъ!

7-е Іюля. Я долженъ былъ перервать мое письмо вчера потому, что у меня догорѣли свѣчи, и мой человѣкъ уже отправился спать. Я вчера простился съ Трубецкимъ, который ѣдетъ сегодня. Скарятину Влад. я до сихъ поръ не могъ доставить твоего письма потому, что онъ изволитъ забавляться на охотѣ и до сихъ поръ не возвращался домой. Вотъ тебѣ записку Чаадаева, на которую я отвѣчалъ: не знаю, и обѣщалъ спросить у тебя. Прощай. Твой И. К.

9.

А. А. ЕЛАГИНУ. *)

(Мартъ 1834 г.).

Милый другъ Папинька, я такъ полонъ чувствъ и мыслей, которыя бы хотѣлъ передать Вамъ, что не знаю съ чего начать письмо.—Я видѣлъ Наталью Петровну, — мы объяснились съ нею, Маминька согласна, и для нашего щастья недостаетъ теперь только Вашего благословенія. Ради Бога пришлите его скорѣе и такое сердечное, отеческое, дружеское, какаго я ожидаю отъ Васъ, и которое необходимо мнѣ какъ одно изъ первыхъ условій щастья.—Щастье! это слово, отъ котораго я было отвыкъ, и которое вдругъ воскресло для меня съ полнымъ, глубокимъ смысломъ. Раздѣлите его со мною Вашимъ сочувствіемъ,— теперь дружба Ваша нужнѣе для меня, чѣмъ когда нибудь.—Разсказать подробности всего я теперь не въ состояніи. При свиданіи можетъ быть я успѣю привести свою голову въ порядокъ. Можетъ быть на слѣдующей почтѣ буду писать къ Вамъ. Теперь я похожъ на слѣпаго, который вдругъ увидѣлъ свѣтъ, и еще не умѣетъ отличать предметовъ отдѣльно, а только видитъ, что все вмѣстѣ свѣтло и ясно. Вотъ почему и теперь могу дѣлиться съ Вами только этимъ общимъ впечатлѣніемъ и для него даже не нахожу словъ.—Жду Вашего письма съ живымъ нетерпѣніемъ и безо всякаго безпокойства. Да, я увѣренъ *и ни минуты не сомнѣвался,* что мое щастье будетъ для Васъ щастливымъ чувствомъ, что Вы раздѣлите его вполнѣ, и благословите насъ какъ дѣтей своихъ и друзей. Обнимаю Васъ крѣпко, и за себя и за Наташу.

10.

А. П. ЕЛАГИНОЙ **).

(1836).

Поблагодарите хорошенько нашего добраго Жуковскаго. Стало быть и здѣсь, между собакъ, картъ, лошадей и исправниковъ, можно жить независимо и спокойно подъ крыломъ этого генія-хранителя нашей семьи. Пожалуйста напишите объ немъ побольше, его словъ, его мнѣній, всего, куда брызнетъ его душа....

Мы послали вамъ стихи подъ именемъ Бенедиктова. Однако это была мистификація, въ которой прошу и васъ участвовать, сохраняя всевозможную тайну. Вотъ въ чемъ дѣло: наканунѣ нашей присылки

---

*) Съ подлинника.
**) Руск. Арх. 1909 кн. 5.

стиховъ мы смѣялись тому, какъ наша публика и Шевыревская партія восхищаются Бенедиктовымъ и прочими рифмоплетеньями, гдѣ поэты безъ мыслей притворяются мыслящими потому только, что прочли нѣсколько Нѣмцевъ, не понимая, можетъ быть, половины, похоже на то, какъ покойный П., пробывъ нѣсколько лѣтъ подлѣ Ермолова, выучилъ нѣсколько его словъ, принялъ у него книжный языкъ и важную фигуру и поразилъ весь почтамтъ своимъ умомъ и тонкою прозорливостью. Въ доказательство, какъ легко писать такіе стихи, мы втроемъ съ женой и братомъ начали піесу за ужиномъ и кончили, не выходя еще изъ за стола. Къ тому же до самаго послѣдняго стиха мы не знали, куда зайдемъ, ни о чемъ пишемъ. Къ тому же насъ еще затруднила Наташа, которая непремѣнно требовала вставить *осину*, какъ еще никогда не воспѣтую. Теперь, милая маменька, такъ какъ вы обманулись, то слѣдовательно и всякій обманется. Нельзя ли вамъ исполнить наше желаніе и обмануть Шевырева, такъ чтобы онъ помѣстилъ ее въ первомъ номерѣ, однако безъ имени, а только поставилъ бы В. Б..., это будетъ Варвара Боровкова, ваша бывшая прачка, отъ имени которой мы ему и еще пришлемъ стиховъ, если онъ до нихъ разохотится. Велите пожалуйста переписать незнакомой рукой и черезъ кого нибудь передать ему. Пожалуйста, постарайтесь объ этомъ. Если эпиграфъ покажется вамъ уже слишкомъ глупъ, то вмѣсто *Гете* подпишите *Тикъ*, подъ фирмою котораго всякая безсмыслица сойдетъ.

11.

В. А. ЕЛАГИНУ *).

(1842 г.).

Любезный братъ Вася. Это письмо получишь ты отъ князя Гагарина, который взялся доставить его, и съ которымъ ты долженъ познакомиться непремѣнно. Это одинъ изъ людей рѣдкихъ по внутреннимъ и внѣшнимъ качествамъ. О мнѣніяхъ его не говорю, ты самъ увидишь и оцѣнишь хорошее, а въ чемъ не сойдешься, то конечно извинишь ему ради чистоты намѣреній.—Я люблю его и уважаю и желалъ бы только чтобы нѣкоторыя особенности не мѣшали намъ вполнѣ сочувствовать другъ другу.—Напиши мнѣ объ немъ и пожалуйста не откладывай, какъ я, который до сихъ поръ не собрался къ тебѣ писать, хотя многое нужно переговорить. Теперь спѣшу и потому оставляю до слѣдующаго письма по почтѣ.—Одно только необходимымъ считаю сказать теперь не по почтѣ, чтобы ты посовѣтовалъ Попову и другимъ русскимъ быть поосторожнѣе въ ихъ разговорахъ.—Поповъ наговорилъ что то о дви-

*) Съ подлинника.

женіи умовъ въ Москвѣ, о какомъ то новомъ стремленіи, о какомъ то духѣ и пр., все вещи, которыя здѣсь пугаютъ и могутъ быть вредны и ему и его пріятелямъ здѣшнимъ и тамошнимъ. Нѣмцы ужъ собирались объ этомъ толковать въ журналахъ, что вышло бы и вздорно, и смѣшно, и не безвредно. Урезонь его и поклонись ему отъ меня.

Нынче Маменькино рожденіе. Поздравляю тебя и обнимаю отъ всей души. До слѣдующаго раза, надѣюсь скоро.

Твой братъ И. Кирѣевскій.

Пожалуйста не скупись извѣстіями о Шеллингѣ.

12.

А. С. ХОМЯКОВУ *).

Долбино. 1844. 10-е Апрѣля.

Письмо твое, любезный другъ Хомяковъ, отправленное изъ Москвы 21-го Марта, я получилъ 5-го Апрѣля, вѣроятно отъ того, что онс шло черезъ Тулу.—Предложеніе твое доставило мнѣ истинное, сердечное удовольствіе, потому что я ясно видѣлъ въ немъ твое дружеское чувство, которое, въ послѣднемъ итогѣ, есть чуть ли не самая существенная сторона всякаго дѣла. Что же касается собственно до *этого* дѣла, то если въ немъ и есть другая сторона, дѣловая, то такъ завалена затрудненіями, что врядъ ли и вашей дружбѣ возможно будетъ откопать ее. Впрочемъ представляю мое полное и подробное мнѣніе объ этомъ предметѣ на судъ тебѣ, братьямъ Петру и Васѣ**), и тѣмъ, кто вмѣстѣ съ вами интересуется объ этомъ дѣлѣ.

Я думаю, что лучше и полезнѣе, и блестящѣе, и дѣльнѣе всего издавать журналъ тебѣ. Тогда во мнѣ нашелъ бы ты самаго вѣрнаго и дѣятельнаго сотрудника. Потому, что хотя мнѣ запрещено было издавать Европейца, но не запрещено писать и участвовать въ журналахъ. Если же ты рѣшительно не хочешь оставить свою куклу Семирамиду***) (потому что зайцы бы не помѣшали: на время порошъ могъ бы завѣдывать журналомъ другой), то отчего не издавать Шевыреву? Нѣтъ человѣка способнѣе къ журнальной дѣятельности. Къ тому же Москв. держался имъ, и слѣд. теперь при отъѣздѣ Погодина всего *справедливѣе* журналу перейти къ нему. Но такъ какъ ты объ этомъ не пишешь, то вѣроятно есть какія нибудь непреодолимыя затрудненія, т. е. его рѣшительный отказъ, и пр. и пр. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вотъ что я скажу о себѣ: издавать журналъ было бы для

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.
**) Василію Алексѣевичу Елагину.
***) Записки о Всемірной Исторіи Хомякова.

меня самымъ пріятнымъ занятіемъ, и можетъ быть самымъ дѣльнымъ, потому что я по несчастію убѣдился, что для возбужденія моей дѣятельности необходимо внѣшнее и даже срочное принужденіе. Но противъ этого много затрудненій: 1-е, я обѣщалъ Семёну Исторію; 2-е, мнѣ былъ запрещенъ журналъ, и неизвѣстно, позволятъ-ли теперь. Примѣръ Полеваго, которому запретили одинъ и позволили другой, не знаю, приложится ли ко мнѣ. Развѣ 12-ти-лѣтняя давность послужитъ мнѣ замѣной другихъ заслугъ. Но безъ яснаго и формальнаго позволенія я издавать не стану, именно потому, что уже разъ мнѣ было запрещено. 3-е. Если мнѣ и позволятъ, то можно ли найти гарантіи противъ того, что опять Петербургскіе журналисты меня оклевещутъ, донесутъ и выхлопочутъ новое запрещеніе? Подвергнуться во второй разъ тому, чтобы быть жертвой Булгариныхъ, было бы уже черезчуръ глупо съ моей стороны и въ мои лѣта! Что̀, кажется, благонамѣреннѣе Погодина и его Москвитянина? Я такъ думаю, хотя и не читалъ его. А между тѣмъ сколько было на него доносовъ, и сколько разъ рисковалъ онъ быть запрещеннымъ, если бы не спасалъ его министръ. У меня этой опоры не будетъ, и никакой, а между тѣмъ Булгарины съ братіей будутъ на меня еще злѣе, чѣмъ на Погодина, потому что я имѣлъ неосторожность еще въ 29-мъ году обидѣть самолюбіе большей части Петербургскихъ литераторовъ и сдѣлать ихъ своими личными врагами. Противъ этого могло бы быть одно спасеніе: если бы человѣкъ благонамѣренный и неподкупный, и вмѣстѣ сильный, взялъ журналъ подъ свое покровительство, т. е., говоря покровительство, я разумѣю не послабленіе цензуры, но напротивъ увеличеніе ея строгости, только не безтолковой, и вмѣстѣ защиту отъ доносовъ и заступленіе отъ запрещенія. Такимъ человѣкомъ я разумѣю Строгонова, но не знаю, согласится ли онъ на это. Вотъ какъ я воображаю себѣ это дѣло: если бы кто нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ сказалъ ему слѣдующее: Вашему сіятельству извѣстно, что П. уѣзжаетъ за границу и продаетъ свой журналъ. Купить его желалъ бы К., надѣясь, что послѣ 12-ти лѣтняго молчанія ему позволено будетъ говорить, тѣмъ болѣе, что когда онъ черезъ знакомыхъ своихъ справлялся о томъ, то ему отвѣчали, что запрещенъ Европеецъ, а не онъ, и поставили въ примѣръ Надеждина и Полеваго, находившихся въ томъ же положеніи. Но К. естественно не хочетъ въ другой разъ подвергнуться той же участи, и потому не рѣшается просить позволенія прежде, чѣмъ узнаетъ, можетъ ли, въ случаѣ разрѣшенія, надѣяться на ваше покровительство журналу. Образъ мыслей его вамъ извѣстенъ. Подъ покровительствомъ разумѣетъ онъ одно: увѣренность, что при самой строгой цензурѣ, какую вамъ угодно будетъ назначить, отвѣтственность затѣмъ будетъ лежать на ней, а не на немъ.

Если Строгоновъ будетъ обѣщать это, то тогда надобно пустить Валуева въ переговоры съ Семеномъ. Если Семенъ не сочтетъ себя

обиженнымъ за то, что я не пишу Исторіи, то въ такомъ случаѣ надобно будетъ условиться съ Погодинымъ такимъ образомъ, чтобы онъ не дѣлалъ ни малѣйшей жертвы, а высчиталъ бы, что̀ стоитъ изданіе журнала, сколькими подписчиками оно покрывается, отчислилъ бы сверхъ того 50 экземпляровъ на безденежную раздачу, и затѣмъ назначилъ бы себѣ такое число ежегодно, какое считаетъ достаточнымъ. Объ этомъ надобно будетъ сдѣлать формальное условіе тогда, когда и если я получу позволеніе, которое впрочемъ онъ же долженъ будетъ мнѣ исходатайствовать, т. е. частными письмами узнать прежде черезъ своихъ знакомыхъ, возможно ли это, и если скажутъ—да, то подать прошеніе министру, чтобы позволено ему было передать Москв. мнѣ. Или можетъ быть мнѣ самому надобно будетъ подать о томъ прошеніе, въ такомъ случаѣ пришлите мнѣ форму, какъ и кому писать, тоже списавшись съ людьми знающими и поговоря съ гр. Строгоновымъ. Я думаю впрочемъ, что это прошеніе должно будетъ дойти до Государя, потому что отъ его имени объявлено мнѣ было запрещеніе. Но можно ли просить Государя объ этомъ? и какимъ образомъ? Я думаю, въ этомъ случаѣ надобно мнѣ будетъ писать къ гр. Бенкендорфу. Оправдываться въ прошедшемъ было бы теперь не кстати. Но тогда ты знаешь, что я не оправдывался (оправданіе мое, которое ходило тогда по Москвѣ, было писано не мною, и не по моимъ мыслямъ, и распущено не по моему желанію). Теперь я могъ бы сказать только одно: что съ тѣхъ поръ прошло 12 лѣтъ; что, разбирая свой образъ мыслей по совѣсти, я не нахожу въ немъ ничего возмутительнаго, ни противнаго правительству, ни порядку, ни нравственности, ни религіи, и потому осмѣливаюсь думать, что не недостоинъ того, чтобы молчаніе, наложенное на меня съ 32-го года, было наконецъ снято, и пр. и пр. Какое можетъ быть изъ этого слѣдствіе, я не знаю; но ты видишь по крайней мѣрѣ, что я не упрямлюсь отказываться, но, развивая мысль, невольно встрѣчаюсь съ столькими затрудненіями, что врядъ ли ты самъ найдешь ихъ преодолимыми. Спѣшу кончить, чтобы не опоздать, хотя о многомъ хотѣлось бы поговорить съ тобой.

Жена кланяется тебѣ, Катеринѣ Михайловнѣ, и Марьѣ Алексѣевнѣ. Я также. Ожидаю твоего отвѣта не черезъ Тулу, а то долго идетъ. Твой И. К.

13.

ЕМУ-ЖЕ *).

2-е Мая (1844).

Вчера получилъ письмо твое, любезный другъ Хомяковъ, т. е. въ день твоего рожденья, когда выпилъ за твое здоровье. Теперь спѣшу

---

*) Съ подлинника. Было напеч. въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

отвѣчать тебѣ хотя нѣсколько словъ, а въ субботу буду писать подробнѣе.

На предложеніе твое я весьма бы радъ былъ согласиться, если бы это было возможно. Но разсуди самъ, если я, не зондировавши грунта, вдругъ явлюсь издателемъ, и если вдругъ, основываясь на прежнемъ, поступятъ съ Москв. также, какъ съ Ев(ропейцемъ), то не лишу ли я Пог. его собственности, и не пріобрѣту ли самому себѣ право называться по крайней мѣрѣ вѣтренымъ и неосновательнымъ человѣкомъ? Когда я говорилъ въ прежнемъ письмѣ объ имени, то конечно не для того, чтобы одному пожинать лавры; но я хотѣлъ имѣть право отвѣчать одинъ. Если же собственность журнала останется Погодину, то чѣмъ могу я вознаградить его въ случаѣ неудачи? Если правительству будетъ извѣстно, что я издаю, и журналу это не повредитъ, то въ этомъ случаѣ до имени мнѣ дѣла нѣтъ, только бы имѣть право выказывать свой образъ мыслей самовластно. Если же могло бы къ моему имени присоединиться еще имя литературной извѣстности, то это не только бы подняло журналъ, но еще и мнѣ придало бы больше куражу. Не согласится ли Шев(ыревъ)? Каждый отвѣчалъ бы за себя. А если бы ты согласился, то за успѣхъ можно бы напередъ дать росписку. Что же касается до именъ неизвѣстныхъ, то я не понимаю, для чего они? Развѣ для того, чтобъ напередъ отнять у публики довѣренность. Если же комитетъ нуженъ только для того, чтобы мнѣ passer inaperçu, то это мнѣ кажется плохой разсчетъ. Когда нибудь я буду же aperçu, и тогда опять тѣ же отношенія. Къ тому же издавать комитетомъ значитъ сдѣлать кашу безъ масла.

О Стр(огоновѣ) я писалъ потому, что 1-ое, онъ человѣкъ благородный и хорошій, 2-ое, онъ глава Московскаго просвѣщенія, 3-ье, ему извѣстенъ мой образъ мыслей по двумъ статьямъ, которыя я ему сообщилъ. Основываясь на этомъ, я думалъ, что онъ можетъ взяться обезопасить журналъ отъ скоропостижной смерти, стѣснивъ его жизнь посредствомъ цензуры. Но собственно покровительство его, просто какъ покровительство, мнѣ не нужно.

Результатъ всего слѣдующій: безъ того, чтобы имя мое было извѣстно и позволено, я издавать не могу, тѣмъ болѣе, что журналъ остается собственностью Погодина. Если же это можетъ быть, т. е. совершенно безопасно для журнала, тогда устраивай какъ хочешь, я на все согласенъ.

Еще одно: ты пишешь, что противники издаютъ Галатею. Кто же эти противники? Неужели ты такъ называешь Грановскаго и пр.? Если такъ, то не ошибаетесь ли вы и во мнѣ? Можетъ быть, вы считаете меня заклятымъ Славянофиломъ, и потому предлагаете мнѣ Москв... То на это я долженъ сказать, что этотъ Славянофильскій образъ мыслей я раздѣляю только *отъ части*, а *другую часть* его считаю *дальше отъ себя, чѣмъ самыя эксцентрическія мнѣнія Грановскаго.*

Я отмѣнно обрадованъ былъ извѣстіемъ, что ты и Языковъ начали писать. Отъ этого только подписываюсь на Москвит.

Увѣдомь меня, когда ты ѣдешь? Нашъ общій поклонъ Катеринѣ Михайловнѣ. Твой И. К.

14.

М. П. ПОГОДИНУ *).

(Кон. 1844 или нач. 1845 г.).

Что ты хочешь дѣлать съ Москвитяниномъ, совѣтуя перепечатывать въ него оффиціальныя пошлости тайнаго совѣтника Стурдзы? Онъ хотя и Стурдза, но хорошъ только какъ писатель-христіанинъ; а какъ начнетъ быть тайнымъ совѣтникомъ, то становится въ родѣ Сушкова, только нѣсколькими градусами оффиціальнѣе. Это просто убить журналъ, если печатать и еще перепечатывать такую пошлую лесть, восторженнымъ гласомъ произнесенную. Напиши къ нему что хочешь; придумай извиненіе, если нужно извиняться; а мнѣ кажется лучше поссориться, чѣмъ замараться.

Иннокентіева проповѣдь тоже холодные пустяки. Перепечатывать ее кажется не нужно, тѣмъ болѣе, что Воскресное Чтеніе вездѣ, гдѣ есть Москвитянинъ, и расходится въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ. Нельзя ли черезъ Лобкова попросить еще у митрополита, хотя той проповѣди на Великую Пятницу, на которой Платонъ написалъ ему: *Ты князь проповѣдниковъ.*

Статью о древней Русской торговлѣ давай сюда *непремѣнно.* Не это называется сухимъ предметомъ. Безъ такихъ статей Москвитянинъ опошлится. Онѣ-то и могутъ дать ему настоящій характеръ.

Надпись на билетахъ я теперь только прочелъ, и не понимаю, что тамъ написано. Что-то очень темно. Къ тому же надобно перемѣнить и то, что не 1-го, а 20-го числа будетъ выходить №.

15.

В. А. ЖУКОВСКОМУ **).

Москва. 28 Генваря (1845).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могу я отвѣчать Вамъ? Даже изъ учтивости, послѣ всего, что Вы для меня дѣлаете, кажется мнѣ приличнѣе молчать совсѣмъ, чѣмъ говоря не высказать всей благодарности, для

---

*) Съ подлинника. Было напеч. въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.
**) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 4.

чего не достало бы у меня ни словъ, ни умѣнья. Еще въ Ноябрѣ написано было у меня длинное письмо къ Вамъ, но не кончено и потому не послано. Потомъ перемѣнились нѣкоторыя обстоятельства, и надобно было писать другое. Между тѣмъ пришелъ Вашъ подарокъ Москвитянину, который, чѣмъ глубже тронулъ меня, тѣмъ крѣпче завязалъ языкъ. Не знаю, отъ чего со мной такъ бываетъ. Это какой-то психологическій недостатокъ, который прошу мнѣ простить, потому что я не умѣю съ нимъ сладить. Нынче 29-е Генваря. Поздравляю Васъ и всѣхъ Вашихъ, тамошнихъ и здѣшнихъ. Поздравляю Васъ также съ новымъ Жуковскимъ. Мы получили это извѣстіе съ живѣйшею радостью. Посылаю вамъ 1-й № Москвитянина. Онъ вышелъ поздно по многимъ причинамъ, частію внѣшнимъ, неисправность типографская, ценсура и пр., частію по внутреннимъ, неуспѣхъ, неумѣнье и пр. Маменька вѣроятно уже писала къ Вамъ о нашей потерѣ. Братъ Андрей обѣщалъ много. Но, кажется, именно лишнее усиленное развитіе внутренней жизни пришло въ разногласіе съ жизнію внѣшнею, и убило его этой дисгармоніей. Конечно Тотъ, Кто управляетъ судьбою міра и каждаго, лучше знаетъ, для чего жизнь и для чего смерть; но признаюсь, иногда трудно понять и не меньше трудно оторвать мысль отъ пониманія непонятнаго. Здоровье маменьки теперь, слава Богу, начинаетъ поправляться. Вчера она въ первый разъ выѣхала навѣстить меня, который немного простудился. Жена моя тоже нездорова. Она въ 8-мъ мѣсяцѣ и очень боится девятаго. У насъ вообще въ воздухѣ какія-то особенныя болѣзни, соединенныя съ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. Нѣкоторые изъ лучшихъ докторовъ говорятъ, что надобно измѣнить прежнія системы лѣченія, потому что болѣзни принимаютъ какой-то новый характеръ. Жена моя хотѣла сама писать къ Вамъ, но не въ состояніи теперь этого сдѣлать. Она поручила мнѣ сказать Вамъ, что Ваша строгость съ Вашею маленькою Сашенькой можетъ быть очень легко замѣнена другимъ средствомъ, которое извѣстно ей по многимъ опытамъ. Вмѣсто наказаній, которыя въ этомъ случаѣ рѣдко, и очень рѣдко приносятъ пользу, нуженъ только бдительный надзоръ няньки или того, кто смотритъ за ребенкомъ....

Въ недокончанномъ и непосланномъ письмѣ моемъ я изложилъ Вамъ подробно о Москвитянинѣ, и причины, меня побудившія взять его на свои руки, и цѣль мою, и планъ, и надежды, и опасенія. Теперь постараюсь изложить одно существенное. Тому года три, я просилъ К. В.*) справиться гдѣ слѣдуетъ, могу ли я писать и участвовать въ журналахъ: ему отвѣчали, что мнѣ былъ запрещенъ Евр. (этому теперь 13 лѣтъ), но не запрещалось никогда писать гдѣ хочу, и что

---

*) Князя П. А. Вяземскаго.

Пол. и Над. *) не только пишутъ, но и сами издаютъ другіе журналы послѣ запрещенія своихъ. Теперь, передъ условіемъ съ Погод. я спрашивалъ совѣта гр. Стр. **), и онъ полагалъ, что почитаетъ участіе мое возможнымъ. Но Погодина имя (и) отвѣтственность не могутъ быть сняты безъ особаго разрѣшенія, для котораго нужно время. Въ то же время Погод. увѣдомилъ Министра о передачѣ мнѣ редакціи, изъ чего явствуетъ, что хотя я издаю подъ чужимъ именемъ, но не обманомъ, не изъ подъ тишка, а съ вѣдома правительства. Между тѣмъ въ стихахъ Вашихъ имени моего не пропустили, потому что Вы говорите о *моемъ* журналѣ. Причины, побудившія меня взяться за это дѣло, были частію личныя слабости, частію умственныя убѣжденія. Личныя заключаются въ томъ, что 1-е я удостовѣрился, что для дѣятельности моей необходимо внѣшнее побужденіе, срокъ, не отъ меня зависящій. 2-е, журнальная дѣятельность мнѣ по сердцу. 3-е, въ уединенной работѣ я такой охотникъ grübeln, что каждая мысль моя идетъ ракомъ. Въ журналѣ внѣшняя цѣль даетъ ей границы, и показываетъ дорогу. Къ тому же во мнѣ многое дозрѣло до статьи, что далеко еще не дозрѣло до книги. Выраженное въ отрывкахъ, оно придвинетъ меня къ полнѣйшему уразумѣнію того, что̀ мнѣ недостаетъ. Къ тому же дѣятельность, возбужденная внѣшними причинами, можетъ быть обратится въ привычку (хотя въ послѣднемъ я крѣпко сомнѣваюсь). Сверхъ всего этого я имѣлъ въ виду и то, что если журналъ пойдетъ, то дастъ мнѣ возможность не жить въ деревнѣ, которую я не умѣю полюбить несмотря на многолѣтнія старанія, и позволитъ мнѣ жить въ Москвѣ, которую я, также несмотря на многія старанія, не умѣю отдѣлить отъ воды, отъ воздуха, отъ свѣта. Таковы были личныя причины. Важнѣе этого было то обстоятельство, что многіе изъ моихъ Московскихъ друзей объявили мнѣ, что моя редакція Москвит. будетъ для нихъ причиною дѣятельности. Но надъ всѣмъ этимъ носилась та мысль, или можетъ быть та мечта, что теперь именно пришло то время, когда выраженіе моихъ задушевныхъ убѣжденій будетъ и не безполезно и возможно. Мнѣ казалось вѣроятнымъ, что въ наше время, когда Западная словесность не представляетъ ничего особенно властвующаго надъ умами, ни какаго начала, которое бы не заключало въ себѣ внутренняго противорѣчія, ни какаго убѣжденія, которому бы вѣрили сами его проповѣдники, что именно теперь пришелъ часъ, когда наше Православное начало духовной и умственной жизни можетъ найти сочувствіе въ нашей такъ называемой образованной публикѣ, жившей до сихъ поръ на вѣру въ Западныя системы. Христіанская истина, хранившаяся до сихъ поръ въ одной нашей церкви, не искаженная свѣтскими интересами папизма, неизломан-

---

*) Полевой и Надеждинъ.
**) Графа С. Г. Строганова, попечителя Московскаго учебнаго округа.

ная гордостью саморазумѣнія, неискривленная сентиментальною напряженностію мистицизма,—истина самосущная, какъ сводъ небесный, вѣчно новая, какъ рожденіе, неизбѣжная какъ смерть, недомыслимая, какъ источникъ жизни,—до сихъ поръ хранилась только въ границахъ духовнаго Богомыслія. Надъ развитіемъ разумнымъ человѣка, надъ такъ называемымъ просвѣщеніемъ человѣчества господствовало начало болѣе или менѣе искаженное, полу-языческое. Ибо малѣйшее уклоненіе въ прицѣлѣ кладетъ пулю въ совершенно другую мѣту. Отношеніе этого чистаго Христіанскаго начала къ такъ называемой образованности человѣческой составляетъ теперь главный жизненный вопросъ для всѣхъ мыслящихъ у насъ людей, знакомыхъ съ нашею духовною литературою. Къ этому же вопросу, дальше или ближе, приводятся всѣ, занимающіеся у насъ древне-русскою исторіей. Слѣд. я могъ надѣяться найти сочувствіе въ развитіи моего убѣжденія. Вотъ почему я рѣшился испытать журнальную дѣятельность, хотя и знаю, что неудача въ этомъ случаѣ была бы мнѣ почти не подъ силу. Я говорю не подъ силу въ нравственномъ отношеніи, потому что въ финансовомъ я не рискую. Издателемъ остается Погодинъ, съ его расходами и барышами, покуда будетъ такое количество подписчиковъ, что мнѣ можно будетъ безъ убытка заплатить ему извѣстную сумму за право изданія. Но если журналъ не пойдетъ, не встрѣтитъ сочувствія, то эта ошибка въ надеждахъ вѣроятно уже будетъ послѣднимъ изъ моихъ опытовъ литературной дѣятельности. Представьте-жъ, каково было мое положеніе, когда въ концѣ Декабря я увидѣлъ, что для 1-го №, который долженъ былъ рѣшить судьбу журнала, у меня нѣтъ ничего, кромѣ стиховъ Языкова, моихъ статей и маменькиныхъ переводовъ. Присылка Вашихъ стиховъ оживила и ободрила меня. Я почувствовалъ новую жизнь. Потомъ получилъ Слово Митрополита. За три для до выхода книжки выказалъ Погодинъ сказку Луганскаго, таившуюся у него подъ спудомъ. Прошу сказать мнѣ подробно Ваше мнѣніе объ этомъ номерѣ: оно будетъ мнѣ руководствомъ для другихъ. Отрывокъ изъ письма Вашего объ Одиссеѣ нельзя было не напечатать. Это одна изъ драгоцѣннѣйшихъ страницъ нашей литературы. Тутъ каждая мысль носитъ сѣмена совершенно новаго, живаго воззрѣнія. Одиссея Ваша должна совершить переворотъ въ нашей словесности, своротивъ ее съ искусственной дороги на путь непосредственной жизни. Эта простодушная искренность поэзіи есть именно то, чего намъ недостаетъ и, что мы, кажется, способнѣе оцѣнить, чѣмъ старые хитрые народы, смотрящіеся въ граненыя зеркала своихъ вычурныхъ писателей. Живое выраженіе народности Греческой разбудитъ понятіе и объ нашей, едва дышущей въ умолкающихъ пѣсняхъ. Кстати къ пѣснямъ, изъ собранія, сдѣланнаго братомъ, одинъ томъ уже почти годъ живетъ въ Петербургской цензурѣ, и судьба его до сихъ поръ еще не рѣшается. Они сами знали только пѣсни иностранныя, и думаютъ, что

русскія—секретъ для Россіи, что ихъ можно *не пропустить*. Между русскими пѣснями и русскимъ народомъ—Петербургская цензура! Какъ будто народъ пойдетъ спрашиваться у Никитенки, какую пѣсню затянуть надъ сохою. Братъ мой недавно пріѣхалъ изъ деревни и помогаетъ мнѣ въ журналѣ. Адресъ мой: Въ Большомъ Знаменскомъ пер., подлѣ церкви Ржевской Божіей Матери, въ домѣ Бернгардъ. Адресъ матушки: Противъ Пожарнаго депо въ приходѣ Покрова въ Левшинахъ въ домѣ г-жи Воейковой. Калачи Московскіе спрашиваютъ у меня всякій день, когда Василій Андреевичъ будетъ насъ кушать? Что прикажете имъ отвѣчать? Надолго ли уѣхалъ отъ васъ Гоголь? Если будете писать ко мнѣ, если доставите мнѣ эту истинную радость, то скажите что нибудь объ немъ. Особенно хотѣлось бы мнѣ слышать отъ Васъ о томъ сильномъ религіозномъ направленіи, которое кажется теперь овладѣло имъ. Откуда оно развилось, куда идетъ и до куда дошло. Страшно, чтобы въ Парижѣ не подольстились къ нему Іезуиты. Изучалъ ли онъ особенно нашу Церковь?

Баронъ Черкасовъ здѣсь, а братъ его, не баронъ, въ деревнѣ подлѣ насъ. Мы видались довольно часто. Онъ человѣкъ очень замѣчательный, чисто-нравственный, не шутя вѣрующій, и живущій по убѣжденію. Мачиха отдала ему свое имѣніе. А онъ изъ благодарности посвящаетъ ей и ея дѣтямъ свою жизнь, занимается ея хозяйствомъ, снимаетъ планы съ ея земель и работаетъ съ утра до вечера, какъ только позволяетъ ему его разстроенное здоровье.

Москву теперь занимаютъ больше всего балы, безпрестанные, очень, какъ говорятъ, приличные, т. е. дорогіе, и довольно неприличные, и, тоже какъ говорятъ, не очень веселые. Теперь прекратились по причинѣ траура. О лекціяхъ Шевырева Вы прочтете въ Москвитянинѣ. Новое филантропическое общество дамъ, результатъ Mystères de Paris, занимаетъ почти всѣхъ. Отыскиваютъ des pauvres honteux, и никакъ не могутъ найти. А между тѣмъ прежняя милостыня Русская исчезаетъ. Даже на Церковь перестаютъ подавать. Здоровье Яке-пузана *) кажется поправляется, но все еще плохо. Онъ пишетъ много, и стихъ его кажется сталъ еще блестящѣе и крѣпче. Хомяковъ пишетъ больше прозою (*больше* сказано въ противуположность къ *очень мало* въ бильярдномъ смыслѣ). Во второмъ № Москв. Вы увидите его статью. Чертковъ издалъ второе Прибавленіе къ своему каталогу,—вещь великолѣпная. Жена моя готовится издать дополненіе къ семейству господъ Кирѣевскихъ. Она кланяется Вамъ и Вашей женѣ и поздравляетъ.

Вашъ И. Кирѣевскій.

---

*) Н. М. Языковъ.

16.

М. П. ПОГОДИНУ *).

(*Начало 1846 г.*).

Любезный Погодинъ! Честь тебѣ и слава, и благодарность ото всѣхъ, кто дорожитъ памятью Карамзина и славою Россіи. Я прочелъ твое *Слово* **) съ истиннымъ наслажденіемъ. Давно ничто литературное не производило на меня такого впечатлѣнія: Карамзинъ явился у тебя въ своемъ истинномъ видѣ, и такимъ образомъ рѣчь твоя воздвигаетъ ему въ сердцѣ читателя великій памятникъ, лучше Симбирской бронзы. Замѣчаній, которыхъ ты отъ меня требуешь, я сдѣлалъ не много. Оттого ли, что большія красоты заслонили отъ меня мелкіе недостатки, или оттого, что ихъ нѣтъ, только вотъ все, что я замѣтилъ:

№ 1. *Согражданина вашего.* Онъ не Симбирскій, а Русскій гражданинъ, и слѣдовательно—согражданинъ всѣхъ насъ. Эту честь намъ уступать нельзя. Не лучше ли сказать: *согорожанина вашего, нашего общаго согражданина...*

№ 2. Не одинъ Симбирскъ ставилъ памятникъ Карамзину; потому выражавшій свои чувства при этомъ случаѣ не могъ быть *органомъ однихъ Симбиряковъ.* Нельзя ли сказать *органомъ общаго чувства...*

№ 3. О книжной лавкѣ Карамзинъ не заботился. Сочиненія его продавались безъ его хлопотъ. Не вѣрнѣе ли будетъ: *между типографіей и письменнымъ столомъ.*

№ 4. Въ прежніе вѣка не было *безусловныхъ вѣрноподданныхъ.* Сколько князей изгонялось за нарушенія условій! Одно подозрѣніе въ злодѣяніи Бориса возстановило противъ него всю Россію. Одно неуваженіе къ обрядамъ и обычаямъ Русскимъ уничтожило Самозванца. А тѣ грамоты, на которыхъ цѣловали крестъ наши властители при восшествіи на престолъ отъ Шуйскаго до Анны?—Нѣтъ, то-то и особенность нашего прежняго вѣрноподданства, что оно было *не безусловное,* но напротивъ условленное *законностью.* Самое слово вѣрноподданный какъ-то нейдетъ къ характеру прежнихъ вѣковъ. Въ немъ закалъ новаго времени. Оно изъ лексикона Θеофана и Яворскаго. Къ тому же весь конецъ этого періода слишкомъ пахнетъ риторикой, хотя начало его прекрасное.

№ 5. Нельзя ли сказать: *который по примѣру древнихъ, забытыхъ вѣковъ...*

№ 6. Можно ли сказать: *честь и слава вѣку и государству,* гдѣ *крѣпостный крестьянинъ* и пр.?..

---

*) Барсуковъ, *Погодинъ,* т. VIII стр. 221.
**) „Историческое Похвальное Слово Карамзину“ М. П. Погодина.

№ 7. Не правильнѣе ли: *забытый въ прошедшемъ вѣкѣ*? Потому что въ прежніе вѣка мы безъ сравненія больше цѣнили доблести нравственныя и внутреннія, религіозныя, чѣмъ внѣшнія, видимыя.

№ 8. Что за *правила твоего искусства*? и зачѣмъ объ нихъ думать?—Все, что наводитъ на риторику, наводитъ и на зѣвоту.

№ 9. Что такое—*Русскій Богъ*?—Вообще эта манера говорить о Ломоносовѣ уже очень опошлилась. *Тамъ, на берегу Бѣлаго моря* и проч. Не лучше ли такъ: Богу угодно было, чтобы еще при жизни Самодержца, преобразователя Государства, родился тотъ крестьянинъ, которому предназначено было преобразовать наше слово. Черезъ пятнадцать лѣтъ и пр.

№ 10. *Вѣдь* что-то не въ тонѣ. Не лучше ли и *моменты* замѣнить *ступенями*, или по крайней мѣрѣ *періодами*.

№ 11. Здѣсь, кажется, мѣсто упомянуть о *Новиковѣ* и представить въ настоящемъ свѣтѣ его вліяніе на Карамзина. Ты, правда, упомянулъ о немъ въ другомъ мѣстѣ, но только что упомянулъ. Въ памяти о Карамзинѣ Новиковъ долженъ занимать не такое мѣсто. Конечно, собственный геній и внутренній голосъ были руководителями Карамзина; но кто раскрылъ въ немъ этотъ геній? Кто освободилъ этотъ голосъ отъ шума мелкой жизни? Кто вдохнулъ живительную мысль и далъ средства къ высокому направленію жизни?—Хорошо бы было представить здѣсь это общество незамѣтныхъ дѣлателей, трудящихся въ тишинѣ и безъ славы, безъ выгодъ, на пользу человѣчества и Отечества. Карамзинъ могъ сблизить языкъ съ естественностію и съ дѣйствительною жизнію потому, что жизнь дѣйствительная уже получила то высокое значеніе, которое было ею утрачено, и безъ котораго она не могла имѣть образованнаго слова. Карамзинъ разрѣшилъ вопросъ потому, что вопросъ уже былъ предложенъ и данныя къ рѣшенью готовы.

№ 12. *Успокоившись*—лишнее. Можетъ быть, писатель испытывалъ сильное волненіе, но читатель еще спокоенъ, хотя и заинтересованъ.

№ 13. *Произвести впечатлѣніе о себѣ въ правительствѣ*—не по Русски.

№ 14. Бабушка Екатерина Аѳанасьевна Протасова, при которой мы читали твою рѣчь, замѣтила при этомъ случаѣ, что вмѣстѣ съ необыкновеннымъ успѣхомъ, который имѣла *Бѣдная Лиза*, вмѣстѣ съ необыкновеннымъ восторгомъ возбудила она и сильныхъ, горячихъ порицателей, которые говорили тогда, что при этомъ упадкѣ искусства остается уже ожидать только того, чтобы писатели называли своихъ героевъ еще и *по отчеству*!—Вы увидите, говорили они, назовутъ! право назовутъ и по отчеству! За это злонамѣренное пророчество сердились тогда всѣ обожатели Карамзина.

№ 15. Прекрасный отрывокъ: здѣсь весь Карамзинъ въ зародышѣ. Здѣсь слышанъ и Новиковъ. Не тутъ ли сказать объ немъ?

№ 16. Начиная съ *крестьянской*; задача—не крестьянская, хотя и о крестьянахъ. Нужно другое слово.

№ 17. Зачѣмъ объявлять эту тайну?

№ 18. Слово *республиканская свобода* колетъ глаза. Не лучше ли *народная*?

№ 19. Какъ хочешь, *закрывъ глаза*—не хорошо. Потому-то онъ и ринулся въ бездну Русской Исторіи, что *открылъ глаза*, которые у другихъ были закрыты.

№ 20. Не лишняя ли эта вставка отъ черты до черты? Зачѣмъ тутъ разсужденіе о правилахъ науки или искусства? Не лучше ли прямо начать: *Въ приготовленіи матеріаловъ* и проч.

№ 21. Ужъ это слишкомъ! Богословамъ начинать съ *Карамзина!*

№ 22. Какъ остальныя выписки твои всѣ кстати и объясняютъ твою мысль, такъ эта выписка, надобно признаться, самая несчастная. Подумай хорошенько, можно ли безъ оговорки выставить эту мысль *Карамзина*?—Если была темная точка въ свѣтломъ умѣ *Карамзина*, то, конечно, это смѣшеніе понятій о единовластіи и самовластіи, о воспитаніи *грубаго и невѣжественнаго народа просвѣщеннымъ правительствомъ!*—Здѣсь начало раздвоенія между правительствомъ и народомъ.—*Разумъ* народа—въ церквахъ, въ университетахъ, въ литературѣ, въ убѣжденіяхъ сословій и пр.—Въ правительствѣ—народная *воля*; можетъ ли быть *воля* умнѣе *разума*? Можетъ *казаться* умнѣе, когда, не слушаясь разума, *подражаетъ* чужому образу дѣйствій. Отсюда минутный блескъ и неминуемое разстройство организма. Оттого Петръ идетъ не въ пути народа, а наперекоръ ему. Однимъ словомъ, здѣсь то вся завязка вопроса между Востокомъ и Западомъ въ Русскомъ образѣ мыслей. Приводя Карамзина безъ возраженій, ты опровергаешь самъ себя.

№ 23. Языкъ *произвестися* не можетъ.

№ 24. Отчего Жуковскій названъ воспитанникомъ Карамзина, а не просто другомъ?

Но главное, что можно замѣтить о всей рѣчи, это то, что она производитъ впечатлѣніе сильное и написана, и дѣйствуетъ прекрасно. Честь тебѣ и слава!

17.

М. В. КИРѢЕВСКОЙ *).

17 Марта 1847.

Ты пишешь, милая сестра, что тебя давно уже *преслѣдуетъ* мысль о освобожденіи крестьянъ, что ты молишься Богу, чтобы Онъ позволилъ тебѣ осуществить эту сладкую мечту, что думаешь, что и мы

*) Съ подлинника.

въ этомъ случаѣ одобримъ твое желаніе и просишь нашихъ совѣтовъ о томъ, какъ бы привести въ *дѣйствительное исполненіе* твое намѣреніе.—Благодарю тебя за то, что ты сообщила намъ свою мысль и хочешь знать наше мнѣніе. Долгомъ сердца считаю, сказать его тебѣ съ полною искренностію.

Но прежде, чѣмъ я скажу тебѣ свое мнѣніе о *твоемъ* дѣлѣ, я считаю также долгомъ сказать тебѣ мои убѣжденія объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи *вообще*, для того, чтобы ты не предполагала во мнѣ такаго мнѣнія, котораго я не имѣю, и не придала бы отъ того моимъ совѣтамъ болѣе вѣсу, чѣмъ сколько они заслуживаютъ.

Правда, у насъ теперь безпрестанно толкуютъ объ эмансипаціи, Кошелевъ, Хомяковъ и другіе. Но я ихъ мнѣнія не раздѣляю. Не потому, чтобы я считалъ хорошимъ и полезнымъ для Россіи оставить навсегда крѣпостное состояніе; не потому даже, чтобы я считалъ это возможнымъ; крѣпостное состояніе должно со временемъ уничтожиться, когда предварительно будутъ сдѣланы въ Государствѣ другія перемѣны, законность судовъ, независимость частныхъ лицъ отъ произвола чиновниковъ, и многія другія, которыхъ здѣсь исчислять не нужно;—но въ теперешнее время, я думаю, что такая всеобъемлющая перемѣна произведетъ только смуты, общее разстройство, быстрое развитіе безнравственности, и поставитъ отечество наше въ такое положеніе, отъ котораго сохрани его Богъ!—И что такое свобода безъ законности?—Зависимость отъ продажнаго чиновника, вмѣсто зависимости отъ помѣщика.—Но выгоды помѣщика больше или меньше связаны съ благосостояніемъ его крестьянъ; но, говоря вообще, помѣщики самые дурные имѣютъ больше совѣсти, чѣмъ чиновники; кромѣ совѣсти, въ нихъ есть, больше или меньше, чувство чести, которое мѣшаетъ имъ злоупотреблять свою власть; есть зависимость отъ мнѣнія другихъ, которая была причиною, что отношенія ихъ къ крестьянамъ каждый годъ улучшаются, и съ тѣхъ поръ уже какъ я помню, измѣнились совершенно. Чиновникъ же не связанъ ничѣмъ, кромѣ своей выгоды и другими чиновниками, тоже продажными. Ты знаешь сама, въ какомъ положеніи Государственные крестьяне, а если не знаешь, то спроси брата Петра, или священника Александра Петровича, или любаго сосѣда или купца, который знаетъ ихъ положеніе, и скажи послѣ того, стоитъ-ли это положеніе того, чтобы производить переворотъ въ Россіи?

Но это я говорю объ *общемъ* освобожденіи крестьянъ въ Россіи; что нисколько не мѣшаетъ частнымъ людямъ освобождать своихъ крестьянъ, если они думаютъ доставить имъ лучшее положеніе. Но подумай по совѣсти (не увлекаясь желаніемъ сдѣлать поступокъ, который люди могутъ хвалить; не увлекаясь самолюбивымъ удовольствіемъ сказать самой себѣ: я освободила крестьянъ своихъ, я поступила по совѣсти! когда въ самомъ дѣлѣ поступокъ твой будетъ носить громкое имя

не измѣняя ничего на дѣлѣ), подумай: въ самомъ-ли дѣлѣ лучше будетъ твоимъ крестьянамъ заплатить за себя 100 т. и получить зато право называться свободными, подпавъ подъ власть чиновниковъ, чѣмъ не называясь свободными быть такими на дѣлѣ, и не платя 100 т. рублей (которыхъ у нихъ нѣтъ, и которыхъ добываніе ихъ непремѣнно запутаетъ), платить тебѣ ежегодно самый маленькій оброкъ, нисколько ихъ не стѣсняющій и не породившій въ нихъ никогда ни малѣйшей жалобы?—Подумай это по совѣсти и спроси сама себя въ глубинѣ сердца: *не тщеславіе-ли передъ самой собою* заставляетъ тебя желать измѣнить ихъ положеніе?—Если ты думаешь, что они этаго желаютъ, то ты ошибаешься: желать этаго можетъ быть могутъ нѣсколько человѣкъ, которые побогаче другихъ, но вообще ихъ это извѣстіе испугало. По крайней мѣрѣ я такъ слышалъ отъ нихъ же. Они говорятъ, что живутъ подъ твоимъ крыломъ *какъ у Христа за пазухой*, перемѣны всякой боятся и деньги за свой выкупъ платить очень затрудняются. Всего же болѣе боятся они того, чтобы ты ихъ не продала, потому, какъ они говорятъ, что сумму за ихъ выкупъ ты назначила такую малую, что тебѣ другіе помѣщики охотно дадутъ много больше, и тогда они могутъ попасть въ дурныя руки. Нѣкоторые помѣщики уже слышали тамъ о твоемъ намѣреніи, и хотятъ покупать ихъ у тебя, и думаютъ дать тебѣ больше 100 т., полагая, что ты дѣлаешь это нуждаясь въ деньгахъ. Изъ нихъ есть одинъ, особенно, котораго крестьяне боятся, какъ человѣка дурнаго и злаго. Но я увѣренъ, что ты не продашь ихъ, и потому объ этомъ не распространяюсь.

Къ этому прибавлю еще, что я зналъ нѣкоторыхъ отмѣнно почтенныхъ людей, между ними назову К. Ѳ. Муравьеву, которые также хотѣли заключить съ своими крестьянами условіе, по которому они имѣли бы право выкупаться въ свободные хлѣбопашцы; но разобравъ дѣло вблизи и посовѣтовавшись съ людьми знающими, хотя и сдѣлали они многія для того предварительныя дѣйствія, и употребили много хлопотъ, и крестьяне были согласны и правительство позволило, но однако они убѣдились, что это условіе будетъ во вредъ обѣимъ сторонамъ, и оставили дѣло по прежнему.

Въ дополненіе этаго я еще скажу тебѣ, что правительство теперь вольныхъ хлѣбопашцевъ уничтожаетъ и обращаетъ ихъ въ Государственные крестьяне. Вчера еще слышалъ я, что огромное Демидовское имѣніе (кажется 6 т. душъ), которое было вольными хлѣбопашцами, теперь обращено въ Государственныхъ крестьянъ подъ общее управленіе окружныхъ чиновниковъ.—Каково будетъ твоимъ крестьянамъ, заплативши тебѣ 100 т. вдругъ очутиться подъ властію чиновника, который заставитъ ихъ платить двойной оброкъ противъ того, который они платятъ тебѣ? Потому что, казенный оброкъ вмѣстѣ съ окладомъ на жалованіе чиновникамъ или управляющимъ, болѣе 8 р. серебромъ съ души, тогда какъ тебѣ они платятъ около 4 р. сер. съ

души.—Но сколько еще сходитъ съ Государственныхъ крестьянъ незаконныхъ поборовъ, и сколько несправедливостей отъ пьяныхъ и полномочныхъ писарей, отъ волостныхъ, отъ окружныхъ и пр.!!—Сколько соблазновъ къ беззаконному дѣйствованію посредствомъ подкуповъ!—Какая опасность отъ откупщиковъ, которые могутъ поставить у нихъ кабаки, харчевни, противъ ихъ воли дать имъ соблазнъ и пр. Возьми еще и то въ соображеніе, что выплачивая тебѣ откупную сумму они непремѣнно войдутъ въ зависимость ростовщиковъ, которые высасываютъ обыкновенно всю нравственную кровь у крестьянъ; а ты сама, между тѣмъ, получая ихъ выкупъ не вдругъ, а по срокамъ, непремѣнно истратишь деньги по мѣрѣ ихъ полученія и потомъ останешься безъ ничего, и не будешь въ состояніи быть полезною никому, сдѣлавъ еще вредъ мужикамъ.—

Вотъ мое мнѣніе. Обсуди его безъ страсти и пристрастія. Если же, разсудивъ, ты останешься при своемъ намѣреніи, то прошу написать ко мнѣ, и я тотчасъ же поѣду къ знающимъ это людямъ и пришлю тебѣ форму условія и пр.

Еще одно считаю тебѣ не лишнимъ сказать: Если ты боишься, что послѣ твоей смерти положеніе крестьянъ твоихъ измѣнится, то ты можешь сдѣлать какое хочешь завѣщаніе и положить его для вѣрности въ Опекунскій Совѣтъ, такъ, что крестьяне твои во всякомъ случаѣ и несмотря ни на какихъ наслѣдниковъ будутъ послѣ тебя или обязанными на такихъ или другихъ условіяхъ, или совершенно свободными, смотря по тому, какъ ты сочтешь за лучшее.—Но для этаго хорошо бы было, чтобы завѣщаніе твое сдѣлано было въ тайнѣ, чтобы не возбудить у крестьянъ мыслей, которыя могутъ быть имъ вредны прежде времени.—А покуда ты жива продолжай управлять ими какъ дѣлала до сихъ поръ, бери съ нихъ легкій оброкъ, дай имъ свободу управлять собою, не предай ихъ въ обиду чиновниковъ, и они будутъ благословлять тебя такъ всегда, какъ теперь благословляютъ.

Обнимаю тебя. Твой братъ И. Кирѣевскій.

(Приписка П. В. Кирѣевскаго).

Я было хотѣлъ также писать къ тебѣ нынче объ этомъ дѣлѣ, но братъ прочелъ мнѣ свое письмо и такъ какъ я съ этимъ мнѣніемъ *совершенно согласенъ*, какъ я уже и говорилъ тебѣ прежде, то и не считаю уже нужнымъ повторять тоже. Пуще всего желаю, чтобы ты обдумала это какъ можно больше, и *не спѣшила*.

Крѣпко тебя обнимаю. Мы всѣ, слава Богу, здоровы.

10 марта.

Твой братъ Петръ К.

(Опять рукою И. В.).

Написавши это письмо, я отдалъ его Кошелеву, и при томъ разсказалъ, въ какомъ положеніи твои крестьяне находятся. Онъ сказалъ

мнѣ, что хотя онъ и эманципаторъ ex officio, однако тебѣ ни какъ не посовѣтуетъ освобождать, а оставить какъ есть. Потомъ онъ написалъ прилагаемое письмо, въ которомъ совсѣмъ его немного запуталъ, я думаю отъ желанія проповѣдовать свою любимую тему. Послѣ того я его видѣлъ, и онъ тоже говоритъ, что тебѣ никакъ не слѣдуетъ и нѣтъ причины эманципировать, и что ты сдѣлаешь этимъ только вредъ, а не пользу твоимъ крестьянамъ. А въ письмѣ его это не такъ ясно.

Обнимаю тебя еще разъ.

18.

(МОСКОВСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ) *).

(*Мартъ—апрѣль 1847 г.*).

28-го Марта **) въ день 700 лѣтія Москвы, не смотря на ужасную дорогу, не смотря на нѣкоторыя домашнія обстоятельства, которыя требовали моего присутствія дома, я отправился черезъ всю Москву на Дѣвичье поле къ М. П. Погодину, потому что зналъ, что у него собираются въ этотъ день нѣкоторые изъ моихъ друзей, люди, соединенные между собою, кромѣ многихъ разнородныхъ отношеній, еще особенно общею имъ всѣмъ любовью къ Москвѣ, съ именемъ которой смыкается болѣе или менѣе образъ мыслей каждаго изъ насъ, представляя съ этой стороны преимущественно точку взаимнаго сочувствія. Я надѣялся, что когда такіе люди соберутся вмѣстѣ во имя Москвы, и безъ того соединяющей ихъ мысли, то самое это обстоятельство оживитъ въ нихъ сознаніе ихъ взаимнаго сочувствія. Сознаніе это, думалъ я, возбудитъ въ нихъ потребность отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ именно есть общаго между всѣми и каждымъ; узнать, что̀ остается еще разногласнаго, искать средства разрѣшить это разногласіе и наконецъ понять возможность сочувствія болѣе полнаго, болѣе живого, болѣе живительнаго и плодоноснаго. Я ожидалъ много отъ этого дня. По камнямъ и грязи, въ саняхъ, шагомъ, тащился я полтора часа, довольно мучительно подпрыгивая на толчкахъ и ухабахъ. Но чѣмъ труднѣе было путешествіе, тѣмъ болѣе утѣшался я мыслію, что люди, которые рѣшатся на такой трудъ, вѣроятно, сдѣлаютъ это не безъ цѣли.

Какъ часто прежде, находясь въ кругу этихъ людей, проникнутыхъ однимъ благороднымъ стремленіемъ, но раздѣленныхъ тысячью недоразумѣній, страдалъ я внутренно отъ тѣхъ однообразныхъ повтореній

---

*) *Рус. Арх.* 1904, кн. 8, стр. 495.
**) 1847 года.

нѣкоторыхъ, всѣмъ общихъ, но всѣми различно понимаемыхъ, фразъ, отъ той недоконченности всякой мысли, отъ тѣхъ безконечныхъ, горячихъ и вмѣстѣ сухихъ, ученыхъ, умныхъ, и вмѣстѣ пустыхъ споровъ, которые наполняли всѣ ихъ взаимныя отношенія и явно свидѣтельствовали о томъ, что темныя сочувствія между ними не только не развились въ единомыслiе, но что даже они и не видали этого разногласія, или видѣвши не тяготились имъ; не чувствовали потребности углубиться въ самый корень своихъ убѣжденій и, укрѣпившись единомысленно въ началѣ, согласиться потомъ и во всѣхъ его существенныхъ приложеніяхъ, и такимъ образомъ сомкнуться всѣмъ въ одну живую силу, на общее дѣло жизни и мысли.

Что̀ могли бы сдѣлать эти люди, думалъ я, если бы они отдали себѣ послѣдній отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ и сознательно соединились вмѣстѣ. Сколько лѣтъ жизни погибло понапрасну отъ того только, что, соединясь случайно, они никогда не думали о соединеніи сознательномъ! Но вотъ теперь наконецъ собираются они во имя одной общей имъ мысли: наконецъ начнется новая жизнь въ ихъ избранномъ кругу.

Нужно ли продолжать? Каждый изъ васъ знаетъ, въ чемъ состояло это соединеніе ваше во имя общей вамъ мысли. По камнямъ и грязи, по толчкамъ и ухабамъ тащились вы ровно безъ всякой цѣли. Когда же я видѣлъ, что собраніе ваше кончается ничѣмъ, хотѣлъ я напомнить вамъ о причинѣ, насъ соединившей, о необходимости большей связи между нашими мнѣніями, о неясности, въ которой убѣжденія наши находятся, не только относительно другихъ, но даже и относительно насъ самихъ: тогда нѣкоторые изъ васъ не могли разсуждать объ этомъ, потому что должны были слушать Плесси, другіе ѣхать на вечеръ, третьи по дѣламъ, а нѣкоторые даже выразили ту мысль, что между нами недоразумѣній никакихъ нѣтъ; что если есть нѣкоторыя разномыслія, то они несущественны и происходятъ единственно отъ различія нашихъ индивидуальностей, и, слѣдовательно, никогда разрѣшены въ согласіе быть не могутъ; что впрочемъ мы всѣ отдали себѣ самый полный и крайній отчетъ въ нашихъ убѣжденіяхъ и, слѣдовательно, ни сами узнать, ни другъ другу сообщить ничего новаго не можемъ, кромѣ нѣкоторыхъ, случайно тѣмъ или другимъ узнанныхъ, фактовъ.

Противъ этого мнѣнія, которое я полагаю не только несправедливымъ, но и прямо тлетворнымъ, разрушительнымъ для всякой возможности общаго дѣла между нами, не безполезно будетъ, я думаю, выяснить тѣ разногласія, которыя находятся въ нашихъ мнѣніяхъ, и пояснить тѣ противорѣчія, которыя доказываютъ неразвитость нашего внутренняго сознанія.

Во-первыхъ, мы называемъ себя Славянами, и каждый понимаетъ подъ этимъ словомъ различный смыслъ. Иной видитъ въ славянизмѣ

только языкъ и единоплеменность, другой понимаетъ въ немъ противоположность Европеизму, третій—стремленіе къ народности, четвертый—стремленіе къ православію. Каждый выдаетъ свое понятіе за единственно законное и исключаетъ все выходящее изъ другого начала. Но противорѣчатъ ли эти понятія и стремленія одно другому, или есть между ними что-либо общее, что̀ связываетъ ихъ въ одно начало? Этого до сихъ поръ между нами не объяснено. Если въ самомъ дѣлѣ наши различія въ этомъ отношеніи только различные виды одного общаго начала: то, сознавъ это, мы подчинили бы ему свои частныя воззрѣнія и не ослабляли бы другъ друга безконечными противорѣчіями.

2. Самое понятіе о *народности* между нами также совершенно различно. Тотъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ одинъ, такъ называемый *простой народъ;* другой ту *идею* народной особенности, которая выражается въ нашей исторіи; третій—тѣ слѣды церковнаго устройства, которые остались въ жизни и обычаяхъ нашего народа, и пр. и пр. и пр. Во всѣхъ этихъ понятіяхъ есть нѣчто общаго, есть и особенное. Принимая это особенное за общее, мы противорѣчимъ другъ другу и мѣшаемъ правильному развитію собственныхъ понятій. Къ тому же каждое изъ этихъ особыхъ понятій противорѣчитъ само себѣ и потому доказываетъ неразвитость сознанія. Такъ, напр., въ стремленіи къ народности полагаютъ условіе, такъ сказать, нашего спасенія, и возможность просвѣщенія Русскаго, и спасенія Европы, и развитія науки и изяществъ и пр., и пр., а между тѣмъ народность ограничивать простонародностью значитъ: отрѣзывать отъ начала народнаго все то, чего въ этой простонародности не заключается, а что̀ въ ней заключается дѣйствительно народнаго, то принимать въ видѣ односторонемъ, т. е. особенное отраженіе его въ простонародности почитать за его нормальное выраженіе. Если же прибавимъ, что при этомъ понятіи требуется отъ каждаго, кто не хочетъ погибнуть какъ хворостъ въ печи, чтобы онъ всѣ усилія своего духа употребилъ на то, чтобы умиротворить въ себѣ все, что̀ можетъ быть противно этой народности и образовать себя и внутренно и внѣшне согласно понятіямъ и вкусамъ простого народа: то нельзя не согласиться, что въ этомъ требованіи заключается еще болѣе несознательности. Ибо если можно требовать отъ человѣка, чтобы онъ работалъ надъ самимъ собою въ виду первообраза истины, то это понятно потому, что дѣло идетъ о первообразѣ истины; а работать надъ собою для достиженія простонародности можно бы было въ такомъ только случаѣ, если бы простонародность эта была непосредственнымъ воплощеніемъ самой истины. Но какъ это предположить несообразно, то и требованіе остается какъ невозможное.

Также легко можно доказать, что и другія особенныя понятія о народности заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, какъ скоро мы примемъ ихъ за полное выраженіе нашей народности вообще. А

между тѣмъ народность въ ея общемъ началѣ до сихъ поръ еще нами не сознана и не выражена. Оттого понятія наши смѣшаны, требованія необязательны и сочувствія неплодоносны.

Третье важное разногласіе между нами заключается въ понятіи объ отношеніяхъ народа къ государственности. Здѣсь самыя рѣзкія крайности во мнѣніяхъ дѣлаютъ всякое соглашеніе совершенно невозможнымъ. А между тѣмъ мы не отдаемъ другъ другу, а можетъ быть и себѣ самимъ, отчета въ тѣхъ началахъ, изъ которыхъ особенность нашихъ мнѣній проистекаетъ и притомъ уже нѣсколько лѣтъ стоимъ другъ подлѣ друга не соединяясь и, безпрестанно обращаясь въ окольныхъ мысляхъ, не подвигаемся ни на шагъ впередъ.

Не соглашаясь въ этихъ понятіяхъ, естественно, что мы расходились и въ безчисленномъ множествѣ понятій производныхъ и второстепенныхъ, которыя въ примѣняемости своей къ жизни даютъ ей рѣшительно тотъ или другой смыслъ.

Оттого ли расходимся мы, что (не сознаемъ) вполнѣ основныхъ понятій нашихъ? Или сами по себѣ не отдали послѣдняго отчета? Или мы не можемъ сойтись по несогласію коренныхъ началъ нашихъ убѣжденій? Вопросъ этотъ, кажется, не можетъ не быть для насъ вопросомъ первой важности. Для меня, по крайней мѣрѣ, сочувствіе съ вами составляетъ, такъ сказать, половину моей нравственной жизни. Потому, кто въ этомъ отношеніи сколько-нибудь сочувствуетъ мнѣ, тому предлагаю я слѣдующее средство къ разрѣшенію нашихъ недоумѣній, или, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторому приближенію къ этой цѣли: поставить себѣ въ обязанность и дать другъ другу слово, чтобы, хотя одинъ разъ въ недѣлю, одинъ или двое изъ насъ изложили, хотя общими чертами, свое мнѣніе о какомъ-либо изъ предметовъ, въ которыхъ мы не сходимся, и прочтя это мнѣніе другимъ, дали возможность каждому выразить объ немъ свое сужденіе, не для того, чтобы выяснить только противорѣчіе свое, но для того, чтобы въ самомъ противорѣчіи отыскать черту общаго сочувствія. Такимъ образомъ, восходя отъ начала къ началу, мы дойдемъ, можетъ быть, до тѣхъ основаній, согласіе въ которыхъ можетъ дать новую жизнь нашимъ мыслямъ и новый смыслъ нашей жизни.

19.

М. П. ПОГОДИНУ *).

(Мартъ—апрѣль 1848 г.).

...Ты пишешь ко мнѣ, что не худо бы литераторамъ представить адресъ Императору о излишнихъ и стѣснительныхъ дѣйствіяхъ цен-

---

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. IX стр. 303.

зуры. Сначала я оставилъ эту мысль безъ большаго вниманія, какъ несбыточную. Потомъ однако, когда я обдумалъ твой характеръ, и что у тебя часто отъ первой мысли до дѣла бываетъ полъ-шага,—тогда я испугался и за тебя, и за дѣло. Подумай: при теперешнихъ безтолковыхъ переворотахъ на Западѣ *время ли* подавать намъ *адресы* о Литературѣ? Конечно цензурныя стѣсненія вредны для просвѣщенія и даже для Правительства, потому что ослабляютъ умы безъ всякой причины; но всѣ эти отношенія ничего не значатъ въ сравненіи съ текущими важными вопросами, которыхъ правильнаго рѣшенія намъ надобно желать отъ Правительства.—Не велика еще бѣда, если наша Литература будетъ убита на два или на три года. Она оживетъ опять. А между тѣмъ подавать просительные адресы въ теперешнее время, значило бы поставить Правительство во враждебное или по крайней мѣрѣ въ недовѣрчивое отношеніе къ литераторамъ, что гораздо хуже, потому что можетъ повести къ слѣдствіямъ неправильнымъ и вреднымъ. Правительство теперь не должно бояться никого изъ благомыслящихъ. Оно должно быть увѣрено, что въ теперешнюю минуту мы всѣ готовы жертвовать всѣми второстепенными интересами для того, чтобы только спасти Россію отъ смутъ и безполезной войны. Мы должны желать только того, чтобы Правительство не вмѣшало насъ въ войну по какой-нибудь прихоти или по дружбѣ къ какому-нибудь Шведскому или... королю; чтобы оно не пошло давить нашихъ Словенъ вмѣстѣ съ Нѣмцами; чтобы оно *не возмущало народъ ложными слухами о свободѣ и не вводило бы никакихъ новыхъ законовъ, покуда утишатся и объяснятся дѣла на Западѣ, чтобы, напримѣръ, оно не дѣлало инвентарей къ помѣщичьимъ имѣніямъ, что волнуетъ умы несбыточными предположеніями*; чтобы оно не позволяло фабрикамъ безъ всякой нужды заводиться внутри городовъ и особенно столицъ, когда они съ такою же выгодою могутъ стоять за нѣсколько верстъ отъ заставы, и пр. и пр. Впрочемъ всего въ письмѣ не перескажешь.

20.

В. А. ЖУКОВСКОМУ *).

(1849 г. весна).

Когда я получилъ и прочелъ письмо Ваше, душа моя не наполнилась, а переполнилась чувства живой и сладкой благодарности. Впрочемъ не знаю, такъ ли назвать это чувство. Мнѣ кажется, не меньше согрѣло бы мнѣ сердце, если бы я узналъ, что Вы сдѣлали для другаго то, и такъ, какъ это сдѣлали для меня. Вы перервали Вашу лю-

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 4.

бимую работу надъ Одиссеей, которая приближалась уже къ концу, для того, чтобы говѣть на Страстной недѣлѣ свободно отъ всѣхъ постороннихъ занятій. Но въ это время, получивъ мое письмо, Вы ни на минуту не усумнились нарушить Вашъ святой шабашъ для того, чтобы просить о моемъ сынѣ. Благодарю Того, Кто далъ мнѣ щастье быть близко Васъ, и отъ всей души прошу Его, чтобы Онъ заплатилъ на Вашихъ дѣтяхъ то, что Вы сдѣлали для моего сына, и чтобы мой сынъ, о которомъ Вы ходатайствовали какъ о собственномъ, помнилъ въ теченіе жизни своей быть достойнымъ этаго. Письма Ваши я отправилъ на другой же день въ Петербургъ и по Вашему совѣту написалъ къ Броневскому. Теперь получилъ уже отъ него отвѣтъ, что Принцъ согласился на Вашу просьбу о несчитаніи моему сыну 9-ти мѣсяцевъ препятствіемъ для вступленія въ 4-й классъ Лицея, но, что касается до принятія его на казенный коштъ, то это зависитъ отъ Высочайшей воли и принадлежитъ только дѣтямъ генераловъ и чиновниковъ не ниже 4-го класса. Первое для насъ самое важное; а второе, кажется, лучше такъ, какъ случилось. Чувствуя всю доброту Вашей просьбы объ этомъ, я думаю однако, что хотя точно состояніе наше ограничено, но все намъ легче будетъ платить за сына какъ другіе, чѣмъ пользоваться не заслуженно такаго рода милостію. Впрочемъ письмо Ваше и въ этомъ отношеніи было не безполезно. Получивъ его, я далъ прочесть сыну: онъ былъ имъ глубоко тронутъ и вѣроятно навсегда сохранитъ то сознаніе, что, просивъ за него милости, Вы этимъ какъ бы ручались за него, слѣдовательно, кромѣ другихъ причинъ, уже и по этому на него легла обязанность соотвѣтствовать Вашему ручательству своимъ внутреннимъ настроеніемъ честно. Случайный же результатъ просьбы есть уже дѣло постороннее для его внутренней обязанности. Кто знаетъ? Можетъ быть придетъ время, когда это сознаніе послужитъ къ тому, чтобы подкрѣпить его внутреннія карантины противъ той нравственной заразы, отъ которой теперь гніетъ Европа, этой Французской болѣзни, отъ которой у бѣднаго Западнаго человѣка уже провалилось небо; хотя я и надѣюсь, что эта болѣзнь до насъ не коснется, или, если коснется, то какаго нибудь несущественнаго края нашего общества. Грустно видѣть, какимъ лукавымъ, но неизбѣжнымъ и праведно насланнымъ безуміемъ страдаетъ теперь человѣкъ на Западѣ. Чувствуя тьму свою, онъ, какъ ночная бабочка, летитъ на огонь, считая его солнцемъ. Онъ кричитъ лягушкой и лаетъ собакой, когда слышитъ Слово Божіе. И этаго испорченнаго, эту кликушу, хотятъ отчитывать—по Гегелю! Теперь еще вдвое тяжеле, чѣмъ прежде, знать Васъ тамъ, подъ гнетомъ тяжелой необходимости жить посреди этихъ людей и далеко отъ отечества. Я понимаю, что никакія цѣпи изгнанія не могутъ быть мучительнѣе цѣпей болѣзни того существа, въ которомъ не только соединилось все милое сердцу, но вмѣстѣ и всѣ ближайшія обязанности священнаго долга охранять и беречь. Прошу Бога отъ

всей души, чтобы Онъ скорѣе утѣшилъ Васъ здоровьемъ Вашей жены и тѣмъ далъ Вамъ возможность возврата. Здѣсь не только слово Ваше, но и самое присутствіе было бы полезно въ текущую многозначительную минуту. Оттуда Вамъ дѣйствовать почти невозможно. Ваша брошюра и письмо къ Вяз. какъ ни прекрасно написаны, какъ ни хвалились въ журналахъ, но вѣрно написались бы не такъ, если бы Вы были здѣсь, и потому того дѣйствія, которое должно имѣть Ваше слово на Русскихъ читателей, они произвести не могли. Одиссея совсѣмъ другое дѣло. Она внѣ временъ, и Вашъ переводъ ея есть важное событіе въ исторіи нашей словесности. Она внѣ временъ, потому что принадлежитъ всѣмъ временамъ равно, исключая однакоже нашего, потому что наше внѣ обыкновеннаго порядка, и внѣ всякой умственной и литературной жизни. Оттого и она не могла явиться у насъ въ той силѣ, которая ей принадлежитъ надъ нормальнымъ состояніемъ человѣческаго ума. Дѣйствіе ея на литературу нашу должно быть великое, но медленное, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ будетъ менѣе ново, чѣмъ болѣе она будетъ читаться. Таковъ самый характеръ ея красоты. Это не блескъ страсти, не электрическая и ослѣпительная молнія въ темную ночь; но ясный взглядъ высокаго и испытаннаго разума на богатую и глубокую природу; свѣтлый и тихій вечеръ, таинственный отдаленностью горизонта. Извѣстіе, что переводъ Вашъ уже почти конченъ, удивило и обрадовало всѣхъ насъ. Я, признаюсь Вамъ, не воображалъ Гомера въ той простотѣ, въ той неходульной поэзіи, въ какой узналъ его у Васъ. Каждое выраженіе равно годится въ прекрасный стихъ и въ живую дѣйствительность. Нѣтъ выдающагося стиха, нѣтъ хвастливаго эпитета; вездѣ ровная красота правды и мѣры. Въ этомъ отношеніи, я думаю, онъ будетъ дѣйствовать не только на литературу, но и на нравственное настроеніе человѣка. Неумѣренное, необузданное слово въ наше время, кажется мнѣ, столько же выражаетъ, сколько и производитъ необузданность сердечныхъ движеній. Есть однакоже нѣкоторыя вещи въ Вашей Одиссеѣ, которыя мнѣ кажутся ниже ея общаго уровня. Я замѣтилъ ихъ для того, чтобы поговорить съ Вами при свиданіи, и могъ ихъ замѣтить потому, почему на бѣлой бумагѣ можно замѣтить малѣйшую пылинку. Эти пылинки заключаются не въ выраженіяхъ, которыя кажутся мнѣ удивительнымъ совершенствомъ, но въ перестановкѣ словъ, которая иногда кажется мнѣ болѣе искусственной, чѣмъ могла бы быть, особливо и только сравнительно съ общею естественностью. Впрочемъ написавши это, я чувствую, что довольно странно выходитъ: мнѣ говорить Вамъ о недостаткахъ Вашего слога. Утѣшаюсь только тою мыслію, что можетъ быть Вы, выслушавши всѣ толки званыхъ и незваныхъ судей, между кучею вздора найдете что-нибудь дѣльное, и въ такомъ случаѣ второе изданіе Вашей Одиссеи будетъ еще совершеннѣе. Если же изо всѣхъ замѣчаній не найдете ничего дѣльнаго для себя, то тѣмъ полезнѣе будетъ для меня слышать

Ваше мнѣніе. Обнимаю Васъ отъ всей души, за себя, за жену, за сына и всю семью. Отъ маменьки уже болѣе недѣли не получалъ извѣстій. По послѣднему письму здоровье ея было довольно хорошо.

Вашъ Иванъ Кирѣевскій.

21.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

20 Февраля 1851.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, любезный другъ Кошелевъ, ты объявляешь мнѣ о твоемъ отъѣздѣ за границу, а между тѣмъ адреса своего туда мнѣ не приложилъ, хотя пишешь, что отъ меня письмо ожидаешь въ Генварѣ. Теперь только узналъ я, что ты уже возвратился, и спѣшу отвѣчать на твое письмо вопросомъ: какое новое впечатлѣніе произвела на тебя Германія? Каждое живое замѣчаніе твое было бы драгоцѣнною новостью для меня, зарытаго въ Бѣлевскихъ снѣгахъ и слушающаго только свистъ Бѣлевской мятели, подъ музыку которой разсуждаетъ попъ о нравственныхъ качествахъ его дьячка и дьякона. Мнѣ сдается однако, что на Западѣ должны быть какіе нибудь признаки новой, начинающейся эпохи: новыя потребности умовъ, новый взглядъ на вещи, новыя ожиданія,—однимъ словомъ перемѣна въ убѣжденіяхъ такаго роду, какой не было за годъ прежде. Слава Богу, что ты почитаешь теперешнее время неблагопріятнымъ для того, чтобы хлопотать о твоемъ любимомъ вопросѣ. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы онъ не трогался до тѣхъ поръ, пока у насъ не измѣнится направленіе умовъ, покуда Западный духъ не перестанетъ господствовать въ нашихъ понятіяхъ и въ нашей жизни, такъ, что остается еще Русскимъ то что стоитъ, а все что движется, подвигается къ Нѣмечинѣ. Покуда мы идемъ и ведемся по этой дорогѣ, дай Богъ чтобы у насъ дѣлалось какъ можно меньше перемѣнъ, особенно перемѣнъ существенныхъ. Я говорю это отъ полнаго убѣжденія ума, съ живою любовью къ Россіи, съ надеждою ей такаго величія и благоденствія, какое и не снилось Западнымъ народамъ, но вмѣстѣ и съ мучительнымъ страхомъ, что какое нибудь преждевременное и самолюбивое переобразованіе испортитъ дѣло самороднаго развитія. Что надѣетесь вы сдѣлать вашими криками? Неужели вы думаете, что какое нибудь важное дѣло можетъ сдѣлаться хорошо, когда оно будетъ дѣлаться въ Западномъ духѣ? Конечно, криками и толками можно вызвать дѣло, но не то, какаго вы желаете, а то, отъ котораго будетъ плакать Русскій человѣкъ и вы и само правительство. Если правительство обманется до того, что ваши

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

крики приметъ за выраженіе общаго мнѣнія, то перемѣну сдѣлаетъ, только не ту и не такъ, какъ вы желаете. Вы хотите эмансипаціи крестьянъ,—вамъ дадутъ инвентари, и дѣло будетъ испорчено навсегда. Родится небывалый антагонизмъ между сословіями, и тогда, чѣмъ это кончится, страшно и подумать. Когда спорное начало ляжетъ въ основаніе зданія, то трещина не остановится, покуда все зданіе разсядется. Сохрани Богъ отъ этого! Тѣмъ горячѣе говорю я: сохрани Богъ! что думаю, или сказать откровенно, убѣжденъ вполнѣ, что не пройдетъ десяти или много пятнадцати лѣтъ, какъ направленіе умовъ у насъ должно измѣниться совершенно. Я говорю о низшихъ и о высшихъ умахъ. Вмѣсто Нѣмецкаго раціональнаго, переобразовательнаго духа, духъ Православно-Русскій проникнетъ всѣ наши убѣжденія и дѣйствія. И правительство будетъ тогда увѣреннѣе въ своей силѣ, и народъ пойдетъ прямѣе и спокойнѣе въ своемъ развитіи,—и тогда Божіе благословеніе будетъ на каждомъ дѣлѣ улучшенія. Между тѣмъ какъ теперь каждая попытка улучшенія производитъ только новый безпорядокъ. Потому теперь покуда мое желаніе одно: чтобы насъ оставили въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся,—хорошо ли оно, дурно-ли,—только бы не тревожили перемѣнами и, что еще важнѣе, не тревожили бы угрозами перемѣнъ, которыя производятъ нравственное разстройство хуже разстройства фактическаго. А что образъ мыслей всего нашего образованнаго класса долженъ перемѣниться въ самомъ непродолжительномъ времени и отъ Нѣмецкаго раціональнаго духа обратиться къ Русско-Православному, эта истина можетъ быть очевидно доказана для всякаго, кто вникалъ въ развитіе Западнаго просвѣщенія и въ исторію Русскаго. Въ границахъ письма конечно этого изложить нельзя. Я и такъ уже наговорилъ много, и кажется слишкомъ много. Обнимаю тебя и жду твоего отвѣта. Жена моя тебѣ кланяется. Извѣсти насъ о здоровьѣ твоей жены и твоихъ дѣтей. Мы на это время нѣсколько безпокоимся объ Васѣ, отъ котораго давно не получали писемъ.

Твой И. К.

P. S. Протасьевъ до сихъ поръ еще денегъ процентныхъ не прислалъ. Если имѣешь съ нимъ сношенія, то напомни ему.—Диссертацію Кудрявцева, когда прочтешь самъ, то пожалуйста пришли. Мнѣ будетъ очень любопытно ее видѣть, и я возвращу скоро.

22.

ЕМУ-ЖЕ *).

(*Вѣроятно, весна 1851 г.*)

Письмо твое, любезный другъ Кошелевъ, возбудило во мнѣ самое живое любопытство, такъ что несмотря на мои ежедневные видимые

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

успѣхи въ *прилежаніи* (жена говоритъ, будто я похитилъ это слово у нея, но я почитаю его моею собственностію, потому что, хотя оно изобрѣтено ею, однако посвящено было собственно моей особѣ), несмотря на мое прилежаніе я пишу къ тебѣ нарочно для того, чтобы просить тебя изложить мнѣ подробнѣе твои планы и дѣйствія относительно предпринимаемыхъ тобою новыхъ мѣръ хозяйственнаго переобразованія. Я знаю, что если ты что нибудь предпримешь важное, то это будетъ не легкомысленно обдумано, и потому сообщеніе твоихъ мыслей объ этомъ центральномъ вопросѣ нашего времени, будетъ для меня не только любопытно, но можетъ быть и полезно. Я съ удовольствіемъ поспѣшу перенять у тебя то, что найду для себя удобоисполнимымъ и согласнымъ съ моими понятіями объ этомъ предметѣ. Начиная съ дворовыхъ, я желалъ бы знать, откупаются ли они у тебя, или отпускаешь ты ихъ по контрактамъ? Въ первомъ случаѣ я желалъ бы знать, по скольку они тебѣ платятъ? а во второмъ, какаго рода эти контракты, и какую гарантію имѣешь ты для ихъ исполненія? Также прошу тебя сказать мнѣ, какимъ образомъ поступаешь ты съ тѣми, которые не хотятъ идти на волю или не могутъ, по лѣтамъ, по здоровью и пр..

Въ отношеніи къ крестьянамъ я совершенно раздѣляю твою мысль, что легче ихъ сдѣлать свободными, чѣмъ обязанными. И не только легче, но и выгоднѣе для обѣихъ сторонъ и для цѣлаго государства. Права̀ будутъ яснѣе и послѣдствія перемѣны существеннѣе. Но на какомъ основаніи думаешь ты это сдѣлать? Мое мнѣніе въ этомъ случаѣ таково, что такъ какъ ихъ отпустить безъ земли не позволитъ правительство, ни Опекунскій Совѣтъ, а дать имъ пятидесятинную пропорцію земли было бы совершенное разореніе помѣщика, то остается одно средство: дать имъ нѣкоторое количество земли вмѣстѣ съ переводомъ на нихъ нѣкоторой части долга Опек. Сов. Десятинная пропорція на душу кажется будетъ въ этомъ случаѣ очень достаточное количество, ибо оно будетъ довольно важною поддержкою для крестьянина, и вмѣстѣ поставитъ его въ необходимость искать посторонней работы, безъ чего всѣ поля помѣщиковъ остались бы необдѣланными, по извѣстному свойству Русскаго народа искать работы только до тѣхъ поръ, покуда она необходима для его пропитанія. Какая же часть долга Опек. Сов. должна за то лежать на крестьянахъ? Мнѣ кажется, справедливѣе всего было бы въ этомъ случаѣ: во первыхъ, взять въ соображеніе тѣ цѣны, за которыя продается обыкновенно душа на свозъ въ той или другой губерніи, и потомъ къ этой цѣнѣ прибавить пятую часть долга, выдаваемаго на пятидесятинную пропорцію. Напримѣръ: Опекунскій Совѣтъ выдаетъ на душу съ пятью десятинами земли въ N губерніи 75 руб. сер.. Въ той же губерніи душа на свозъ продается обыкновенно за 25 руб. сер.; слѣдовательно, къ 25 прибавить $^1/_5$ часть долга, будетъ 25+15=40 руб. сер. Эту сумму долженъ Опекунскій Совѣтъ перевести на крестьянъ, или выдать помѣщику, когда имѣніе не заложено.

Но здѣсь представляется другой вопросъ: въ состояніи ли будутъ крестьяне платить ежегодно Опекунскому Совѣту 6-ть процентовъ съ 140 руб., т. е. 8 руб. 40 к. ассигнаціями? И какія средства можетъ употребить Опек. Сов. въ случаѣ неуплаты? Очень бы любопытно мнѣ было слышать это отъ тебя; а я, признаюсь тебѣ, нахожусь въ недоумѣніи. Къ тому же на кого въ этомъ случаѣ лягутъ подушныя и земскія повинности? Справедливѣе всего было бы на землю; но какъ это сдѣлать прежде кадастра? Въ другомъ отношеніи кажется мнѣ это дѣло не менѣе затруднительнымъ, т. е. въ отношеніи къ общему порядку вещей у насъ въ Россіи. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что освобожденные крестьяне будутъ не только разорены, но вмѣстѣ и развращены въ самое короткое время, съ помощью кабаковъ, приказныхъ и пр. и пр. Тогда кто ручается тебѣ, что твои лѣса не будутъ вырублены, твои луга потравлены, твой хлѣбъ увезенъ въ копнахъ, твои лошади уведены съ пастбища и пр. и пр.? Безпрестанно относиться къ Земскому Суду было бы можетъ быть возможно для откупщика, какъ ты; но для помѣщиковъ вообще это было бы тоже, что сдѣлать становаго своимъ хозяиномъ, т. е. разориться самому и разорить совершенно крестьянъ. Къ тому же, когда не одинъ, но всѣ помѣщики въ уѣздѣ освободятъ крестьянъ своихъ, то 50 становыхъ не будутъ имѣть физической возможности изслѣдывать всѣ дѣла, которыя будутъ ежеминутно возникать между крестьянами и помѣщиками. При томъ не надобно забыть и то обстоятельство, что если такое переобразованіе сдѣлается всеобщимъ, то вѣроятно освобожденные крестьяне поступятъ въ вѣдѣніе какаго нибудь особаго министерства, и слѣдовательно при каждомъ дѣлѣ съ ними нуженъ будетъ особый депутатъ со стороны этого министерства; а что значатъ эти депутаты и какъ легко имѣть съ ними дѣло, можемъ мы видѣть изъ депутатовъ Государственныхъ Имуществъ.

Обнимаю тебя дружески и ожидаю скораго отвѣта.

Я получилъ изъ Новосильской конторы 828 р. и послалъ туда росписку.

Твой И. К.

Милостивую Государыню Ольгу Ѳедоровну сердечно благодарю за ея дружескую приписку, цѣлую ея ручки и радуюсь знать, что она благополучно возвратилась изъ чужихъ краевъ. Но особенно былъ бы я ей благодаренъ, если бы ей Богъ вложилъ добрую мысль и на этотъ разъ написать что нибудь о себѣ, но только нѣсколько поподробнѣе того, что она приписала въ прошедшемъ письмѣ Кошелева. Жена моя кланяется вамъ обоимъ. Вася ожидаетъ обѣщаннаго письма отъ Вани, о здоровьѣ котораго вы ничего не сказали.

23.

ЕМУ-ЖЕ *).

10 іюля (вѣроятно 1851).

Вотъ это, можно сказать, что поступокъ истинно-пріятельскій, любезный другъ мой! Написать три письма, не утѣшаться самодовольно своимъ превосходствомъ, но написать еще четвертое, чтобы разбудить спящаго или откладывающаго лѣнивца—это такое дѣло, такой подвигъ, который оцѣнить вполнѣ, можетъ-быть, могу только я. Впрочемъ я виноватъ не такъ много, какъ тебѣ можетъ казаться. Первое письмо твое было коротенькое, въ которомъ ты только обѣщалъ другое, длинное. Этого длиннаго я дожидался очень долго, а наконецъ, когда получилъ его, то увидѣлъ, что на него отвѣчать по почтѣ было бы слишкомъ длинно и слишкомъ много надобно бы было платить за пересылку. Скоро послѣ того я получилъ твое третье письмо, въ то самое время, когда я отправился встрѣчать сына въ Калугу, гдѣ жена моя сдѣлалась больна, а я возвратился если не съ болѣзнею, то, по крайней мѣрѣ, съ жестокою зубною болью, мучившею меня почти до этого дня.—*20 іюля.* Меня перервали на цѣлую недѣлю кое-какія дѣла и заботы. Спѣшу возвратиться къ начатому письму. Прежде всего скажу тебѣ, милый другъ мой, что теперешнее настроеніе твоего духа радуетъ меня болѣе, чѣмъ я могу выразить. Благодарю Бога за тебя и надѣюсь отъ тебя многаго. Я давно зналъ, что ты пойдешь по этой дорогѣ, и ждалъ тебя тѣмъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, что человѣкъ какъ ты именно необходимъ въ наше время. Ты спрашиваешь у меня совѣта о томъ, что тебѣ читать. Но изъ того, что ты читаешь, я вижу, что ты въ этомъ совѣтѣ не нуждаешься и самъ собираешь себѣ настоящую пищу. Если ты находишь наслажденіе въ чтеніи Василія Великаго, Златоуста и Тихона Воронежскаго, то нѣтъ сомнѣнія, что ты прочтешь всѣхъ святыхъ отцовъ, переведенныхъ на славянскій языкъ, ибо на западныхъ языкахъ они искажены и, большею частью, въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя самыя существенныя для утвержденія на прямомъ пути человѣка, который стремится къ Восходу отъ Запада. Но ты спрашиваешь меня, кого читать прежде, кого послѣ, и я долженъ признаться тебѣ, что этотъ простой вопросъ меня затруднилъ. Это чтеніе, чтобы принести настоящую пользу, должно быть сообразно особому устроенію каждаго человѣка. Со мной было такъ, что прежде, чѣмъ я усвоилъ себѣ основное и общее, я хватался за высшее, приличное только совершеннымъ и опытнымъ мужамъ, и признаюсь тебѣ, что этимъ самомнѣніемъ я парализировалъ свои силы, воспиталъ въ

---

*) Колюпановъ, *Біографія А. И. Кошелева*, т. II, Прилож., стр. 101.

себѣ именно ту раздвоенность, которой уничтоженіе составляетъ главную цѣль духовнаго умозрѣнія. Задѣлывать трещину въ построенномъ зданіи труднѣе, чѣмъ класть новое. Потому, любезный другъ, не мнѣ давать тебѣ совѣтъ, а, напротивъ, тебѣ слѣдуетъ поддержать меня своимъ сочувствіемъ, или, лучше сказать, тою взаимностію сочувствія, которая удвоиваетъ силы. Изъ всего нашего круга у тебя мысль и дѣло ближе всѣхъ срослись между собою. Этого именно намъ недоставало прежде тебя. Впрочемъ, именно по этому свойству твоему, малѣйшее уклоненіе для тебя тѣмъ опаснѣе, какъ ошибка на войнѣ опаснѣе ошибки въ маневрахъ. Потому для тебя существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія—найти святаго православнаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты могъ бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе, болѣе или менѣе умное, но сужденіе святыхъ отцовъ. Такіе старцы, благодаря Бога, еще есть въ Россіи, и если ты будешь искать искренно, то найдешь. Они есть и въ Москвѣ, только, разумѣется, не въ бѣломъ духовенствѣ.

Что касается до исторіи церкви, то, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного удовлетворительнаго руководства. Иннокентій, какъ ты справедливо замѣтилъ, больше годится для справокъ, чѣмъ для чтенія,—хотя и для справокъ онъ не довольно полонъ. Флери многое искажалъ, какъ папистъ, съ намѣреніемъ, а еще больше искажалъ по незнанію, потому что на Западѣ даже самые добросовѣстные ученые не знаютъ исторіи православной церкви,—такъ она переиначена пристрастными свидѣтельствами папистовъ. Неандеръ—человѣкъ вѣрующій по сердцу, но сбитый съ пути въ умственныхъ понятіяхъ. Онъ хочетъ быть безпристрастнымъ и представляетъ факты довольно вѣрно, но выводитъ изъ нихъ заключенія ложныя. Впрочемъ, при повѣркѣ его другими, онъ можетъ сообщить настоящіе матеріалы для составленія въ умѣ исторіи церкви. Гфререрръ просто не христіанинъ. Онъ пишетъ, кажется, для того только, чтобы отличиться оригинальностью взглядовъ,—нѣмецкій Полевой. За то книга его читается легко, умна, краснорѣчива, но сбивчива. Достань еще Мосгейма: это старинный протестантъ, который глухъ на одно ухо, но ученъ и уменъ. Его книга своею наружною формою служила образцомъ для Иннокентія. Краткая ручная книга *Haase* также можетъ служить для справокъ. Тому лѣтъ 20 она была очень любима многими нашими духовными лицами, особенно вышедшими изъ Петербургской академіи, несмотря на то, что Гаазе самъ человѣкъ почти невѣрующій! Краткая исторія первыхъ 4-хъ вѣковъ Муравьева читается легко и для первоначальнаго обозрѣнія довольно удобна. Монографій, разумѣется, больше, чѣмъ исторій. Достань Аѳанасія Великаго, Möhler'a, Іоанна Златоустаго, Неандера, „Правду русской церкви“ Муравьева (книга очень хорошая), исторію Флорентинскаго собора, которую очень хвалятъ, но я ее еще не читалъ.

Богословіе Макарія мнѣ извѣстно не вполнѣ, т.-е. я знаю его Введеніе и первую часть Богословія. Второй еще не имѣю. Въ первой части есть вещи драгоцѣнныя, именно опроверженіе Filioque, особенно драгоцѣнныя по выпискамъ Зверникава, котораго книги достать нельзя, хотя, говорятъ, она была у насъ напечатана. Но *Введеніе* Макарія мнѣ очень не нравится, какъ по сухости школьнаго слога, такъ и по нѣкоторымъ мнѣніямъ несогласнымъ съ нашею церковью,—напримѣръ о непогрѣшимости іерархіи, какъ будто Духъ Святый является въ іерархіи отдѣльно отъ совокупности всего христіанства. Достань Богословіе Антонія Кіевскаго. Тамъ языкъ хуже и тоже много ошибокъ, но есть и хорошее. Впрочемъ, если сказать правду, то удовлетворительнаго Богословія у насъ нѣтъ. Лучшимъ введеніемъ къ нему можетъ служить *Духовный Алфавитъ*, напечатанный въ сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго подъ его именемъ, и еще проповѣди митр. Филарета. Тамъ много брилліантовыхъ камушковъ, которые должны лежать въ основаніи Сіонской крѣпости. Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ теперешнее время, когда такъ запутаны христіанскія понятія отъ западныхъ искаженій, вросшихся въ истинное ученіе въ продолженіе тысячелѣтія и ослѣпившихъ не только умъ нашъ, но и сердце, такъ что мы, даже читая древнихъ святыхъ отцевъ, подкладываемъ имъ собственныя понятія и не замѣчаемъ того, что̀ не согласно съ западнымъ ученіемъ,—въ наше время, говорю я, всего ближе къ цѣли было бы составить такое введеніе въ Богословіе, въ которомъ бы объяснилось все различіе православнаго ученія отъ Римскаго не только въ основныхъ догматахъ, но и во всѣхъ ихъ выводахъ. Зная это различіе, мы читали бы святыхъ отцовъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ истинности.

Прощай, милый другъ! Спѣшу окончить, чтобы не заставить тебя еще больше дожидаться моего письма. Жена моя тебѣ кланяется. Сынъ кланяется твоему. Мы ѣдемъ въ началѣ августа въ Москву провожать Васю. Если ты будешь въ Москвѣ проѣздомъ, то авось увидимся.

Въ сборникѣ нашемъ, разумѣется, я буду участвовать, если только онъ состоится. Но мнѣ кажется, что ты разсчитывалъ безъ хозяина, т.-е. безъ цензора, который, какъ говорятъ, марает съ плеча, и маракетъ все, но особенно то, гдѣ есть мысль, и особенно мысль, которая могла бы быть полезна. Впрочемъ попробуй.

24.

ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ МАКАРІЮ *).

(1852 г.).

Милостивый Государь, сердечно уважаемый Батюшка! Это письмо, вѣроятно, придетъ къ Вамъ въ Свѣтлый праздникъ: потому прошу

---

*) Напечат. въ „Историч. описаніи Козельской Оптиной пустыни“, 1902 г., стр. 182.

Васъ принять мое искреннее поздравленіе—вмѣстѣ съ радостнымъ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе!—Я вчера отправилъ къ Вамъ по почтѣ мою статью, съ перерывомъ въ серединѣ (ибо эти листы были въ типографіи), и не успѣлъ притомъ написать къ Вамъ ни слова. Я прошу Васъ, Милостивый Батюшка, когда Вы будете по благосклонности Вашей ко мнѣ читать статью мою, то возьмите на себя еще и тотъ трудъ, чтобы исправить въ ней то, что Вы найдете требующимъ исправленія. Каждое замѣчаніе Ваше будетъ для меня драгоцѣнно. Въ томъ пропускѣ, который я не могъ прислать къ Вамъ, находятся мои разсужденія о просвѣщеніи западномъ. Я показываю, что оно вышло изъ трехъ источниковъ: изъ Рима языческаго, изъ Римской церкви и изъ насилій завоеванія, и что всѣ три источника эти направляли Западнаго человѣка къ наружности, и къ предпочтенію разсудка (который разбираетъ внѣшнюю сторону мысли и формальное сцѣпленіе понятій) передъ разумомъ, который стремится къ цѣльной истинѣ. Потому, я думаю, для Васъ понятна будетъ моя мысль и не смотря на пропускъ. Для меня же особенно важны будутъ Ваши замѣчанія о томъ, что я говорю о Св. Отцахъ Восточной Церкви, и о Россіи, какъ она была въ древнія времена.—Хотя я думаю, что говорю истину, однако же чувствую въ тоже время, что судить объ этомъ могутъ только такіе люди, какъ Вы. А мнѣ не хотѣлось бы сказать ничего неистиннаго, или невѣрнаго, особливо объ ученіи Св. Отцевъ.

25.

ЕМУ-ЖЕ *).

(185

Отъ всего сердца уважаемый Батюшка!

Вчера ввечеру получили мы письмо Ваше и рукопись перевода Исаака Сирина (съ Болховскимъ купцемъ В. И. Курк.), а сегодня еще письмо по почтѣ отъ 8 Августа. Но сегодня съ самаго утра я долженъ былъ ѣздить по дѣлу нашего процесса, и потому не могъ просмотрѣть замѣчаній Вашихъ на переводъ Троицкой Академіи, и только половину Вашего перевода *1-й главы Ис. С.* успѣлъ прочесть и сличить съ переводомъ Лаврскимъ и Паисіевскимъ. До сихъ поръ мнѣ кажется, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы отступаете отъ перевода Лаврскаго, Вы совершенно правы и смыслъ у Васъ вѣрнѣе. Но, не смотря на это, мнѣ кажется, что переводъ Паисія все еще остается превосходнѣе, и хотя смыслъ въ немъ иногда не совсѣмъ ясенъ съ перваго взгляда, но эта неясность поощряетъ къ внимательнѣйшему изысканію, а въ другихъ мѣстахъ въ Словенскомъ переводѣ смыслъ полнѣе не только

*) Напечат. тамъ-же, стр. 175.

отъ выраженія, но и отъ самаго оттѣнка слова. Напримѣръ: у Васъ сказано: „сердце, вмѣсто Божественнаго услажденія увлечется въ служеніе чувствамъ“. Въ словенскомъ переводѣ: „разсыпается бо сердце отъ сладости Божія въ служеніе чувствъ“. Слово: разсыпается отъ сладости, можетъ и неправильно по законамъ наружной Логики, но влагаетъ въ умъ понятія истинныя, и между прочимъ оно даетъ разумѣть, что сладость Божественная доступна только цѣльности сердечной, а при несохраненіи этой цѣльности сердце служитъ внѣшнимъ чувствамъ.—Также выраженіе: „иже истиннаго сердца своего уцѣломудряетъ видѣніе ума слова“, даетъ не только понятіе о *исправленіи* сердечномъ, но еще и о томъ, что пожеланіе нечистое есть *ложь сердца*, которою человѣкъ самъ себя *обманываетъ*, думая желать того, чего въ самомъ дѣлѣ не желаетъ.— Впрочемъ, можетъ быть я вижу въ этихъ выраженіяхъ и излишнее; главное было въ прямомъ смыслѣ, а оттѣнка вещь посторонняя.—Прочтя все слово и всѣ замѣчанія, я сообщу Вамъ мое мнѣніе, потому что Вы приказываете мнѣ это сдѣлать.— Митрополиту думаемъ мы отвезти Ваши рукописи завтра, если Богу будетъ угодно.—О вопросѣ Вашемъ: можно-ли писать по русски: *отъ того же къ тому же*, Н. П. уже сообщила мнѣніе Митрополита. Я же думалъ, что написать Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что никакъ не вижу почему бы нельзя было сказать этого. По моему мнѣнію это столько возможно по Русски, сколько и по Словенски. Сомнѣніе Ваше о томъ, не повредитъ ли нѣкоторымъ то мнѣніе, которое Ис. Сиринъ имѣлъ о положеніи земли, если это мнѣніе оставить безъ примѣчанія,— я представлю на разсужденіе Митрополита, также какъ и то, что Вы изволите писать о переводѣ слова *разумъ*. Я съ своей стороны въ этомъ послѣднемъ случаѣ совершенно согласенъ съ Вами.—Что же касается до того, что Вы изволите писать мнѣ, чтобы я вникъ и *уразумѣлъ* и сказалъ Вамъ свое мнѣніе (!) о той, не совсѣмъ понятной, матеріи, которая заключается между 16 и 20 стр. 28-го листа на оборотѣ, то это приказаніе Ваше не потому удивило меня, что требовало отъ меня объясненія для Васъ! но потому показалось мнѣ поразительнымъ, что въ самомъ дѣлѣ Богъ устроилъ такъ, что я могу Вамъ сообщить на это отвѣтъ. Ибо тому 16 лѣтъ, когда я въ первый разъ читалъ Исаака Сирина, Богу угодно было, чтобы я именно объ этомъ мѣстѣ просилъ объясненія у покойнаго о. Филарета Новоспасскаго, который сказалъ мнѣ, что это мѣсто толкуется такъ, что подъ словомъ „Главо и основаніе всея твари,“ понимается Михаилъ Архангелъ.—Видно надобно было о. Филарету передать это Вамъ; но какъ Вы не были тогда при немъ, то Богъ вложилъ мнѣ въ мысль, спросить его именно объ этомъ.—Спѣшу, чтобы письмо мое попало на почту хотя со штрафомъ. Испрашиваю Вашихъ Св. молитвъ и Св. благословенія, и съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

26.

ЕМУ-ЖЕ *).

28 Іюля 1853 г.

Искреннолюбимый и уважаемый Батюшка! Еще нынѣшнею весною зашелъ ко мнѣ одинъ разъ старинный мой знакомый, Нѣмецкій пасторъ Зедергольмъ, и привелъ ко мнѣ познакомить своего сына, Карла, который, тому года два, вышелъ изъ Университета однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, и о которомъ его отецъ говоритъ, что онъ былъ бы дѣльнѣе другихъ его дѣтей, если бы только не былъ слабаго здоровья.—Этотъ молодой человѣкъ, вскорѣ послѣ перваго знакомства, открылся мнѣ, что чувствуетъ превосходство нашего вѣроисповѣданія предъ лютеранскимъ и даже не прочь отъ того, чтобы принять нашу вѣру. Однако же, это онъ надѣется сдѣлать со временемъ, а прежде отправляется въ Смоленскую губернію на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ думаетъ ѣхать путешествовать въ Грецію, и, можетъ быть, тамъ совершитъ это дѣло. Я совѣтовалъ ему это дѣло не откладывать, если онъ уже убѣжденъ, а лучше поѣхать въ Грецію уже Православнымъ. Но чтобы болѣе узнать нашу церковь и окончательно укрѣпить свои убѣжденія, я совѣтовалъ ему поѣхать къ Вамъ въ Оптинъ. Онъ принялъ мой совѣтъ и хотѣлъ поѣхать къ Вамъ послѣ пребыванія въ Смоленской губерніи, а между тѣмъ будетъ подготовлять свое семейство къ этому поступку, который тѣмъ тяжелъ долженъ быть для его отца, что онъ самъ пасторъ, и кромѣ того еще страдалъ за свою вѣру, ибо отставленъ отъ своихъ должностей именно за то, что въ проповѣдяхъ своихъ не совѣтовалъ Нѣмцамъ перемѣнять свою вѣру на нашу. Теперь, тому дней десять, онъ возвратился изъ Смоленской губ., и сообщилъ мнѣ, что отецъ его, наконецъ, если не благословляетъ его на это дѣло, то и не противится ему, но предоставляетъ полную свободу поступить по своему убѣжденію, требуя только, чтобы онъ прежде повидался съ нимъ, въ деревнѣ близъ Серпухова, гдѣ онъ проводитъ лѣто. Потому молодой Зедергольмъ хотѣлъ ѣхать къ отцу, а потомъ къ Вамъ. Но между тѣмъ, оставаясь еще нѣсколько дней въ Москвѣ, просилъ меня познакомить его съ какимъ нибудь Русскимъ священникомъ, который бы могъ приготовить его еще прежде Оптина и по знакомству съ которымъ онъ могъ бы сколько нибудь узнать хорошую сторону нашего бѣлаго духовенства. Я назвалъ ему Сергѣя Григорьевича Терновскаго, какъ человѣка, котораго я хотя мало знаю лично, но о которомъ я слышалъ много хорошаго, и который вѣрно не откажется заняться съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ я написалъ Сергѣю Григорьевичу письмо,

---

*) Напечат. тамъ-же, стр. 183.

которое онъ доставилъ самъ. Сергѣй Григорьевичъ точно занялся съ нимъ нѣсколько разъ, и произвелъ на него хорошее дѣйствіе; однако же, мнѣ поручилъ сказать съ Облеуховымъ, что почитаетъ лучшимъ кончить это дѣло здѣсь, а не ѣздить къ отцу, ни въ Оптинъ. Однако же, молодой человѣкъ не могъ и не хотѣлъ измѣнить своего обѣщанія, даннаго имъ отцу, видѣться съ нимъ прежде, чѣмъ совершитъ этотъ великій и невозвратный шагъ, и потому отправился въ Серпуховъ вчера. Оттуда же онъ поѣдетъ черезъ недѣлю къ Вамъ, если найдетъ, что не затруднительно проѣхать изъ Серпухова въ Калугу. Въ противномъ же случаѣ, онъ воротится въ Москву, и окончитъ уже это дѣло здѣсь, а къ Вамъ поѣдетъ послѣ поговѣть и познакомиться съ Вами, многоуважаемый Батюшка, и видѣть Вашу обитель, и, между прочимъ, познакомиться съ о. Іоанномъ, о которомъ я ему говорилъ, какъ о человѣкѣ, который находился нѣсколько въ подобныхъ обстоятельствахъ.—Я не боялся затруднить Васъ этимъ, Батюшка: ибо дѣло идетъ о спасеніи души.—Можетъ быть, то, *какимъ образомъ*, съ какою полнотою убѣжденій совершитъ онъ этотъ рѣшительный шагъ, рѣшитъ судьбу всей остальной его жизни. Можетъ быть, отъ этого и для другихъ его поступокъ будетъ или камнемъ назиданія или претыканія. Если же я въ этомъ случаѣ поступилъ не такъ, какъ должно было, то прошу Васъ простить мнѣ.—Имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою и духовнымъ сыномъ И. К.

27.

ЕМУ-ЖЕ *).

8 Октября 1853 г.

Въ трехъ отпечатанныхъ листахъ Максима Исповѣдника Вы изволите усмотрѣть многія перемѣны противъ рукописи. Изъ нихъ тѣ, которыя сдѣланы въ толкованіи на „Отче нашъ“, кажутся мнѣ совершенно согласными съ смысломъ перевода С. Паисія и много объясняющими темноту нѣкоторыхъ реченій. Также и примѣчанія нѣкоторыя кажутся мнѣ весьма драгоцѣнными; напр., примѣч. на стр. 16 и на стр. 25.—Въ рукописи были нѣкоторыя слова поправлены рукою самого Митрополита. Видно, что онъ занимался этимъ дѣломъ.—Но послѣ того, какъ рукопись была у Митрополита, Голубинскій сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія, и, кажется, напрасно. Напр., онъ вставилъ въ текстъ слова на 16 стр.: глаголя: „да пріидетъ Духъ Твой Святый и да очиститъ насъ“. Что было драгоцѣнное поясненіе въ примѣчаніи, то дѣлается порчей книги, когда вставляется въ текстъ и при-

*) Напечат. тамъ-же, стр. 185.

писываются святому Писателю такія слова, которыхъ онъ не говорилъ.—Но съ этимъ было дѣлать нечего.—Однако же, другую вставку я взялъ на себя смѣлость вычеркнуть, потому что мнѣ кажется, что она можетъ навести на ложное пониманіе. Голубинскій взялъ ее изъ рукописи Латинской, изданной Бернардинскими монахами. Для чего же изъ этихъ Латинскихъ изданій брать реченія, которыхъ нѣтъ въ переводѣ Паисія, и приписывать ихъ Паисію?—это реченіе, о которомъ я говорю, находится на стр. 29. У Паисія было сказано: *ниже яко иною ину; не бо по производству отъ Единицы Троица небытна* (*несозданна*) *Суща и самоизъявна.* Голубинскій поправилъ: *ниже видѣти яко ину черезъ ину: не бо посредствуется коимъ либо соотношеніемъ тождественное и безъотносительное, акибы произведеніе къ винѣ своей относящееся: ниже яко отъ иныя ину: не бо по производству отъ Единицы Троица, незаимствовано бытіе имущи и самоизъявна Суща.*—Здѣсь, какъ Вы изволите видѣть, слова подчеркнутыя два раза у Паисія не находятся, и вставлены Голубинскимъ изъ Латинскаго изданія.—Но, державши корректуру, я думалъ, что мы не имѣемъ права приписывать Паисію то, что онъ не писалъ, и что, сомнительно даже, написалъ ли бы онъ, и было ли въ какомъ нибудь текстѣ Максима, ибо Латинскіе монахи въ такихъ случаяхъ не знаютъ совѣсти и легко присочинятъ реченіе, чтобы приводить его въ подтвержденіе противъ ученія о Единой Винѣ Святой Троицы. Основываясь на этомъ чувствѣ, я вычеркнулъ слова, прибавленныя Голубинскимъ. Онъ можетъ ихъ поставить въ опечаткахъ, если захочетъ. Но Васъ, Батюшка, прошу сказать мнѣ, такъ ли я поступилъ, или слишкомъ самовольно?

Въ другомъ же писаніи Св. Максима, въ *Словѣ постническомъ*, Голубинскій много перемѣнилъ въ рукописи, и, кажется, очень часто понапрасну, а иногда даже поставилъ и смыслъ, какъ мнѣ кажется, неправильный; дѣлать было нечего. Потому, кажется, что рукопись была написана дурнымъ почеркомъ и съ ошибками грамматическими, онъ предъубѣдился противъ всего сочиненія, и увѣрился, что это переводъ не Паисія, а какого-то переводчика, неопытнаго ни въ Греческомъ, ни въ Русскомъ языкѣ. Мнѣ же кажется, что онъ ошибается, и что переводъ носитъ характеръ Паисіевской системы *до слова*, и что поправки Голубинскаго несовсѣмъ удачны. Напр.: слово *смотреніе* онъ напрасно замѣняетъ словами *цѣль* или *намѣреніе.* Мысль, что *Господь терпѣлъ дѣйствія лукаваго изъ любви къ людямъ, которыми тотъ дѣйствовалъ.* Голубинскій неправильно, кажется, замѣнилъ другою мыслію, говоря, что Господь *наказывалъ лукаваго* любовью къ людямъ.—Не это, кажется, есть то наказаніе, которое опредѣлено лукавому. Тамъ многое Голубинскій измѣнилъ по своему предъубѣжденію. Все, однакоже, эта брошюрка съ двумя Писаніями Св. Максима есть, по моему мнѣнію, одна изъ самыхъ глубокомысленныхъ, изъ самыхъ важныхъ, изъ самыхъ полезныхъ книгъ, которыя когда либо были у насъ напечатаны.

На 15 стран. сдѣлана одна непростительная опечатка Греческаго слова, и потому эта страничка будетъ перепечатываться.

Въ Исаакѣ Сиринѣ, мнѣ кажется, очень нужно сдѣлать еще предисловіе отъ Васъ, въ которомъ сказать, что С. Паисій, желая придать возможную ясность своему переводу, не нарушая его буквальной вѣрности, обозначалъ въ своихъ рукописяхъ различнаго рода точками—различныя отношенія между словами, которыя въ Греческомъ языкѣ очевидны сами собой, въ словенскомъ сами собою не выражаются. О значеніи этихъ точекъ С. Паисій распространяется подробно въ концѣ своего предисловія, что Русскіе издатели не почли за нужное повторять, ибо въ предлагаемомъ изданіи объясненіе посредствомъ подсловныхъ точекъ замѣнено объясненіями внизу страницы. Такого рода предисловіе, мнѣ кажется, необходимо сдѣлать для того, чтобы—во 1-хъ, оправдать Паисія, котораго разсужденія о различіи языковъ Греч. и Слов. иначе покажутся ни къ чему не ведущими; а во 2-хъ, для того, чтобы оправдать себя: ибо—печатая предисловіе Паисія, и выбросивъ изъ него что либо, нельзя не оговориться въ этомъ дѣйствіи, чтобы избѣгнуть упрека въ невѣрности и въ неполнотѣ изданія. Это предисловіе можно будетъ напечатать послѣ Паисіевскаго и предъ его жизнію. Съ любовію преданный Вамъ, Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

28.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

15 Октября 1853 г.

Я прочелъ книгу Vinet, которую ты мнѣ далъ съ условіемъ сказать о ней подробно мое мнѣніе, обозначивъ опредѣлительно: въ чемъ согласенъ съ нею, въ чемъ не согласенъ. Но признаюсь, что это было бы для меня очень затруднительно! Я ни согласиться съ Vinet не могу, ни отвергнуть того, что̀ онъ говоритъ, не въ состояніи. Мнѣ кажется (прости, что буду говорить откровенно и безъ церемоніи о такой книгѣ, которую ты называешь своимъ сочиненіемъ), кажется, что онъ самъ не далъ себѣ яснаго отчета въ своей мысли прежде, чѣмъ началъ излагать ее, оттого вышла очень краснорѣчивая, очень искренняя пу-
таница лжи и правды. О чемъ хлопочетъ онъ? Что хочетъ сказать?—То, кажется, что церковь должна быть совершенно отдѣлена отъ государства, такъ что ни церковь не должна знать государства, ни государство церкви, но каждое изъ этихъ двухъ согласій должно существовать и дѣйствовать не только независимо отъ другаго, но и безъ

---

*) Колюпановъ, *указ. соч.*, стр. 80.

всякаго отношенія къ другому. Эта ли его мысль? *Но какая церковь и какое государство должны* такъ дѣйствовать? И что такое *должны*? Какой *законъ* будутъ они исполнять, дѣйствуя такъ: законъ церкви, или законъ государства? И какой церкви и государства, существующаго съ какою господствующею мыслію? Или слово *должны* не относится ни къ какому закону никакой церкви, ни къ какому извѣстному государству, ни къ какой извѣстной философской идеѣ государства, но есть только постулатъ тѣхъ понятій, какія Vinet составилъ себѣ о лучшемъ устройствѣ протестантской церкви и объ идеалѣ государства? Въ такомъ случаѣ, прежде разрѣшенія вопроса, надобно было ясно обозначить: какая это образовалась въ головѣ Vinet лучшая церковь и какой идеалъ государства? Потомъ изъ этихъ понятій уже само собой вышло бы и послѣдствіе ихъ, законъ ихъ взаимнаго отношенія. Тогда мысль Vinet вступила бы въ свои естественныя границы: тогда съ нею нельзя было бы спорить, какъ съ мыслію, составляющею часть его личнаго вѣроисповѣданія и его любимой мечты о государствѣ. Но тогда, вмѣсто 550 страницъ, книга Vinet обратилась бы въ весьма маленькую брошюрку, которую мы съ тобой, вѣроятно, не замѣтили бы, какъ вещь, имѣющую слишкомъ относительный интересъ. Но тѣмъ-то и шумятъ ложныя мысли, что онѣ растягиваютъ частныя истины въ объемъ всеобщихъ истинъ.

Вине начинаетъ свою книгу говоря объ убѣжденіяхъ религіозныхъ вообще и объ обязанности каждаго человѣка свободно выражать свое. Здѣсь онъ беретъ предметомъ своимъ не только *всѣ исповѣданія христіанскія*, но и *всѣ вѣры не христіанскія*, жидовскую, языческія, магометанскую, и даже *убѣжденія философскія*, и даже *систему невѣрія*, и ставитъ ихъ всѣ въ одну категорію убѣжденій совѣсти объ истинѣ, и изъ законовъ самой совѣсти выводитъ для всѣхъ обязанность открытаго и свободнаго исповѣданія своихъ убѣжденій. Я въ такомъ случаѣ совершенно сочувствую съ нимъ, какъ христіанинъ, ибо этотъ законъ совѣсти объ открытомъ и небоязненномъ исповѣданіи своей вѣры есть законъ христіанскій. Но я сомнѣваюсь въ томъ, *всѣ* ли виды язычества и *всѣ* ли системы невѣрія найдутъ этотъ законъ въ своей совѣсти. „Но совѣсть одна“, скажешь ты. Да, какъ одна истина. Это не мѣшаетъ однакожь человѣку принимать часто за истину ложь. Совѣсть —это вѣра. Требовать *одной совѣсти* ото всѣхъ людей—то же, что требовать *одной вѣры*. Конечно, въ *этомъ частномъ* отношеніи, совѣсти большей части вѣръ согласны между собою, однако же если есть общества жрецовъ или философовъ, которые содержатъ *свои убѣжденія* въ тайнѣ и думаютъ, что для самаго торжества ихъ истины необходимо скрывать ее подъ личиною общепринятаго заблужденія, то я могу не соглашаться съ ними, могу жалѣть о нихъ, могу спорить съ ними, но не могу думать, чтобы мои понятія о совѣсти и вѣрѣ должны были непремѣнно быть и ихъ понятіями о совѣсти и вѣрѣ. Слѣдовательно,

не благоразумнѣе ли будетъ здѣсь различить: какому убѣжденію принадлежитъ какой образъ дѣйствованія, и каждое требованіе посылать прямо по адресу туда, гдѣ оно принимается. Утѣшать же себя мыслію, будто весь міръ признаетъ тѣ законы, которые я считаю для себя обязательными, это—китайство, изъ котораго выводы могутъ повести къ заблужденію.

Изъ этого положенія, что *каждое убѣжденіе* имѣетъ нравственную обязанность откровенно выражаться въ словахъ и дѣйствіяхъ, **Vinet** выводитъ нравственную обязанность *для каждаго государства* не стѣснять никакое убѣжденіе въ возможности выразить себя и проповѣдывать себя словами, дѣлами и жизнію. Такъ какъ онъ говоритъ о государствѣ *вообще* и объ убѣжденіи *вообще*, то естественно, что въ его разсужденіяхъ является такая неопредѣлительность, такая преувеличенность, такая несоотвѣтственность одной мысли съ другою, что первыя сто страницъ второй части показались мнѣ войною Донкихота съ вѣтряными мельницами, или упражненіями талантливаго студента на курсѣ какого-нибудь швейцарскаго Шевырева. Противъ кого рыцарствуетъ онъ?—противъ *Pome*, о которомъ и протестанты даже сомнѣваются, христіанинъ ли онъ или нѣтъ. Его понятіе о государствѣ, что оно должно быть само вполнѣ человѣкомъ, есть одна изъ системъ, которыхъ тысячи возникаютъ ежедневно въ Германіи. Принять эту систему за представительницу общаго мнѣнія и думать, что все сдѣлалъ, когда одолѣлъ ее,—довольно смѣшно и ребячливо. Еслибы еще **Vinet** сражался съ отцомъ Роте—самимъ Гегелемъ, разбирая его взглядъ на государство въ его первообразномъ видѣ, то возраженія его имѣли бы какой-нибудь всеобщій интересъ; но возражать одному изъ полугегельянцевъ—хорошо только тому, кому очень писать хочется. Къ тому же, никакое философское понятіе о государствѣ не стоитъ само собою, но выводится изъ общихъ началъ системы, какъ необходимое послѣдствіе. Какъ же опровергать выводъ, не касаясь началъ? Вообще выводы философскіе не опровергаются, они просто отвергаются, когда построится противорѣчащая имъ система. Но **Vinet** взялся разсуждать о государствѣ на правахъ философа, а между тѣмъ никакой философской истины не поставилъ. Поэтому, что бы онъ ни говорилъ, истину или ложь, все будетъ безъ основанія, одна фраза, больше или меньше благовидное мечтаніе. Другое дѣло, когда онъ захочетъ говорить какъ христіанинъ. Здѣсь онъ имѣетъ основаніемъ убѣжденія того исповѣданія, къ которому онъ принадлежитъ. Здѣсь, слѣдовательно, его слово имѣетъ голосъ.

Мало-по-малу ворочая свою мысль съ боку на бокъ и пережевывая одно и то же, **Vinet**, наконецъ, дошелъ до этого сознанія и чувствуетъ, что сказанное имъ *вообще* не такъ общепримѣнительно, какъ казалось ему съ перваго взгляда. Вслѣдствіе этого пробуждающагося въ немъ сознанія, **Vinet** сначала ограничиваетъ свои возгласы объ убѣж-

деніяхъ *вообще* тѣмъ, что сказанное имъ не можетъ относиться къ магометанству, ни къ древнему язычеству, ни къ іудейству, а только къ различнымъ видамъ христіанства. Потомъ еще страницъ черезъ сто онъ говоритъ, что сказанное имъ не можетъ относиться къ римскому католичеству, которое перестало бы быть совсѣмъ католичествомъ и Римскою церковью, еслибъ отказалось отъ соединенія власти духовной и свѣтской. А потому его требованіе о раздѣленіи двухъ властей можетъ относиться *только къ однимъ протестантскимъ исповѣданіямъ*.

Книга была бы гораздо яснѣе, еслибъ авторъ съ самаго начала опредѣлилъ границы своей мысли.

Однакожь и между протестантскими исповѣданіями надобно также различить. Если, наприм., *англійскую церковь* считать въ числѣ протестантскихъ, то очевидно, что къ ней не можетъ относиться требуемая авторомъ неприкосновенность свѣтской и духовной власти. Ибо, какъ прямое произведеніе власти *свѣтской*, церковь англійская при разъединеніи властей должна сама распасться на свои составныя части и, слѣдовательно, уничтожиться.

Реформаты тоже не могли бы (по крайней мѣрѣ при началѣ своемъ) слѣдовать увѣщанію *Vinet*, ибо, по ученію Кальвина, самое государство должно происходить изъ церкви и ею устраиваться. Но историческая мельница оттерла эту часть догмата отъ реформатства, и потому для этой секты вопросъ объ отношеніи къ свѣтской власти еще можетъ почитаться нерѣшеннымъ.

Квакеры прямо и чисто не признаютъ государства внѣ себя и надъ собою и по догмату своему не могутъ составлять часть аудиторіи *Vinet*.

Гернгутеры хотя и не во враждебномъ отношеніи къ государству находятся, однако же внутри другаго политическаго общества составляютъ не только общество церковное, но и гражданское, съ особыми устройствами взаимныхъ отношеній. Слѣдовательно и они, еслибы составляли народъ отдѣльно существующій, непремѣнно образовали бы государство, прямо изъ церкви исходящее и съ церковнымъ устройствомъ одно составляющее. Потому и къ нимъ слово Vinet относиться не можетъ.

Остаются лютеране, которые признали въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, что устройство свѣтскаго государства не должно зависѣть отъ церкви, что власти духовная и свѣтская различны и не должны подчиняться одна другой, но обѣ должны съ одинакимъ благоговѣніемъ почитаться и сохраняться, *какъ двѣ высшія благодати Бога на землѣ* (als zwei höchste Gaben auf Erden).

Но, поставивъ церковь въ одинакихъ правахъ съ государствомъ въ догматѣ, они въ дѣйствительности тотчасъ же подчинили устройство духовное покровительству и надзору, и распоряженію и даже управленію свѣтской власти.

Но такъ какъ это ученіе церкви для лютеранъ не догматъ, а закоренѣвшій историческій фактъ, то требованіе Vinet можетъ собственно къ нимъ относиться; ибо Vinet не хочетъ, вѣроятно, измѣнять вѣроисповѣданій, онъ хочетъ только исправить понятія нѣкоторыхъ объ одномъ постороннемъ предметѣ сомнительнаго свойства. Къ этимъ же сектамъ протестантскаго исповѣданія, къ которымъ относится вопросъ *Vinet*,—т.-е. для которыхъ онъ не догматъ, а еще вопросъ,—можно причислить христіанъ всѣхъ исповѣданій, колеблющихся въ своихъ убѣжденіяхъ, и, потомъ, невѣрующихъ и философски-христіанствующихъ. Но эти послѣдніе, хотя бы они и имѣли въ рукахъ власть политическую, могутъ ли почитаться законными судьями въ дѣлѣ церковныхъ отношеній? А между тѣмъ авторъ имѣетъ въ виду *ихъ* болѣе, чѣмъ другихъ, ибо преимущественно опирается *на требованіяхъ современной образованности*. По его мнѣнію, христіанская церковь, скоро послѣ своего явленія въ міръ, испортилась и начала заблуждаться. Одно изъ послѣдствій этого заблужденія было сближеніе государства и церкви при Константинѣ. Потомъ всѣ бѣды христіанъ и христіанства были необходимымъ слѣдствіемъ этого сближенія, и только въ наше новѣйшее время становится возможнымъ для церкви открыть глаза и видѣть свою ошибку (стр. 350 и мног. др. мѣста). Другими словами: Духъ Святый, скоро послѣ временъ апостольскихъ, оставилъ церковь и возвращается къ ней только чрезъ проповѣдь Vinet. Или, можетъ-быть, Духъ Святый не оставлялъ церковь, а живя въ ней, заблуждался, покуда Vinet вразумилъ его. Бѣдный западный человѣкъ, которому такая галиматья можетъ лѣзть въ голову!... Или можетъ-быть галиматья эта не въ головѣ (которая не дошла до сознанія своихъ преобразовательныхъ требованій), а только въ сердцѣ, которое внушаетъ желаніе преобразовывать и исправлять церковь. Это чувство послѣ отступленія латинства сдѣлалось господствующимъ въ европейской образованности.

Несмотря однако же на то, что книга Vinet не имѣетъ ни основанія, ни возможной примѣнительности,—въ ней есть много прекраснаго, много мыслей свѣтлыхъ, много замѣчаній вѣрныхъ, много сердечныхъ, драгоцѣнныхъ словъ, и ея чтеніе очень пріятно и, можетъ-быть, не безполезно возбуждаетъ потребность яснаго сознанія объ этомъ вопросѣ въ читателѣ православномъ. Ибо вопросъ этотъ въ православной церкви не имѣетъ того логическаго опредѣлительнаго отвѣта, какой онъ получилъ на Западѣ отъ соединенія власти духовноїи и свѣтской въ одномъ лицѣ. Тамъ изъ этого обстоятельства произошла цѣлая система политическихъ отношеній государствъ, которая взошла въ богословскую догматику, какъ часть ея. Тамъ церковь была видимымъ основаніемъ и постоянно видимою поддержкою мірской власти и во всѣ отрасли мірскаго управленія взошла какъ одинъ изъ его видимыхъ

элементовъ. Точно такое же вещественное господство обнаружила Латинская церковь и въ области науки. Вмѣсто того, чтобы духовно проникнуть самое мышленіе человѣческое, самый корень его мышленія, она выводила изъ своего ученія видимыя, буквальныя положенія и навязывала ихъ наукѣ. Галилей, отрекающійся отъ своей системы, и Генрихъ IV, исполняющій эпитимію, выражаютъ одинъ смыслъ церковнаго преобладанія. Оттого реформація, отдѣливъ церковь отъ римства, одинаково разорвала связь какъ между правительствомъ и церковью, такъ и между наукою свѣтскою и богословіемъ. И въ обѣихъ сферахъ послѣдствія были одинаковы. Какъ скоро духовное начало перестало господствовать надъ свѣтскимъ, такъ свѣтское стало господствовать надъ духовнымъ. Церкви протестантскія очутились подъ распоряженіемъ свѣтскихъ правительствъ, и богословія протестантскія сдѣлались выводомъ изъ философскихъ системъ. Ибо государство совершенно безотносительное къ церкви такъ же невозможно, какъ и философія совершенно безотносительная—къ ученію вѣры. Если вещество не повинуется духу, то не можетъ оставаться въ *равныхъ* правахъ, но неизбѣжно должно взять верхъ. Примѣръ Американскихъ Штатовъ, который приводитъ Vinet, ничего не доказываетъ. Это не государство, а случайное совокупленіе нѣсколькихъ разнородныхъ массъ, безпрестанно готовыхъ распасться. Они держатся только тѣмъ что не пришли къ самосознанію. Какъ скоро самосознаніе проникнетъ ихъ отъ сердца въ части и отъ частей въ сердце, такъ они разлетятся на множество кусковъ. Между тѣмъ теперь правительство въ нихъ не можетъ захватить власть надъ религіей *потому*, что у нихъ нѣтъ одной религіи. Взаимное противорѣчіе многихъ религій составляетъ условіе ихъ независимости. Но еслибы народъ, въ какомъ бы то ни было государствѣ, имѣлъ какую-нибудь одну вѣру, то невозможно предположить, чтобъ эта вѣра не опредѣлила—посредственно или непосредственно—своихъ отношеній къ государству и не требовала бы отъ него извѣстныхъ отношеній къ себѣ. Единство въ образѣ мыслей не можетъ не требовать единства въ образѣ дѣйствій. Одинаковая вѣра требуетъ одинаковыхъ нравовъ, одинаковой системы всѣхъ отношеній—семейныхъ и общественныхъ. Правильно ли будетъ то устройство государственное, которое не будетъ прямымъ слѣдствіемъ этой системы междугражданской? Или правительство, которое будетъ стѣснять выраженіе всенародныхъ убѣжденій, подъ предлогомъ, что это выраженіе можетъ быть оскорбительно для какихъ-нибудь убѣжденій иностранныхъ? Или которое само будетъ оскорблять убѣжденія народныя своими устройствами, составляемыми въ духѣ иноземныхъ убѣжденій, наприм. правительство магометанскаго народа, которое будетъ требовать отъ войска употребленія вина для куражу? Или когда оно позволитъ безнаказанно другимъ сектамъ оскорблять нравы своего народа явнымъ исполненіемъ обычаевъ противорѣчащихъ всеобщимъ

убѣжденіямъ, наприм. въ государствѣ христіанскомъ публичныя вакханаліи язычества, или публичныя насмѣшки надъ вѣрою и нравами народа? Или распространеніе соблазнительныхъ книгъ? Или должно ли правительство, говоря вообще, обращать какое-нибудь вниманіе на нравственныя понятія своего народа? Должны ли законы отстранять то, что мѣшаетъ свободному выраженію этихъ нравственныхъ понятій, или удалять то, что стремится ихъ оскорбить или разрушить? Соединенные Штаты, говоритъ авторъ, не имѣютъ законовъ, которые бы охраняли общественную нравственность или общественныя убѣжденія. Но за то тамъ общественныя убѣжденія, въ каждомъ особенномъ штатѣ, охраняются беззаконно, особеннымъ общественнымъ своеволіемъ, которое, кажется, не лучше закона, котораго боится авторъ. Противъ оскорбителей ихъ убѣжденій толпа дѣйствуетъ самоуправно и безнаказанно. Если такой безпорядокъ входитъ въ общій порядокъ вещей, то легче ли онъ отъ того, что производится не по закону, а безъ закона?

Авторъ говоритъ очень справедливо, что въ большей части государствъ, гдѣ есть государствующая религія, правительство пользуется ею какъ средствомъ для своихъ частныхъ цѣлей и, подъ предлогомъ покровительства ей, угнетаетъ ее. Но это бываетъ *не потому*, что въ государствѣ есть господствующая вѣра, а напротивъ потому, что господствующая вѣра народа *не господствуетъ* въ государственномъ устройствѣ. Это несчастное отношеніе происходитъ тогда, когда, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, произойдетъ разрывъ между убѣжденіями народа и правительства. Тогда вѣра народа употребляется какъ средство, но не долго. Одно изъ трехъ непремѣнно должно произойти: или народъ поколеблется въ своей вѣрѣ, и затѣмъ поколеблется все государственное устройство, какъ мы видѣли на Западѣ; или правительство дойдетъ до правильнаго самосознанія и обратится искренно къ вѣрѣ народа, какъ мы надѣемся; или народъ увидитъ, что его обманываютъ, какъ мы боимся.

Авторъ говоритъ, будто церковь православная всегда находилась подъ угнетеніемъ правительства потому, что, бывъ оффиціальною религіей государственною, она находилась подъ покровительствомъ правительства, которое подъ этимъ предлогомъ и пользовалось ею какъ средствомъ. Но несправедливость этого доказывается какъ исторіей Византіи, такъ и исторіей Россіи. Въ Византіи церковь православная очень рѣдко была покровительствуема правительствомъ, которое по большей части было инославное—или аріанское, или латинствующее, или иконоборствующее, которое наконецъ и погубило Грецію своимъ отступничествомъ въ унію. Въ Россіи, напротивъ, всѣ правительства—и княжескія, и народныя—были православныя, отъ Владиміра до Грознаго, и мы видимъ, благоденствовала ли церковь и торжествовало ли убѣжденіе народное. Грозный дѣйствовалъ утѣснительно, потому что былъ *еретикъ*;

это доказывается, вопервыхъ, Стоглавымъ соборомъ и, вовторыхъ, стремленіемъ поставить византійство въ одно достоинство съ православіемъ. Отъ того произошла опричина, какъ стремленіе къ ереси государственной и власти церковной. А что его понятіе о границахъ или, правильнѣе, о безграничности его власти и объ ея разорванности съ народомъ было не христіанское, а еретическое, это до сихъ поръ всенародно свидѣтельствуютъ святыя мощи митрополита Филиппа.

Для вѣрующаго отношеніе къ Богу и Его святой церкви есть самое существенное на землѣ, отношеніе же къ государству есть уже второстепенное и случайное. Очевидно, что всѣ законы истины должны нарушиться, когда существенное будетъ подчиняться случайному, или будетъ признаваться на одинакихъ правахъ съ нимъ, а не будетъ господствовать надъ нимъ.

Нужно ли оговариваться, что господство церкви я не понимаю какъ инквизицію, или какъ преслѣдованія за вѣру? Этотъ магометанизмъ, эти насильственныя обращенія такъ же противны христіанству истинному, какъ и обращенія посредствомъ обмана. Если Латинская церковь увлеклась, а можетъ-быть еще и теперь увлекается заблужденіемъ, будто цѣль оправдываетъ средства, если нѣкоторые члены изъ церкви православной заражались когда-нибудь этимъ лжеученіемъ, то эта ошибка нѣкоторыхъ людей до самой церкви не относится. И государство не въ томъ должно согласоваться съ церковью, чтобы разыскивать и преслѣдовать еретиковъ и силою принуждать вѣрить (это и духу христіанства противно, и производитъ дѣйствіе противное намѣренію, и государству самому вредитъ почти столько же, сколько и церкви); но въ томъ оно должно согласоваться съ церковью, чтобы поставить себѣ главною задачей своего существованія—безпрестанно болѣе и болѣе проникаться духомъ церкви и не только не смотрѣть на церковь какъ на средство къ своему удобнѣйшему существованію, но, напротивъ, въ своемъ существованіи видѣть только средство для полнѣйшаго и удобнѣйшаго водворенія церкви Божіей на землѣ.

Государство есть устройство общества, имѣющее цѣлью жизнь земную, временную. Церковь есть устройство того же общества, имѣющее цѣлью жизнь небесную, вѣчную. Если общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней временное должно служить вѣчному, то и государственное устройство этого общества должно служить церкви. Если же общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней земныя отношенія идутъ сами по себѣ, а духовныя сами по себѣ, то государство въ такомъ обществѣ должно быть отдѣлено отъ церкви. Но такое общество не будетъ состоять изъ христіанъ, а изъ людей невѣрующихъ, или по крайней мѣрѣ изъ смѣшанныхъ вѣръ и убѣжденій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, конечно, очень вредно бы было, чтобъ одна партія, завладѣвъ силою политическою, давила бы другія, какъ въ Австріи. Но такое государство, искусственно или насильственно слѣпленное изъ

различныхъ вѣроисповѣданій и, слѣдовательно, изъ различныхъ народныхъ согласій, стремящихся по натурѣ своей взаимно уничтожаться и, слѣдовательно, распасться на различныя самобытныя устройства,—такое государство не можетъ имѣть притязанія на стройное нормальное развитіе. Все его достоинство должно ограничиваться характеромъ *отрицательнымъ*, такъ что чѣмъ менѣе оно существуетъ какъ государство, тѣмъ болѣе достигаетъ своей цѣли, какъ въ Англіи. Въ такомъ государствѣ граждане могутъ смотрѣть очень равнодушно, когда въ законодательной палатѣ ихъ будутъ сидѣть жиды и дѣлать для нихъ законы. Но тамъ, гдѣ народъ связанъ внутренно одинакими убѣжденіями вѣры, тамъ онъ вправѣ желать и требовать, чтобъ и внѣшнія его связи—семейныя, общественныя и государственныя—были согласны съ его религіозными внушеніями и чтобы правительство его было проникнуто тѣмъ же духомъ. Дѣйствовать враждебно этому духу—значитъ дѣйствовать враждебно самому народу, хотя бы эти дѣйствія и доставляли ему какія-нибудь земныя выгоды.

29.

ЕМУ-ЖЕ *)

13 Октября (1853).

Я получилъ твое письмо, другъ Кошелевъ, и хотя не кончилъ моего письма къ тебѣ, но посылаю неконченное, чтобы ты не упрекалъ меня въ неоплатности долга. Продолженіе надѣюсь написать послѣ окончанія другаго дѣла, срочнаго.

Твое письмо я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что оно очень хорошо написано, и потому, что я обѣщаю себѣ большое удовольствіе въ работѣ отвѣчать на него. Ты тронулъ такой вопросъ, съ отвѣтомъ на который должна созвучать вся глубина философіи христіанской. Я не рѣшился бы говорить объ немъ, по недостаточности моей для этаго духовнаго умозрѣнія, говорить никому, кромѣ самаго себя, и слѣд. тебя. Мои ошибки во взглядѣ на этотъ предметъ не повредятъ тебѣ, потому, что ты будешь смотрѣть на нихъ какъ на одно изъ движеній собственныхъ твоихъ мыслей. Но прежде хотѣлъ бы кончить начатое письмо о Vinet.—Что же касается до Полит. Экон., то прошу тебя покуда избавить меня отъ этаго предмета, занятіе которымъ было бы совсѣмъ несогласно съ моими теперешними занятіями.

---

*) Съ подлинника. Послано одновременно съ предъидущимъ, дата котораго проставлена въ *концѣ* письма.

Благодарю тебя за твои заботы о моихъ залогахъ. Я цѣню это какъ истинно дружеское участіе.

Обнимаю тебя. Жена моя тебѣ кланяется.

Твой И. Кирѣевскій.

Что твоя боль глазная? Береги ихъ. Твоего отвѣта ожидаю.

30.

ЕМУ-ЖЕ *).

(Окт.—Ноябрь 1853 г.)

Чтобы наши толки имѣли какое-нибудь разумное послѣдствіе, необходимо намъ постоянно исполнять два условія: 1) ни на минуту не терять изъ виду *самаго зерна* того предмета, о которомъ мы споримъ. Иначе мы разбредемся въ стороны и не одолѣемъ собрать все сказанное нами въ одинъ общій итогъ; 2) мы ни на минуту не должны забывать, *для чего* мы споримъ. Если для того, чтобы имѣть удовольствіе оспорить одинъ другаго, то лучше учись играть въ шахматы и давай спорить на шахматной доскѣ. Если же мы споримъ для того, чтобы согласиться, то эта цѣль стóитъ труда писанья. Но для этого надобно намъ искать въ мысляхъ и словахъ другъ друга не того, что̀ несогласно съ нашими мыслями, а напротивъ—того именно, что̀ у насъ есть *общаго* относительно предмета спора. Изъ этого общаго должны мы стараться сдѣлать такіе выводы, которые бы обѣими сторонами были приняты сочувственно. Тогда предметъ разногласія самъ собою разрѣшится, прилагаясь къ этимъ выводамъ. Если же, вмѣсто общаго и согласно съ нимъ, мы будемъ искать въ словахъ противника того, съ чѣмъ можно спорить, то ни споръ нашъ никогда не кончится, ни вывода никакого мы изъ него не добудемъ.

Я написалъ эту диссертацію потому, что, мнѣ кажется, ты былъ слишкомъ спорливъ въ твоемъ отвѣтѣ на мое письмо, и я самъ боюсь заразиться твоею манерою. Что, наприм., намъ пользы разсуждать, какой смыслъ должно имѣть слово: *китайство?* Значитъ ли оно—считать свои частныя понятія за единственныя общечеловѣческія, или оно значитъ—коснѣть въ старомъ и противиться новому,—во всякомъ случаѣ разсужденіе объ этомъ и о подобныхъ тому вещахъ можетъ привести насъ только къ тому результату, что *ты* употребляешь это слово правильно, а *я*—ошибочно; но что-жь изъ этого слѣдуетъ? Намъ важно здѣсь не то, каково я разсуждаю, или каково ты разсуждаешь, а важенъ намъ здѣсь только предметъ нашего разсужденія.

---

*) Колюпановъ, *указ. соч.*, стр. 94.

Перечитывая письмо твое, съ трудомъ могу удержать себя, чтобы не спорить о каждомъ пунктѣ отдѣльно. Однако же это желаніе мое—доказать, что я правъ, а что ты ошибаешься—совершенно исчезаетъ во мнѣ, когда я вслушиваюсь умомъ въ другое желаніе—согласиться съ тобою въ единомыслiи.

Прежде, чѣмъ буду спорить, постараюсь отыскать, въ чемъ мы согласны, чтобы тѣмъ удалить причины недоразумѣній.

Когда я говорю, что государственность народа должна быть проникнута его вѣрою, т.-е. церковью, которую онъ исповѣдуетъ, то это не значитъ, чтобы государство должно было *покровительствовать* церкви. Покровительствуютъ низшему. Высшему можно только служить и служа, правда, охранять, но только по его волѣ. Если ты скажешь, что подъ предлогомъ охраненія государство иногда стремится господствовать надъ церковью, то злоупотребленіе не уничтожаетъ возможности хорошаго употребленія. Первое (злоупотребленіе) должно замѣчать, открывать, выставлять на общій видъ и тѣмъ уничтожать. Но второе (правильное употребленіе силы государственной въ пользу церкви) нельзя не признать дѣломъ добрымъ.

Я не почитаю также хорошимъ дѣломъ, чтобы государство служило церкви инквизиціоннымъ образомъ. Инквизиція соотвѣтствуетъ логически только Римской церкви, смѣшавъ власть мірскую и духовную въ одно нехристіанское господство. Но въ церкви православной инквизиціонный образъ дѣйствія долженъ почитаться еретическимъ, какъ монашескіе ордена рыцарей, кавалерственные епископы и т. п. Потому въ православныхъ земляхъ инквизиціонныя дѣйствія *вредятъ* церкви; въ папскихъ государствахъ инквизиція, напротивъ, *поддерживаетъ* зданіе церковное. Въ южной Европѣ послѣ XVI столѣтія только одна инквизиція могла удержать римское вѣроисповѣданіе и *усилить* реформацію. У насъ, напротивъ, расколы родились прямо изъ инквизиціонныхъ мѣръ и можетъ-быть до сихъ поръ ими же усиливаются.

Также почитаю я противнымъ православной церкви *насильственное понужденіе* гражданъ къ принятію благодати, таинственныхъ даровaній Божіихъ. Церковь, напротивъ, во всѣ времена боялась предавать таинства недостойнымъ, какъ бы отдать святыню на поруганіе, или повѣдать тайну Господа врагамъ Его. Если это дѣлается, то какъ противное церкви, а не какъ согласное съ нею, или полезное ей.

Также не полезно церкви, а противно ей, когда ее употребляютъ *какъ средство* для государственныхъ или мірскихъ цѣлей, злоупотребленіемъ присяги и т. п.

Также противно церкви, когда она поставляется въ какую-нибудь *зависимость* отъ мірскаго устройства государствъ, когда духовенство обращается въ чиновничество и т. п.

Но все это противно церкви христіанской *только тогда*, когда она находится во всей чистотѣ *православія*. Римской же церкви, какъ я

сказалъ, это не только не противно, но прямо требуется ея характеромъ свѣтско-духовнымъ. Отъ нея-то, отъ римской ереси, распространились эти смѣшанныя понятія, вмѣстѣ со многими другими заблужденіями, въ нѣкоторыхъ и православныхъ странахъ. Но ревность къ чистотѣ вѣры должна требовать, вмѣстѣ со многими другими, очищенія и этихъ понятій, касающихся отношеній церкви къ государству. И теперь именно пришло время, когда это очищеніе нашихъ понятій отъ еретическихъ примѣсей особенно необходимо, потому что натискъ иновѣрія и безвѣрія такъ силенъ, что уже почти не осталось ни одной мысли общественной, политической, нравственной, юридической или даже художественной, которая бы болѣе или менѣе не была запачкана и измята неправославными руками, въ которыхъ она побывала. Потому, если съ этой точки разсматривать книгу Vinet, т.-е. какъ *противудѣйствіе* тѣмъ ложнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ церкви и государства, которыя распространились изъ Римской церкви, даже ко многимъ лицамъ православнаго исповѣданія, то, конечно, нельзя не сказать, что *въ этомъ отношеніи* чтеніе этой книги можетъ быть очень полезно. Также, я думаю, весьма полезно можетъ быть чтеніе этой книги у насъ и потому, что возбудитъ въ умахъ такой вопросъ, который спитъ и которому пора, очень пора проснуться.

Но этимъ должно ограничиться то, что̀ я могу сказать въ пользу Vinet. Кажется, этого не мало, и ты можешь быть доволенъ. Я надѣюсь, что ты, видя какъ охотно я отдаю справедливость твоему пріятелю въ отношеніи практическаго примѣненія, захочешь и мнѣ отдать справедливость въ томъ, что я не могу согласиться съ нимъ въ тѣхъ *основныхъ* началахъ, изъ которыхъ онъ выводитъ свои требованія. Или, лучше сказать, не могу я согласиться съ нимъ не потому, чтобы его основныя начала противорѣчили моимъ, но потому, что основныхъ началъ у него не нахожу никакихъ, твердыхъ, опредѣленныхъ, ясно согласныхъ. Нахожу у него смѣшеніе всякихъ началъ, смотря по тому, что̀ ему для его декламаціи кажется на ту минуту эффектнѣе. Такъ, не поставивъ яснаго опредѣленія ни церкви, ни государству, какъ я сказалъ въ прошедшемъ письмѣ, онъ говоритъ иногда, какъ вещь обще-христіанскую, то, что̀ можетъ относиться къ одному виду протестантства. Иногда относитъ къ государству вообще то, что можно отнести только къ государству слѣпленному изъ разнородныхъ кусковъ, какъ Соединенные Штаты. Во многихъ мѣстахъ декламируетъ онъ о томъ, какъ вѣра должна проникать *во всѣ* отношенія людей, и потомъ, рядомъ съ этими возгласами и какъ бы забывая ихъ, декламируетъ противъ того, чтобы государство находилось въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи къ вѣрѣ, господствующей въ народѣ.

Ты, защищая его и опровергая меня, *дѣлаешь* свое построеніе понятій объ отношеніи государства къ церкви, но также по примѣру своего

пріятеля Vinet говоришь очень горячо, часто остроумно, но не ищешь для своего построенія твердаго матеріала. Ты говоришь: „Государство—не ***устройство*** общества, а ***самое*** общество“. И сказавъ это, сейчасъ же упрекаешь меня въ Луи-Бланствѣ и спрашиваешь: „развѣ государство обязано мнѣ доставлять хлѣбъ, богатство, свѣдѣнія,—словомъ, все нужное для земной жизни?“ За этимъ слѣдуетъ выходка о томъ, что „не слѣдуетъ на государство возлагать отеческія, наставничьи или какія бы то ни было распорядительскія обязанности въ отношеніи гражданъ“. Я не буду спорить противъ этой выходки, но не умѣю согласить ее съ тѣмъ положеніемъ, что государство—не извѣстное ***устройство***, но ***самое общество***.

Церковь, говоришь ты, не есть устройство общества, ибо общественный элементъ входитъ въ нее какъ второстепенный. Въ ней первое—человѣкъ, т.-е. лице. Въ государствѣ все—общество; въ церкви все—человѣкъ. Но если для нея человѣкъ—все, если она обнимаетъ его вполнѣ, то какъ можетъ она дѣлать это, не опредѣляя характера его отношеній къ обществу? Неужели общество магометанъ или жидовъ будетъ имѣть одинакіе нравы съ обществомъ христіанъ? Или общество квакеровъ—одинакіе нравы съ обществомъ латинцевъ? Еслибы лютеране, латинцы, кальвинисты и англиканцы устроили—каждые—свою жизнь совершенно послѣдовательно своимъ убѣжденіямъ, то неужели каждое общество не имѣло бы своихъ особенныхъ нравовъ и обычаевъ, сообразныхъ особенности своихъ убѣжденій?

Ото всѣхъ отъ нихъ отличалось бы общество православное, т.-е., разумѣется, ***согласное*** съ своимъ основнымъ ученіемъ.—Но если вѣра народа имѣетъ такое тѣсное соединеніе съ его нравами и обычаями, то какъ же не будутъ имѣть къ нимъ никакого отношенія его законы?—Конечно, завоеваніемъ, или какими-нибудь подобными несчастными обстоятельствами могутъ и, по большей части, дѣйствительно накладываютъ на народъ законы, несогласные съ его нравами, обычаями и вѣрою; но развѣ то, что̀ бываетъ, законъ для того, что̀ должно быть?

Противъ этого отношенія государственнаго устройства къ нравамъ и убѣжденіямъ народа ты говоришь: „Гдѣ же такое государство (гдѣ бы народъ былъ связанъ одинакими убѣжденіями)? Такого государства не только нѣтъ и никогда не было, но ты его даже и въ воображеніи создать не можешь“.—Но я думаю, что до 16-го вѣка ***всѣ*** государства Европы были таковы, что народы въ каждомъ были одинакой вѣры.—Но особенно древняя Россія въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ единодушія и единомыслія народнаго, воплощавшагося въ нравы и обычаи народные, и если не успѣвшаго (по причинѣ внѣшнихъ историческихъ условій) выразиться въ его правительственной государственности, то выразившаго, по крайней мѣрѣ, свои требованія во многихъ отношеніяхъ государственнаго законодательства. Впрочемъ я думаю еще и то, что даже теперь никто не имѣетъ права смотрѣть

на Россію иначе, какъ на государство православное, а если Биронъ, или кто изъ нѣмцевъ когда-нибудь и смотрѣлъ на нее иначе, то никогда не смѣлъ въ этомъ признаться.—Императрица Екатерина въ своемъ манифестѣ, которымъ она объявляла о низверженіи Петра III и о своемъ восшествіи, говоритъ, что императоръ Петръ III, дошелъ до того, что намѣревался даже содѣлать господствующею въ Россіи вѣрою лютеранскую, отъ чего каждый вѣрный подданный государства долженъ былъ помышлять о пролитіи его крови.—Конечно, не я могу одобрять слова ея; но они, однако же, показываютъ, какъ она понимала единство Россіи и ея вѣры, и хотя сама была не вѣрующая, но никогда не смѣла признаться въ томъ.—И какже можетъ измѣниться характеръ православной Россіи отъ того, что она покорила подъ свою власть нѣсколько милліоновъ католиковъ и нѣсколько милліоновъ протестантовъ, евреевъ, магометанъ и большое количество язычниковъ?—Еслибъ они покорили Россію, тогда только могла бы она утратить господство православнаго духа въ своемъ законоустройствѣ и въ своемъ правительствѣ.—Если же, сохрани Богъ, въ Россіи когда-нибудь сдѣлается что-нибудь противно православію, то все-таки будетъ враждебно Россіи столько же, сколько и вѣрѣ ея. Все, что препятствуетъ правильному и полному развитію православія, все то препятствуетъ развитію и благоденствію народа Русскаго; все, что даетъ ложное и не чисто православное направленіе народному духу и образованности, все то искажаетъ душу Россіи и убиваетъ ея здоровье нравственное, гражданское и политическое. Потому, чѣмъ болѣе будетъ проникаться духомъ православія государственность Россіи и ея правительство, тѣмъ здоровѣе будетъ развитіе народное, тѣмъ благополучнѣе народъ и тѣмъ крѣпче его правительство, и, вмѣстѣ, тѣмъ оно будетъ благоустроеннѣе, ибо благоустройство правительственное возможно только въ духѣ народныхъ убѣжденій.—Если оно будетъ не того духу, то непремѣнно будетъ стѣснять свободное его выраженіе въ жизни и словѣ подъ предлогомъ толеранства и, стѣсняя его, само будетъ стѣсняться имъ и утверждаться противъ него только насильственно, боясь каждой тѣни духа общественнаго, какъ привидѣнія изъ другаго міра.

Ты говоришь: „Церковь и государство едины и тожественны только въ человѣкѣ, и то только въ его таинственномъ центрѣ. Въ проявленіи же въ мірѣ они совершенно различны и общаго ничего не имѣютъ.—Но мы сейчасъ видѣли, что у нихъ общаго—*нравы* и *обычаи* народа, которые происходятъ изъ его убѣжденій, *вѣры*, и съ которыми должно согласоваться его *законное устройство*. Но, кромѣ нравовъ и обычаевъ народа, *всѣ его общественныя отношенія* составляютъ также общую середину между церковью и государствомъ, происходя, болѣе или менѣе, изъ одной и требуя отъ другаго себѣ *гласнаго* утвержденія, или, по крайней мѣрѣ, свободнаго развитія, не стѣсняемаго противорѣчащими законами.

„Церковь, говоришь ты, на землѣ—*гостья*; государство здѣсь—житель, владыка“.—Но если церковь—гостья *званая*, то потому именно ее и угощать слѣдуетъ, чтобы она не оставила не заботящагося о ней хозяина! „Ея вся цѣль—жизнь будущая, ея правила—вѣчныя и безусловныя“. Это правда, но потому-то она и не можетъ покориться требованіямъ здѣшней жизни; потому-то и должно покориться ей государство, котораго „цѣль—жизнь здѣшняя, а правила—временныя, условныя“. Неужели не хорошо здѣшнюю жизнь устраивать сообразно нашимъ понятіямъ о будущей?

„Вѣра, говоришь ты, есть даръ свыше и, вмѣстѣ, самое свободное, самое самобытное дѣйствіе человѣка, потому ее нельзя перенести на государство; слѣдовательно какже можетъ быть государство христіанское—православнымъ?“ Но какъ же ты это понимаешь? Государство можетъ быть языческое, можетъ быть іудейское, магометанское и только не можетъ быть христіанское?

„Для государства, говоришь ты, вѣрою служитъ общественное мнѣніе, которое есть сумма вѣръ человѣческихъ въ посредственномъ, временномъ ихъ проявленіи“. Для чего же ты хочешь, чтобы государство сообразовалось лучше съ этимъ временнымъ, часто ошибочнымъ проявленіемъ народныхъ убѣжденій, а не съ самимъ источникомъ ихъ? Къ тому же говоря: „сумма вѣръ“, а не „вѣра“, ты непремѣнно хочешь подъ словомъ государство понимать или Соединенные Штаты, или Австрію, т.-е. случайный или насильственный слѣпокъ разногласныхъ народностей. Но такое соединеніе разногласій, которыя *воюютъ*, встрѣчаясь другъ съ другомъ, и силятся разорваться при первой возможности,—не можетъ идти въ примѣръ *гармоническаго* устройства государства.

Ты продолжаешь: „общественное мнѣніе устанавливаетъ общественную нравственность, по существу своему временную и условную,—единственное правило для государства; слѣдовательно, *оно должно быть нравственнымъ*“. Я не понимаю здѣсь силлогизма. Почему же единственное правило для государства должна быть только *временная* нравственность, происходящая изъ случайнаго и временнаго общественнаго мнѣнія? Отчего не та—не временная и не случайная—нравственность, происходящая не изъ случайной прихоти общественнаго мнѣнія, но прямо изъ вѣры, господствующей въ государствѣ? Можетъ быть, впрочемъ, что здѣсь-то именно и заключается узелъ всего различія между нашими мнѣніями, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ ихъ практическому примѣненію. Для тебя главное основаніе государства, причина его такого или такого направленія и образованія—однимъ словомъ, его *душа*,—есть *общественное мнѣніе*, или *мнѣніе большинства*. Для меня душа государства есть *господствующая вѣра народа*. Но подумай: право господствованія большинства не сведется ли, въ послѣднемъ результатѣ, къ праву сильнаго? Конечно, и при твоемъ и при

моемъ понятіи о государствѣ должно предположить въ немъ возможность такого оборота вещей, при которомъ грубая эгоистическая сила господствуетъ надъ разумомъ и убѣжденіями народа. Но при моемъ предположеніи это можетъ случиться только обманомъ или явнымъ насиліемъ, т.-е. *беззаконно*. При твоемъ предположеніи это будетъ законное господство партіи, превосходящей по количеству или по силѣ. Вслѣдствіе этого неизбѣжно надобно будетъ признать понятіе Гегеле-во, что всякое правленіе въ государствѣ равно законно, только бы стояло, и всякая революція равно законна, только бы удалась, и правленіе то беззаконно, которое свергнуто, и революція беззаконна, которая не удалась. Эти-то безнравственныя убѣжденія и привели Европу къ теперешнему ея положенію. Но въ вопросѣ объ отношеніи государства къ церкви ты идешь гораздо дальше Гегеля. Онъ видитъ тѣсную связь между ними, которую ты не признаешь.

Ты кончаешь письмо свое словами: „въ дѣйствительномъ мірѣ, между этими противуположностями (между церковью и государствомъ) нѣтъ примиренія, такъ сказать—моста; и потому они не могутъ ни сидѣть вмѣстѣ на одномъ престолѣ, ни подчинять себя одинъ другому“. Не противорѣчатъ ли эти слова тому, что ты самъ говорилъ сейчасъ же прежде о томъ, что общественное мнѣніе и общественная нравственность служатъ именно этими примирительными мостами между вѣрою и государствомъ?

Прежде еще ты говоришь: „для *общества* нѣтъ ничего вѣчнаго; все для него, какъ и оно само, временно и случайно; вѣчность существуетъ только для *человѣка*—не какъ гражданина, а какъ лица. Государство, которое захочетъ служить вѣчности, должно принять или уставъ Василія Великаго, или иное подобное учрежденіе, но въ обоихъ случаяхъ оно перестаетъ быть государствомъ“. Я думаю, что тутъ есть какая-нибудь ошибка въ твоихъ выраженіяхъ. Ибо не можетъ быть, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ думалъ, что цѣль государства должна быть только временная и случайная, а все вѣчное къ нему не относится. Тогда для него и въ немъ не существовало бы ни справедливости, ни нравственности, ни святости законовъ, ни достоинства человѣка, ни духа народнаго и проч., но только удобное и полезное для временныхъ цѣлей. Тогда, способствуя всѣми мѣрами къ развитію благосостоянія физическаго въ народѣ, оно должно всѣми также зависящими отъ него мѣрами заглушать развитіе духовное, какъ могущее быть иногда ***прямо противно*** этимъ временнымъ цѣлямъ земнаго благосостоянія. Хотя бывали можетъ-быть правители государствъ, которые имѣли подобныя убѣжденія, но, кажется, никто не смѣлъ ихъ громко выговаривать.

Если ты скажешь, что противъ такого угнетательнаго направленія правительствъ ты обезопасилъ себя другимъ требованіемъ, именно тѣмъ, что „государство, какъ ты говоришь, должно доставлять намъ одно: возможность пріобрѣсти все, что нужно для земной жизни, и

пользоваться спокойно этимъ пріобрѣтеніемъ, т.-е. свободу". Это хорошо на словахъ; но почему же ты думаешь, что государство, которое существуетъ съ какою-нибудь мелкою земною цѣлью, послушается твоего требованія свободы? Понятіе о свободѣ политической есть понятіе относительное и отрицательное, и только на немъ основывалось бы и для него существовало бы общество. Какъ и чѣмъ удержишь ты эту свободу въ такомъ устройствѣ, которое не признаетъ другой законности, кромѣ господства большинства, т.-е. перевѣса силы? Если же въ это относительное и отрицательное понятіе о свободѣ политической мы захотимъ вложить смыслъ существенный и положительный и назовемъ ее уваженіемъ къ свободѣ нравственной и къ достоинству человѣка, то такое понятіе непосредственно происходитъ изъ началъ религіозныхъ; и если ты хочешь, чтобы государство признало его, то оно должно признать и производящія его начала за свое законное основаніе. Признать святость нравственнаго лица нельзя, не признавая святости *вѣчныхъ* нравственныхъ истинъ, которыхъ источникъ и средоточіе есть вѣра. Потому, только возникая изъ вѣры, и ей подчиняясь, и ею одушевляясь, можетъ государство развиваться стройно и сильно, не нарушая свободнаго и законнаго развитія личностей и такъ же свободно и живительно согласуясь съ духомъ народа, проникнутаго тою же вѣрою.

Здѣсь оканчиваю я письмо мое, любезный другъ, но не отвѣтъ, ибо надѣюсь продолжать въ Калугѣ. Но письмо это дошло до того пункта, на которомъ кончилось первое и съ котораго оно было отодвинуто твоимъ нападеніемъ. Слѣдов. эти 3 письма (2 моихъ и 1 твое) составляютъ одну половину вопроса, т.-е. объ отношеніи государства къ церкви *вообще*. Вторая половина будетъ разсматривать эти отношенія въ особенности, т.-е. какая система вѣрованія соотвѣтствуетъ какому устройству государства. Здѣсь-то и заключается настоящее зерно моей мысли. Потому, если напишешь на это письмо отвѣтъ, то не сообщай его мнѣ прежде окончанія моего письма. Остаюсь и проч.

31.

ЕМУ-ЖЕ *).

1 Іюня 1854 года.

Любезный другъ! Прилагаю расписку Вреде и очень бы желалъ поскорѣе узнать отъ тебя, такъ ли я сдѣлалъ, что отдалъ ему деньги, не получивъ отъ него твоей сохранной расписки, которую онъ, какъ говоритъ, забылъ въ деревнѣ. Это въ его распискѣ прописано, и я потому не рѣшился затрудняться въ выдачѣ, думая тѣмъ исполнить

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

твое желаніе. Если же есть у тебя какое нибудь сомнѣніе, то напиши поскорѣе, покуда онъ не уѣхалъ за границу.

Что то ты подѣлываешь въ деревнѣ? Я съ самаго отъѣзда твоего почти ничего не дѣлалъ. Теперь моя жена переѣхала въ Сокольники на мѣсяцъ, дышать смоляным̈ъ воздухомъ и пить кумысъ, по приказанію доктора, а я разъѣзжаю между Сокольниками и Красными воротами.

Новаго въ Москвѣ ничего нѣтъ, кромѣ того, что графиня Растопчина докричалась до того, что наконецъ ей повѣрило правительство, которое, будь сказано между нами, при всѣхъ своихъ качествахъ имѣетъ тотъ важный недостатокъ, что почти совсѣмъ лишено литературной образованности, и потому не можетъ отличить, что ему вредно въ литературѣ, отъ того, что можетъ поддержать его силу. И вслѣдствіе этого, Хомякова, который, какъ ты знаешь, былъ всегда защитникомъ самодержавія и православія, на котораго за это даже нападали такъ называемые либералы отъ 1823 года по сіе время, на котораго вообще нападали еще за то, что онъ одинъ изо всѣхъ поэтовъ всегда хвалилъ Россію, теперь призывали къ графу Закревскому, и по предписанію 3-го Отдѣленія взяли съ него росписку въ томъ, что онъ никому не будетъ сообщать своихъ сочиненій прежде, чѣмъ ихъ утвердитъ цензура. Это за то, что онъ въ стихахъ своихъ къ Россіи сказалъ, что у насъ нѣтъ правды въ судахъ. Эта мѣра, разумѣется, очень дѣйствительное средство для того, чтобы убить вдохновеніе поэта. Каково, сочиняя стихи, думать о чиновникахъ главнаго цензурнаго Комитета! Хомяковъ старается не показать, что это его огорчило, но не могло быть иначе. Когда сообразишь нѣкоторые факты вмѣстѣ, дѣлается очень странно: преслѣдуютъ сочиненія и память Гоголя, который стоялъ за самодержавіе; преслѣдуютъ Хомякова, который тоже стоитъ за самодержавіе; а безсовѣстныя похвалы, которыя вся публика принимаетъ за насмѣшку, правительство принимаетъ за чистыя деньги, и даетъ за нихъ награды и перстни. Что заключить изъ этого? Къ тому же преслѣдуются люди съ талантомъ, а покровительствуются люди бездарные.

Обнимаю тебя и надѣюсь имѣть скорый отвѣтъ.

Душевно тебѣ преданный

Иванъ Кирѣевскій.

32.

А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ *).

2 іюня 1854 г.

Мы надѣемся видѣть тебя въ проѣздъ черезъ Москву, когда ты, какъ говорятъ, поѣдешь осматривать твои вѣдомства. Очень бы хо-

---

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIII стр. 129.

рошо было, еслибъ жена твоя поѣхала съ тобою и еслибы вы побольше пробыли въ Москвѣ. Особенно теперь пора оставить Петербургъ, съ его холернымъ воздухомъ и не-Русскимъ духомъ, дрожащимъ отъ Австрійскаго кулака.—Цыгарка испугала медвѣдя. Здѣсь почти всѣ сословія доходятъ до отчаянія извѣстіями о нашихъ уступкахъ, а у васъ, говорятъ, не скрываясь, боятся войны и просятъ мира. Если правда, то можно ли оставаться здоровымъ въ такомъ воздухѣ, который такъ здоровъ для Нѣмцевъ? Я воображаю, въ какое негодованіе приходитъ Аполлина Михайловна отъ дѣйствій этихъ не-Гоголевскихъ мертвыхъ душъ. Ея прекрасная нетерпимость къ гадостямъ должна еще несравненно больше страдать отъ гадостей нравственныхъ, чѣмъ отъ гадостей художественныхъ. Потому уѣзжайте поскорѣе въ глубь Россіи, хоть на короткое время отдохнуть посреди благородныхъ душъ ревизскихъ, отъ духоты мертвыхъ душъ, управляющихъ живыми, не краснѣя. А между тѣмъ, по дорогѣ, заѣзжайте въ Москву и дайте намъ возможность видѣть васъ и удовольствіе выразить лично, какъ много и какъ отъ всей души любимъ мы васъ.—Говоря *мы*, я особенно разумѣю меня и мою жену, а говоря *вы*, я разумѣю тебя и твою милую жену.

33.

ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ МАКАРІЮ *).

9 Іюля 1854 г.

Искренно-любимый и уважаемый Батюшка! Сейчасъ прочелъ я Ваше письмо изъ Калуги къ Н. П. и теперь же хочу поздравить Васъ съ полученіемъ наперснаго креста. Хотя я и знаю, что ни это, ни какое видимое отличіе не составляютъ для Васъ ничего существеннаго, и что не такія отличія Вы могли бы получить, если бы сколько нибудь желали ихъ,—однакоже все почему-то очень пріятно слышать это. Можетъ быть потому, что это будетъ пріятно для всѣхъ любящихъ Васъ. Мы всегда видѣли, какъ Вы внутри сердца Вашего носите крестъ Господень и сострадаете Ему въ любви къ грѣшникамъ. Теперь та святыня, которая внутри любящаго сердца Вашего, будетъ очевидна для всѣхъ на груди Вашей. Дай, Боже, чтобы на многіе, многіе и благополучные лѣта! Дай, Боже, многіе лѣта за то и благочестивому Архіерею нашему.

Другая часть письма Вашего произвела на меня совсѣмъ противоположное дѣйствіе. Вы пишите, что страдаете отъ безсонницы, и что

---

*) Напечат. въ „Историч. описаніи Козельской Оптиной пустыни“ 1902 г. стр. 196.

четыре ночи совсѣмъ не могли заснуть. Это, кромѣ того, что мучительно, но еще и крайне вредно для здоровья. Не имѣетъ ли на это какое нибудь вліяніе послѣобѣденный чай? Потомъ думаю я и то, что сонъ Вашъ отнимаютъ заботы о всѣхъ насъ грѣшныхъ, которые съ нашими страданіями и грѣхами къ Вамъ относимся. Вы думаете, какъ и чѣмъ подсобить требующимъ Вашей помощи, и это отнимаетъ у Васъ спокойствіе сердечное. Но подумайте, Милостивый Батюшка, что душевное здоровье всѣхъ насъ зависитъ отъ Вашего тѣлеснаго. Смотрите на себя, какъ на ближняго. Одного вздоху Вашего обо всѣхъ насъ вообще къ Милостивому Богу довольно для того, чтобы Онъ всѣхъ насъ прикрылъ Своимъ теплымъ крыломъ. На этой истинной вѣрѣ почивайте, Милостивый Батюшка, на здоровье всѣмъ намъ. Отгоните отъ себя заботливыя мысли, какъ враговъ не только Вашего, но и нашего спокойствія, и, ложась на подушку, поручите заботы объ насъ Господу, Который не спитъ.—Ваша любовь, не знающая границъ, разрушаетъ тѣло Ваше.

34.

ЕМУ-ЖЕ *).

13 Ноября 1854 г.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Н. Петр. сообщила мнѣ письмо Ваше къ ней отъ 6 Ноября, въ которомъ Вы изволите писать о Максимѣ Исповѣдникѣ, и я вижу изъ Вашихъ словъ мое крайнее неразуміе въ пониманіи этого высокаго духовнаго Писателя, и прошу Васъ простить меня въ этомъ. Я полагалъ, что главная трудность въ пониманіи его писаній заключается не столько въ духовной высотѣ, сколько въ формахъ языка, занятыхъ, какъ я думалъ, у философскихъ системъ того времени, и особенно новоплатониковъ. Вотъ почему я былъ такъ дерзокъ, что осмѣлился предложить Вамъ свои услуги въ дѣлѣ перевода, предполагая въ мѣстахъ неудобопонятныхъ искать объясненія въ философскихъ терминахъ и оборотахъ мыслей древнихъ школъ. Но поистинѣ, Батюшка, я думалъ только о буквальномъ смыслѣ, а не о духовномъ, и если бы зналъ, что дѣло идетъ о послѣднемъ, то не смѣлъ бы предложить своего участія. Я очень хорошо знаю, и глубоко чувствую, какъ слѣпъ я въ этомъ послѣднемъ отношеніи, и не только тамъ, гдѣ мысль выражена неясно, но даже тамъ, гдѣ она сказана просто и удобопонятно даже для дѣтей, какъ напримѣръ въ Евангеліи,—я безпрестанно нахожу для себя темноты, которыхъ не могу проникнуть, и въ этихъ случаяхъ

*) Напечат. тамъ-же, стр. 198.

обыкновенно рѣшаю мои недоумѣнія предположеніемъ просить объясненія у Васъ; хотя въ тоже время чувствую, что даже и Ваши объясненія могутъ только указать, *куда* смотрѣть, а не дадутъ *глазъ*, которыми видѣть.—Чтоже касается до того высшаго умозрѣнія, о которомъ Вы пишите, и которое открывается по дѣяніи, то кому же дастъ его Господь, если не Вамъ. Это умозрѣніе жизненное и живое, которое горитъ какъ свѣча предъ Господомъ, и освѣщаетъ все вокругъ себя, и зажигаетъ свѣтильникъ въ чистыхъ лампадахъ Васъ окружающихъ; это свѣтъ, на который мы, далекіе отъ Васъ, смотримъ съ благоговѣніемъ и любовію, какъ на Божій даръ, посланный Имъ на пользу, вразумленіе и утѣшеніе людей Вамъ современныхъ.—Потому, простите меня, Батюшка, если я думаю, что Св. Максимъ едва ли говорилъ такія вещи, которыя въ духовномъ смыслѣ могли бы быть для Васъ невразумительными, хотя въ смыслѣ буквальномъ и наружно-философскомъ онъ сказалъ многое такое, что, можетъ быть, и навсегда и для всѣхъ останется не вполнѣ объясненнымъ.—Впрочемъ, опять повторяю, что не понимая въ этомъ дѣлѣ почти ничего, я вполнѣ покоряю мое сужденіе Вашему, и прошу меня простить за мое безразсудное мнѣніе.

35.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

17 Іюня 1855.

Я получилъ письмо твое, любезный другъ, изъ котораго вижу, что ты проводишь время свое довольно непріятно, по причинѣ худаго урожая, который грозитъ оставить людей безъ хлѣба на будущій годъ, и тяжелаго ихъ положенія въ нынѣшнемъ году, по которому они уже и теперь безъ хлѣба. Явно, что не случайности, не человѣческія неразумія, а Самъ Господь наказываетъ насъ за наши грѣхи, и наказаніемъ хочетъ пробудить въ насъ заснувшія нравственныя силы.—Если такъ, то велика Его милость къ намъ. Только бы мы захотѣли, и сумѣли вразумиться.—Къ намъ изъ Тамбовской деревни пишутъ тоже, что почти все пропало, земля раскалилась отъ жаровъ, и дождей не было до 13-го Іюня, когда писано послѣднее письмо. Между тѣмъ по дѣлу нашему наши антагонисты уже подали въ Шацкѣ прошеніе объ аппеляціи 1-го Іюня, и вѣроятно теперь въ Тамбовѣ уже дѣло въ ходу. Не можешь-ли узнать о его положеніи и черезъ твоихъ знакомыхъ поговорить съ секретаремъ?—Въ Долбинѣ у насъ урожай хотя плохъ, но не совсѣмъ ничтоженъ. Дожди кой-когда были; но жатва также должна начаться около Петрова дня. Небывалое обстоятельство. Мы

---

*) Съ подлинника.

еще не уѣхали, однакоже на пунктѣ отъѣзда. Были у Троицы со всей семьей, и возратившись отъ туда Наталья Петровна сдѣлалась больна. Теперь ей лучше и мы надѣемся скоро выѣхать. По причинѣ этой поѣздки къ Троицѣ и болѣзни жены, мы до сихъ поръ не отвѣчали на милое письмо Ольги Ѳедоровны. Передай ей нашъ дружескій поклонъ и скажи, что на дняхъ будемъ писать къ ней. Въ Москвѣ нѣтъ никого. Матушка уѣхала на прошедшей недѣлѣ, Хомяк. и Сам. также. Бо̀льшая часть домовъ замазаны мѣломъ или отдаются въ наймы. По улицамъ рѣдко встрѣтится карета.- Если кто остался, то живутъ на дачахъ. Я отъ роду не видалъ такой пустой Москвы.—Къ намъ пріѣхалъ сынъ на лѣтнія ваканціи, и мы веземъ его въ деревню.—Здѣсь и пусто, и душно, и скучно; и тоска беретъ, какой я давно не испытывалъ.

Обнимаю тебя и надѣюсь писать тотчасъ по пріѣздѣ въ Долбино.

Твой И. Кирѣевскій.

36.

ЕМУ-ЖЕ *).

1855. 26 Іюля. Долбино.

Наконецъ мы пріѣхали въ Долбино, любезный другъ Кошелевъ, и спѣшу извѣстить объ этомъ тебя, чтобы ты адресовалъ письма въ Бѣлевъ. Я не былъ здѣсь четыре года. Хозяйство нашелъ въ довольно хорошемъ видѣ, т. е. то, что обыкновенно называется хозяйствомъ. Но крестьянъ нашелъ крайне обѣднѣвшими. Два года сряду былъ у нихъ неурожай хлѣба, и сверхъ того въ одной части имѣнія былъ падежъ на скотъ, такъ что у нихъ не осталось ни коровы, ни овцы. Нынѣшній урожай ржи, слава Богу, порядочный; но овесъ ниже посредственнаго. Цѣны на овесъ подымаются, на гречиху еще болѣе, но на рожь слабѣютъ. Извѣсти пожалуйста, какъ у васъ, чтобы можно было нѣсколько сообразить о продажѣ. Кромѣ того прошу тебя сказать мнѣ, доволенъ ли ты Вильсоновской молотилкой и что она стоитъ? Если ты доволенъ ею, и стоитъ она не очень дорого, то прошу тебя прислать мнѣ адресъ Вильсона и рекомендательное письмо отъ тебя къ нему, чтобы онъ не обманулъ меня. Тебя онъ уважаетъ и сдѣлаетъ поаккуратнѣе, если будетъ знать, что ты въ этомъ участвуешь. Прошу тебя прислать мнѣ это на первой почтѣ. Я пріѣхалъ сюда 22-го, и до сихъ поръ еще не видалъ ни матушки, ни тетушки, ни газетъ, которыхъ къ намъ что-то не высылаютъ. Книги еще не раскрывалъ никакой. Только смотрѣлъ хозяйство, уставалъ отъ жару, и лѣнился. Въ жизни деревенской есть что-то душное и грустное, по крайней мѣрѣ для меня. Точно пробкой

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

по стеклу водятъ. Въ Москвѣ можетъ быть уединеніе; здѣсь самыя сухія заботы, безъ малѣйшей надежды на какой нибудь удовлетворительный успѣхъ. Если бы я имѣлъ твои убѣжденія о возможности и пользѣ скорой эмансипаціи, тогда бы мнѣ было отраднѣе; но я, по несчастію, такъ ясно вижу, что отъ этого *теперь* можетъ произойти только огромный вредъ, безъ всякой настоящей пользы, и можетъ быть даже вредъ неисправимый,—я это вижу такъ ясно, что не могу обманывать себя утѣшительными мечтами, какъ бы ни было пріятно имъ предаваться. Что твоя политическая экономія? и согласенъ ли ты со мной въ томъ, что я говорю о Росси? Получилъ ли Хомяковъ отвѣтъ отъ Норова? Имѣешь ли извѣстія о нашемъ дѣлѣ? И не думаешь ли побывать въ Оптинѣ? Тамъ очень хорошо. Мы проѣзжали черезъ него и останавливались тамъ на два дня. Тамъ въ самомъ дѣлѣ душа отдыхаетъ. Обнимаю тебя и дружески кланяюсь твоей женѣ. Преданный тебѣ И. К.

37.

ЕМУ-ЖЕ *).

Долбино (1855) 13 Августа.

Не знаю, застанетъ ли тебя въ Москвѣ это письмо, любезный другъ Кошелевъ, но на всякій случай спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на твое писаніе, чтобы предупредить тебя, если возможно, отъ опрометчиваго дѣйствія. Ты думаешь, какъ кажется изъ твоего письма, поддерживать Москвитянинъ, или даже купить его. Но купить Москвитянинъ будетъ вамъ рѣшительно вредно. Новый журналъ, совсѣмъ новый, съ новою мыслію, съ новыми людьми и съ яснымъ, чистымъ убѣжденіемъ, можетъ быть одинъ для васъ полезенъ и настоящимъ орудіемъ вашихъ намѣреній. Москвитянинъ же въ десять лѣтъ не выпутается изъ своей смѣшанной репутаціи. Въ новомъ журналѣ каждая мысль будетъ самостоятельна; все недосказанное будетъ дополняться свѣжими соображеніями читателей. Въ старомъ же журналѣ и новая мысль будетъ толковаться прежнимъ духомъ изданія. Самъ Погодинъ, я думаю, такой сотрудникъ, который будетъ непремѣнно парализировать вашу самобытность, не только въ денежномъ отношеніи, но и во многомъ другомъ. Что касается до его писемъ, то хотя я и передавалъ тебѣ слова его, что онъ отдаетъ ихъ въ журналъ, но я сдѣлалъ это безъ примѣчаній потому, что полагалъ, ты поймешь всю несбыточность такой приманки, которою онъ хочетъ васъ привлечь

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

на свой журналъ. Но ты вспомни ихъ содержаніе, и увидишь, что о печатаніи ихъ не можетъ быть и мысли, не только старанія. Кромѣ же того я не знаю, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ журналу. Если документами старины, то это не поддерживаетъ журнала. Что же касается до Филиппова, то мнѣ кажется ты ошибаешься, думая, что въ его рукахъ журналъ будетъ вялъ и односторонненъ. Филипповъ въ вашемъ кругу будетъ проникнутъ вашимъ духомъ и воззрѣніемъ на литературу и проч., ибо вашъ духъ также вѣрующій, какъ и его, но только больше развитъ въ отношеніи къ внѣшней образованности. Пишетъ онъ не только не вяло, но съ замѣчательнымъ талантомъ. А дѣятельность и легкость работы у него въ замѣчательной степени. Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ одну книгу перевелъ всю въ нѣсколько дней, при всѣхъ другихъ своихъ занятіяхъ. Нынѣшній годъ онъ въ Оптинѣ говѣлъ, и въ эти дни, между службами, тоже списалъ цѣлую Греческую книжку. Для журнальной дѣятельности это кладъ. Впрочемъ, разумѣется надобно вамъ будетъ, если хотите получить позволеніе, непремѣнно ѣхать въ Петербургъ, и тамъ хлопотать и настаивать. Безъ того ничего не сдѣлается. Вотъ мое мнѣніе.

Преданный тебѣ И. К.

Мой Вася теперь въ Москвѣ до 14-го, т.-е. до завтра.

38.

ЕМУ-ЖЕ *).

Долбино. 11 ноября (вѣроятно 1855 г.).

Письмо твое отъ 23 окт. я получилъ 30 окт., а статью, **) которую ждалъ съ нетерпѣніемъ, получилъ только 7 ноября. Я прочелъ ее съ большимъ интересомъ и возвращаю на первой же почтѣ. Очень желаю, чтобы она была напечатана, потому что она, безъ сомнѣнія, будетъ очень полезна. Мысль ея истинная, и сказано съ одушевленіемъ. Если въ ней есть недостатокъ, то тотъ, что она не довольно сжата и въ ней есть повторенія. Впрочемъ, можетъ-быть для большинства читателей это не мѣшаетъ, а поможетъ понять и убѣдиться. Потомъ, мнѣ кажется, что у тебя не довольно развита главная мысль, мелькомъ сказанная въ концѣ, т.-е. что просвѣщеніе западное только *вредною стороною своею* противно русскому православному духу, но *существенная* сторона его не только не противна духу русскому, но еще необходима для его полнѣйшаго развитія, какъ и православное направленіе необходимо для полнѣйшаго развитія самого западнаго просвѣщенія, что

---

*) Колюпановъ, *указ. соч.* стр. 99.

**) О какой статьѣ Кошелева говоритъ здѣсь Кирѣевскій, не извѣстно.

начала русской основной образованности только потому *особенны* отъ западныхъ, что они—*высшая ихъ ступень*, а не потому, чтобы были совершенно *иныя*. По этой-то причинѣ русская особенность и можетъ своимъ развитіемъ задушить вредную сторону западной образованности, что направитъ ее въ сторону истинную; по этой же причинѣ и сама русская особенность можетъ быть задушена западнымъ просвѣщеніемъ, если ей не дадутъ развиться во̀-время, прежде чѣмъ ложное направленіе Запада возьметъ совершенно верхъ надъ русскою особенностію въ Россіи. Оттого совершенно справедливо говоришь ты, что упустить благопріятное время было бы ошибкою можетъ-быть неисправимою.

Недостаточность и даже вредность мѣръ запретительныхъ очевидна изъ того, что русская особенность не есть развитое и готовое просвѣщеніе, но только его основаніе, только направленіе, дрожжи, которыя должны перебродить въ мукѣ, чтобы вышелъ хлѣбъ. Еслибы возможно было остановить входъ въ Россію западнаго просвѣщенія, то изъ этого вышло бы то послѣдствіе, что русскій умъ пришелъ бы въ еще бо̀льшую подчиненность Западу, котораго вліяніе сдѣлалось бы еще сильнѣе.

Позволяйте все, — сказать нельзя и не должно. Есть книги безусловно вредныя, именно тѣ, которыя возбуждаютъ и воспламеняютъ бурныя страсти. Противъ ложнаго разсужденія есть противоядіе въ самомъ разсужденіи. Но страсть — вино. Страсть, возбужденная книгою,—вино фальшивое и вредное для здоровья. Если не запретить его продажу, то люди могутъ отравиться. Крѣпкихъ желудковъ не много и для нихъ могутъ быть исключенія.

Вотъ, любезный другъ, мои мысли о твоей статьѣ. Повторяю, она очень хороша, и интересна, и жива, и дѣльна; но я думаю, что она была бы еще лучше, еслибы ты немного сократилъ ее, уничтоживъ повторенія, и немного распространилъ мысль твою объ общихъ свойствахъ русскаго просвѣщенія, ибо, право, эта мысль незнакома почти никому, а твоя статья писана въ такомъ тонѣ, что ее должна читать вся масса русскихъ читателей, а не пять-шесть твоихъ пріятелей. Обыкновенно же у насъ подъ русскимъ духомъ понимаютъ только *отсутствіе* образованности и нѣкоторыя характеристическія особенности нравовъ, не подозрѣвая, что эти особенности связаны съ нѣкоторыми *положительными* началами высшаго просвѣщенія.

Очень бы желалъ, чтобъ эти замѣчанія мои тебѣ на что-нибудь пригодились. Если же не найдешь ихъ дѣльными, то извини. Я говорю съ тобою, какъ бы съ самимъ собою, прямо, что̀ приходитъ въ голову. Не мудрено, что и вздоръ въ голову придетъ. Авторъ долженъ слушать всѣ критики, а принимать изъ нихъ только то, что̀ самому по сердцу. Но по довѣренности, или по дружбѣ, не должно ничего перемѣнять, особенно въ сочиненіи, которое написано con amore.

Прошу тебя извѣстить меня о судьбѣ твоего журнала. Хочетъ ли Хомяковъ ѣхать въ П-бургъ, и когда именно? Мнѣ это не только ин-

тересно знать, но и нужно. Если онъ не поѣдетъ, или поѣдетъ еще не скоро, то я буду писать къ Норову о себѣ. Мнѣ очень наскучило быть нѣмымъ.

Что наше дѣло? Что сдѣлала Палата? Ольга Ѳедоровна писала къ женѣ, что Палата что-то сдѣлала. Очень бы желательно было узнать объ этомъ пообстоятельнѣе и поскорѣе. Хотя я и совершенно покоенъ на этотъ счетъ, зная, что въ вашихъ рукахъ оно пойдетъ лучше и успѣшнѣе, чѣмъ бы могло идти въ моихъ, но все же любопытно знать.

Ты нѣсколько разъ писалъ ко мнѣ, что вы нарядились въ русское платье.—Очень радуюсь за васъ, если это платье удобно и красиво. Но не знаю, радоваться ли за платье. Для него, кажется, было бы здоровѣе, еслибы прежде другихъ въ него нарядились Писемскій съ Сушковымъ. Не худо бы было обмундировать въ него для образца и княгиню Одоевскую. Намъ съ тобой, кажется, не мѣшало бы и подождать, покуда увидимъ, какой эффектъ они сдѣлаютъ.

Я писалъ къ тебѣ нынче лѣтомъ о молотильной машинѣ и просилъ совѣта, какую взять. Ты совѣтовалъ мнѣ подождать, покуда Петровскій изобрѣтетъ машину новаго устройства.

39.

А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ *).

(Конецъ 1855 г.)

Боже мой, какое ужасное извѣстіе сообщилъ намъ А. И. Рейнгардъ! Михаилъ Михайловичъ, это чистое, благородное существо—палъ жертвою этой проклятой войны!**)—Признаюсь тебѣ, немногихъ изъ падшихъ героевъ Севастополя было мнѣ такъ жаль, какъ его. Другіе отдавали свою жизнь съ самоотверженіемъ, но и съ запальчивостью страсти. Въ немъ горѣлъ чистый огонь самосознательнаго, высокаго самопожертвованія. Героевъ воинскихъ Россія, слава Богу, найдетъ. Но гдѣ найти такого человѣка, какъ былъ онъ, насквозь проникнутаго святостью долга, благородствомъ и возвышенностью убѣжденій.—Всѣ, кто принимаетъ участіе въ общемъ дѣлѣ, слѣдили за его дѣйствіями съ какою-то особенною любовью. Какъ перенесетъ эту потерю Михаилъ Юрьевичъ?***) Въ немъ онъ оживалъ новою жизнію. Тяжело даже подумать о его положеніи. Для Матвѣя Юрьевича†), эта потеря,—я думаю, будетъ почти

---

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIV стр. 136.

**) Гр. Мих. Мих. Вьельгорскій, предсѣдатель госпитальной комиссіи въ Севастополѣ; онъ умеръ въ Симферополѣ, заразившись тифомъ.

***) Графъ Вьельгорскій, отецъ Михаила Михайловича.

†) Братъ Михаила Юрьевича.

также чувствительна. Онъ, говорятъ, любилъ его почти какъ сына. Когда я ихъ видѣлъ вмѣстѣ, мнѣ казалось, что иногда,—смотря на Михаила Михайловича, въ его глазахъ выражалось столько невольной любви и нѣжности, что это замѣчаніе мое тогда еще прибавило много прекрасныхъ чувствъ къ тому понятію, которое я имѣлъ о внутреннемъ счастіи вашей рѣдкой, дружной семьи. И вотъ, какъ оборвалось это счастіе семейной любви! Анна Михайловна *), говорятъ, была больше другихъ дружна съ нимъ. Дай ей Богъ силу и вѣру, чтобы перенести это тяжелое испытаніе! Но за Аполлину Михайловну**) я боюсь больше всѣхъ. Ея здоровье и безъ того разстроено, къ тому же она не знаетъ границъ въ движеніяхъ своего прекраснаго сердца. Потому позволь мнѣ тебѣ напомнить, что у васъ въ Петербургѣ теперь находится о. Матвѣй, котораго слово не безъ духовной силы. Если ты пошлешь за нимъ, то онъ вѣрно не откажется навѣстить васъ.—Я увѣренъ, что бесѣда съ нимъ удержитъ въ христіанскомъ равновѣсіи вѣрующую душу, которая часто тѣмъ способнѣе терять это равновѣсіе, чѣмъ въ ней больше природной любви и самозабвенія. Увлекшись горемъ, мы забываемъ то, что, можетъ быть, знаемъ лучше другихъ въ минуты обыкновенныя, забываемъ, что Господь любитъ насъ больше, чѣмъ мать любитъ своего ребенка, что если Онъ, Милосердный, посылаетъ намъ утрату, то видно, это не утрата, а пріобрѣтеніе,—видно это самое лучшее, что только можетъ быть для насъ и для утраченнаго. И кто знаетъ, можетъ быть, эта короткая разлука есть необходимое условіе того, чтобы послѣ полнѣе и внутреннѣе соединиться. И кто намъ сказалъ, что оставляющій земную жизнь разлучается съ нами? Если въ нашемъ сердцѣ то чувство, которое составляетъ и его душевную жизнь, то очевидно, что наше сердце становится мѣстомъ, гдѣ онъ пребываетъ, не мысленно, а существенно сопроницаясь съ нимъ. Ты поймешь мою мистику, любезный другъ, не смотря на то, что тебя называютъ дѣловымъ и положительнымъ человѣкомъ. Для тебя жизнь сердечная—твоя настоящая. Я помню, какое глубокое, какое продолжительное и проницающее горе овладѣло тобою по кончинѣ твоего брата***)!—Зато послѣ ты одинъ устоялъ въ вѣрѣ, когда друзья твои почти всѣ колебались и падали. Вѣренъ Господь Милосердный и Всемогущій. Онъ не погубитъ чистой любви нашего сердца, что бы ни представлялось въ видимой жизни. Прости меня, любезный другъ, если письмо мое неумѣстно. Подумавши, я чувствую, что недостаточенъ сказать слово утѣшительное. Но потребность говорить съ тобой въ эту минуту была сильнѣе другихъ соображеній. Обнимаю тебя.

---

*) Сестра Михаила Михайловича.
**) Рожденная графиня Вьельгорская, супруга А. В. Веневитинова.
***) Дмитрія Владиміровича, скончавшагося въ 1827 г.

40.

НЕИЗВѢСТНОМУ *).

(Годъ неизвѣстенъ).

Церковь развивается, т. е. она постоянно приводитъ къ своему сознанію вѣчную, неисчерпаемую истину, которою она обладаетъ.

Воплощеніемъ сына Божія совершилось примиреніе между человѣкомъ и Богомъ въ лицѣ Бого-человѣка. Но видимое присутствіе Спасителя на землѣ должно было кончиться: Спаситель возносится и даетъ ученикамъ своимъ обѣтованіе Духа—создаетъ Церковь. Духъ Божій постоянно живетъ въ Церкви: Церковь называетъ себя невѣстою, тѣломъ Христовымъ. Слѣдовательно фактъ воплощенія, совершившійся въ одномъ лицѣ Бого-человѣка, совершается невидимо въ Церкви. Итакъ въ Церкви два элемента—Божественный и человѣческій. Весь вопросъ лежитъ въ томъ, какъ они взаимно относятся. Пребываютъ ли они равнодушно одинъ къ другому, Духъ, какъ вѣчная истина въ своей полнотѣ и неподвижности, а человѣчество подъ своимъ опредѣленіемъ постояннаго развитія. Въ такомъ случаѣ изъ двухъ предположеній вы должны будете допустить одно. Или вы оторвете человѣчество отъ Бога, примите ветхозавѣтное отношеніе и низведете Церковь на степень жреческой касты; но тогда вы отрицаете существенный фактъ Христіанства—или же, изъ общаго развитія человѣчества, вы исключите одно лицо и укажете на него какъ на такое, въ которомъ Духъ постоянно конкретируется; тогда это лицо будетъ Церковь, а все остальное—стройная толпа людей. Такъ было въ католицизмѣ. Частныя лица рѣзко отдѣляются отъ Церкви и относятся къ ней какъ подданные къ Государю; они живутъ подъ Церковью, но не въ Церкви. Они развиваются, Церковь остается неподвижною. Очевидно такое отношеніе возможно только въ католицизмѣ, при мысли, что Духъ прикованъ къ одному лицу, къ одной каѳедрѣ.

Для того, чтобы имѣть право сказать: развиваются частныя лица, развиваются отрасли Церкви, а не Церковь, должно предварительно указать пальцемъ на Церковь. Итакъ, то и другое предположеніе ложно. Остается допустить тѣсное неразрывное сочетаніе двухъ элементовъ, частныхъ лицъ, представляющихъ собою Церковь, и Духа—развивающееся сознаніе Церкви.

Каждый догматъ заключаетъ въ себѣ живое начало, зародышъ; но этотъ зародышъ можетъ развиться только въ почвѣ Церкви, т. е. перейдя въ сознаніе людей. Здѣсь онъ необходимо подвергается случайнымъ видоизмѣненіямъ, преломляется на мнѣнія и въ Церкви является

---

*) Съ подлинника.

раздвоеніе, раздвоеніе не самаго догмата отвлеченно взятаго, но Церкви исповѣдующей догматъ. Вы скажете, что это не раздвоеніе, а отторженіе нѣкоторыхъ отъ Церкви. Безспорно; но по чему же вы отличите сторону правую отъ неправой. Безсознательное, непосредственное убѣжденіе частныхъ лицъ можетъ удержать ихъ въ истинѣ; но пока въ этихъ лицахъ Церковь не сознала себя, ихъ убѣжденіе остается мнѣніемъ. Церковь совокупляется во Вселенскій Соборъ; она предлагаетъ себѣ вопросъ и рѣшаетъ его вслѣдствіе присущаго въ ней Духа: ***Изволися Духу Св. и намъ.*** Итакъ Вселенскій Соборъ имѣетъ смыслъ для самой Церкви, а не для не Церкви. Ея вѣрные члены вслѣдствіе Собора стали во столько выше, во сколько разумное убѣжденіе выше мнѣнія. Итакъ Церковь развивается; но развитіе ея стоитъ безконечно выше всякаго человѣческаго развитія, потому что каждый моментъ его запечатленъ Духомъ, каждый результатъ, каждое слово Церкви есть необходимо истинное. Потому самый путь, которымъ она достигла истины, Церковь должна признать, должна благословить развитіе. Торжество надъ зломъ, побѣда надъ смертью лежитъ въ основаніи Церкви. Это значитъ, что ей дана возможность непогрѣшительнаго развитія, постиженія всякой истины, обличенія всякой лжи.

Теперь о вашихъ возраженіяхъ.

На вопросъ, почему такъ давно не было Вселенскихъ Соборовъ, я отвѣчалъ вамъ на словахъ, сколько мнѣ кажется, удовлетворительно. Именно потому, что Церковь держитъ Вселенскій Соборъ для себя, а не для тѣхъ, кто внѣ ея.

Что касается до того, что вы назвали жизненною стороною Церкви, т. е. совершенія таинствъ, безспорно Церковь, въ каждую минуту своего бытія, признаетъ себя вполнѣ на то властною, т. е. вполнѣ Церковью. Да кто же говоритъ, что она когда нибудь была не Церковью, развивалась до Церкви. Совершеніе таинствъ составляетъ ея существенное опредѣленіе, подъ которое подходитъ и Церковь католическая. Если отнять отъ нея это опредѣленіе, ея жизнь, тогда не будетъ Церкви, не будетъ и развитія. Но здѣсь еще одно противорѣчіе тому, что мною сказано. Точно такъ человѣкъ живетъ непосредственною жизнью, кромѣ того онъ можетъ развиваться въ сферѣ мысли. Вопросъ не въ томъ, почему Церковь есть Церковь, а можетъ ли, должна ли Церковь развиваться. Самая эта жизненная сторона Церкви можетъ быть предметомъ ея раціональнаго развитія.

Въ признаніи и въ осуществленіи этого развитія лежитъ превосходство, истина нашей Церкви, примиреніе двухъ односторонникъ началъ. Католицизмъ осуществилъ въ себѣ неподвижную Церковь; протестантизмъ, признавши начало развитія, долженъ былъ отрицать Церковь, слѣдовательно самое содержаніе этого развитія. Онъ остался при отвлеченномъ, безплодномъ движеніи. Мы же, т. е. пока Аксаковъ и я, исповѣдуемъ *Церковь развивающуюся.*

Изъ вашей статьи стало ясно, въ чемъ мы согласны и въ чемъ расходимся. Начало я принимаю безусловно; принимаю опредѣленіе отношенія Церкви къ воплощенію, чего не было въ моей статьѣ, и что составляло въ ней перерывъ. Церковь есть вновь созданное человѣчество. Съ вашихъ словъ я начинаю.

Въ чемъ заключалось это обновленіе? Въ побѣдѣ надъ грѣхомъ. Побѣда совершилась черезъ признаніе грѣха. Грѣхъ держалъ человѣка въ порабощеніи, пока человѣкъ не сознавалъ въ себѣ грѣха, вѣрилъ въ свою святость, въ возможность спастись закономъ. Отказаться отъ этой надежды, значило признать грѣхъ какъ грѣхъ, т. е. какъ нѣчто человѣку чуждое, хотя постоянно въ немъ пребывающее, какъ противорѣчіе его опредѣленію. Признать—значило отъ него оторваться, стать выше его. Для новаго человѣка грѣхъ не существуетъ—грѣхъ ему не вмѣняется.

Вотъ отрицательное значеніе Христіанства, его отношеніе къ закону. Другой моментъ, положительный, тѣсно связанъ съ первымъ. Грѣхъ лишалъ человѣка свободы, т. е. возможности проявлять въ себѣ свое опредѣленіе, жить согласно съ своимъ назначеніемъ. Церковь признаетъ отсутствіе свободы въ поврежденіи разума и воли. Слѣдовательно, торжество надъ грѣхомъ было дарованіемъ свободы разуму и волѣ.

Новый человѣкъ можетъ осуществить Божественное въ дѣйствительной жизни, можетъ постигать его мыслью. Возможность этихъ двухъ моментовъ и ихъ единство заключается въ дѣлѣ воплощенія. Явившись въ образѣ человѣка, Христосъ далъ возможность непосредственнаго съ нимъ общенія въ таинствѣ, черезъ причащеніе Его тѣлу и крови; Христосъ же, сравнивая ветхое человѣчество съ новымъ, говоритъ: ***вы кланяетеся его же не вѣдете, мы кланяемся его же вѣмы.*** Итакъ, непосредственное общеніе съ Богомъ черезъ таинства и общеніе въ познаніи черезъ догму, вотъ что дано новому человѣчеству Христіанствомъ. Церковь, въ которой живетъ фактъ воплощенія какъ совершенный, т. е. какъ возможность того и другаго общенія, является съ этихъ двухъ сторонъ. Познаніе Бога, т.-е. догму осуществляемъ въ жизни, т. е. въ таинствахъ, и жизнь возводимъ въ догму. Но эта жизнь есть ея жизнь, эта догма есть ея мысль—тожество ихъ въ полномъ самосознаніи Церкви.

Вотъ мое понятіе объ идеальной Церкви, которой осуществленіе есть уже третій фазисъ Церкви—ея торжество. Въ Церкви воинствующей, еще не отрѣшенной отъ условій историческаго развитія, мы видимъ только стремленіе къ этому идеалу—развивающееся сознаніе.

Итакъ удержимъ выводъ изъ всего сказаннаго. Церковь была постоянно Церковью, т. е. не развивалась до Церкви, а явилась полнымъ, живымъ организмомъ. Условія этого организма, жизнь и сознаніе, были въ Церкви отъ первой минуты ея бытія, жизнь—какъ совершенно готовая не развивающаяся, сознаніе, какъ возможность постоянно проявляющаяся, какъ развитіе.

Непосредственная жизнь Церкви представляетъ полную, замкнутую сферу Церковнаго года, который повторяется во времени, въ одинаковыхъ формахъ.

Таинства, въ ихъ послѣдовательной совокупности, обнимаютъ всю жизнь человѣка и прилагаются къ каждому лицу.

Церковь встрѣчаетъ человѣка при его вступленіи въ жизнь, Церковь кладетъ на все его существо знаменіе креста, Церковь, предвидя его паденіе, предлагаетъ ему врачеваніе противъ болѣзней нравственныхъ и физическихъ, Церковь благословляетъ его для семейной жизни, Церковь удостаиваетъ его непосредственнаго общенія съ самимъ Богомъ въ Эвхаристіи, наконецъ она отверзаетъ ему входъ въ жизнь вѣчную и молится за усопшаго.

Итакъ жизнь Церкви есть постоянное повтореніе въ отношеніи ко всѣмъ ея членамъ и къ каждому изъ нихъ въ особенности однихъ и тѣхъ же явленій. Здѣсь нѣтъ развитія, здѣсь Церковь является органомъ благодати.

Но эта жизнь, существуя въ своей непосредственности, отражается въ сознаніи Церкви *), въ ея доктринѣ. Въ ней она находитъ свое разумное оправданіе. Стремленіе къ возведенію жизни въ стройную систему догматовъ есть развитіе Церкви какъ школы. Эта вторая сторона ея, по времени, проявилась позднѣе; по значенію своему стоитъ выше первой. Таинства отъ начала существовали въ Церкви; но признаніе ихъ за таинства, признаніе ихъ седмеричнаго числа, оправданіе ихъ возведеніемъ въ догму, вотъ результаты развитія Церкви, совершающагося во времени, на исторической памяти параллельно съ развитіемъ мысли человѣчества, и условившаго цѣлый рядъ Соборовъ. Вселенскій Соборъ въ развитіи Церкви есть высшая ступень, соотвѣтствующая въ этомъ отношеніи тому, что таинство есть въ жизни; слѣдовательно высшее проявленіе Церкви вообще. Возникаетъ новый вопросъ. Отвѣта Церковь ищетъ не внѣ себя, она даже не ищетъ его, но совокупляется въ одно цѣлое, уходитъ въ себя, смотритъ въ себя, признавая въ себѣ вѣчный источникъ откровенія. Истина и она тожественны; слѣдовательно постигая и выговаривая истину, она дѣлаетъ то, что было въ ней для себя—сознаетъ себя.

Отличивши въ Церкви двѣ стороны, мы признали необходимость ихъ постояннаго согласія. Тамъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ жизнь и догматы ссорятся, должно признать искаженіе жизни и чистоту догмата, или

---

*) Вы говорите въ своей статьѣ, что таинство, будучи сознано раціонально, перестаетъ быть таинствомъ. Въ этомъ случаѣ мы разно понимаемъ предметъ сознанія въ таинствѣ. Я разумѣю подъ этимъ не механическое его разложеніе, не истолкованіе таинственнаго сочетанія благодати съ тѣмъ, что мы называемъ матеріею таинства, однимъ словомъ, не отрицаніе его существа какъ таинства, а напротивъ того, признаніе его необходимости и его значенія. *(Прим. И. К.)*.

наоборотъ, или наконецъ искаженіе жизни и догмата вторженіемъ двухъ разныхъ началъ.

Католицизмъ, въ этомъ мы согласны, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе; иначе онъ былъ бы просто ложенъ и не разрѣшился бы въ протестантизмъ. Въ чемъ же собственно наша Церковь признаетъ искаженіе? Церковь раздѣлилась въ X вѣкѣ приблизительно. Съ этого времени начинается католицизмъ. Но въ X вѣкѣ жизненная сторона Церкви существовала, равно какъ и прежде, во всей полнотѣ. Католицизмъ, признавъ себя за продолженіе Вселенскаго развитія, удержалъ эту сторону, которая была не его дѣломъ. Въ этой сферѣ католицизмъ не былъ собою. Собственно католическое развитіе началось съ стремленія возвести жизнь до разумнаго сознанія. Но это стремленіе совершилось подъ вліяніемъ языческихъ преданій древняго Рима, и плодомъ его была католическая доктрина—рефлексъ Христіанства въ Латинскомъ представленіи.

Въ наше послѣднее свиданіе я сказалъ вамъ, какъ я объясняю всю католическую систему изъ юридическаго, тѣснаго понятія о свободѣ, и вы со мной согласились. Здѣсь, т. е. въ ложномъ пониманіи, вся ложность католицизма. Если бы можно было предположить на Западѣ обратный путь развитія, т. е. отъ доктрины католической къ жизни, тогда бы необходимо исказилась жизнь и католицизмъ не носилъ бы въ себѣ противорѣчія. Но раціональное развитіе, отправляясь отъ жизни какъ отъ даннаго, дошло до полнаго объ ней понятія, исказило ее въ догмѣ, но не въ явленіи, не въ ней самой.

Наша Церковь, строго различая въ себѣ эти двѣ стороны, признаетъ дѣйствительность католическаго таинства въ католикѣ, обращающемся къ православію, слѣдовательно отрекающемся отъ ложнаго католическаго пониманія. Католиковъ не перекрещиваютъ *) и въ этомъ наша Церковь совершенно вѣрна самой себѣ.

Но здѣсь можетъ возникнуть другаго рода вопросъ: вы допустите, что ложная доктрина можетъ не искажать жизни непосредственно, но искажая органы, черезъ которые льется эта жизнь, имѣетъ воздѣйствіе на самую жизнь, дѣлаетъ ее тщетною, безсильною. Часть Церкви, не захотѣвши быть въ духовномъ общеніи, своимъ отторженіемъ нарушила догматъ; вслѣдствіе этого нарушенія не удалился ли отъ нея Духъ Святой, не отвергнулъ ли ея посредство какъ недостойное орудіе. Въ такомъ случаѣ недѣйствительность таинствъ будетъ не прямымъ результатомъ искаженнаго догмата, но казнью Божіею, падающею на всю Церковь. Вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: ложное, вслѣдствіе личнаго заблужденія пониманіе таинства, дѣлаетъ

---

*) Предвижу возраженіе, но умолчу объ немъ до времени, хотя отвѣтъ на него готовъ. (*Прим. И. К.*).

ли ложно понимающаго неспособнымъ совершать оное? Если предположить себѣ весь Западъ какъ одно лицо, тогда католицизмъ въ общей судьбѣ Церкви явится намъ такимъ же искаженіемъ Христіанства въ личномъ пониманіи одного человѣка, какое въ православной Церкви представляетъ каждый развратный и вовсе не понимающій или криво понимающій попъ? Спрашиваю: наша Церковь подчиняетъ ли дѣйствительность таинствъ условіямъ нравственности и пониманія въ лицѣ совершающемъ. Если не подчиняетъ, то это только потому, что различаетъ въ себѣ равно какъ и въ католицизмѣ двѣ стороны—непосредственную жизнь какъ конченную и всегда дѣйствительную, и сознаніе постоянно развивающееся.

Католики, признавая въ своей Церкви, т. е. въ Папѣ развитіе конченнымъ, полное сознаніе, требовали такого же сознанія отъ каждаго лица, совершающаго таинства, иначе считали его недѣйствительнымъ. Вы были совершенно правы, приписывая такое ученіе католицизму. Такъ думали схоластики; въ этомъ духѣ формулированъ Канонъ XI, изъ VII засѣд. Тридент. Собора.

Si quis dixerit, in ministris, dum sacramenta conficiunt et conferunt, non requiri intentionem, saltem faciendi quod facit Ecclesia, anathema sit.

Итакъ православное ученіе о таинствѣ вытекаетъ изъ мысли о развитіи. Объясненіе католическаго догмата, высказаннаго въ XI Канонѣ, кажется мнѣ вѣрнымъ, впрочемъ я не стою за него.

Вотъ моя мысль. Есть еще нѣкоторыя частности въ вашей статьѣ, съ которыми я не могу согласиться, но я пропускаю ихъ, потому что онѣ прямо не идутъ къ дѣлу и увлекли бы въ сторону.

Въ послѣднее наше свиданіе, мы свели или лучше самый споръ свелся на одинъ общій вопросъ о сознаніи. Сколько я могъ понять изъ немногихъ словъ, вы различаете два момента въ сознаніи, принимая это слово еще въ новомъ значеніи, противъ обыкновеннаго. Если по прочтеніи моей статьи вы найдете, что точно на этомъ вертится нашъ споръ, я буду просить васъ изложить хотя кратко вашу мысль; но отвѣчать на нее не буду, боясь вступить въ сферу философіи, почти для меня чуждую.

Въ заключеніе, мнѣ остается повторить вами же недавно сдѣланное замѣчаніе о томъ, что высказанное противорѣчіе сближаетъ людей. Я съ своей стороны вполнѣ въ этомъ убѣдился.

ПРИМѢЧАНІЯ.

— **Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина** (стр. 1).—Напечат. въ „Московск. Вѣстн.“ 1828 г., ч. VIII, за подписью 9. 11 (т. е. И. К.).

— **Обозрѣніе русской словесности за 1829 г.** (стр. 14).—Напечат. въ альманахѣ Максимовича „Денница“ на 1830-й годъ.

— **Обозрѣніе русской словесности за 1831 г.** (стр. 40).—Напечат. въ „Европейцѣ“ 1832 г.

— **Русскіе альманахи на 1832 г.** (стр. 55).—Напечат. тамъ-же.

— **Горе отъ ума—на Московскомъ театрѣ** (стр. 58).—Тамъ-же.

— **Нѣсколько словъ о слогѣ Вильменя** (стр. 62).—Тамъ-же.

— **О русскихъ писательницахъ** (стр. 65).—Напечат. въ „Одесскомъ альманахѣ“ 1834 г.

— **О стихотвореніяхъ г. Языкова** (стр. 76).—Напечат. въ „Телескопѣ“ 1834 г., ч. XIX, кн. 3 и 4, за подписью: У—z.

— **Е. А. Баратынскій** (стр. 87).—Напечат. въ „Библіотекѣ для воспитанія“ 1845 г., ч. III, отд. 1, перепечатано въ „Русск. Арх.“ 1874 г., кн. II; въ 1-ое изданіе не вошло.

— **Жизнь Стефенса** (стр. 90).—Напечат. въ „Москвитянинѣ“ 1845 г. кн. 1, какъ вступленіе къ выдержкамъ изъ автобіографіи Стефенса.

— **Сочиненія Паскаля** (стр. 104).—Тамъ-же, кн. 3.

— **Публичныя лекціи проф. Шевырева** (стр. 109).—Тамъ же, кн. 1.

— **Сельское хозяйство** (стр. 115).—Тамъ-же, кн. 1, какъ предисловіе къ серіи статей Я. Линовскаго по сельск. хозяйству.

— **Библіографическія статьи** (стр. 119).—Тамъ-же, кн. 1, 2, 3.

— **Царицынская ночь** (стр. 147).—Впервые напечат. въ 1-мъ изд. См. выше, т. I, стр. 11.

— **Опалъ** (стр. 151).—См. слѣдующее примѣч.

— **Отрывокъ изъ романа: Двѣ жизни** (стр. 164).—Въ „Матеріалахъ для біографіи И. В. К.“ (см. выше, т. I. стр. 61) Н. А. Елагинъ говоритъ, что и этотъ „Отрывокъ“, и „Опалъ“ были написаны для „Европейца“, но напечатаны впослѣдствіи. „Отрывокъ“ былъ напечатанъ, за подписью: У-z, въ „Телескопѣ“ 1834 г. ч. XIX. Намъ не удалось опредѣлить, гдѣ появился впервые „Опалъ“.

— **Островъ** (стр. 172).—Впервые напечат. въ 1-мъ изд.

— **Мицкевичу** (стр. 210).—Впервые напечат. по-русски въ *Рус. Арх.* 1874 г., т. II, стр. 223; было напечатано латинскими литерами въ примѣчаніяхъ къ франц. изданію сочиненій Мицкевича 1872 года. „Передъ отъѣздомъ Мицкевича изъ Москвы въ Петербургъ въ 1828 году, въ квар-

тирѣ Соболевскаго на прощальномъ ужинѣ Мицкевичу поднесенъ былъ золотой кубокъ съ вышеприведенными стихами. На кубкѣ вырѣзаны имена: Баратынскаго, двухъ братьевъ Кирѣевскихъ, вотчима ихъ Алексѣя Андреевича Елагина, Н. М. Рожалина, Н. А. Полеваго, Шевырева и Соболевскаго“ (*Рус. Арх.* тамъ-же, стр. 224).

— **Хоръ изъ трагедіи Андромаха** (стр. 211).—Впервые напечат. въ альманахѣ „Денница“ 1831 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

2-го тома.

Второй отдѣлъ:

Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина..... 1
Обозрѣніе Русской словесности за 1829 годъ..... 14
Обозрѣніе Русской словесности за 1831 годъ..... 40
Русскіе альманахи на 1832 годъ..... 55
„Горе отъ ума“ на Московскомъ театрѣ..... 58
Нѣсколько словъ о слогѣ Вильменя..... 62
О русскихъ писательницахъ..... 65
О стихотвореніяхъ г. Языкова..... 76
Е. А. Баратынскій..... 87
Жизнь Стефенса..... 90
Рѣчь Шеллинга..... 92
Сочиненія Паскаля, изданныя Кузенемъ..... 104
Публичныя лекціи профессора Шевырева..... 109
Сельское хозяйство..... 115
Библіографическія статьи:
(Введеніе)..... 119
„Молитва Св. Ефрема Сирина“ „О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ“ } 123
„О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія“..... 127
„Фаустъ“, трагедія, соч. Гете, перев. М. Вронченко..... 128
„На сонъ грядущій“, соч. гр. В. А. Соллогуба..... 131
„Опытъ науки философіи“, соч. Надеждина..... 132
„Лука да Марья“, соч. Ѳ. Глинки..... 135
О романѣ О. П. Шишкиной „Прокопій Ляпуновъ“..... 142

Третій отдѣлъ:

Царицынская ночь..... 147
Опалъ..... 151
Отрывокъ изъ романа: Двѣ жизни..... 164
Островъ..... 172
Мицкевичу, стих..... 210
Хоръ изъ трагедіи Андромаха, стих..... 211

— II —

Письма:

1. А. И. Кошелеву, *4 іюля 1828 г.* 215
2. М. П. Погодину, *нач. 1830 г.* 216
3. П. В. Кирѣевскому, *16—21 марта 1830 г.* 217
4. М. В. Кирѣевской, *авг. 1830 г.* 220
5. А. И. Кошелеву, *янв. 1831 г.* 222
6. В. А. Жуковскому, *6 окт. 1831 г.* 224
7. А. И. Кошелеву, *1832 г.* 225
8. Ему-же, *6 іюля 1833 или 1834 г.* 226
9. А. А. Елагину, *мартъ 1834 г.* 228
10. А. П. Елагиной, *1836 г.* 228
11. В. А. Елагину, *1842 г.* 229
12. А. С. Хомякову, *10 апр. 1844 г.* 230
13. Ему-же, *2 мая 1844 г.* 232
14. М. П. Погодину, *кон. 1844 или нач. 1845 г.* 234
15. В. А. Жуковскому, *28 янв. 1845 г.* 234
16. М. П. Погодину, *нач. 1846 г.* 239
17. М. В. Кирѣевской, *17 марта 1847 г.* 241
18. Московскимъ друзьямъ, *мартъ-апрѣль 1847 г.* 245
19. М. П. Погодину, *мартъ-апрѣль 1848 г.* 248
20. В. А. Жуковскому, *весна 1849 г.* 249
21. А. И. Кошелеву, *20 февраля 1851 г.* 252
22. Ему-же, *весна 1851 г.* 253
23. Ему-же, *10 іюня 1851 г.* 256
24. Оптинскому старцу Макарію, *1852 г.* 258
25. Ему-же, *1852 г.* 259
26. Ему-же, *28 іюля 1853 г.* 261
27. Ему-же, *8 окт. 1853 г.* 262
28. А. И. Кошелеву, *15 окт. 1853 г.* 264
29. Ему-же, *13 окт. 1853 г.* 272
30. Ему-же, *окт.-ноябрь 1853 г.* 273
31. Ему-же, *1 іюня 1854 г.* 280
32. А. В. Веневитинову, *2 іюня 1854 г.* 281
33. Оптинскому старцу Макарію, *9 іюля 1854 г.* 282
34. Ему-же, *23 ноября 1854 г.* 283
35. А. И. Кошелеву, *17 іюня 1855 г.* 284
36. Ему-же, *26 іюля 1855 г.* 285
37. Ему-же, *13 авг. 1855 г.* 286
38. Ему-же, *11 ноября 1855 г.* 287
39. А. В. Веневитинову, *кон. 1855 г.* 289
40. Неизвѣстному 291

Примѣчанія 297